

**ДМИТРИЙ
ВСАТЕН**

**Оридония и род
Людомергов**

2017

Владия — срединная земля, волею богов лежащая между двумя враждующими континентами. Она соединяет их и этим уготовила себе тяжелую судьбу. Всякий раз она становится ареной битвы, будь то кровавые сражения дикарей или битвы магов. Ее обитатели: олюди, брезды и реотвы, саарары, грирники и эвры даже не подозревают о том, что вскоре будут втянуты в события, масштабы которых они никогда не поймут. Лишь некоторые из них будут иметь смутное представление о том, что произошло на самом деле. Людомар по прозвищу Сын Прыгуна никогда бы не подумал о том, что он невольно окажется в самой гуще кровавой безжалостной борьбы, и станет тем, кто сможет противостоять Злу, пожирающему Владию.

Дмитрий Всатен
Оридония и род Людомергов

Часть 1. Людомар из Чернолесья

Мир запахов. Трудно вообразимый, невидимый и оттого необычный и такой заманчивый. Иное измерение, определяющее предметы не по образам, контурам или теням, но по тонам, полутонам и оттенкам. Запахи передают время, они передают событие, его накал, его силу, его штрихи. Запахи доносят историю жизни: печальную или счастливую. Они указывают след, воспроизводят борьбу, каждый удар, каждую рану.

Мир запахов является миром более насыщенным, чем мир света и звуков.

Людомар остановился и неслышно глубоко втянул в себя аромат Черного леса. Его не смущал нестройный ряд плотно стоявших древесных стволов; он не замечал густого переплетения ветвей, лиан и разного рода вьюнов, подавляющее большинство из которых представляло смертельную опасность для существа из плоти и крови.

Он легко скользил сквозь непроходимую чащу, созданную переплетением бурелома и вьюнами. Утопая по пояс в кустарнике, взбиравшемся высоко вверх по стволам деревьев, он словно бы не замечал его.

Не глазами, но носом ощущал он то напряжение, которое исходило от растений вокруг. Они словно бы вглядывались в него, всматривались всеми листьями, колючками, шипами, бутонами и даже почками своих плотоядных цветов.

Ноги людомара жилистые и длинные были укутаны в сплошной покров выпуклых натянутых как стальные канаты мышц. Каждая из них трепетала в напряжении, ожидая всякий раз тот миг, когда нужно будет стремительно рвануться вперед, подпрыгнуть и начать преследование добычи.

Глаза людомара остекленели и подернулись легкой дымкой. Он не видел, но слышал и каждой клеточкой своего тела ощущал лес.

Несмотря на оглушительную тишину, которую хранила в себе чащоба, для охотника не составляло труда наблюдать за бурной жизнью, которая протекала всюду вокруг него.

Запахи. Они раскрывали ему картины жизни леса. Его трагедий и успехов, равно хранимых кронами тысячелетних свидиг.

Людомара не привлекали тона и оттенки запахов, ему нужны были едва различимые, еле-еле уловимые штрихи, расцветка, которую наносила жизнь на тело Глухолесья.

Внезапно глаза охотника моргнули, подбородок потянулся вверх и вбок, ухо невообразимо вытянулось вверх. Оно напряженно двигалось, постепенно сужая полукруг поисков. Людомар снова потянул ноздрями воздух и замер.

Замерло его тело, но не мысль. Она работала бурно и без остановок.

Перед глазами его вставало недавнее прошлое того места, где он стоял. Запах донес ему о том, что уфан — небольшой мохнатый зверек-осьминожка, походивший на таракана, еще совсем недавно вылез из-под куста дукзы, взобрался на корень свидиги и стал усиленно счищать с себя землю и листовенный перегной. Внезапно что-то привлекло его внимание, потому что уфан облокотился одной из своих лапок на ствол гиганта и надолго замер.

Людомар ясно слышал остатки страха животного, которые еле различимыми струйками скопились в нижней части кроны дерева. Уфан не любопытствовал, он боялся и боялся настолько, что в первые несколько мгновений оцепенел от ужаса.

Неизвестно сколько прошло времени, но зверушка была расплющена на том же самом

месте. Смерд ее внутренностей был различим явственнее всего. Дурманящим обволакивающим облаком он отрывался от коры свидиги и, слегка завихряясь, струился вверх по стволу.

Людомар зарычал, но зарычал так, как это делают людомары, так, что этот его рык был доступен только летучим мышам, запах которых долетал до него за много полетов стрелы. Никто больше в Глухолесье так не вонял, как эти поганые зверушки.

Уфана убил омкан. Это самый опасный хищник Глухолесья. Нет и никогда не было охотника приспособленного к убийству лучше, чем он. Шкура его состояла из чешуек тверже, чем камень, из-под которых длинными волокнами свисали бесцветные нити кожи. Когда ему нужно было замаскироваться, эти нити обретали силу и подобно щупальцам обнимали все близлежащее пространство, притягивая на омкана листву и кустарник. Когда же ничего подобного не было, то нити эти, становясь зелеными, черными или синими, сами образовывали природный ландшафт. Шесть ног, последовательно расположенных в два ряда на всем длинном теле, не имели пальцев, но их хватки были настолько длинными и сильными, что вполне могли обнять человеческую ногу и расплющить ее.

Самое страшное, самое смертоносное оружие омкана были не клыки, хотя и они имели место быть, но шипы, которыми бурно обросла вся его шея и часть головы. Он обрывал свои шипы, приклеивал их к своему языку и выбрасывал вперед. Языков у омкана было три: два из них облекали собой верхнюю и нижнюю челюсть, а третий — тонкий, длинный и очень липкий использовался для охоты. Никто не знает, когда омкан научился клеить свои шипы на кончик длинного языка, но это умение принесло ему неизменные преимущества.

Людомар сделал несколько шагов и присел на корточки. Так и есть. Его глаза разглядели в коре дерева едва различимый след от шипа омкана, а нос учуял его слюну и запах шипа. Как и всегда, после убийства омкан не оставял следа. Он поедал добычу вместе со своей иглой.

Охотник оглядел маленькую площадку, на которой оказался. Его нос жадно перебирал все без исключения запахи, которые были оставлены на ней. Здесь побывало много зверья, были даже птицы, только одного животного уже много дней не было на этой площадке — омкана.

Людомар еще раз посмотрел на след от шипа. Он воткнут так, что траектория его не могла не проходить через микроскопическую прореху между свидигами, поросшую густым ковром дукзы.

Глаза охотника стали шарить по полумраку пространства. Наконец, он смог выискать прореху между ветвями кустарника, откуда омкан метнул свой шип.

Запах подтвердил: хищник был там и долго ожидал.

Что же так настораживало людомара? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос, но некое чувство вдруг заставило его внутренне собраться и сжаться в такой комок, что заболели все внутренности.

Внутренний взор с быстротой вспышки воспроизвел сцену гибели уфана, отмотав ее еще дальше в прошлое.

Рык вырвался у людомара, рык слышимый всеми. Рык, разнесшийся в тишине на много шагов вокруг, что было для Глухолесья сродни мощному взрыву.

Рык еще не затих вдалеке, когда дернулась крона ближайшей свидиги и лишь слегка примятая листва дукзы напоминала о том, что мгновение назад на этом месте кто-то стоял.

Людомар никогда в жизни так быстро не бегал. Ветер свистел в его ушах, хлестал по щекам, врвался в нос, швыряя в него тысячи запахов.

Кроны деревьев, по которым он пробегал кряхтя прогибались под весом его тела, но привычные к подобному ступни охотника умело находили опору достаточную для того, чтобы сделать следующий широкий шаг.

Три шмуни безмятежно дремавшие до того на запястьях рук и голове людомара изо всех сил работали своими крылышками, перенося хозяина над прорехами в кроне свириг, высота которых иногда доходила до трех сотен локтей.

Охотник тяжело дышал. Уже солнце стало скрываться за горизонтом, а он все бежал прочь от того места, где услышал запах смерти уфана.

— Тя! Тя-я! — прохрипел он и шмуни тут же перестали перебирать крылышками и заерзали на его руках, устраиваясь удобнее.

Людомар, вмиг отяжелев, съехал, обламывая молодые ветви, на достаточно толстый сук, крепко ухватился за него и, прижавшись, долгое время стоял недвижим.

Отдышавшись, он с опаской посмотрел себе за спину. Вдалеке слегка заметно покачивались вершины свидиг.

— Омкан-хуут, — выдавил он из себя и ему показалось, что сотни невидимых глазу живых существ вокруг него вздрогнули, услышав это имя.

Охотник сел на сук, свесив ноги, снял со спины небольшую котомку, развязал ее, порылся и достал комок липкой жижи. Отщипнув три небольших кусочка, он огляделся, сорвал молодую листву, завернул в нее жижу и по-очереди покормил троих шмуни.

Жуки с удивительным для их лености проворством расправились с пищей. Оставалось подождать некоторое время, когда они наберутся сил. Как только сзади под крыльями жуков образуются желеобразные пузыри, можно будет снова пускаться в путь по кронам деревьев.

Пока же это было невозможно.

Людомары были слишком крупны, чтобы самостоятельно бродить по кронам. Без малого два метра роста мешали им делать это. Рост был одним из немногих недостатков этих почти совершенных охотников.

Людомары считали себя лучшими из олюдей, хотя и догадывались, что каждая раса, берущая начало от олюдей приписывала себе только лучшие качества. Однако для жизни в Великом лесу, а особенно для проживания в Чернолесье людомары могли дать фору и холкунам, и пасмасам, и даже дремсам. Хотя последние стояли с ними почти на одной ступеньке.

Нельзя сказать, что людомары были заносчивы, ставя себя выше всех, — нет, им было все равно до подобных сравнений. Они просто знали, что они лучшие и ни с кем себя не сравнивали. У них было слишком много забот, чтобы думать о подобных глупостях.

Пусть холкуны в своих смердящих ямах или брезды в каменных трубах, или пасмасы в норах думают о подобных честолюбивых сравнениях. Кто они есть по сравнению с людомарами и дремсами?!

Даже дремсы не думают о иерархиях и чистопородности, то людомарам тем более не пристало! У людомара есть множество неоспоримых преимуществ, имея которые можно

воздержаться от споров.

Людомар выше всех олюдей когда на одну, а когда и на две головы. Только у людомаров зрение, слух и обоняние развито не хуже, а иногда и лучше, чем у самых лучших охотничьих псов. Именно людомарам великий Владыка леса даровал тело достаточно стройное, чтобы скользить промеж стволов деревьев, растущих в Чернолесье на расстоянии не более одного локтя друг от друга. И только людомарам ведома лесная магия — тот тип и форма магии, которая зиждется только на созидании, на сосуществовании с природой.

За столетия своего существования людомары стали хранителями Чернолесья. Обитателями самых отдаленных его закоулков. Только благодаря им многие жители Чернолесья, не успевшие приспособиться к резко изменившимся окружающим условиям не вымерли, а продолжают жить. Они служат людомарам порой в таком качестве, о котором никогда никакая иная раса, произошедшая от олюдей, не могла бы даже помыслить.

Все эти верные служки людомаров несут свои вахты верой и правдой, так, как могут нести только животные: честно и без упреков.

Охотник снова принялся. Лес доносил ему такое невообразимое варево из запахов разной тональности и интенсивности, то даже нос людомара спасовал и отказался пытаться что-то разобрать в этой каше. Тогда людомар применил вторую силу, данную ему природой.

Его небольшие прямоугольной формы уши вдруг стали выдвигаться в стороны, вытягивая за собой кожу у мочек, и тянулись до тех пор, пока не достигли уровня затылка. Чутко прислушиваясь к тишине, людомар уловил копошение мелких животных внизу у корней дерева. Их было не меньше пяти. Такая большая компания никогда не проглядит и, тем более, не "прослышит" крупного хищника.

Погладив шмуни и заглянув им под крылья, людомар не нашел там жижицы, понял, что время еще есть и стал осторожно спускаться в чашу.

Яркий солнечный свет, правивший бал на вершинах крон; зной, опускавшийся с небес на Чернолесье уже в пяти метрах ниже уровня крон превращался в серость и прохладу, а на двадцати метрах превращался в полумрак и удушливую холодную сырость. У корней солнечные лучи и вовсе не видели, да и не ждали.

Пять небольших продолговатых телец лювов, перебирая четверкой длинных костлявых ног беспокойно мельтешили у выступавшего в сторону корня. Запах падали донесшийся от них, дал людомару понять, что пиршество почти подошло к концу.

Падаль в Чернолесье — это не нечто экстраординарное. Удивительным было то, что она пролежала здесь с раннего утра, т. к. от нее исходил запах голода. Все тот же нюх доносил, что падаль была молодой древоедной змеей.

Людомар снова нахмурился.

Вдруг удар потряс лес. Лювы и сам людомар вздрогнули от неожиданности. Слух без труда определил, откуда донесся звук, а также его источник. Это жижица в виде капли выскользнула из-под крыльев одного из его жуков.

Мгновение длилось это расследование, но его хватило для того, чтобы лювы исчезли под землей.

Пришло время продолжить путь.

— Омкан-хуут, — глаза людомары расширились, явив миру красивое сочетание разноцветья контура зрачка. Один в другом поселились в нем тьма ночи, золото рассвета, бирюза безбрежных небес и сухая серость приближающихся сумерек.

Людомар кивнул.

— Мы должны уйти, — сказал он.

Людомара прикусила губы, зажмурилась и отвернулась.

— Никак не остаться? — спросила она с надеждой в голосе.

— Нет. Он придет сюда. Надо уйти.

Ладомары были лучшими охотниками и самыми опасными хищниками леса, но перед одной опасностью они всегда пасовали. Эту опасность звали омкан-хуут. Омкан попробовавший олюдей. Никто не знал, откуда они приходили, потому что весть о пропаже охотника-людомара или дремса быстро разносилась по лесу посредством труб, а иные олюди, которые могли бы стать легкой добычей омкана никогда не заходили дальше Редколесья. Чернолесье среди них почиталось за обиталище злых духов и иной нечисти.

Омканы обитали в землях у Мертвого озера, что у Утробы Зверобога. Оба этих места: и озеро, и расщелина располагались в самом центре Чернолесья. Даже дремсы — вот уж на что вояки и любители приключений! — даже они не решались идти туда.

Омканы-хуут приходили оттуда. Их становилось все больше и больше.

Раньше жители Чернолесья слышали о подобных гостях раз в три поколения. Отец людомара рассказывал о них, как о сказочных чудовищах, описывал их повадки и хитрости. Именно по нему людомар опознал вчера присутствие омкан-хуута.

— Ты не мог ошибиться? Ведь ты его не видел. — Людомара закрыла ладонями глаза так, что ее иссиня-черные волосы, отливавшие зеленым, сползли на лицо и присела на скамью у небольшого узкого стола.

— Мы уйдем. Хочешь ты этого или нет. Держись за жизнь, не за донад.

— Я никогда не меняла донад, — проговорила она, захлебываясь слезами. — Я не знаю... — Она остановила плач и совершенно серьезно спросила: — А как его поменять? Где найти? Как все это делается?

— Не знаю, — пожал плечами людомар. — Дай мне в дорогу поесть. Я пойду к людомару Светлому.

— Да-да, — быстро оправилась она. — Иди к нему. Может быть, это и не омкан-хуут.

— Это он.

— Ты не знаешь. Спроси у Светлого, он скажет тебе... Ты возьмешь кого-нибудь из тааколов? Мне их покормить?

— Нет, я пойду с иисепом. Шмуни останутся здесь. Не корми их, я уже кормил вчера.

— Не забудь взять клибо. Мало ли что будет на пути.

— Да, я возьму его.

Людомар опустил на пол своего жилища. Усталость с невероятной тяжестью давила на его тело. Ноги, казалось, прирастали к полу и их всякий раз нужно было с усилием отрывать.

— Если Светлый подтвердит про омкан-хуута, то ты не иди в донад сразу, а зайди в смердящую яму. Спросишь там благовоний для Владыки. Их неси мне. Я буду уповать на милость Владыки и молитвой помогу нам найти новый донад.

— Хорошо, — снова с усилием выдавил людомар.

Глаза слипались. Подходило время сна.

Людомары могли не спать четверо суток, но после засыпали на два дня. Вчера закончились четвертые сутки, как охотник не спал.

Он и сам не заметил, как задремал. Из полусна его вывели маленькие ручки, вынырнувшие из тумана, застилавшего глаза и протянувшие ему небольшой мешочек.

— Ки, — произнесли рядом с ухом.

В нос его ударил приятный аромат, напоминавший парное молоко.

— Таакол, не дай ему уснуть. Он должен идти, — послышался голос людомары.

Людомар с трудом разлепил веки и посмотрел в добродушное квадратное и совершенно человеческое лицо таакола.

Тааколы много столетий исправно повсюду следуют за охотниками. Они не пригодны ни на что, кроме ведения домашнего хозяйства. Ростом они еле-еле дотягивают людомарам до бедра, не отличаются ловкостью, но расторопны, хотя передвигаются так неуклюже, что это более походит на перекатывание. Черты их лица мягки, и в каждом случае сохраняют неизменную квадратность: лоб, большой мясистый нос, синие глаза, подбородок, тельце и даже пальцы на руках и ногах, — все это правильной или почти правильной квадратной формы.

Кожа у тааколов бледная почти прозрачная, сплошь покрыта мягчайшим рыжеватобурым мехом, делающим их похожими на медвежат. Меха нет только на лице, кистях рук и за ушами, похожими на правильные квадратики.

Маленькие тааколы всегда пахнут молоком, потому что не могут питаться ни чем иным, и людомарам приходится держать в хозяйстве не менее пяти древесных коров — зогитоев, гусениц-веткоедов размером в небольшую собаку, и охранять их от хищных птиц.

У людомара проживало семейство тааколов состоявшее из четверых: трех взрослых и одного ребенка. Малыш и разбудил охотника.

Людомара во всю хозяйствовала у очага, перекладывая в него из кожаной корзины рочиропсы — фиолетовые и сиреневые кристаллы. Каждый из них она погружала в воду и кристаллы загорались ярким светом. Если вода попадала на них еще раз, они начинали шипеть и исходить паром.

Только так можно было готовить пищу. Только так можно было обогреться. По легенде подобное продлится до тех пор, пока боги не остудят свой гнев и ниспошлют на землю огонь.

Каждому олюдю была известна эта история. Она была первой из целой череды историй и сказок, которые рассказывали своим детям их матери.

Много веков назад, когда еще солнце могло спалить все, что было на земле; когда погреться можно было даже от растения, положив его в огонь, — в те далекие времена олюди, жившие повсеместно, безраздельно правили всеми землями. Не было ни доуенов, ни грирников, не было саараров, не было большинства тех рас олюдей, которые наличествуют сегодня. О тех первых Ярчайших олюдях говорили как о богах. Их приравнивали к Многоликому богу и ставили даже выше зверобогов. Говорят, они могли все: призывать огонь и лед, воду и песок, ураган и знойную тишь. Они уподобились богам и возгордились этим. Ярчайшие пошли против богов и за это были изведены под корень. Их земли были иссушены богами, а на местах благоухания былой растительности выросли теперешнее Чернолесье, Глухолесье, разлили свои ядовитые воды Сизые болота.

В тот день родился Зверобог. Земля раскололась, не в силах держать его внутри себя и

там, где нынче виден этот раскол — Утроба Зверобога, не растет даже Чернолесье, а там, где он уснул в первый день своего рождения и изрыгнул из себя кровь земли-кормилицы — там появилось Мертвое озеро.

С тех самых пор не знает земля огня. Все, что родит она не горит привычным всем огнем.

Те из Ярчайших, которые сумели выжить, спустились в неведомые до того гроты Заскалья, что у Немой реки и отыскиали там рочиропсы — кристаллы, способные согревать. Кристаллы в гротах были настолько большими, что не нашлось в мире ни одного механизма, ни одного животного, ни даже целого стада, которое могло бы их вытащить на поверхность. Потому их приходится крошить, что занимает всегда очень много времени.

С тех самых пор Заскалье у Немой реки охраняется Ярчайшими и их слугами — Белыми колдунами. Нет никому прохода в их владения, и всякий кто войдет туда без проса, лишается и зрения, и слуха, и становится беспомощным как дитя.

Потомки белых колдунов — доуены — с тех самых пор считаются умнейшими из умных. Их города ни один людомар никогда не назвал бы смердящими ямами, ибо по слухам там было так светло и чисто, как не бывает чисто даже в постели наибогатейшего купца из любого города любой расы в любой точке земли.

В то время, как доуены купались в тепле, остальные расы, появившиеся на землях Чернолесья и Загорья тряслись от холода. Прознав про это, некоторые из доуенов предали свою расу, похитили немало рочиропсов и бежали с ними в Чернолесье.

За это Ярчайшие и белые колдуны прокляли их, напустив на головы предателей черную бахромку или чернявицу — болезнь, страшнее которой нет на свете. Плоть бежавших каждый день гнила на половину ногтя и облезала со скелета черной бахромой.

Доуены, принесшие другим расам Чернолесья тепло и свет в ночи, с тех пор называются черными колдунами или чернецами. За годы они научились заговаривать проклятье и их тела гниют на дню лишь на одну сотую ногтя младенца.

Чернецы нашли иные кристаллы, которые дают тепло. Хотя все их называют рочиропсы, но бывают они не только фиолетовыми или сиреневыми, но и синими, голубыми и даже зелеными, желтыми и оранжевыми — эти самые плохие по теплоотдаче. Чернолесские кристаллы не идут ни в какое сравнение с загорскими по жару, но все же могут согреть.

Людомары обладали первыми кристаллами — сиреневыми и фиолетовыми, ибо охотников было очень мало, и жили они так долго, как живут четыре поколения пасмасов — самых простых из всех олюдей.

Людомар с трудом вывел себя из оцепенения и поднялся. Нужно собираться в дорогу.

****

Путь к донаду Светлого предстоял неблизкий. Людомары не любили друг друга и предпочитали жить как можно дальше один от другого. Часто между их жилищами было не менее двадцати дней пешего пути.

Ни один охотник не считал такие расстояния слишком большими. Их громадность

скрадывало Чернолесье, раскинувшееся от большой воды до большой воды. Никто не знал, сколько дней пешего пути нужно потратить, чтобы пересечь Чернолесье. Никому не приходило в голову поделить территории на феодалы или королевства. Лесные охотники просто внутренним чутьем осязали присутствие друг друга и уходили как можно дальше в сторону.

Отец как-то рассказывал людомару, что некто из дремсов много зим назад заявлялся к людомару Светлому и пытался выспросить мнение высоких охотников на сей счет, но из этого ничего не вышло.

Как бы то ни было, но людомары ни тогда, ни сейчас не задумывались над такими вещами, как территории, богатство, власть. Их жизнь была, с одной стороны, слишком тяжела, а с другой насыщена и привычна, чтобы думать еще и на такие отвлеченные темы.

Природа хорошо подготовила людомаров к жизни в лесу, поэтому они не роптали на сложности. Никто из них не знал, что такое лениться, болеть. Их кости и сухожилия были достаточно крепки, чтобы выдерживать удары и падения, а тело быстро избавлялось от паразитов и ран о клыков лесного зверья.

Это были свободолюбивые себе на уме обитатели темных лесных чащ, единственным жизненным маяком которых было не входить ни с кем ни в какие формы сношений, не путаться ни у кого под ногами, всячески не допускать, чтобы кто-то путался у них под ногами, и, наконец, жить в согласии с собой и Владыкой Чернолесья. Присутствие лесобога они видели на каждом шагу и привыкли подчиняться его едва уловимым повелениям.

Людомар доел хорошо прожаренного уфана, тщательно вытерся и поднялся на ноги.

— Повернись, я оботру тебя, — сказала людомара, и принялась скрупулезно исследовать тело своего друга на предмет насекомых, гнид и другого зверья.

Людомары были чрезвычайно чистолюбивы. В отличие от дремсов они старались оставаться незаметными даже на уровне запахов. Подобно кошкам людомары вычищали себя и умащивали тела различными травяными настояками только лишь для того, чтобы их присутствие оставалось тайным. Чернолесье не терпело разгильдяйства, и если дремсы защищались от лесных хищников своей многочисленностью, то людомары могли рассчитывать только на себя.

Людомара натирала охотника экстрактами йордона — древовидного безлистного растения произрастающего на границе Чернолесья и Редколесья. Именно туда намеревался идти людомар для встречи со Светлым.

— Таакол, принеси клибо.

Олюдь-медвежонок с криком "тике" неуклюже помчался прочь и через некоторое время вернулся с большим ворохом травы.

Мало, кто с первого взгляда понимает, насколько сильную защиту нашли для себя людомары в симбиозе с вьюном, имя которому клибо. Вьюны клибо произрастали давным давно в Редколесье. Они были плотоядны за что повсеместно подвергались изничтожению со стороны олюдей. И только высокие охотники сумели приспособить этих хищников для своей пользы (недаром именно их, а не дремсов называли "дети Чернолесья").

При хорошем питании вьюны достигали длины многих сотен шагов и толщины с ногу взрослого мужчины. Людомары сумели вывести вид клибо, который не достигал той силы, которая позволяла его диким собратьям передавливать сидока вместе с лошадьё в кровавую жижу. Мощные липучки, намертво прикреплявшиеся к жертве можно было снять только лишь отрубив лиану.

Таакол осторожно положил кучу вьюна перед ногами людомара и снова скрылся из глаз. Через мгновение он, впрочем, вернулся, неся под мышкой кожаный сверток, похожий на бревно.

Охотник, убедившись, что людомара покончила с его обтиранием, взял кожаное бревно и осторожно приторочил его к своему племенному заплечному мешочку. Потом он подошел к вороху вьюна и разделил его на две части: одну из них образовывал овальный плетеный щит, сделанный из тонких прутьев твердокаменного дерева сплошь увитых вьюном, а вторая часть свисала безвольно к его ногам.

Людомар быстро отыскал корни вьюна, очистил их от кусочков мяса и поднес к кожаному бревну. Вытащив нож, охотник разрезал бревно поперек и из-под кожи вылезло свежее мясо уфана, куда он погрузил корни вьюна.

Неожиданно, растение преобразилось. Его лианы в мгновение окрепли и даже зашевелились.

— Таакол, принеси ему еще два куска. Наш ждет долгий путь, — сказал охотник.

Подождав пока вьюн упьется свежей кровью и плотью, людомар водрузил на себя лианы растения, распределил их так, чтобы они равномерно скрывали его торс и часть ног.

Липучки растения тут же впились в его одежду. Улыбнувшись, охотник быстро провел ножом по одной лиане и весь его костюм вдруг сразу ошетинился мелкими иголочками и небольшими треугольными листочками.

Сам костюм соединялся со щитом одной единственной довольно толстой лианой, которая обвила прутья твердокаменного дерева и в точности повторила все те же движения, что и сам костюм.

Забросив мешок за спину и прикрыв ее щитом, людомар повернулся к подбежавшему тааколу. Тот подал ему еще два кожаных бревнышка и несколько маленьких плетенных коробочек. В одной из них кто-то недовольно копошился, в другой — предупреждающе жужжал. Коробочки заняли место на груди охотника, прилипнув к лианам.

— О, Владыка Чернолесья; о, Многобог; о, Зверобог! Уповаю на вас. Окропите ножи эти кровью добычи! Укрепите их дабы выдержали удары чужого оружия! — с этими словами людомара передала охотнику два небольших кривых ножа, которые он просунул между лианами по бокам. — Приклейтесь к рукам его, и не предавайте! Вернись ко мне таким, какой сейчас стоишь! — женщина передала людомару два широких и длинных ножа, которые он заткнул себе за пояс.

Повязав свои голени от коленей до ступней тонкими веревками: и защита, и нужда в веревках в лесу немалая — людомар притянул к себе женщину и дотронулся щекой до ее щеки.

— Иисеп, — позвал он.

Полы донада натужно застонали и на площадку перед домом вышло громадное животное. В холке оно достигало не менее полутора метров, было очень похоже на кошку, если бы не чересчур мощные передние лапы и худощавые задние. Морда у иисепа лишь верхней частью напоминала кошку, но там где у кошки есть маленький нос, у иисепа был большой раздвоенный надвое с четырьмя ноздрями. Привычной челюсти у него тоже не было. Внимательный наблюдатель заметил бы, что челюсть у иисепа было похожа на руку сильно согнутую в локте и занимала все пространство от груди через шею и под нос.

Ело животное очень непривычно. Его нижняя челюсть, подобно руке, тянувшейся за пищу, резко выскакивало из-под подбородка и своим окончанием с мелкими, но острыми

клыками словно рукой хватало пищу.

Людомара улыбнулась.

— Ему бы еще поспать, — подошла она к животному и потрепала его за микроскопическое ухо. Иисеп заурчал от удовольствия.

— В путь! — приказал охотник и животное, услышав эти слова, встрепенулось и слегка рыкнуло.

****

Пусть к людомару Светлому пролегал по тропе особо нелюбимой людомарами. Высокие охотники вообще не любили тропинки, т. е. пути, которые можно увидеть и на которых можно устроить засаду, поэтому охотник выбрал путь хотя и труднее, но короче.

Спустившись с верхней кроны мека — дерева, на котором находился дом — донад, он не стал спрыгивать на землю, а пустился в путь по нижним ветвям деревьев.

Он шел напрямую к своему фамильному соуну.

На закате он достиг его. Соун представлял собой старый тонкий ствол дерева, надлежащим образом очищенный изнутри. Он ничем не отличался от прочего бурелома, но те, кто знал, что это такое, могли в любое время прийти к нему и подудеть.

Людомары всегда откликались на зов соуна. Помощь людомара стоила немало, но и обращались к ним те, кому было уже нечего терять. Чаще всего это были родители-пасмасы близлежащих селений, дети которых забрели в Редколесье, а после и вовсе уходили в Черный лес, где их могли найти только людомары.

До соуна оставалось пройти всего несколько деревьев, когда оглушительный рев трубы сбил охотника с ветки и чуть не убил.

Людомары обладают очень тонким слухом. Они способны услышать копошение муравьев на расстоянии в десять шагов. Между собой они общаются так тихо, что другие олуди не могут их слышать даже, если приставить их уши прямо ко рту людомара.

Рев соуна был для охотника сродни удару обухом по голове.

Послышалось рычание и рядом с хозяином бесшумно спрыгнул с ветки иисеп.

Людомар встряхнул голов, выбивая из нее звон, поднялся на ноги и, слегка пошатываясь, пошел к соуну.

Рядом с трубой стоял низкорослый мужичок-пасмас. Это был узколобый широколицый и остро смердящий пасмас коих в округе проживало невероятное количество.

Мужичок хотел было еще подудеть, но охотник рыком его остановил.

Людомар остановился в дюжине шагов от человека, закрыл свои уши ладонями и спросил как можно громче для себя:

— Чего тебе?

— Ась? — не расслышал пасмас.

— Дул зачем? — заорал людомар и тут же охрип.

— Квава пропал.

Людомар нахмурился. Мужичок понял, что ответ недостаточен.

— Сынок мой пропал.

— Не кричи ты так. Он оглохнет жежь!

Словно из-под земли рядом с пасмасом выросла женщина и дернула его за бороду.

— Добрый людомар, — зашептала она, — наш сыночек пропал. Уж третий раз Владыка око свое открыл да нас лицезрел. Третий раз как не видели сыночка нашего, окаянного. Уж я грозила ему вдаль, уж я и поплакала, и к ведьмочке сходила. Прознала та, что в Чернолесье он. Один одинешенек. Страшно ему. — Голос женщины дрогнул и она сбилась. — Верни нам... его... людомар. От нас... от нас... век мы тебе... — И она зарыдала в голос.

Охотник ничего не успел сказать, как она подошла к нему и протянула грязную рубашонку. От нее за версту несло терпким потом, мочой и фекалиями.

Мозг людомара пережил второй после рева трубы шок, столкнувшись в подобным ароматным букетом.

— Его это накидочка... Помоги... помоги, добром да светом-теплом тебя прошу... миленький... помоги. — Она снова заревела.

Охотник кивнул, но тут же вспомнил, что надо идти к Светлому и... снова кивнул.

Дети рождали в душе любого людомара некую странную формацию чувств и ощущений, которую и через века невозможно будет описать даже приблизительно. Эти переживания можно сравнить только с тем, как калека переживает об утрате части плоти или как некто нежно любит то, чего у него никогда не было. Людомары не могли разродиться от любви между собой, потому что сама раса людомаров была побочной ветвью похотливой страсти доуенов и дремсов. В том было их проклятье.

Никто не знал, чего эротичного находили просветленные доуены в грязных дремсовских женщинах, одетых, как и их мужчины в шкуры, но это имело место быть хотя бы потому, что существовали людомары.

Высокие охотники и мумы — плоды любви пасмасов и тааколов — были двумя расами, которые не воспроизводились.

Людомары не знали детей. А те немногие, кому посчастливилось найти ребенка-людомара, считались самыми счастливыми олюдями в Чернолесье. Таковым был отец охотника — Прыгун.

— Где он пропал? — просил охотник.

— Был с ним вот у рытвины. Они собирали шкуры.

— У смердящей ямы?

— Где? Да, да, у ямы, у города. Он там, — она махнула себе за спину.

— Я пойду сам. Идите домой.

Все время разговора, мужичонка позади женщины стоял словно бы робея, исподлобья смотря на жену и теребя бороду. Людомар уловил его взгляды и понял, что женщину нынче ждет взбучка за то, что влезла в разговор.

Фыркнув и прочистив нос, людомар бегом бросился в сторону города.

****

Охотник без труда нашел выгребную яму подле городских стен. От города — недаром людомары называют олюдские города смердящими ямами — во все стороны расходился

терпкий запах, замешанный на таком количестве "ароматов", от которых мозг охотника приходил в обонятельное неистовство.

Запах отца семейства он запомнил прекрасно. Он не знал, чем от него пахло, но тонкий приятный аромат, не присущий пасмасу от него все же исходил. Еще одним кодом мужичонки была рана на ноге, которую людомар почувствовал сразу. Она давно гноилась, и мужичок прикладывал к ней пережеванные стебли пухтана. Судя по тому, что трава начала разлагаться, примочку он не менял давно.

Подле выгребной ямы копошилось много народу. Появление людомара в их рядах произвело на олюдей примерно такое же впечатление, как явление Божества народу.

Десятки бородатых чумазных лиц вытянулись в удивлении.

С трудом подавив в себе отвращение ко всему и всем, охотник несколько раз прошелся вокруг ямы пока не уловил запах гниющей травы.

Он увел его в сторону от ямы к старой покосившейся хибаре почти вросшей в землю. Это оказалась харчевня для сельского люда.

В столь поздний час она была до отказа набита посетителями.

Людомар благоразумно не решился входить внутрь хибарки, прошелся вокруг и к своему удивлению, в одном из углов, образованных харчевней и погребом, уловил тот же самый нежный сладковатый запах, который исходил от мужичонки.

Внезапно ему в нос бросился запах, от которого кровь в жилах закипела так, словно внутри него бросили все рочиропсы этого мира.

Людомар почувствовал запах эвра.

Невольный рык вырвался из его груди. Никого из олюдей людомары не любят больше, чем эвров. Говорят, что эвры проживают на некоем уступе, вдающемся далеко в море. Их земли богаты, а города велики и удивительны.

Несмотря на все эти чудеса во всей Владии нет народца хуже, чем эвры. С виду глупые, ожиревшие и бледно-серые, как поганки, эти олюди отличаются удивительной живучестью и ничего не любят больше, чем отведать плоти олюдских детей. Нет, они не каннибалы, хотя и ведут свой род от грирников — вот эти уж чистейшие олюдоеды! Их культура развилась так, что страсть к поеданию была заменена неумемной страстью к пресыщению в плане плотских усад.

Сперва они воровали детей: всех подряд. Но после, когда достигли достатка, стали заявляться в менее зажиточные земли Владии и покупать детей у бедняков.

Как рассказывали те немногие, которые вернулись оттуда, дети служили им вместо жен. Притом, что в виде женщин они использовали как мальчиков, так и девочек. Когда же ребенок достигал зрелого возраста, они отпускали его, но единицы возвращались в прежние места. Подавляющее большинство занимало место эвров.

Эвры вымирали, ибо были не способны любить великовозрастных особей. Их тянуло к детям. Жили они, как говорят, мужчина с мужчиной, женщина с женщиной. Оттого и становилось их меньше, и воспроизводились они таким удивительным образом.

Людомар напал на след старого эвра. Он знал это. Он мог даже приблизительно описать его внешность.

Два дня не зная ни сна, ни отдыха людомар преследовал эвра. На одной из его остановок, охотник ощутил запах детских фекалий, дикого ужаса и тот же самый тонкий сладкий аромат, который исходил и от мужичонки.

Кровь вскипела в жилах охотника. Уже седьмые сутки он не знал ни минуты покоя,

стремительно несясь на спине иисепа вслед за эвром.

Он нагнал эвра на повороте дороги, в нескольких полетах стрелы от очередной смердящей ямы.

Эвр тяжело шел вперед, ведя за руку маленького мальчика лет шести. Эвр представлял собой довольно крупного детину, грузно припадающего на правую ногу. Его лицо было заплывшим от жира, а потому походило на расплавленную грушевидную массу. Во всю дорогу, во всю округу, а людомару показалось, что и во все Чернолесье разносился сладковато-приторный запах его тела.

Охотник тут же свернул в сторону и некоторое время шел относительно далеко от эвра. Дождавшись, когда на дороге не окажется никого, кроме них, он стремглав приблизился к нему.

Окрестности сотряслись — так показалось людомару — от клокотания, которое вырвалось из живота эвра, когда тот увидел перед собой охотника и иисепа.

— Что такое? Почему вы загораживаете мне путь? — сделал вид, что удивился он. Его маленькие глазки испуганно уставились на охотника, а нос продолжал трястись даже и тогда, когда он перестал говорить.

Старательно закрывая уши, людомар приказал ему вернуть мальчика.

— Я его не крал. Вас обманули. Я его купил, — вот тут уж эвр действительно удивился, но оставался неизменно вежлив и предупредителен: — Скажи ему, малыш, я не крал тебя.

— Кто тебе его продал?

— Его отец. Он отдал его за три рочиропса.

— Когда это произошло?

— Когда? Когда... м-м-м... три луны назад... или четыре... впрочем, недавно. У харчевни было, что у стен Онеларка. Это туда идти нужно...

— Я знаю, где Онеларк. Ты врешь. Его отец сказал мне, что ты украл мальчика.

— Он сказал неправду, уверяю вас. — Нижняя челюсть дородного эвра затряслась. Колыхания пошли и по второму и третьему подбородку. Все-таки эти чудовища в олюдском обличье с легкостью могли казаться милыми и покладистыми существами.

— Папа отдал меня, — подтвердил неожиданно мальчик. Он был очень грустен. Его заплаканное лицо содержало следы недавних побоев и грязные разводы.

— Вы слышали, ребенок не врет. Пасмас отдал мне его... и немного себя, — вдруг не удержался и скокетничал эвр. — Он оказал мне очень полезную услугу... там. Мы договорились, что отца сменит сын... а потом он продал его, но с обещанием, что мальчик будет жить хорошо. Я пообещал и сдержу слово... обещаю еще раз...

Мальчик неожиданно сморщился и потрогал рукой себя сзади.

Глаза людомара застила пелена. Он оскалился.

— Малютка, взгляни, как птичка сидит вон там. Видел ли такую когда? — неожиданно обратился к ребенку эвр.

Едва мальчик отвернулся, лицо эвра словно бы съехало на лоб, а его прежнее место заняла огромная пасть, утыканная острыми клыками. Это преображение было бы неожиданным для любого, но только не для людомара. Он не придал никакого значения, что эвр с лицом добродушного толстого щенка вдруг явил собой пасть чудовища.

"Не подходи. Оставь меня. Иди вон", — беззвучно проговорил эвр.

Мальчик обернулся к ним и оскалы мигом сошли с их лиц.

— Хорошо, я вижу, что ты говоришь правду, эвр. Покажи, где твой дом и я уйду, —

обратился он к мальчику.

— Вон там, — указал тот в правильном направлении.

Ни ребенок, ни эвр не уловили стремительного движения иисепа, которому людомар дал команду на атаку. Не издав ни звука эвр умер и был стащен с дороги.

Мальчик снова обернулся к людомару и стал молча оглядываться по сторонам.

— Где Пукки? — спросил он боязливо. — Мне нельзя без него. — Он снова потрогал себя сзади.

— Он ушел.

Мальчик еще несколько раз повертел головой и расплакался от радости.

— Верни меня к маме, людомар... пожалуйста, верни... — бросился он к охотнику.

— Идем, — кивнул ему тот.

Они пошли по дороге, а после и вовсе запрыгнули на выехавшую из полей телегу. И никто, никто, кроме людомара не слышал и не чувствовал, как далеко в поле, вместе с ними тяжелой поступью шел иисеп, сжимая в челюстях полу съеденное тело эвра.

****

Возвращение ребенка не оказалось радостным, как ожидалось. Мужичонка, протрезвев и поняв, что вместе со своей честью он продал у харчевни и честь сына скоро повесился, от чего его жена пришла в еще большее отчаяние. Она билась в истерике в тот момент, когда людомар вошел в покосившуюся хатенку.

— Ой, что же ты наделал-то! — набросилась она на сына. — Папку свел в могилу! — С этими словами она со всей своей бабьей дури начала хлестать ребенка по щекам.

Людомар стоял с заткнутыми пробками ушами и с удивлением смотрел на нее. Охотнику трудно понять то множество эмоций, которые часто охватывают пасмасов. Собственно этим да еще своей грязнотой и бедностью они и знамениты.

Даже рассказ о том, что мальчик никуда не сбегал, а был продан отцом за кристаллы тепла ничего не изменил. Потеряв кормильца, женщина вконец обезумела.

Разум ее просветлел лишь в миг, когда глаза натолкнулись на людомара.

— Ничего не дам! — не своим голосом заорала она. — Прочь! Ничего не получишь!

— Нельзя так, Дорива! — зацыкали на нее со всех сторон.

— Нечего мне ему дать. Нет у меня ничего!

— Надо отдать. Не то вернется он и скот наш порежет.

С чего пасмасы взяли, что людомары мстительны никому доподлинно неизвестно, но факт оставался фактом: людомары не испортили ничего ни одному пасмасу, но этого словно и не было — все обвиняли их во вредительстве.

Людомар развернулся и хотел было уходить, но старая и дряхлая старуха в грязном рубище остановила его, преградив путь:

— Уходя — не уйдешь, возвраться — не вернешься! — крикливо припевала она, подпрыгивая. — Убереги нас, Зверобог, от возврата слуги твоего на веки вечные с дурными мыслями. Не уходи от нас, — по-доброму обратилась она к людомару, — а коли пошел, так возьми от нас. Не можем делиться ничем, так хоть плотью своей поделимся с тобой. Возьми

вот нас в ней.

Из-за старухи к людомару вытолкнули малюсенький комочек, смотривший на него широко открытыми от ужаса глазами. Комочек дико трясся.

— Сиротка она. Не взыщи. Боле не знаем, что отдавать. Нету у нас боле ничего! — с этим старуха, подпрыгивая, отошла от него.

Людомар рыкнул, развернулся и пошел прочь.

Маленький комочек под науськивание и угрозы поселян заспешил за ним.

****

Пасмасский ребенок в Чернолесье сродни табуны дико вопящих ишаков в степи — слышно отовсюду и видно всем. Его шаги для слуха рядового обитателя лесной чащобы был слышим примерно так же, как громыхание молота о наковальню для слуха простого олюдя.

Раздосадованный и сильно уставший людомар, сморенный многодневным бодрствованием и тревогами, которые вселил в его душу омкан-хуут, не сразу заметил, что малышка преследует его.

Его оглушил ее вскрик, когда перед охотников, словно бы из-под земли вырос иисеп. Огромное пузо, забитое съеденным эвром делало и без того неприветливый вид животного ужасающим.

Писк из-за спины заставил людомара вздрогнуть и обернуться. Не будь он уже девятые сутки на ногах, они никогда бы не допустил такого промаха. Не заметить пасмаса позади себя для охотника то же самое, что самому забраться в пасть омкана.

Иисеп выглядел очень ленивым. Он хорошо выспался за то время, пока отсутствовал его хозяин.

Людомар посмотрел ему в глаза и приказал подобрать ребенка.

Понимание между людомарами и иисепами веками совершенствовалось, и достигло уровня тончайшей интуитивной связи.

— А-а-а! — закричал ребенок, когда громадное для него чудовище стало приближаться.

Не зная, что делать, девочка с удивительной для нее быстротой метнулась вперед и затерялась у ног людомара. Не успел он опомниться, как ребенок с несвойственной его годам проворностью взобрался на высокого охотника и повис на поясе.

Людомар осторожно снял девочку с пояса. Она была настолько маленькой, что умещалась у него на ладони.

Их глаза встретились: ясные светлые испуганно-наивные глаза ребенка и взгляд лесного хищника, хоть и с олюдским лицом.

Говорят, что многих олюдей завораживает взгляд людомаров. Глаза охотников радужны и этим самым необычайно красивы в понимании не лесников.

Ребенок, несмотря на свой испуг, также замороженно уставился на него и даже приоткрыл свой крошечный ротик.

Отставив руку подальше — людомар не переносил естественный запах пасмасов — он критически ее оглядел. По всему выходило, что нужно возвращаться домой. Однако сразу же за этой мыслью всплыл образ омкан-хуута. Людомар невольно сжал губы и глухо зарычал.

— Не бойся иисепа. Он мой друг. И твой тоже... — проговорил охотник и посадил девочку на холку зверя.

Он думал, что она начнет кричать, но ребенок на удивление быстро поверил его словам, удобно устроился в гладкой шерсти иисепа, превратившись во вторую холку и тут же уснул.

Впервые за много дней все вроде бы разрешилось хорошо. И хотя даже сопение девочки было громким для Чернолесья, но путь к людомару Светлому лежал не в сам лес, а на его окраину.

Оранжевые кущи, где проживал Светлый, сплошь состояли из зарослей йордона — пучкообразного безлистного дерева, привлекавшего стариков-людомаров тем, что его ветви были очень густы, прочны и прямы, что облегчало труд строительства донадов. Свои донады они по старинной традиции оставляли молодым охотникам.

Людомар прошел еще пару километров и остановился. Дальше идти не было сил. Он остановился, постоял в раздумье и резко свернул в сторону. Найти листья фриира не представляло большого труда. Сжевав несколько веток с этими листьями, людомар почувствовал, как силы стали прибывать.

Еще двое суток он безостановочно бежал в сторону Оранжевых кущ.

****

Издали он заметил заросли йордона, к которым стремился все это время. Со стороны они напоминали проплешины на голове старика и сверкали своей желтизной на сочном фоне зелено-синей растительности Чернолесья.

Редколесье, по которому шли людомар и его спутники, кишмя кишело всякой живностью.

Почти у самых Оранжевых кущ людомар услышал слабое:

— Кхи-кхи!

Он остановился и обернулся на звук.

Девочка лежала на холке иисепа и изможденным взглядом смотрела на охотника.

Людомар фыркнул: он совсем забыл про наличие ребенка. Испуганная бедняжка не ела и не пила два дня, но, в конце концов, голод и жажда победили страх и она решила напомнить о своем существовании.

Жаль, что под рукой не было ниуса. С помощью его мелких дротиков с паралитическим ядом на конце людомар бы без труда добыл птицу или мелкого зверя. Теперь же, здесь в Редколесье да еще при свете солнца будет очень трудно добыть еды.

От необходимости покормить малышку сознание людомара вмиг прояснилось. Самое простое, найти ей питья. Это было не сложно. Сок йордана сладок и очень питателен, хотя охотник не знал, пригоден ли он для пасмасов. Но попробовать стоило.

Первым делом людомар тщательно обнюхал ребенка, пытаясь дотянуться до запахов из ее кишок: что она ела последний раз. От нее пахло прокисшим молоком и забродившим хлебом. Этого в редколесье никогда не найти.

Подумав еще некоторое время, людомар принялся действок жуков и иных насекомых, которые девочка брезгливо отвергла. Охотник с удовольствием съел их сам. И лишь к вечеру

повезло добыть нескольких ящериц, вылезших погреться на солнце.

Завидев эту добычу, девочка заулыбалась, ловко скатилась со спины иисепа и вытащила из-за пазухи рочиропс. Он был замызган и очень грязен. К тому же зелен, что говорило о его низжайшем качестве.

— Пфу! — показала она, что плюет на него. — Пфу! — и протянула охотнику. Тот плюнул на кристалл.

Тихое шипение со временем превратилось с пышущий жар.

Девочка снова взобралась на людомара, без спроса вытащила с его бока кривой нож-клык и поделила ящериц на мелкие кусочки. Каждый из них она принялась зажаривать и тут же есть. Куски, причитавшиеся людомару и иисепу, она аккуратно раскладывала в стороны от себя.

Иисеп с интересом втягивал запах жаренного мяса, но по взгляду охотника понял, что ему нельзя подходить к девочке, ибо одного взмаха языка было достаточно, чтобы слизать не только кусочки мяса, но и самого ребенка.

— Людомар, ты ли так зовешься?! — раздался голос позади охотника.

Тот резко обернулся.

— А-а, это ты, Сын Прыгуна, — Светлый, появившийся в нескольких десятках шагов от троицы, быстро подходил к очагу.

Девочка подняла голову, быстро окинула взором лица людомара и иисепа, заметила спокойствие на них, и не нашла причин самой беспокоиться.

— Ты в Редколесье, не забывай это. Чернолесье сокроет тебя и твои следы. Даже мой старый нос учуял запах жаренного.

Светлый мало чем отличался от людомара. Может быть был немного выше него. Людомары все на одно лицо. Почти.

— Что произошло? Почему ты здесь? — спросил Светлый. — Ты оглох?

— Нет, людомар... Я не оглох. Я устал. С последнего дождя я не сомкнул глаз.

Светлый остановился, оправил пепельного цвета волосы — лишь настолько иссиня-черная шевелюра людомаров могла выцветать к старости — и внимательно посмотрел на охотника.

— Я знаю с чем ты пришел. Иди за мной.

Приказав иисепу приглядывать за малышкой, охотник направился вслед за старцем.

****

Подходя к йордону, на котором стоял донад Светлого людомар почувствовал присутствие другого охотника. Через некоторое время он заметил две ноги, высывавшиеся из-под ближайшего куста.

— Спит, — сказал старец не оборачиваясь.

Они поднялись на верхний ярус ветвей.

Донад Светлого не представлял собой ничего особенного. Обыкновенное жилище старика: пяти шагов хватило бы, чтобы пройти его вдоль, и еще столько же — поперек.

— Наш народ уменьшается, — со вздохом перемешанным с кряхтением произнес

старик, усаживаясь на сук дерева, удачно расположившийся в доме и заменявший ему скамью. — Почему ты не присядешь?

— Я усну. Говори свое, а потом я скажу, зачем пришел.

— Ты зол. Ты не спал. Если все так, значит и ты видел омкан-хуута.

Охотник кивнул. Неожидано его пошатнуло. Ноги подогнулись, и он оперся спиной о стену донада.

— Тот, который спит внизу, — тут же перешел к делу старец, — его зовут Темный лист. Он пришел ко мне по вчерашнему солнцу. Он рассказал, что перед дождем столкнулся в Чернолесье с омкан-хуутом у Прозрачного ручья, там, где Камень крови поддерживает кумира Зверобога. Он видел останки дремсов. Они свалены в кучу неподалеку от Камня, в чаще. Где видел зверя ты?

— Три солнца прочь от донада по тропе к Мертвому озеру.

Старик нахмурился.

— По всему выходит, что за один переход омкан-хуут прошел столько, сколько не преодолет и самый лучший из нас.

Это замечание было верным: между двумя местами встречи было не меньше двенадцати дней пути. Даже лучший из охотников не смог бы преодолеть это расстояние за один день, в который шел дождь.

— Их двое, — сделал за него вывод Сын Прыгуна.

— Нет, такое не может быть. Чернолесье не выдержит двух омкан-хуутов. Они пожрут нас и все живое, что здесь есть.

— Тогда нужно убить их.

Оба: и старик, и охотник вздрогнули.

— Прости, Светлый, что пришел к тебе без спросу, но мое дело не терпит.

В донад протиснулся детина, от которого за версту разлило терпким запахом пота и перегнившей еды. Он был огромного роста, одет в толстую шкуру. Голову и лицо его прикрывала густая шевелюра из волос и бороды. За спиной его висел толстый круглый щит, сплетенный из прутьев твердокаменного дерева, в руках детина сжимал два топора. Еще один, почти алебарда, висел у него за спиной. К поясу был приторочен широкий короткий нож.

— Ничего... ничего, — поднялся старик и улыбнулся: — Мы, людомары, к концу жизни становимся общительными. Нам в радость говорить с другими и многое приятно, что в молодости нашей было отвратительно. Заходи, Плакса.

Плакса покосился на Сына Прыгуна.

— И ты ко мне пришел с той же новостью?

— Если ты говоришь о громадных древовидных змеях, то да, я с этим, — кивнул он.

— Какие змеи? — спросил старик, усаживаясь удобнее.

— Мигрон прислал меня к тебе. Ты помнишь его?

— Помню. Мы встречались и не раз... Как поживает его сестра... кажется Зорона ее звали.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Плакса. — Все наслышаны о вашем споре. Хорошо же ты его надул. Он до сих пор рассказывает нашим детям про этот случай и наказывает не верить людомарам.

Светлый улыбнулся.

— Ты говорил про змеев, — напомнил он.

— Да, после дождя к Мигрону пришли наши охотники, а после них выходил он прочь из деревни. Когда вернулся, то призвал меня и послал к тебе. — Плакса замолк, прокашлялся и, глубоко вдохнув, начал говорить:

— Роды Чернолесья в дождь лишились шестерых охотников, а те, кто вернулся, говорят о том, что повстречали гигантских древовидных змей. Те, дескать, и потаскали охотников. После дождя тех змеев и след простыл, а мы не знаем, что делать. Как теперь жить с Черным лесом. Я узнать хочу, не означало ли это, что Зверобог прогневался на нас?

Старик качал головой, в такт рассказам Плаксы, а когда тот окончил, долгое время молчал. После этого встал и ушел прочь.

****

Людомар спал долго и с таким наслаждением, с каким спят только малые дети. Когда он проснулся, то почувствовал, как слюна сладкого сна засохла на его щеке.

Перед глазами стояла пелена. Когда она разошлась, он увидел лицо другого людомара. Тот с интересом наблюдал за охотником.

Сын Прыгуна быстро сел, а потом вскочил на ноги. Пора было пускаться в обратный путь. Слишком многое предстояло сделать.

До его слуха донесся детский смех. Примерно в двух полетах стрелы от доната Светлого играли девочка и иисеп. За время его сна оба сдружились друг с другом с такой силой, словно бы были знакомы с младенчества.

Людомар потянулся, захрустев всеми костями и сухожилиями.

Путь домой затянулся лишь на пол дня. Это срока хватило людомару, чтобы зайти в смердящую яму и захватить порошка для женщины. Он не понял как, но ему еще всучили и идол Зверобога в виде разинувшего пасть чудища.

Проблема с прокормом малышки разрешилась сама собой. Иисеп вошел в интуитивный контакт и с ней, и заведомо знал, когда ей хочется пить, есть и справить иные нужды.

Лишь тогда, когда они подошли к Чернолесью, малышка заставила всех остановиться, потому что захныкала, поняв, что ее ведут во мрак. Пришлось взбираться на самый верх кроны для того, чтобы девочка не теряла связь с солнцем.

— Тссс! — наказал ей людомар, хотя это и было излишним.

Восторг ребенка по поводу того, что его вознесли на сотню метров к небесам быстро истощил силы и вскоре девочка крепко спала.

До дома Сын Прыгуна добрался без каких-либо заминок.

— Ты! — улыбнулась людомара и обняла его. От нее пахло жареным мясом и лесными пряностями. Вопреки мнению окружающих, Чернолесье, при умелости, давало столько всего для жизни, что ее можно было назвать даже и роскошной.

Женщина заглянула к нему в глаза и быстро изменилась в лице.

— То был людоед? — Ее интонация чуть-чуть не дотянула до вопроса. — Людоед. — И она разочарованно оглядела свою вотчину.

Донад Сына Прыгуна не шел ни в какое сравнение с донатом людомара Светлого. Это была просторная площадка, прочно закрепленная на застывшем древесном клее и паутине

окрунистых великоногих пауков — созданий безобидных, но трудно уловимых. На ней хватало места и самому дому, сложенному из сухих веток, обвитых несколькими слоями вьюна и прикрытых сверху аккуратно притянутой кроной дерева, и хозяйственному двору, располагавшемуся промеж четырех веток, где паслись и молочные гусеницы, располагалось лежбище иисепа, произрастало несколько сортов пряных трав и иных полезных в быту растений. Все это было нажито долгими годами упорного труда. Людомуру было легче покидать это жилище, потому что охотник меньше привязан к постоянному месту, но он ощутил неясное растройство, рассмотрев в глазах женщины слезы.

— Я поем и уйду.

— Будешь искать новый мек?

— Да. Светлый научил меня многому, что нужно.

— Тогда иди поешь и в дорогу.

— Ессь. Ессь хосю.

Оба вздрогнули. Глаза людомары широко открылись. Она с опаской заглянула за спину охотнику, так, словно на его спине сидела опасная тварь.

— Это пасмасский детеныш, — вспомнил людомар и прошел к столу.

— Ты украл их детеныша? — изумленно проговорила женщина.

— Нет. Мне его заплатили.

— Детенышем?

— Да. Я вернул им одного. Они мне дали... этого. Не волнуйся. Его нужно хорошо отмыть... пока. Я продам его дремсам, когда уйдем отсюда. Ему не место с нами. Он громкий. — Людомар почесал затылок, вынул оттуда какую-то гниду и съел. Потом взял большой кусок жаренного мяса и жадно впился в него своими полузубами полуклыками.

Женщина принялась и пошла в сторону иисепа, который стал отчего-то отступать от нее.

— Се-е... Пить... хосю пить.

Краем глаза людомар наблюдал, как маленькие белые ладошки взвились над холкой зверя и ударили его. Девочка не только не боялась, она уже даже не просила, но требовала поеть и попить. Окончательно обвыклась.

— Иисеп, стой. Куда ты пятишься? Отдай ее, — подошла женщина к зверю.

— Р-р-р-р, — неожиданно донеслось от него.

Людомара остолбенела. Иисеп никогда не рычал на нее. Удивило это и охотника.

— Иисеп, отдай ей детеныша.

Спорить с хозяином зверь не решился и людомара наконец-то заполучила ребенка в свои руки.

Едва девочка оказалась близко к женщине, она тут же намертво вцепилась в ее волосы и с силой потянула.

— Что ты делаешь? — вскричала та, а ребенок от всей души расхохотался:

— Впеле-е-ед... ессь... ессь...

— Отпусти. Людомар, она непонятная.

Охотник поднялся с места и подошел к ним. Девочка тут же приняла самый смиренный вид. Она отпустила волосы женщины и во всю ширь улыбнулась ему. Едва он отошел, она пнула ножкой людомуру по руке и уже двумя руками вцепилась в прядь ее волос.

— Ай! — встрепенулась та. — Пусти же!

— Говори громче. Пасмасы плохо слышат... очень плохо, — пережевывая куски мяса

прочавкал охотник.

Бросив часть еды иисепу, он пошел собираться в дорогу.

Войдя в удлинённый угол одной из двух комнат, он протянул руку и вытащил толстое древко. Древко оканчивалось виловидным наконечником состоявшим из двух острых как бритва кинжалов. Это был знаменитый людомарский хар. Традиционное оружие, которое выделяло людомаров из всех олюдей. Его толстое древко содержало внутри себя два небольших дротика и ниус — плевательную трубку, с помощью которой тихо убивалась мелкая дичь. Взял людомар и исконное оружие дремсов — обоюдоострый топор с длинным топорщиком.

Покончив со сборами он вышел вон, даже не распрощавшись с людомарой, занятой борьбой с цепким пасмасским ребенком.

****

То, что посоветовал ему Светлый не шло ни в какое сравнение со всеми задачами, которые людомару доводилось выполнять до этого момента.

Оказалось, что отстроить донад — это не такая уж и легкая задача. На это потребуется очень много времени, учитывая те особые меры безопасности, которые должен предпринять людомар, чтобы уберечь свой дом от омкан-хуутов и гигантских змеев.

Сперва предстояло сделать самое простое: найти дерево-мек, на котором расположится донад, затем пойти в Глухие леса и раздобыть там взрослого округистого паука, после этого разыскать растения под названием крацирик и чапа, и только потом начать возводить дом.

Больше всего не нравилось людомару то, что Светлый указал ему переселиться ближе к Редколесью. Хотя там и больше пищи, но в Редколесье любой охотник чувствовал себя неуверенно, так как людомары привыкли к тесноте чащобы, полутьме и безмолвию. В редкие минуты, когда не нужно было идти на охоту или делать иные дела, Сын Прыгуна любил понежиться на гамаке, созданном из искусно переплетенных веток верхней кроны мека.

Бескрайнее сине-зеленое море колыхалось в те моменты прямо под ним, а он плыл в тишине его мощи, спокойный и безмятежный. В такие моменты в душе людомара поселялся тот особый вид покоя, который можно смело назвать вечным. Сотни звуков и запахов мерно вливались в его голову. Он ловил их, делил или складывал, и составлял из них невообразимые букеты образов.

Добравшись до соуна, людомар остановился, огляделся по сторонам и выбрал ту, которая в противоположной стороне от доната Светлого.

Мек — дерево с приземистым широким стволом, имеющим множество толстых сучковатых веток, охотник нашел быстро, однако оно ему не понравилось. Еще несколько подобных деревьев почему-то не привлекли его внимание.

Он быстро шел по кромке Чернолесья и Редколесья и к концу второго дня достиг границы Чернолесья с Глухим лесом.

Глухолесье отличалось от Черного леса тем, что хранило под собой заливные луга. В незапамятные времена неизвестно по каким причинам ручьи изменили свои направления и

стали стекаться в небольшие низменности. Растительность покрывающая подобные территории отличается однообразием. Это пышные фразаны, стоящие на длинных гладких стволах, уходящих наполовину под воду. Пышные шапки фразанов из изогнутых кругом тончайших ветвей, усыпанных мелкими листиками-пушинками создавали непроницаемую для воздуха словно бы перьевую преграду.

В фразанах селились тучи мошкары, которые привлекали пауков.

Убив по дороге нескольких мелких зверьков, людомир взобрался на дерево и разложил их на верхних ветвях, прикрыв листьями.

Меков в этих краях было множество. Удивительно, как эта мысль раньше не пришла ему в голову: здесь, в этом месте шла чересполосица из Глухолесья, Чернолесья и Редколесья. Сюда уж точно никто не будет заглядывать. Сизые болота, располагавшиеся в каких-нибудь четырех днях пути отбивали у олюдей всякое желание здесь жить или даже ходить. С другой стороны, в кроне Глухих лесов было так мало кислорода, что любой олюдь, кроме дремсов и людомаров не имел шансов выжить среди них даже один день.

Людомара охватила странная лихорадка. Он впервые в жизни создавал нечто свое — только свое! Все, что он имел досталось от отца, и он до сих пор не понял, насколько был готов к переменам.

Опираясь на пику, иногда используя ее для перехода с ветки на ветку охотник довольно быстро передвигался по вершинам вековых деревьев. Хотя он был готов всякий раз "встретиться" с Глухолесьем, его начало было несколько неожиданным. Разлапистое высокое дерево как-то резко оборвалось. Удивительно было видеть, как оно росло ветвями только в одну сторону — противоположную сторону от Глухолесья. Далеко внизу простиралась мягкая перина светло-серых вперемежку с желтым крон фразанов.

Держась за ствол дерева, людомар стоял над бескрайним, как ему виделось, серо-желтым морем. Его кроны напоминали сверху облака, неведомо как заблудившиеся на небесах и сбившиеся в испуганную кучу в этом месте, зажатые мощными древесными стенами Чернолесья.

Чувства охотника вмиг обострились. Зрение, слух, обоняние и осязание, но, самое главное, чутье хищника обострилось до предела. Пауки, за которыми он начинал охоту были ловки и быстры. Сами по себе они были неопасны, но место, в котором они обитали — не было опаснее этих полуболот полулесов. Комары размером с ладонь, разнообразные жуки и тараканы, мошкара, — все эти твари приняла в Глухолесье весьма недружелюбные формы. Особенно были страшны сурны — паукообразные ящерицы, размером с локоть, но обладающие мощнейшей челюстью и острейшими зубами. Они кишмя кишели под кронами фразанов.

Ко всем этим особенностям добавлялось и то, что фразаны пропускали под свой покров мало воздуха, а испарения делали внутренний климат леса чрезвычайно жарким и влажным.

Людомар знал, что проникать внутрь можно только через узкую щель, и делать это нужно как можно скорее, чтобы тучи обитателей не прознали по проникновению свежего воздуха, что в их мирок прошел чужак.

Обрубив несколько веток, охотник спустился на кроны фразанов и пошел по ним. Пространство вокруг него слегка колыхалось, однако разводы от его шагов не были слишком сильны.

Нос людомара беспрестанно двигался. Наконец он уловил запах паука. Наскоро сложив ветки одна с другой и прикрыв их сверху щитом, увитым кливо, охотник соорудил небольшой

шалаш.

Прорезав отверстие в кроне фразанов ровно настолько, насколько было необходимо для протискивания внутрь, людомар тут же заткнул этот прорез самым собой, глубоко вдохнул и скрылся внутри.

****

Несмотря на то, что крона фразанов была светла, у подножия деревьев царил полумрак. Охотник спускался осторожно. Самым опасным был спуск по стволу фразана, ибо ствол этот был абсолютно гладким.

Людомар спустился по нему практически бесшумно. Лишь у самой кромки воды его левая ступня соскользнула и чрезмерно быстро вошла под воду. Раздался едва различимый всплеск.

Охотник замер, прижавшись к стволу и стал вслушиваться.

Его обоняние уловило тонкую струйку свежего воздуха, который витиевато проникал вслед за ним, поэтому Сын Прыгуна подтянулся и плотнее задернул место спуска.

Необычайная тишина поразила слух людомара.

Нос доносил ему, что под сводами деревьев есть жизнь, но она никак себя не проявляла.

Оглядевшись, он убедился, что его приход никем не замечен и осторожно спустился в воду, уйдя в нее по самые уши. Вода была нестерпимо горячая. От нее поднимались испарения щипавшие глаза, но людомар не обращал на это внимание. Ему нужна была паутина и он намеревался ее добыть. Закрыв уши пробками, он осторожно погрузился под воду. То, что он услышал повергло его в необычайное волнение. Вода молчала!

Такого просто не могло быть! Ни звука, ни одного раздражения не передавала водная толща. В абсолютное безмолвие не поверил бы даже и болван. А людомар болваном не был. Как ни пытался он сохранять спокойствие, но его сущность резко ощутила присутствие смерти.

Кровь рванулась, разрывая сосуды своим напором и давлением. Воздуха стало резко не хватать. Людомар приказал себе успокоиться и не двигался до тех пор, пока сердце не пришло в норму.

Легкий всплеск привлек его внимание. Вода передала не только всплеск, но и легкое шуршание влаги между ячейками. Шуршание было множественным и значит об воду задела сурна.

Людомар опустил под воду и стал вслушиваться. На звуковом уровне водная толща была абсолютно спокойна. Все жизненные процессы в организме охотника постепенно замирали. Он весь превратился в слух.

Внезапно его едва не смело нечто крупное. Оно с невероятной скоростью пронеслось мимо него и с легкостью забралось на ствол фразана, откуда он спустился. Раздался клекот.

"Нашли!" — пронеслось в мозгу Сына Прыгуна.

Очень медленно он вытащил с боков два кривых ножа и осторожно вогнал их в илистое дно. После этого, распластавшись над дном, он стал осторожно двигаться прочь от фразана, с которого слез.

Звонкая трель, хотя и приглушенная водой, сотрясла Глухолесье. Ее отзвуки в виде ряби еще некоторое время звенели вдалеке, но уже не могли сокрыть сотни, тысячи всплесков, которые буквально вскипятили заливные луга Глухих лесов.

Людомар чувствовал, что повсюду мимо него движутся тела: и под водой, и над ее гладью, — везде! Колыхания воды очень ему помогали. По их волнам он без труда ориентировался между деревьями. Воздух заканчивался. Нужно было подниматься вверх, дабы вдохнуть.

Неожиданно водную толщу прорезал натяжный скрежет и быстрое перестукивание, а после этого слух людомара донес, как нечто очень большое приближается к нему. Оно двигалось именно к нему, прямо на него, не мимо, не поверх него, а к нему. Хорошо развитое чутье подсказало ему, что его заметили.

Сгруппировавшись, людомар подобно пружине выскочил из воды и почти не останавливаясь устремился вверх по гладкому стволу фразана. Вода вокруг ствола вдруг закипела и вздыбилась. Охотнику не пришлось прорезать себе путь. Его вышвырнуло на поверхность Глухолесья вместе с деревом.

Земля и небо стали быстро меняться местами. Свежий воздух, ядовитый пар из-под фразана и дикий рев смешались в один тугий протяжный звук, оглушивший Сына Прыгуна. Это обстоятельство помешало ему собраться в нужный момент, поэтому он плашмя плюхнулся на кроны деревьев.

Путаясь в клоках желто-оранжевой тины и хлопьях фразанового дерева, увязая в пышности его кроны, он не сразу поднялся на ноги. Едва у него это получилось, как фразан с силой ударил его по торсу и снова подкинул вверх. Но людомар не был бы людомаром, если бы его можно было застать в расплох дважды. В очередной раз крутясь в воздухе, он быстро выровнял свое тело и с ужасом увидел громадных размеров змея, который тянулся к нему.

Морда чудовища расщиперила шесть щупалец сплошь утыканых присосками и клыками, размером с людомарскую голень. Все: и щупальца, и клыки были посажены на круглую челюсть, которая очень быстро крутилась. От чудовища исходил острый никогда не слышанный людомаром смрад и странное жужжание и перестукивание.

Чудовище не знало, что людомары — это самые опасные и трудно уловимые жители Великого леса. Раскинув руки и ноги в стороны, охотник путем манипуляций ими слегка изменил траекторию падения, ногой оттолкнулся от одного щупальца, и, закрутившись при падении, кубарем покатился по кроне фразана и, прорезав ее, провалился внутрь.

С громким треском и оглушительным для Глухолесья всплеском он свалился в воду. На сетчатке глаза остались нижние кроны и стволы деревьев густо усыпанные гигантскими сурнами. Обоняние донесло до него их измененный запах. Никогда до того сурны так не пахли.

"Что же это?!" — с этими мыслями охотник погрузился в воду.

Прямо за ним нырнули и все ближайшие хищники.

Ориентируясь исключительно на слух и ощущения, людомар медленно перевернулся головой с поверхности и встретил первую сурну ударом боевого кинжала. Воды наполнились трескучим клетотом. Не дожидаясь его окончания, людомар схватил кинжал зубами, снова вытащил кривые ножи-когти и стремительно полез вверх по стволу.

В этот момент на дерево со всей тяжестью обрушился гигантский змей. Он сложился кольцами. В их внутреннем пространстве осталось колодездообразное место, из которого были вышвырнуты людомар вместе с убитой им сурной.

Охотник не на шутку испугался перспектив второго полета, потому что все пространство места битвы было уже очищено от мягкокронных фразанов. С высоты ему открылась площадка сплошь состоявшая из переломанных деревьев, стволы которых острыми иглами торчали вверх. Вода и вправду кипела и не только потому, что ее баламутили сурны и змей, — нет, они кипела от того, что сделалась чрезвычайно горячей.

Десятки сурн, бросившихся в воду в надежде добраться до людомара, сейчас выбирались из нее, а некоторые, оказавшиеся в среде переломанных фразанов, с диким клетотом перебирали лапками, варясь заживо.

Все это людомар заметил и оценил в мгновение ока. В этот же миг краем глаза он увидел все ту же пасть чудовища, тянущуюся к нему.

К удивлению змея людомар не стал брыкаться, но ухватился за край его пасти, быстро перебирая руками и ногами перебрался на голову и быстро съехал по туловищу гиганта на кольца его тела. Он скоро скользил по странной чешуе змея, одновременно обнюхивая ее. Заприметив уцелевший фразан, охотник прыгнул на него.

Ствол дерева оказался поврежденным, поэтому он стало падать в кипяток. Еще прыжок и игловидный ствол ближайшего фразана, натужно заскрипев принял охотника. Еще прыжок, еще и еще. Наконец, он достиг кромки нетронутого леса. К несчастью это был лес на другой стороне места битвы. Для того, чтобы достичь Чернолесье нужно было оббегать змея и проплешину Глухолесья.

Змей снова бросился на него, а людомар, быстро перенявший способ укрываться, снова скрылся под фразаном.

Прыгая со ствола на ствол, а иногда и на застывших от неожиданности сурн, пару раз едва не сорвавшись в воду, Сын Прыгуна стал петлять по Глухолесью словно заяц, преследуемый волком. В конце концов ему удалось сбить змея со следа.

Людомар задыхался от недостатка кислорода. Его движения стали менее быстрыми. Он приказывал себе прыгать и сам же замечал, что тело исполняет команду с длительной задержкой.

Неожиданно стало очень тихо. Людомар приник к стволу очередного фразана и тоже замер. Широко открыв рот, охотник тяжело отрывисто дышал.

Змей прислушивался.

Вскарабкавшись к кромке кроны и свежего воздуха, Сын Прыгуна осторожно прорезал отверстие размером со свою голову и глубоко вдохнул. В голове стучало от перенапряжения. О прежнем страхе не было и речи. Второй раз за свою жизнь и второй же раз после дождя он оказывался в роли добычи.

Еще один вдох замер у охотника, ибо он услышал, как змей поднялся на лесом. Чудовище слышало его.

Людомар быстро скрылся под кроной и снова стал петлять, а потом опять высунулся. Змея не было видно. Стояла оглушительная тишина.

Отделив от пояса одну из двух коробочек, людомар свесился кверху ногами и бросил ее между стволов фразанов. С громким всплеском она ударилась о воду.

Несколько секунд тишь поглощала этот звук, а после этого раздался грозный рев и мощный всплеск. Змей кинулся вперед.

Людомар быстро прорезал крону, выбрался наверх. У него было некоторое время, дабы обогнуть проплешину, сделанную чудовищем. Не теряя ни минуты, он бросился бежать.

Ветер свистел в его ушах. Воздух пьянил и бодрил одновременно. Силы прибывали,

насколько могут прибывать силы в борьбе.

Он уже почти добежал до переломанного змеем леса, когда снова услышал абсолютную тишь, установившуюся в Глухолесье. Охотник тут же замер.

Змей был скор. Поразительно скор. Ни разу за свою жизнь Сын Прыгуна не сталкивался с таким хищником.

Вторая коробочка была снята с пояса и запущена в воздух. Змей взбудоражил воду, а людомар помчался прочь. Как же жалел он в тот момент, что не взял с собой шмуни. С их помощью он добрался бы до кроны Чернолесья за пару мгновений.

Треск от поднимаемых в воздух фразанов подсказал людомару момент, когда необходимо было скрыться под пушистыми кронами Глухолесья.

Змей был взбешен. Он стал изрыгать странные звуки, которые оглушили людомара и дезориентировали его. Дабы прийти в себя охотник остановился.

Грохот, гул и треск влившиеся в его уши минутой спустя, показали ему, что змей каким-то неведомым образом его обнаружил. Пришлось снова петлять, но змей теперь не отставал.

Людомар снова выбрался на кроны фразанов и бросился бежать. Но змей был быстрее. Он почти настиг охотника и даже отшвырнул его в сторону вместе с деревьями, когда их обоих оглушил звериный рев.

Сын Прыгуна сразу узнал голос своего иисепа и даже увидел его на вершине одного из меков у кромки Чернолесья.

Иисеп ревел не останавливаясь. Его рык заглушал все звуки, в том числе и шаги, и биение сердца людомара, поэтому когда охотник снова скрылся под кронами и стал передвигаться по стволам, змей быстро отстал.

От рева иисепа рябь шла по кронам фразанов и даже по водной глади.

Сын Прыгуна собрал остатки сил и быстро продвигался на голос зверя. Он не видел, что змей, замерев на несколько секунд, стал делать то же самое.

Вдруг людомар замер. Его глаза расширились.

Все пространство, какое было видно его глазу, всю водную гладь между стволами деревьев на сотни метров вокруг покрывали тельца мертвой мошкары, сурн и пауков привычного для Глухолесья размера. Они лежали здесь давно, потому что успели свариться.

Эта остановка спасла охотника. Только тут он заметил, что змей движется параллельно его курсу. Людомар замер. Прижавшись к стволу фразана, он закрыл глаза и неистово взмолился. Он просил о заступничестве все небесные и подземные силы. Молитва часто слетала с уст охотников, но она всегда была "о добыче". В среде людомаров лишь женщины молились о защите, сами же охотники негласно считали такие молитвы недостойными своего звания.

Рев иисепа стих. Змей также остановился.

Куда делся иисеп? Что теперь делать? Две этих мысли молотами стучали о наковальню распаленного мозга охотника.

Но, слава Лесобогу, слава Зверобогу, иисеп снова огласил своим рыком Глухолесье. Только слышался он уже с несколько другой стороны.

Змей тоже заревел и это послужило сигналом для людомара сорваться с места. Под кронами фразанов он быстро достиг кромки Чернолесья, и был в очередной раз поражен.

Булькая и рыкая, создавая водовороты и бурля, вода заливных лугов Глухолесья уходила прочь по прорытым в сторону леса норам.

Охотник выбрался наружу, взобрался на ближайший мек и в изнеможении пал на его

Когда он немного пришел в себя, то явственно услышал, как где-то далеко в лесу потоками льется вода.

Людомар попытался подняться, но тело требовало отдыха и потому приняло на себя всю тяжесть мира.

— Р-р-рю-ю-ю! — приветствовал его иисеп, ткнувшись носом в щеку.

Охотник открыл глаза и вяло улыбнулся своему спасителю.

Несмотря на то, что глаза животного смотрели на Сына Прыгуна, уши его ходили во все стороны, но все чаще останавливались на одном направлении — иисеп тоже слышал потоки воды в лесу.

Людомар пересилил себя и поднялся. Он повертел головой в разные стороны, разминая шею, с трудом взгромоздился на иисепа и направил его на звуки.

Они двигались по нижней кромке ветвей и издали заметили, как им навстречу выползает густое белесое облако. Его пушистые язычки медленно облекали стволы и нижние части крон деревьев, поглощали кусты, проникали в самые малые щели между растениями. От тумана исходил тошнотворный запах истлевшей плоти.

Иисеп невольно остановился, но людомар направил его прямо в туман.

Шум воды превратился в отчетливый гул, и вскоре охотник достиг того места, откуда шел звук.

По скату, уходившему наискось в сторону донада людомара текли полноводные реки кипяченой воды, убивая все живое на своем пути. Их не было видно глазу, но Сын Прыгуна слышал эту картину. Слышал ее и иисеп, потому-то он и зарычал.

Все новые и новые отверстия открывались в склоне и из них начинал хлестать кипяток. Лес съеживался под его нажимом. Деревья жалобно скрипели.

Становилось тяжело дышать: горячая вода проникала в почву и испарялась, унося вверх многовековые запахи тлена и перегноя.

Людомар закрыл рукой нос и рот и направил иисепа на верхние ветви. Становилось понятно, что лес позади него погибнет в ближайшие дни.

Отдохнув до вечера, охотник снова приблизился к Глухому лесу, прокрался к тому месту, где оставил свое оружие и забрал его. Разбрасываться такими ценностями было не в правилах лесных жителей. Слишком дорого стоили ножи, копья и пики, да и плевательная трубка была с детства привычна охотнику. Все оружие, кроме щита, было наследством, доставшимся ему от отца.

В подавленном настроении возвращался Сын Прыгуна к своему дому. Он преодолел уже почти половину пути, когда услышал вдали множество шагов. Осторожно прокравшись, он увидел людомара Светлого, Плаксу и еще около сотни дремсов, длинной цепочкой двигавшихся по лесной тропе.

Людомар поднял пику и стал бить ей о ствол дерева.

— Я хочу приблизиться, — кричал он что было сил.

Колонна остановилась и резко повернула пики в его сторону.

— Не ошибаюсь ли я? Я слышу Сына Прыгуна, — ответили ему голосом Светлого.

— Я — Сын Прыгуна!

— Приблизься к нам. Мы разрешаем, — раздался голос одного из дремсов.

Людомар спустился на землю и, утопая во мху по самую щиколотку, приблизился к охотникам.

— Что случилось там, откуда ты идешь? — обратился к нему Светлый. — От тебя разит падалью.

— Глухолесье поглощает Черный лес. Его заполонила нечисть, о которой я ничего не знаю. Там обитают змеи, делающие воду горячей; там были сурны размером с иисепа. Я был там и они гнали меня.

— Сколько их там?

— Бесчисленное множество. Змей, какого я никогда не видел, тоже там... Они очень сильны. Я иду прочь.

— Мы слышим неясный гул. Что это? — Светлый откинул с головы накидку и прислушался.

— Горячие воды Глухолесья изливаются в Черный лес. Гул? То стоны Чернолесья.

Охотники переглянулись.

— Нам нечего там делать, — слышались голоса. — Идем домой, братцы!

— Нет, — обернулся к ним Светлый, — мы должны идти туда и остановить убийство леса. — Он снова повернулся к Сыну Прыгуна: — Ты видел убийцу?

— Не видел. Появляются дыры в земле и оттуда хлещет вода.

— А змей, которого ты видел?

— Он гонялся за мной и не мог такого наделать.

— Возможно, там несколько змеев.

Людомар не стал ничего говорить, только пожал плечами.

— Если людомар не смог справиться со змеем, то нам нечего там делать, — заговорили дремсы.

Сын Прыгуна согласно кивнул.

— Надо остановить воду, — сказал им старый людомар.

— Мы сваримся живьем...

— Да хотя бы и так, — неожиданно разозлился тот. — Что с того, что так случиться?! Если мы не сделаем этого, то лес погибнет...

Донеслось: — Что ж поделаешь, эхе-хе!..

— ... и нам придется идти в смердящие ямы, жить рядом с пасмасами и холкунами, — закончил старик.

— Мы не согласны, — замотали головами дремсы.

— Продолжим же путь.

— Нет, — выступил вперед Плакса. Он, видимо, был поставлен старейшинами за главного. — Светлый, ты ведешь нас на верную гибель. Заливные луга не такие уж и большие. Он убьют лишь малую часть Чернолесья. Великие леса им не убить никогда. Мы не хотим помирать за бессмыслицу.

— Бессмыслицу? — рассвирепел Светлый. Никто и никогда не видел старого людомара злым. Тем ужаснее был его вид. — Болваны, разве вы не видите хоть толики того, что происходит. Даже я, даже мои ослепшие глаза и те видят поболее ваших! — Он поднял свой

посох и затряс им в воздухе. — Оглянитесь. Черные леса, наше родное Чернолесье вмиг наполнилось нечистью, которой никогда в ней не водилось. Омкан-хууты, гигантские древодные змеи, пожирающие охотников, огнезмей, о котором поведал Сын Прыгуна, — разве не видите вы гибель вокруг себя?! Гибель всего того, что было привычно нам отродясь! Гибель нашей души, которая заложена в этом лесе! — Он подошел к ближайшему дереву и нежно погладил его ствол. — Каждый ствол, каждая ветвь этого леса знакома нам с детства. Лес учил нас. Он охранял нас и кормил. А теперь, когда ему нужна наша помощь, вы хотите отвернуться от него? Вы говорите, он большой, его убить невозможно? Да ежели в Чернолесье станет столько змеев, сколько пальцев у нас у всех на руках, долго ли выдержит наш лес? Нет. Нечисть переломает, передавит и пережрет все, что было нам дорого, все, что для нас важно. Плакса, ты трусливо хочешь уйти? Уходи. Но когда ты придешь в следующий раз в ту кущу, где ты встретил свою Новлу, а этой кущи не будет; когда ты увидишь вместо нее навал из переломанных стволов — как ты тогда посмотришь в глаза Новле, как тогда ты посмотришь в глаза Чернолесью?

Старик остановился. Он задыхался.

— Я не трус, — сказал Плакса. — Мудрейший говорил нам: все изменяется и нечего мешать...

— Нечего мешать, когда изменения естественны, но... — старик отдышался, — откуда явилось столько нечисти? Откуда? Все, разом? Со всех сторон?! Это ли естественно?

Дремсы нахмурили лица.

Людомар никогда бы не подумал так, как сказал Светлый. Сын Прыгуна вдруг ясно осознал невероятную для дикой природы синхроничность напастей, которые обрушились на Чернолесье. Мозаика, сокрытая на дне мутного ручья, — вот как он до того представлял себе все происходящее. И вот ручей просветлел.

— Скоро нам нечего будет есть. Смердящий туман убьет все живое.

Глаза Плаксы вмиг прояснились.

— Техор, беги к нам в деревню и скажи, чтобы шли к Глухолесью по Грязной тропе. Да пусть пошлют в другие деревни — одни мы не управимся, — приказал он, и, обернувшись к Светлому, хмуро кивнул: — Пойдем с тобой. Ты верно нам сказал.

Светлый повернулся к людомару.

— Беги к холкунам и также веди их сюда. Пусть хорошо вооружатся.

Охотнику стало жутко от того, что он снова окажется в смердящей яме, но спорить было неуместно. Он кивнул и скрылся из виду.

****

Людомар с тяжелым сердцем шел по ветвям деревьев. Последняя его надежда избежать столкновение с неизвестно чем провалилась. Где-то в глубине души он надеялся на то, на что надеялись и все остальные лесные жители: Чернолесье большое, можно укрыться. Однако то, что сказал Светлый помноженное на ясный ум Сына Прыгуна — ум выпестованный самой природой и оттого ставший умом хотя и не проницательным, но сугубо практичным и жизненным — все это приводило к одному единственному печальному

выводу. Выводов было даже два: первый состоял в том, что отсидеться не удастся, второй подводил к тому, что ближайшее длительное время будет проведено активно и тревожно.

Несмотря на то, что природа одарила людомаров прекрасным пружинистым сильным телом, больше всего этот народец любил бездействовать. Может быть это была больше мечта, а не образ жизни, потому что каждый людомар каждый день имел дело с таким количеством проблем, что покой им только снился.

Покоя не было, а мечта была. В жизни Сына Прыгуна она исполнилась лишь дважды. Но что это были за два раза! О, он возлежал в корзине из сплетенных верхних ветвей мека, на самом верху его кроны и днями напролет наслаждался солнечным теплом, нежным ветром, доносившим до него разноцветие ароматов из всех уголков леса; его острый взгляд сканировал небесный свод и подмечал каждое его изменение. Он видел множество звезд, огромное количество комет, носившихся по небесам в разные стороны. Порой они закладывали такие перуэты, что дух захватывало.

Несколько раз за день людомара окликала его поесть, и он лениво полз вниз, ощущая во всем теле непередаваемую негу; лениво же садился за стол; медленно ел, пережевывая хрустящее жаркое; нехотя обходил домашнее хозяйство, трепал за ухом иисепа и снова поднимался на вершину кроны и ложился в свой гамак.

Вспомнив об этом людомар невольно мечтательно улыбнулся. Каким добрым, каким приветливым был тогда Черный лес. Все его опасности крылись далеко внизу, у корней. А здесь, у донада людомаров было уютно, тепло и безопасно.

Неожиданно прямо перед охотником возник одук — похожее на шарик животное в черно-коричневую полоску. Оба от неожиданности остановились. Четверо маленьких глазок одука попеременно моргнули и он рванулся прочь. Но, если для людомара и одука эта встреча оказалась внезапной, то иисеп, не обремененный ни мечтами, ни воспоминаниями, в мгновение ока перекрыл животному путь и с одного удара лапой убил его наповал.

Внезапная встреча навела людомара на хорошую мысль: иисепа в смердящую яму не пустят, а оставлять его под стенами опасно и для него самого, и для пасмасов, любивших барахтаться в сливной яме. Значит нужно отправить его домой. И, хотя в отсутствие верного спутника нельзя будет позволить себе отвлекаться и мечтать, но оно наверное и к лучшему — не время!

Охота не заняла много времени. Нечисть, надвигавшаяся из глубины леса, выгоняла на его окраины большое количество зверья. Добыв еще нескольких мелких зверушек, людомар отправил иисепа домой, а сам с легким сердцем, но тяжелым предчувствием направился в город.

Анеларк

Анеларк, как называли его сами горожане, или Онеларк, как называли его окресные жители-пасмасы и охотники представлял собой вовсе даже и не город, но приличных размеров деревню, в которой проживали несколько тысяч холкунов.

Холкуны происходили из рода олюдей, сильно походили на пасмасов, но в отличии от них были выше ростом и много сильнее. Изначально они были русоволосы, но со временем

утратили исконный цвет. На этом отличительные особенности заканчивались, потому что холкуны не тряслись над чистотой крови, их не выделяли в группу изгнанных или грязных, как пасмасов, а потому они интенсивно смешивали свою кровь с кровью холкунов других городов и даже других рас (на самом деле они предпочитали две олюдские расы: дремсов и брездов). Холкуны были предприимчивы, не в пример пасмасам; довольно храбры, чистоплотны и держались за свои городки, как ребенок держался за грудь матери.

Холкуны отличались домовитостью, хозяйственностью, были по-житейски хитры, но умой и широтой познания не отличались. Их городки были густозаселены, но при всем при этом имели вполне пристойный вид. В каждом городе имелись свой градоначальник, небольшой совет и ополчение, вооруженное хорошего качества оружием.

Как народец они были легки в общении и веселы. Великий лес их пугал, как и все его обитатели, поэтому отдельный квартал их городков занимали всевозможные колдуны, маги и заклинатели, оберегавшие свой люд от Великолесной нечисти.

К людомарам холкуны относились настороженно, с боязливой отрешенностью и предпочитали не входить с охотниками в контакт; дремсов они уважали за силу и природную открытость; пасмасов презирали, что однако не мешало им активно торговать с последними.

В последние века холкуны сумели связать свои городки довольно широкими трактами, по которым сновали конублы — помесь от холкунов и дремсов, прирожденные торговцы, которые принимались Великолесьем как потомки дремсов, а городами как потомки холкунов. Со временем конублами стали именовать всех торговцев.

Конублы, несмотря на свою расу, походили на ходячие бочки. Это в них сказывалась склонность постоянно недоедающих дремсов к полноте положенная на хорошее городское питание. От холкунов в них были довольно симпатичные, даже в полноте, задорные лица, веселый нрав и относительная образованность — они умели считать и немного писать на холкунском.

****

Анеларк повстречал людомара столбами пыли. По-видимому вести о гигантских змеях, омкан-хуутах и других чудищах уже дошли до города, поэтому жители с усердием, присущим только холкунам принялись обновлять высоту городского вала, частокола и небольших деревянных башенок, оскалившихся во вне заостренными кольями крыш.

Пасмасам разрешили разгребать почти до верху заваленный ров. Сотни из них с довольным гудением, словно навозные мухи копошились в кучах мусора. До сих пор их не допускали до этой импровизированной свалки, так как она имела стратегическое значение для города.

К удивлению людомара его встретили не опасливо, но с радостью, словно бы только его и ждали.

Десятки холкунов бросились к нему навстречу, едва завидев на дороге, окружили плотной толпой и потребовали новостей. Охотник растерянно мотал головой из стороны в сторону, оглушенный криками; земля зашаталась под его ногами, и он уже готов был пасть

от дикого ора, когда воздух прорезало громогласное:

— Ти-и-ха!

Все холкуны мигом умолкли. Сквозь толпу протискивался высокий мужчина, покрытый довольно массивными кожаными доспехами. На голове его была надета меховая шапка, по ободу богато украшенная золотой тесьмой, плотно облегающей сиреневые кристаллы приличного размера.

Людомар без труда узнал градоначальника холкунов — холларка.

По лицу последнего был заметен большой опыт, который оставила ему жизнь и пронизательность, приходящую к холкунам с годами. Многочисленные шрамы свидетельствовали о том, что холларк пробивал свой жизненный путь лбом и лишь недавно обрел мудрость.

— Тиха! — приказал он. — Кто ты и откуда? Кончай орать, убьем его сейчас своим визгом! — рыкнул он слева от себя.

Только тут охотник понял, что стоит с силой зажав руками уши. Его шатало не только от шума, но и от терпкого запаха пота и всех иных запахов, исходящих от вспотевших тел холкунов и невымытых тел пасмасов.

— А ну-ка, держи. — Кто-то поднял на уровень глаз людомара две смолистые затычки.

— Эт у тебя откель? — поинтересовался кто-то у доброжелателя.

— В харчевне у меня иной раз бывают такие. Берут вот это всегда.

— Ты сегодня когда откроешься? — Разговор начал переходить в другое русло.

— Ти-и-ха! — снова приструнил народ холларк. — Отвечай, — обратился он к людомару, приходившему в себя. Затычки очень помогли.

— Я людомар, Сын Прыгуна...

— Говори громче. Чего ты там пищишь!

— Я людомар. Сын Прыгуна.

— Чего пришел?

— Меня прислал людомар Светлый и... Плакса... дремс, — добавил людомар поразмыслив: а вдруг в городе никто не знает, кто такой Светлый.

— Светлый? Чего же ему надо? — Холларк придвинулся ближе.

— Он просит холкунов вооружиться и присоединиться к нему на Грязной тропе. Он и дремсы пойдут к Глухому лесу.

— Че мы не видели в Глухолесье? — донеслось со стороны.

— Ти-и-ха!

— Там... — начал было людомар, но холларк его перебил: — Цыц! Иди за мной.

— Эй, куда он пошел? Остановите его. Холларк, куда ты уводишь его? Мы хотим послушать.

— Идите работайте. Нечего бездельничать, — рыком приказал их холлар, и глаза указал людомару на дорогу перед собой.

Сын Прыгуна пошел вперед.

Жилище холларка поразило людомара достатком и роскошью. Столько тканей, сколько пребывало в большой комнате, куда его ввели, людомар не видел за всю свою жизнь. Ткань самых разных расцветок, с разнообразной вышивкой, с многочисленными инкрустациями и вкраплениями висела на стенах, лежала под ногами, свисала со столов, скамей и лежаков. Даже окна комнаты были занавешанны прозрачной тканью, делавшей яркий солнечный свет холоднее, но ярче.

— Садись сюда вот, — указали охотнику. Он сел. — Рассказывай, да побыстрее. Не того прислал Светлый ко мне. Тюни вы все людомары, как дело до разговора доходит. Тянуть вас за язык да не вытянуть. Сбиваетесь да не договариваете. Только, если зная это, Светлый тебя прислал — видимо, дело совсем плохо. Ну, правду говорю или нет? Отвечай. Отвечай! Хватит зыркать по сторонам.

Людомар вздрогнул. Казалось, сами стены вздрогнули от приказа.

— В Глухом лесу появился огнезмей...

— Стой. Карыда! Кары-ыда! Вышвырни всех вон, кто уши развесил. — Холларк подождал некоторое время и приказал: — Ну, говори скорей!

— Огнезмей появился в Глухолесье. Сурны стали большими. Вот с меня ростом стали. А вся живность под фразанами передохла. Я сам видел.

Холларк нахмурился.

— Про огнезмея расскажи.

— Я его сам видел. — И Сын Прыгуна подробно описал своего недавнего преследователя.

— Ловок ты, раз сумел от такого уйти.

— Иисеп помог мне. Иначе не ушел бы.

— Вот любят вас эти мрази... иисепы ваши. А по мне, так скотина равная огнезмею по вредительству и опасности.

Людомар промолчал.

— Сколько нас должно идти с тобой?

— Чтобы хватило норы закрыть.

— Норы? Какие норы?

— Из которых вода перетекает с Глухолесья в Черный лес.

— Так ты мне ничего об этом не рассказал.

— Я забыл.

— Тьфу, — ударил себя по ляжкам холларк. — Говори... говори же, беда лесная! Скорее говори!!!

Охотник сбивчиво рассказал все как было да приписал отчего-то, что теперь у кромки Редколесья можно встретить одука. Холларк пропустил последнее мимо ушей.

— В ночь поведешь нас. Ах, — он скривился так, словно в него попала стрела, — не смогу я. Холкуны всполошатся. За себя отправлю Тугута. Он незаметнее всех у меня. Ты иди отдохни. Ох и верно. Вы ж не спите подолгу. Ну тогда поешь иди. Сил много надо будет.

Ночь медленно опускалась на землю. Неожиданно для себя людомар получил то, что недавно так страстно желал — покой. Он лежал на крыше дома холларка и дремал, разомлев под лучами заходившего солнца.

В животе его плескалась целая бутылка настойки, съеденный гусь и еще пол цыпленка, кусок хлеба да две запеченные луковицы.

Оружие свое и щит он разложил вокруг себя и лениво поглаживал сталь клинков и наконечников.

После выпитого на него враз напала необъяснимая любовь ко всему миру, наплеватьство на все беды и несчастья, сокрытые в гуще Чернолесья и необоримая энергия много сделать и свершить. Со столь громадной жадой действовать он удивительно легко засыпал.

— Эй ты! — По крыше несколько раз стукнули словно молотом.

Людомар вздрогнул и посмотрел на звук. Он увидел бюст холкуна: небольшую молодую голову на бычьей шее и мощном торсе. Холкун высовывался из люка в крыше и манил к себе охотника.

— Пора.

Людомар лениво потянулся и нехотя поднялся.

Они спустились по потайной лестнице прямо в подвал под домом холларка. Все помещение было забито воинами. Их кожаные доспехи, густо утыканые массивными гвоздями острием наружу создавали впечатление, что людомар скоро возглавит толпу коричневых ежиков, рвущихся в бой.

Однако все холкуны, находившиеся здесь, выглядели чрезвычайно серьезно. Их головы покрытые мохнатыми шлемами с железными ободами, торгавшими вверх острыми пикообразными вставками, повернулись на людомара и ждали его действий.

Тугут встал рядом с охотником.

— Не греметь оружием. Не говорить. Не шептать. Тихо идти.

Он обернулся к невысокого роста служке и кивнул. Тот подвинул какой-то рычаг. Раздался щелчок такой силы, от звука которого с Сына Прыгуна слетели остатки дремы. В углу одной из стен подвала открылась небольшая дверца.

Тугут приказал охотнику идти за ним.

Один за другим воины стали скрываться в черноте зева тайного хода.

****

Потайной тоннель вывел их за городские валы. К своему удивлению людомар увидел, что выходят они в кладовой харчевни, от которой еще совсем недавно он начал поиски эвра.

Оглядываясь в темноте, он видел, как кладовая постепенно заполняется солдатами. Раздался свист и дверь кладовой открылась.

По двое холкуны стали выходить вон и тут же спускаться в довольно глубокую сливную яму черной прорешинной зияющую подле харчевни.

Никогда бы до этого времени охотнику не пришло в голову, что и харчевня, и сливная яма подле нее служат каким-либо иным целям, нежели прямому своему назначению.

Так или иначе, но еще луна не успел вползти на небосклон, когда весь отряд скрылся промеж кустов Редколесья.

— Держите пики во все стороны. Закрывайте проходы между деревьями. Ожидайте неожиданностей, — приказал Хугут и вытащил меч.

Людомар покосился на эту дорожную вещицу, которую он считал бесполезной игрушкой против чудовищ, которые ожидали их впереди.

Всю дорогу Сын Прыгуна думал о том, выползет ли огнезмей за пределы Глухого леса и сможет ли обитать в Чернолесье; откуда могли появиться такие крупные сурны. Перед его внутренним взором проходили картинка недавней борьбы в фразановом лесу. По памяти, которая у людомаров была от природы ярко-фотографическая, он восстанавливал перед внутренним взором и сурн, и огнезмея, и пытался по строению их тел, по запаху и даже по движениям предугадать повадки, сильные и слабые места.

Редколесье, которое всегда воспринималось людомарами и дремсами как пространство очень безопасное, прогулочное, нынче выглядело более чем угрожающе. То тут, то там в кустах, в траве или промеж деревьями мелькали тени зверей всех форм и размеров; со всех сторон доносились шорохи, шипение и рычание. Прогнанные с своих насиженных мест, звери теснились в непригодном к их общежитию месте, раздраженные и готовые идти дальше.

Людомар, как никто другой понимал, что станет происходить, если им не удастся остановить воду.

Наконец, они достигли Чернолесья и быстро пошли по Грязной тропе.

У развилки стояла покосившаяся хибара. "Лицо" хибары напоминало лицо набожного изможденного жизнью пасмаса. Проемы ее окон безжизненно чернели в полумраке ночи, освещенной лунным светом.

Тяжелая поступь холкунов раздражала людомара. Ему казалось, что он движется в толпе олюдей, бьющих в большие барабаны. В конце концов, он избрал более привычный для себя путь: взобрался на вершину дерева и продолжал свой путь по ветвям.

Так они шли до полуночи.

Когда луна стала клониться к закату, до слуха людомара долетело неясное мелкое дребезжание. словно бы Черный лес дрожал от ужаса. Иногда этот звук прерывался легким металлическим скрежетом. Нос охотника уловил странный запах, какого раньше он никогда не слышал. Несколько вдохов и листья, ветки и сами небеса слегка пошатнулись перед глазами Сына Прыгуна. Он оступись и свалился на нижнюю ветвь, больно ударившись о нее грудью.

Поспешно спустившись вниз, охотник остался ожидать подхода холкунов.

— Что? — спросил его Хугут, тревожно сдвинув брови.

— Я слышал гром оттуда, — Сын Прыгуна указал себе за спину. — Оттуда пахнет смертью.

Хугут криво усмехнулся.

— Больше ничего? — спросил он.

— Остановитесь здесь. Я сам посмотрю.

— Хорошо.

Людомар свернул с тропы и углубился в заросли. Он шел быстро. При этом все его чувства были обострены до чрезвычайности.

Внезапно в нос пахнуто кровью, запахом развевных по ветру перьев и тухлятиной.

Если где поблизости кровь, то и хищник тоже рядом.

Охотник быстро взобрался на нижний ярус ветвей и продолжил путь по ним. Запах становился сильнее. Вскоре он увидел на ветвях, между ними, разглядел на земле целую стаю погибших птиц. Их трупы уже остыли, а лапки и крылья странно топорщились в сторону.

Приблизившись, Сын Прыгуна тщательно обнюхал пададь. Все птицы погибли от удушья. Кровью пахло от ран, которые птахи получили при падении. Значит, они погибли в полете.

Попытка подняться выше по ветвям была остановлена усилением тошнотворного запаха, от которого кружилась голова и двоилось в глазах. Пришлось спуститься на землю. Но и там людомар не смог идти долго. Запах становился все сильнее и сильнее. А когда его вывернуло, Сын Прыгуна развернулся и бросился бежать обратно.

— Что ты увидел? — спросил его Хугут, поднимаясь на ноги.

— Ничего. Но запах не позволяет пройти. От него тяжелеет голова и глаза почти не видят.

Воин хмыкнул.

— Вонь не способна остановить холкунов. Ты слышал чудовищ?

— Нет.

— Видел, чувствовал их?

— Нет.

— Мы идем дальше.

Отряд снова двинулся вперед.

— Закрой вот свой носик, — насмешливо произнес один из воинов и бросил Сыну Прыгуна платок, пахнувший хлебом и чесноком.

Не поняв насмешки, людомар надел его, чем вызвал всеобщий дружный гогот.

— Тихо! — И все смолкли. — Пики в стороны! Проверить мечи. Щиты к бою.

Колонна оштитилась иглами-пиками, укрепила бока щитами и шумно двинулась дальше.

Людомар шел последним.

Так они шли до самого рассвета.

Близилось утро.

Редкие лучики золотого света стали пробиваться сквозь крону лесных гигантов. Ухо людомара готовилось привычно насладиться пением птиц, клекотом насекомых, привычным переругиванием и распевкой просыпающегося леса.

При виде тонких солнечных нитей, спустившихся на тропу яркими пятнышками, руки холкунов невольно ослабли, а в сердцах зародилось тепло и надежда: не все только плохое и страшное виделось им отныне впереди.

Тем неожиданнее был топот нескольких ног и тяжелое прерывистое дыхание, которое, казалось, вырывалось из легких самого Чернолесья. На тропе показались два дремса. Они вымокли до нитки. На их телах видели какие-то обрывки шкур, ноги были облеплены грязью. Дремсы бежали, размахивая топорами.

— Держи его! Держишь? — прохрипел один другому, смотря на второго дремса.

— Да. Руби.

Топор первого дремса поднялся вверх и рубанул воздух.

— Вот так. Посмотри, как я его. Вон еще один. Руби!

— Ты держи жежь его-то! У-у, упустил. Я сейчас... дай попробую... а ну-кась... сюда... ухватил... ухватил!!! Руби... руби же.

Снова топор со всей мощи, на которую спосеб дремс, обрушился на пустоту и со свистом рассек ее. Удар уже не был так точен и топор на излете поранил второго дремса.

— Он вцепился мне в ногу! — заорал тот. — Убей его. Руби! — И несчастный схватился за ногу, которую поранил ему первый дремс.

Снова поднялся топор и опустился в землю. Между тем, сам раненый вытащил из-за пояса нож и стоная принялся отковыривать себе икру.

— Не могу разжать, — прохрипел он. — Сильно... а-а-а... Руби же!

Дремс снова рубанул. Его топор впился в ногу товарища и срубил ее.

— Он откусил мне ногу! — закричал несчастный. — Не дай ему забрать мою ногу.

Кровь с силой хлестала из ноги на тропу.

— На грудь мне запрыгнул. Он меня душит. Я задыхаюсь. Сруби его, Тран!

Тот которого назвали Траном занес топор и остервенело ударил своего товарища прямо в грудь. Последний всхлипнул, закашлялся и стал биться в конвульсиях.

Тран повернул голову, следя за чем-то прямо перед собой.

— Ну... подходи! Иди... подходи!

С ловкостью присущей дремсам, он принялся орудовать топором. Оружие рассекало воздух во всех направлениях.

Зоркие глаза людомара заглянули в глаза обезумевшего и увидели, как зрачки последнего заволочла тинистая пелена с красными вкраплениями.

— Волчье безумство, — прошептал он, и хотел было уже броситься вперед, когда увидел, что глаза дремса остановились на отряде.

— Сколько же вас, — прорычал он, и ринулся вперед. От его удара один из холкунов едва успел укрыться за щитом. Раздался грохот и половина щита разлетелась в щепы.

Холкуны невольно подались назад.

Второй удар дремса убил наповал одного из воиной.

— Ага! — зло захохотал Тран. — Ага-а-а-а! Ха-ха... — И продолжил свое страшное дело.

— Убить его, — приказал Тугут и его воины бросились вперед.

Тран дорого отдал свою жизнь: двое холкунов были убиты, еще двое сильно поранены прежде, чем Тугут добрался до дремса и лично срубил ему голову. Тело еще некоторое время делало выпады, но после свалилось на землю и забилося в диких судорогах.

Воины в ужасе смотрели на поверженного. Многие из них были смертельно бледны.

— Волчье безумие, — посмотрел на людомара Тугут, то ли спрашивая, то ли утверждая.

Сын Прыгуна на всякий случай кивнул.

В этот момент на тропе показался еще один дремс примерно в таком же состоянии, как и первые два. Его тут же забросали дротиками.

— Это и есть тот запах, который ты слышишь? — спросил Тугут, заметив, как охотник принюхивается к запахам, исходящим от трупов.

— Нет. Это не тот запах. Я слышу другое.

— В путь! — приказал Тугут и указал вперед. — Ты сможешь быть с нами? — Он посмотрел на людомара с нескрываемой надеждой.

Тот кивнул. Повязка на лице приглушала тошнотворный запах.

Ему протянули еще несколько повязок и даже смочили их настойкой.

Не успели они пройти и сотни шагов, как прямо из леса на них вышел Плакса. Людомар сразу узнал его и с ужасом увидел его зеленовато-красные глаза.

Плакса двигался прямо, слегка покачиваясь. Воины вскинули копья.

"Нет", знаком показал дремс и приблизился к Тугуту. Он что-то ему сказал, взяв за плечи. Потом встряхнул его и снова что-то сказал. После этого отбежал, пал на колени и впился руками в землю.

"О-а-а!", вырвалось у всех, когда Плакса внезапно вытащил нож и вонзил его себе прямо в сердце. Захрипев, он повалился набок.

Тугут стоял открыв рот, бледный и подавленный.

— Что делать будем, Тугут? — вывел его из оцепенения один из воинов.

Холкун вздрогнул и просипел: "Вперед!"

Хотя лес не позволял заглянуть далеко вглубь Черного леса, но уже и теперь стало заметно, что Грязная тропа вводила отряд в желтоватый туман, которые медленно стелился по земле.

Людомара в который раз вывернуло.

Даже холкуны, вот уж на что плохие нюхачи, и те стали блевать.

Вдруг слева раздался треск. На него мало обратили внимание. И только ухо людомара уловило, что трест тот исходит не от куста или ветки, но от нескольких кустов и многих веток.

Образ в мгновение ока мелькнул перед его глазами, но он не успел даже напрячь язык, как в самую середину колонны врезалась голова огнезмея, вырвал из нее клоки солдат.

Холкуны не мешкали ни секунды и сразу бросились в атаку.

Людомар видел тщетность их попыток. Заметил он и то, как огнезмей обвил кольцами одно из деревьев, вырвал его с корнем и словно щеткой провел по тропе.

Сын Прыгуна вмиг оказался на дереве, поэтому его лишь слегка задело ветками.

После такой зачистки на тропе остались лежать десятки убитых и покалеченных олюдей. Они кричали от ужаса и от боли.

Охотник в два прыжка перебежал тропу и очутился за спиной змея. Всякий, кто охотился на хищников в Чернолесье знает, что древоедные змеи сильны, но и у них есть слабое место — то, которым они держатся за землю. Сын Прыгуна без труда отыскал это место. Он подбежал к телу огнезмея, просунул между его чешуйками острия своей пики и с силой надавил.

Людомар отчетливо видел, что под его нажимом тело змея даже не дрогнуло. Не прошла по его телу и волна причинной всему живому боли. Отставив копье и вытащив нож, охотник проделал ту же операцию.

Сын Прыгуна никогда не считал себя слабым, но в этот миг осознал свое бессилие перед мощью неведомого змея. Он давил ножом в тело огнезмея столь сильно и так долго, что даже пот, что было невероятно, выступил на его лбу и висках, затекал по шее на спину.

Между тем на Грязной тропе все было кончено. Змей резким движением перекусил последнего сопротивлявшегося холкуна и отшвырнул его себе за спину. Только сейчас он почувствовал уколы в спину и повернулся.

Чернолесье оглушил дикий рев. Огнезмей почувствовал свою несостоявшуюся добычу.

Людомар со всех ног мчался прочь. В его мозгу свирбела только одна мысль и эта мысль была подобна смерти.

"Придется научиться жить без леса!" — Слезы наворачилась на глаза. Хотелось выть и

кричать. Кричать и плакать. Листья били охотника по лицу. Они словно похлопывали его, прощаясь навсегда. Сердце ныло и дрожало, оно пело о том, что без леса нет жизни людомару; о том, что всюду в ином месте он чужой.

Неожиданно вся сумятица в голове разом оборвалась. Людомар пробежал еще несколько шагов и остановился в недоумении. Он не знал, что заставило его сделать это.

Прислушавшись, он различил густой хор звуков, состоявший из хрипа во множестве переламываемых ветвей, которому подпевал скрип стволов деревьев, гнувшихся под тяжестью огнезмея. Общий фон наполняло шипение, исходившее от его тела.

Звук удалялся. Оказалось, что огнезмей двигается только с водой и не уходит далеко от нее.

Людомар стал принюхиваться. Не прошло и минуты, как он догадался, что заставило его остановиться. Он почуял запах крови, людомарской крови.

Услышать запах высокого охотника в лесу всегда было удивительно, а расслышать его кровь и вовсе невероятно.

Сын Прыгуна словно ищейка пошел по следу и в нескольких полетах стрелы от места начала своего поиска увидел клочок седых волос, торчавших словно бы из-под земли.

Это был Светлый. Он лежал без сознания. На боку его сияла большая рваная рана.

****

Крона дерева мерно колыбалась, рассеивая своими ветвями теплые ручейки предзакатного воздуха. Он, казалось, был насквозь пропитан ароматами цветущего Чернолесья и прогрет лучами весеннего солнца. Густой, терпкий аромат невидимыми клубами поднимался над лесом и медленно плыл то в одну, то в другую сторону, полностью подчиненный капризам ветра.

Ветры долетали в Чернолесье с двух сторон: холодные ветры приходили из Загорья — из владений Хладного короля, теплые — со стороны Большой воды. Подобно коннице белесые струи воздуха неслись по склонам, набривая скорость, а после и вовсе срывались в бешенный галоп, стискиваемые скальными ущельями, и оказавшись в конце концов на идеальной равнине Чернолесья, с гиком и гаком Хладный король устремлялся на равнину, предавая ее морозному опустошению. Ветер Большой воды был любим обитателями Великолесья больше, потому что вместе с ним приходила весна, становилось тепло и даже Редколесье наполнялось множеством дичи.

Иисеп, как и всякий коренной обитатель Чернолесья, предпочитал движению бездействие. Его обоняние доносило ему все вести, какие он смог бы получить, кружа по округе. Это прелесное качество прирожденного охотника, экономившее много сил, использовалось даже во время сна.

Иисеп дремал, расположившись, частью в гамаке хозяина, частью на ветке. Его удивительно устроенное тело могло замирать в любой позе, словно бы сделанное из пластилина. Вот и сейчас, погружаясь в сон, иисеп провисал животом вниз.

Его уши привычно прослушивали пространство, а нос его пронюхивал. Надбровные валики зверя преспокойно расползлись в разные стороны от переносицы.

Солнце садилось за горизонтов зеленого лиственного моря. Облака, окрашенные во все оттенки красного, подобно утятам, неуклюже, еле поспевая неслись вслед за них, лениво передвигая смешными хвостиками.

Густо перемешанный компот из запахов вливался в нос иисепа.

Вдруг его права бровь дрогнула и ожила. Зверь уснул, но эта бровь, словно шаловливый ребенок, дождавшийся, когда родители оставят его одного и выйдут из комнаты, вскочила и стала расхаживать взад и вперед. Наконец, она замерла у переносицы и, по всей видимости, окликнула подругу.

Вторая бровь также дернулась и тут же рванула к переносице. Обе о чем-то пошептались. Их нервозность передалась ушам. Уши больше не похивали сами собой в разные стороны, они насторожились и оба повернулись в противоположную от солнца сторону.

Иисеп подпрыгнул и принял стойку сам до конца не осознавая, что с ним делают его инстинкты. Полуоткрыв сморенные дремой глаза, он непонимающим взглядом глядел вверх крон.

Но вот и глаза зверя широко открылись. Он резко выбросил челюсть далеко вперед и спрыгнул в листву.

****

Иисеп мчался что было духу. Его дыхание с хрипом вырывавшееся из груди выдавало возраст. Да, иисеп был уже не молод, однако он был в неплохой форме.

Ветви, листва, стволы деревьев и лианы мелькали под его ногами. Он словно не бежал по верхотуре, а шел по тропе, настолько уверенно и ловко он шел.

Теперь его слух уже отчетливо различал тяжелое дыхание двоих и угрожающие рыки большого количества неведомых ему животных.

Еще несколько прыжков и он очутился в невероятном клубке, состоявшем из переплетенных лиан, втащенных наверх кустов и поломанных веток. Это было лежбище древодной змеи, только невообразимых размеров, ибо этого лежбища хватило на то, чтобы на нем уместились сразу пятеро довольно крупных хищников.

Двумя из них были Сын Прыгуна и Светлый. Последний полулежал, с трудом опираясь на людомарскую пику и прикрывал ею, а также щитом спину Сына Прыгуна, отражавшего атаки сурн, высунувших из-за веток сразу четыре морды.

Людомар выглядел чрезвычайно уставшим. Его одежда была изорвана, выпачкана в грязи и в крови. Он вонял так, как не воняет даже тысяча людомаров.

Не останавливая бег ни на мгновение, иисеп без страха врубился в толпу сурн. Несмотря на то, что это были аномально большие сурны, иисеп тут же сбил двух из них с ветки, а третью ухватил за ногу и резким движением перевернул на спину.

Пятая и шестая сурны, прилипшие к стволу дерева, с диким визгом бросились на неожиданного визитера. Иисеп просел под их налетом и едва не сорвался с ветки, однако его хозяих быстро оценил ситуацию и тут же атаковал замешкавшихся хищников. Одна из сурн полетела вниз с распоротым боком, а вторая ошеперилась небольшими кожными иглами.

Противостояние продолжалось недолго: людомар отвлек внимание зверя рукой, но удар нанес ногой. Животное потеряло равновесие и повисло на передних лапах. Они разжались, едва кинжал вонзился к горло сурны.

Еще прыжок и Сын Прыгуна очутился под иисепом, который челюстью душил одну сурну, вторую подмял лапой, а третьей терпеливо позволял рвать свою шкуру.

Удар кинжала и три сурны свалились замертво.

— Отпусти ее, она подохла, — улыбнулся измученно людомар, поглаживая иисепа. Тот недоверчиво смотрел себе под нос на безвольно повисшую сурну.

— Людомар, — тихо позвал Светлый, — приди ко мне. Что произошло?

****

— Боги леса покарали нас.

— За что?

— То неизвестно. Но кара это есть. Таких зверей отродясь леса не порождали, как не возможно муравью породить омкана. Все соразмерно, все... Когда песчинка рождает бурю, когда капля разрождается наводнением — нет в этом причины, но лишь воля богов.

— Почему они ополчились на нас?

— Я не знаю. Но у нас теперь с ними нет мира. У нас война. А потому все вокруг нас будет меняться. Оно уже начало... далее будет только сильнее, виднее, страшнее...

— Ты хочешь воевать с Богами: с Владыкой и с Зверобогом?

— Слышишь ли ты меня? — Светлый поморщился от боли. — Зверобог и Владыка оставили Чернолесье. Сюда пришли другие боги. Они победили наших богов.

— Мы не сможем драться с богами, — людомар смотрел на старика как на умалишенного. — Мы можем уйти. Мы должны уйти вслед за нашими богами, людомар.

— Кхе-кхе-кхе! — то ли закашлялся, то ли засмеялся Светлый. — Про то я говорил тебе еще на Грязной тропе. Нам некуда идти, Сын Прыгуна. Дремсы могут затеряться в смердящих ямах, но мы всегда будем иными среди олюдей. Мы подобны пасмасам, только стоим с другой стороны, — Светлый склонил голову и натужно улыбнулся.

— Не тревожь себя разговором, — подошла к ним людомара. Она держала в руках разрезанных вдоль стебель. Приложив его к ране, она стала дуть на легкий дымок, который пошел от плоти старого людомара. — Ты еще не скоро сможешь идти. Можно, — кивнула она Сыну Прыгуна.

Тот стал вытаскивать из одной из коробочек муравьев размером с мизинец и прикладывать их головы к ране старика. Челюсти маленьких хищников тут же сжимались, придавливая края раны друг к другу.

— Ох, — протянул Светлый.

— Не помогло? — удивился людомар. Он вытащил из второй коробочки нескольких крупных насекомых похожих и на комаров, и на клещей. Поднеся их к краям раны, людомар дал им возможность впиться своими хоботками в тело старика.

— Меньше болит. Хватит, — прохрипел тот. — Нужно собратся всех людомаров и увести их прочь их Чернолесья.

Если бы в этот момент мек, на котором Сын Прыгуна проживал последние несколько десятков снегов, рухнул, подобный случай потряс бы его намного меньше, чем слова старика.

— Людомары никогда не покинут Чернолесье, ты это знаешь, — нахмурился он. — Даже не проси нас об этом. Мы...

— Я не прошу, я буду требовать... приказывать, если придется.

— В Черных лесах живут наши души. Как можем мы обойтись без душ. Этот мек для меня дороже всего. Как смогу я его оставить здесь? Кто будет охранять лес? Очищать его? Омкан-хууты, огнезмей и другая нечисть никогда не изведут нас и ты это знаешь.

— Это только начало, мальчик мой, — старик улыбнулся побелевшими губами. В глазах его стояли слезы. — Все, что мы видели — это только начало.

— Оставь ему силу, — подошла людомара. Она дала старику настой. Тот поморщился:

— Что там так гремит? — Неожиданно лицо его вытянулось. — Пасмас?!

— Лоова проснулась, — спокойно сказала людомара. — Она не увидит тебя.

— Ты хочешь уберечься от огнезмея и омкан-хуута, от сурн, когда водишь с собой пасмаса? — Светлый был искренне поражен.

Тут только об этом факторе подумал и Сын Прыгуна. В новом свете девочка предстала его внутреннему взору в виде трубы соуна. Только эта труба будет постоянно дудеть, заявляя всем и каждому на много полетов стрелы вокруг о движении людомара.

— Откуда ты ее взял?

— Пасмасы оплатили мне возвращение их детеныша.

— Как давно?

— Когда шел к тебе. После дождя. Я тогда встретил омкан-хуута.

— Видишь!!? Видишь ли?!!

Людомар невольно оглянулся.

— Разве не видишь, что это знак! — старик нервозно приподнялся. — Пасмасского детеныша привязали к тебе... это знак.

— Какой знак? Я отнесу его обратно в деревню... и все...

— Нет. Боги сказали тебе, что в Чернолесье ты отныне... мы все отныне, как пасмасы. Мы громкие...

— Я передвигаюсь неслышно.

— Раньше. То было раньше. А теперь все другое. Они другие, а мы прежние. И нам нет здесь места.

— Огнезмей не сумел меня поймать.

— Ранее змеи никогда не охотились на людомаров.

С этим было сложно поспорить.

— Нам некуда идти, Светлый. Смердящие ямы не примут нас. Олюди не любят нас, хотя мы с ними одинаковы по крови.

— Подземные леса, — прошептал старик, — подземные леса.

— Это легенды.

— Нет, — вскричал Светлый. — Это не так. Это не может быть так, когда такое творится!

— Их никто...

— Мы их найдем. Только это спасет нас от полного истребления.

— Владыка сокрыл их от взглядов наших. Мне отец говорил, что никому их не отыскать.

— Он не знал всего. Легенда и подземных лесах говорит о том, что они будут скрыты до тех пор, пока не настанет время им снова возрасти.

— Ты думаешь...

— Время пришло.

Старик снова приподнялся и приказал людомару запоминать. Он проговорил названия двух десятков трав, камней и животных, которых Сын Прыгуна должен был раздобыть.

На выходе от Светлого, Сын Прыгуна неожиданно для себя оказался в руках Лоовы. Девочка лучезарно улыбалась. Она устроила засаду на него и поймала, едва его шея оказалась в зоне ее досягаемости.

Удивительно, но почувствовав себя в ее объятиях, ощущая кожей толчки бьющегося сердца ребенка, ее теплые ручонки, Сын Прыгуна вдруг преисполнился невероятной решимости. Опасность угрожает всем им — внезапно он осознал всю ее серьезность. Медлить нельзя. С этого момента, с вот этих самых объятий его прежняя жизнь навсегда растворяется в прошлом. Его мысли, его желания, его чаяния — все должно измениться, все должно быть подчинено только выживанию. Теперь он сам для себя почти перестал что-то значить. С этого момента он стал орудием, он стал оружием, с помощью которого теплые неумелые и слабые ручки Лоовы будут защищать ее от всех напастей.

****

Людомара плакала. Раньше ее слезы бы испортили Сыну Прыгуна целый день. Он много думал бы о них, переживал. Но с недавних пор все круто изменилось. Мир, который он знал с детства перестал существовать. Новый мир, Чернолесье без людомаров, не представлялся больше чем-то по-утренне свежим, по-дневному насыщенным, по-вечернему теплым и уютным. Чернолесье без людомаров стало местом плача, местом смерти и постоянной темной ночи.

Людомара плакала. Ее слезы не смущали Сына Прыгуна. Каплей больше, каплей меньше. В том потоке слез, который вскоре обрушится на всех них, эти несколько слезинок не представляли большой ценности.

Старик уверенно уходил от них по нижней кромке ветвей. Его рана была плотно перебинтованна. Он шел не оглядываясь. Он торопился.

Сын Прыгуна в пол дня собрал все, что нужно было старику, а людомара, всхлипывая, приготовила напиток, который в Чернолесье называли каплей жизни. Настой собирал все силы, которые оставались в теле в один мощных комок энергии. Его хватало на несколько дней. После этого несчастный умирал.

Шкуры, в которые был одет Светлый быстро затерялись среди листвы. Шорох его шагов еще долгое время долетал до слуха Сына Прыгуна.

Неожиданно людомар понял, что то небольшое, что связывает его и всех людомаров со старым Чернолесьем и есть Светлый. Охотник остро почувствовал параллели между состоянием леса и состоянием самого старого представителя из его народа.

Лес не выстоит без людомаров, подумалось Сыну Прыгуна, но выстоят ли людомары без леса?

Пир был в самом разгаре. Дробно гремели барабаны, играли дудки, перестукивали своими палочками рикоты — самый любимый брездами инструмент. Посреди зала шла бешенная пляска, от которой ближайшая мебель подскакивала на добрую половину ладони, а от посуды шел такой грохот и звон, что могло показаться словно бы по ней лупили что есть мочи невидимые музыканты.

Обстановка была самая что ни на есть раскрепощенная. Вино лилось рекой настолько же широкой, как и та, что протекала под стенами замка и через каждые несколько мгновений принимала в себя отходы пира: то обглоданные кости, то поломанные деревянные плоски, а иной раз и дико орущего участника пира, проспорившему кому-либо что-либо.

Луна устало смотрела с небес на эту каждодневную вакханалию и печально ополаскивала в воде реки свои лучи-руки, которыми мгновенье назад обласкивала потную лысину кого-либо из гостей.

Свечение кристаллов, воткнутых в искуснейшим образом выполненные подставки, освещало все действие и лицо того, кто сидел во главе столов, стоявших кругом вдоль стен залы.

Сидевший широко, но бессмысленно улыбался; таращил глаза то на танцующих женщин, трясущих своими соблазнительными телесами, то на свет кристаллов, то на луну, часть которой он видел в окне напротив себя.

Нельзя сказать, что пиршество возглавлял человек уродливый, но и красавцем его однозначно нельзя было назвать.

Брезды вообще производили весьма разностороннее впечатление на тех, кто их видел. В их расе, как ни в одной другой осталось заметно перемешивание кровей, которым брезды никогда не брезговали. Представители их расы нравились и олюдям (пасмасам, людомарам, дремсам, холкунам и эврам), и грирникам, и саарарам, и даже тааколам (если брездом был карлик). Были среди брездов и ярко-рыжие великаны, способные с одного удара уложить разом нескольких дремсов, были и черноволосые стройные ловкачи, лазившие по деревьям не хуже людомаров, были и беловолосые пройдохи, промышленявшие стрелковой охотой и наемничеством, с одной стороны, но и занимавшие высокие посты, с другой. Было много помесей, форматов и подвидов, — такое разнообразие, какое не снилось ни одной другой расе.

Брезды были самыми развитыми на Синих Равнинах. Они держали в своих руках производство лучшего оружия, контролировали почти все торговые пути через свои земли, и не давали ордам каннибалов-грирников и разбойникам саарарам проникнуть на Великое Прибрежье со стороны Подводного перехода. Они же держали контроль над Синей Тропой — одной из двух безопасных дорог, которая вела от Прибрежья через Черный лес к Предгорью.

Несмотря на свою силу, брезды отличались беспокойным нравом перемешанным с повышенным чувством собственного достоинства. Именно поэтому не прошло и сотни лет с

момента их появления, когда этот сильный и воинственный народ начал раскалываться на множество осколков.

Так появились брезды-великаны, брезды-плюгавые, брезды-белые и брезды-короткие.

Брезд занимавший почетное место во главе пиршества прозывался на Синих Равнинах Глыбой, был не менее шести локтей ростом, трех локтей в плечах и с такими мощными и длинными руками, какими можно было без труда валить деревья. Этим он, кстати, занимался многие годы до тех пор, пока его не выбрали боором.

Мало кто смог сказать, глядя на него, что он очень не доволен собой. Между тем, это было именно так. Глыбыр в который раз давал себе клятву не напиваться до "остановки глаз". Ему очень не нравилось то состояние, в которое он всегда впадал, когда перепивал. Его глаза, вдруг, становились очень тяжелыми. Такими тяжелыми, словно бы это были не глаза, а пни столетних синих дубов, которыми очень славилась местность вокруг замка.

Вот и теперь, перепив, они сидел и хмуро смотрел на луну. Ему совершенно не хотелось на нее смотреть, но именно на ней его взгляд вошел в цикл "остановки глаз".

— Шта-а мне эта луна? — медленно перемалывал он языком свои мысли. — Пляшут. Туда надо смотреть.

Он еще и потому не любил это состояние, что становился чрезвычайно тупым. Он и так считал себя не очень умным, ну а после выпитого и вовсе становился идиотом.

— Шта-а ты на меня... меня вылупила-а-ась? — просил он луну, и тут же внутренний голос сказал ему: "П...п...перестань говорить на луну!" Он усмехнулся, не перестану. — Шта-а ты вылезла? Брысь вон!

Он не заметил, как раздавил рукой деревянную кружку. Вино из нее бурным потоком устремилось до его локтя, а с него водопадом опало на ляжки и пол.

— Мокро, — донес он сам до себя и разозлился. — А ну-у, пусти меня! — пробурчал он луне с трудом поднимаясь.

Он не ожидал, но луна напоследок лучом из-за кромки окна так приложила его между глаз, что он потерял равновесие и груздем повалился на пол к еще нескольким десяткам таких же как он сраженным на повал.

Ни он, ни кто другой кроме стражи не услышали в тот момент, что в ворота замка глухо постучали.

****

Замок Боорбрезд возвышался над Немой лощиной подобно скале. Боорбрезд был первым местом, где поселились брезды много веков назад. Они не зря выбрали это место для своего проживания. Немая лощина по праву носила свое имя. Редки были случаи, когда ее можно было без труда разглядеть полностью. Даже в самый яркий солнечный день по дну лощины стелился зеленовато-сизый туман.

Только истинные брезды находили это место милым их сердцу и живописным. Все остальные жители Синих равнин старались не заглядывать в эту глушь, затертую между невысокими скалами и пологими холмами, отделявшими Десницу Владыки от равнин.

Для тех, кто никогда не был в лощине, она не представляла, на первый взгляд, никакой

опасности.

Путь в Немую лощину пролегал по галечному берегу Брездских вод или в простонародье Синего языка — широкой полноводной реки, несущей свои воды из Пасти Боорбогских гор, раздленных Немой лощиной с севера на юг.

Лощина претворяла собой вход в Долину Брездов — исконную вотчину гигантов. Именно ее и защищал Боорбрезд.

Со стороны замок не походил на укрепление, которые можно было встретить во всех направлениях от Боорбогских гор. Он представлял собой чрезвычайно высокую и толстую стену из валунов, скрепленных раствором, состав которого был известен только брездам-гигантам. Стена взбегала от подошвы по отлогим склонам холмов и крепилась обеими концами в стены скал, сделав их своими естественными башнями. В стене, как и в скалах было устроено множество помещений — целый город жил внутри.

Боорбрезд тянулся с запада на восток более двух полетов стрелы и был так широк, что по вершине стены могли проехаться не менее десяти повозок. Со временем брезды обустроили и саму стену, выстроив на ней целую городскую улицу, увенчанную изысканного вида дворцом, сооруженным мастерами-холкунами.

В отличии от подножия, вершина стены была открыта всем ветрам и не ощущала недостатка в солнечном свете. Оттуда, с вершины взгляд наблюдателя всякий раз увязал в клубках тумана, который, частично, поднимался из реки, частично, пригонялся в лощину равнинными ветрами.

Брезды-гиганты вместе с белыми брездами властвовали над Синею равниной. Много веков прошло с тех пор, как они отбили ее у саараров и грирников, загнав последних на Десницу Владыки — небольшой полуостров между Боорбогскими горами и равнинами. Брезды не стали преследовать своих врагов, зная, что Десница Владыки окружена морем, пустынна и плохо обжита. Брезды понадеялись на то, что их враги перемерут от голода. Однако этого не произошло. Саарары приспособились жить в оазисах Десницы, а грирники приучились есть саараров и иную живность, на которую они охотились, доходя до самых Боорбогских гор.

Никто не знал, когда саарары и грирники нашли Подводный переход с Десницы в Темные земли на другом краю Великой воды. На некоторое время они перестали беспокоить равнины и память о них почти совсем выветрилась из голов жителей Синих Равнин, но с недавних пор дальние разезды коротких брездов верой и правдой служивших гигантам и белым брездам стали доносить об ордах саараров, хлынувших из-за Большой воды на земли Десницы.

Белые брезды были сильно обеспокоены этими новостями и разнесли по равнинам весть о великом сборе всех своих сил.

Со всех сторон стали стекаться отряды холкунов, брездов-гигантов и пасмасов. Собиралось внушительных размеров воинство, готовое в любой момент выступить в поход.

Всякий раз, когда приходили новые отряды брезды устраивали пир. Приветствия, взаимные похвалы и братание придавали всему мероприятию невообразимый задор. Те, кто находился в Боорбрезде уже много дней начинали беспокоиться о своем бездействии.

Долина Брездов была сплошь покрыта массивными, но приземистыми кожанными палатками воинов. Всюду и всегда доносился гомон, гогот и звон оружия. Обучение войск шло безостановочно.

Наконец, черные маги — чернецы — определили лучшее время для выхода в Десницу

Владыки. Едва лагерь узнал, что вскоре будет дело, как воины пришли в такое ликование, что мигом выпили весь запас кислого брездского вина (в походе пить запрещалось).

В вечер последнего дня перед выходом воинства в ворота замка-стены постучали.

****

— Кта-а?

— Открывай. Это холларк из Онеларка.

— Почему ты пришел? Тебя не звали.

— Мне нужен Боор. Я пришел не один.

— Тогда все предстаньте перед нами. Не скрывайтесь в тумане.

К воротам из сизой пелены выступили еще несколько фигур.

— Пусть каждый назовет себя или мы вас не пустим.

Каждый из вышедших назвал себя.

— Почему тот... вон тот скраю не называет себя?

— Он назвал.

— Мы не слышали.

— Он сказал...

— Пусть сам говорит.

— Я Сын Прыгуна. Людомар.

Наступило молчание.

Ожидание длилось достаточно долго. Тем неожиданнее и громче был скрежет, известивший путников о том, что ворота открываются.

Из-за створок ворот к ним выдвинулся целый отряд воинов. Их рост был огромен. Даже людомар, возвышавшийся над холкунами на голову, казался коротышкой в сравнении с вышедшими брездами.

— Я впервые вижу их. Гиганты, и впрямь! — прошептал один из холкунов.

— Назови себя еще раз.

— Холларк из Онеларка.

— Следуй за нами, холларк из Онеларка.

Они вошли в ворота, которые охраняли только две стены накрытые хлипенькой крышей и лестницу, поднимавшуюся на высоту десяти локтей. Лестница упиралась в ворота еще более мощные, чем были первые. За вторыми вратами, ведущими внутрь стены, показались третьи. Как и вторые ворота над первыми третьи нависали над ними на высоте шести локтей и были хорошо укреплены.

Холкуны восторженно смотрели по сторонам. Редко приходилось им видеть такую мощь.

Кристаллы света тускло мерцали в кромешной тьме, но были достаточно сильны, чтобы глаз мог заметить путь, по которому идти.

Людомар не замечал ни мощи крепости, ни ее суровой красоты. Он с трудом дышал, так как вонь, в которую он шагнул была непереносима. Судорожно порывшись у себя в карманах он выудил из одного из них кусок плотной материи и накрутил себе на лицо, оставив только

глаза. Покинув лес он всякий раз клял себя за то, что боги одарили его таким обонянием.

Лестничные пролеты чередовались с веревочными лифтами и подъемниками, прерывавшими путь наверх. Пришельцы проходили мимо узких окон-бойниц, в которых горел свет и слышались пьяные вопли и песни.

Никто из путников не рискнул бы сказать, сколько времени они шли. Но наконец им в лицо дыхнул прохладой свежий горный ветер и луна заиграла серебром на крышах домов.

— Будете ждать до утра. Боорбрезд сейчас спит, — сказал начальник стражи, вышедший им навстречу из небольшого строения прямо у лестницы. — Располагайтесь вон там. — Он указал на угол одного из домов. — Еду вам принесут утром. Тогда же будет разговор.

****

Утро наступило стремительно.

Людомар внутренним чутьем уловил солнечный свет, упавший на крыши домов. Ему показалось, что он проснулся очень быстро. Но когда он открыл глаза, солнце заливало своими лучами уже не только крыши, но и стены домов.

Перистые облачка на небосводе резво разбегались в стороны, прячась от дневного света в ущельях, лощинах и небольших долинах Боорбогских гор. Подобно ватаге резвых мальчишек они мчались промеж скалистых вершин, цепляясь за них отворотами и подолами своих полупрозрачных одеяний.

Как часто случалось Сыну Прыгуна наблюдать подобное же с вершины своего мека. Тогда спокойствие нападало на Великолесье. Ночной ветерок стихал окончательно и вся природа замирала в ожидании тепла. Выпадала роса. Ее капли стекали с верхних частей крон на нижние, и если не знать про это, то у корней деревьев Черного леса могло показаться, что пошел дождь.

Людомар зевнув, раскрыл свой плащ и, поежившись, поднялся на ноги.

Темный угол здания не был гостеприимен к ним, но жители Редколесья, а тем более Чернолесья и не привыкли к тому, что жизнь всюду приготовила им удобства. Довольствовались тем, что есть.

Сын Прыгуна огляделся. Улица была пуста.

В несколько прыжков он оказался на крыше дома, угол которого был облюбован ими на ночь.

Едва охотник оказался на крыше и огляделся, его дыхание сбилось. Никогда до того он не пребывал на такой высоте. На несколько мгновений ему показалось, что он птица и парит высоко в небесной синеве.

Под его ногами простиралась громадных размеров живописная панорама. Ее необычность сразу же бросалась в глаза. Оттенки ярко зеленого и синего соседствовали с чернотой увядания и вечной смерти; налитые жизнью стебли, ветви и стволы растений через какие-то несколько шагов переходили в высохшие скрючившиеся как у старухи изломанные линии погибших деревьев, кустов и трав.

Тысячелетние скалы, упирающиеся своими вершинами в самую суть небосклона, покоились на сочно-зеленых холмах, пологие склоны сбегали вниз к самой реке и на

подходе к ней теряли свою жизненную силу и красоту.

Там, где зелень соприкасалась с вечным туманом Немой лощины, жизнь прекращалась. Зелено-синие цвета тускнели и превращались в коричнево-черные.

Людомара невольно передернуло, когда вспомнилось, как они шли вдоль Брездских вод, утопая в смердящей пелене и видели вокруг себя лишь только пожухлость и смерть.

Теперь он видел, что в каких-нибудь ста шагах от их тропы буйствовала растительность, пели птицы и кипела жизнь. Эти воспоминания, наложенные на то, что он видел сейчас и дарили то необыкновенное чувство контрастности, появившееся у него при первом же взгляде на лощину.

Он обернулся и посмотрел на Долину Брездов, ожидая увидеть примерно такое же зрелище.

— Людомар, — позвали снизу, — где ты есть?

Сын Прыгуна вздрогнул и поспешно засунул себе в уши пробки.

— Я здесь. — Он спрыгнул вниз.

— Что ты там делал? — спросил начальник стражи и подозрительно покосился на него.

— Я смотрел... кх... кхе... — Охотник закашлялся. С утра было очень тяжело кричать.

— Куда смотрел? Что ты хотел увидеть?

Сын Прыгуна рассказал.

Начальник стражи криво усмехнулся, утратил к нему интерес и приказал следовать за ним.

Через некоторое время они вошли во дворец и тут же попали в изумительной красоты залу, где на троне, вырезанном из прозрачного красно-зеленого камня восседал великан брезд. Он строго посмотрел на вошедших.

— Зачем пришли и что надо? — просил он.

— Я холларк из Онеларка, — выступил вперед старый холкун. — Мы принесли тебе тревожные вести.

Великан расхохотался.

— Иных вестей в последнее время и не получаем. Как сказали нам беллеры, мир изменчив и каждый новый вздох уже не тот, что был.

Пришедшие молчали с трудом переваривая слова боора.

— Говорите же, — приказал тот.

— Из Черного леса дурные вести...

— Знаю-знаю, — отмахнулся тот. — Омкан-хууты досаждают вам. Но я отвечу вам так же, как отвечал и тем, что приходили сюда не так давно. Они тоже оттуда. Дремсы. Вы разучились охотиться и драться, и в этом мы вам не помощники. Я не могу приказать своим воинам гоняться за этими зверушками по всему Чернолесью. Что у вас еще? Если это все, идите.

— Мы пришли говорить тебе о гигантских сурнах и огнезмеях. Мы хотим рассказать о Глухолесье. Оно разлилось и убивает Черный лес. Леса наполнились чудовищами, которых никто из нас и из наших предков никогда не встречал.

— Если ты не слышал, холларк, я повторю: не приходите ко мне, коли разучились драться. А ежели так, то холкуны, как я слышал, бережливые. У вас есть рочиропсы. Наймите на них кого-нибудь из наемников. Пусть они сделают за вас вашу работу.

— У нас не так много кристаллов, боор. И мы не сможем нанять брездов, но не потому, что не готовы. Даже вы не управитесь с этой нечистью.

Боор скривил губы.

— В прошлую большую луну я отправил в Чернолесье, по Грязной тропе, больше сотни своих воинов. Огнезмей убил их всех. Мы привели к тебе свидетеля.

Людомара вытолкнули вперед.

— Вы говорите, что он убил всех. Как же это? Вот этот сухопарый-то жив! — Боор снова загоготал. Венки на его лице вздыбились от натуги и грозили лопнуть.

— Прекрати ржать!

Все находившиеся в зале вздрогнули от глухого рыка, отрывком разлетевшегося под сводами помещения.

Из-за каменного трона под свет солнечных лучей шагнул гигант еще более высокого роста. Его лицо было помятым и недовольным, а довольно большой выпуклый лоб носил следы лежания на полу, сохранив на себе четкий отпечаток каменной кладки.

Холларк, людомар и все пришедшие с ними замерли в недоумении.

Боор и вправду осекся, и смущенно сполз с трона. Его занял вновь вошедший.

— Я Глыбыр, боор брездов Синих Равнин, — обратился он к холкунам. — Комл, — обернулся он на бывшего боора, — присмотри за воинами. Когда Еиг взберется на Престольную гору мы должны выйти. — Он поворотил свое лицо к просителям:

— Что такое огнезмей. Опишите его.

Холларк неожиданно для всех смешался и подтолкнул к трону Сына Прыгуна.

— Людомар?! — искренне удивился Глыбыр. — Подойди ближе. Я знаю, что ты говоришь очень тихо. Подойди же. Хм... Я никогда еще не видел людомаров.

Охотник приблизился.

— Это правда, что ты способен услышать звук тетивы и полет стрелы направленной в тебя с расстояния в сто шагов?

— Я не знаю.

— Ничего не слышу. Подойди ближе. К уху. Почему на твоем лице... а-а-а! Ха-ха-ха! Ты не переносишь нашего духа. И про это я слышал. Еще я знаю, что вы ходите по деревьям и не живете с женщинами. Все это правда?

Охотник кивнул.

— Мне всегда казалось, что вы повыше да посильнее будете. Ну да ладно с этим. Поведай мне об огнезмее.

Людомар рассказал все, что знал.

Боор внимательно выслушал и попросил подать ему бревно, неуместно лежавшее в углу залы.

— Ударь его своим ножом. Ты ведь бил огнезмею ножом? Бей так, как тогда.

Людомар вытащил нож и почти наполовину вогнал его в дерево. После схватил рукоятку двумя руками и вогнал лезвие еще на два пальца вглубь.

Правая бровь боора взлетела на лоб.

— Ты сильнее, чем кажешься. И таким ударом ты не смог пробить его кожу?

Сын Прыгуна кивнул.

— Отойди от меня, — приказал боор людомару и обратился к холларку:

— Ты уплатил нам дань в прошлый снег?

— Да, боор. Онеларк уплатил все, как ты просил.

Гигант кивнул и с хитрецей покосился на людомара.

— Я слышал, что черные охотники не платят дань боору.

Все обернулись на Сына Прыгуна.

— Нет, — отвечал тот простодушно. — Мы никогда не платили.

— Тогда почему ты просишь от меня защиты?

— Я не прошу. Я пришел вместе с холкунами.

— Они заплатили тебе?

— Нет.

— Тогда почему ты проделал столь длинный путь?

— Черный лес погибает. Людомары его хранители. Мы должны его спасти. Так сказал мне Светлый. Так я понимаю сам.

— Светлый еще жив? — раздался удивленный голос из-за трона. Он был тихий и его расслышал только людомар.

— Я дам вам воинов. Остальное обговорите с ними сами. Идите прочь. Я устал.

Холкуны и людомар пошли к выходу. На стене было довольно ветренно. Они почувствовали себя карликами, когда очутились на улице до отказа забитой войсками брездов.

Хорошо вооруженные и экипированные воины заполонили собой все пространство.

— Тысячи тысяч! — восхищенно проговорил кто-то из холкунов. — Куда они идут?

— В Десницу Владыки. Там снова появились полчища саараров и грирников.

Все обернулись. Рядом с ними стоял старый высокий брезд. Его кожа было мелового цвета.

— Беллер, — выдохнул благоговейно холларк и опустился на колени.

— Поднимись. Не нужно это. Не для чего это, — мягко улыбнулся беллер. — Меня зовут Доранд, — начал он, попутно отвлекаясь на поклоны брездов-гигантов, которые почитали старого белого брезда. — Я слышал ваш разговор с боором. Слышал, что говорили вы об огнезмее и сурнах. Не уходите прочь прямо сейчас. Оставайтесь. У меня много дел, но я хочу поговорить с вами.

— Достопочтенный Доранд, — невольно поклонился холларк, — боор не давал нам позволения пребывать здесь. Мы не смеем ослушаться, ибо знаешь ты, как поступают с ослушниками.

Вместо ответа беллер протянул сухую руку с длинными пальцами к груди холларка и прижал ее. Холкун невольно ухватился за руку и в его ладони оказался черный кристалл. Беллер развернулся и скрылся с глаз.

— Что это значит, холларк? — загомонили холкуны. — Что он тебе дал? Дай посмотреть. Покажи!

Холларк с непониманием осматривал кристалл.

— Я и сам...

Внезапно его передернуло. "А-агх!", фыркнул он, словно ему в ноздри залили воды. Его снова дернуло. Он схватился за руку и людомару показалось, что холларк попытался выбросить кристалл.

Неожиданно конвульсии холларка прекратились. Он развернулся и пошел прочь.

— Что это с ним?

— Пойдем следом?

— Куда это он?

Продолжая перешептываться холкуны последовали за ним.

Длинная череда лестниц, подъемников и перекидных убирающихся мостиков снова

замелькала в глазах людомара.

Через некоторое время они оказались у почти у ворот. Однако холларк вдруг свернул вправо и пошел так быстро, словно всю жизнь провел в замке.

Некоторое время спустя вереница путников остановилась у угла, из-за которого слышались разговоры женщин.

Это были обыкновенные женские сплетни, которые рождаются в головах прекрасной половины независимо от расы. Терпеливо выслушав по-меньшей мере три рассказа о глупости, несчастной любви и снова глупости, холкуны и людомар увидели, как женщины ушли восвояси.

Холларк тут же прошел вперед и скрылся, соскользнув в отверстие в полу. Холкуны не на шутку всполошились:

— Что он?..

— Куда?..

— Что нам делать?

— Я не пойду за ним.

— Холларк...

— Не ори!

— Что делать-то будем?!

— Я иду следом.

— А я не пойду.

— Кто-нибудь знает, что там?

— Нет, никто.

— И я здесь впервые...

— И я...

— И я тоже...

— Я прыгаю.

— погоди. Позови его. Холларк. Тише зови, дурень!

— Он молчит.

— Мы не можем бросить нашего холларка. Как мы покажемся в Онеларке? Что скажем? Я иду за ним.

— И я тоже...

— Я с тобой...

— Хорошо, мы все идем.

— Может, все же дозовем его.

— Нет, мы все идем. Вперед.

Один за другим холкуны стали пропадать в отверстиях. Когда очередь дошла до людомара, он не медлил не секунды. Его тонкий слух донес всплески, доносившиеся сквозь глухую пелену тумана.

Стена. Скольжение. Краткий полет и людомар с головой ушел под воду.

Когда он вынырнул, туман гудел от взволнованных холкунских голосов.

— Где холларк?

— Я не вижу его.

— Ищите.

— Холкуны, здесь решетки.

— И с этой стороны тоже.

- Мы в западне.
- Не выбраться нам. Нет берега. Одна вода.
- Лезем на решетку.
- Я нашел его. Он... спит.
- Тащи его сюда.
- Не могу. Он ухватился за решетку и спит.
- Холкуны, на решетку. Неизвестно, что скрывают Брездские воды.

****

Весь день над головами холкунов и людомара гремели барабаны и ревели трубы. Гулкие переходы крепости слатывали тяжелую поступь пехоты, боевых груххов — громадных животных, походивших одновременно и на быков и на носорогов. Войска весь день вытекали из цитадели, подобно металлической реке и скрывались в тумане.

Словно стая мелких птиц по зиме, нахохлившихся и недовольных всем на свете, холкуны облепили одну из решеток, которая перегораживала путь в Долину Брездов по реке.

Волнение и разговоры постепенно стихли. До самого вечера со стороны горожан доносилось лишь покашливание, недовольное шмыганье носом и стук зубов.

Река мерно протекала под ними иной раз создавая между прутьями решетки небольшие водовороты и завихрения.

Охотник сидел у самого потолка арки и апатично смотрел на Долину Брездов. С его насеста она была видно плохо, точнее было видно лишь продолжение лощины и только вдалеке яркими красками цвели неведомые ему деревья. До его носа доносился их аромат, пробуждавший с желудке неприятное клокотание.

Только тут людомар вспомнил, что не ел со вчерашнего дня.

Он порылся у себя в заплечном мешке, вытащил оттуда размякший кусок мяса и готов был впитаться в него, когда один из холкунов задал ничего не значащий вопрос: "Что это?"

Сын Прыгуна посмотрел на вопрошавшего и заметил, что вода реки остановилась. Эту остановку было очень сложно заметить, потому что легкая рябь все еще нарушала гладкое стекло реки.

— Я-то и думаю, чего это мне стало теплее, — произнес другой холкун.

— Чего это она... встала? — пробормотал третий.

— Смотрите, — четвертый указал в сторону Немой лощины. — Смотрите, холкуны. Воды потекли вспять!

Река и впрямь стала менять течение и потекла в горы.

— Не к добру это... не к добру.

— Взберитесь все повыше да отдерите холларка от решетки.

— Я могу подрезать ему сухожилия.

— Нет, не надо. Он же еще жив. Хотя и околдован. Я сразу ощутил, не к добру, когда беллер передал ему черный рочиропс.

— И я...

— Я тоже.

— Оставим его там, где есть. И пусть боги решают его участь.

— Верно. На все воля богов. Поднимайся выше, ребята.

— Это грезры, холкуны. Я видел такое... мне отец рассказывал. Они останавливают реки и заставляют их течь вспять, — неожиданно вскричал один из воинов.

— Чего ты мелешь? Зачем это... пугаешь?!

— Отец мне говорил о них. Клянусь нашим Онеларком, своими детьми, женой и домом. Пусть отберут у меня все это, если это не грезры идут. — Лицо говорившего мертвецки побледнело.

— Он прав, холкуны, и я про то слышал, — проговорил воин с длинной седой бородой. — Значица так, ребята, — неожиданно решительно закричал он. — Забирайся повыше да плащами закрывайся с ног до головы. Иначе эти твари пожрут. Нельзя им давать место, чтобы вцепиться зубами. Трясите плащи, как услышите, что в них грезры биться начали. И да прибудет с нами Владыка. Молитесь, холкуны!

Все бросились вверх по решетке.

— Чего здесь все сгрудились! Переплывай на ту решетку!

Людомар, которому стало вдруг очень тесно, бросился в воду и поплыл в сторону второй решетки. За ним спрыгнуло несколько холкунов.

Вдалеке послышался гул. Он приближался.

— Не могу бросить холларка, — сказал кто-то и сиганул в воду.

— Стой, дурень. Его не спасти.

— Я подрежу ему пальцы. Я быстро.

— Стой!!!

Сын Прыгуна быстро взобрался на решетку и закрылся плащом, придавив его подолом ногой. Он быстро отвязал от пояса веревку и обвязал ее вокруг талии. Освободив таким образом вторую руку, он вооружил ее кинжалом и принялся ждать.

Его слух отчетливо различал писклявый гомон, доносившийся из воды; тысячи маленьких плавников и хвостов били по воде и над всем эти гудел странный фоновый звук. Вода словно бы кипела.

Холкун подплыл к холларку, попытался несколько раз без ножа отодрать его от решетки, потом взобрался на нее и вытащил кинжал, но не успел пошевелить им между пальцами.

Людомару показалось, что их всех сунули в кипящий котел. Река вдруг забурлила. Все пространство наполнилось гулом такой силы, что людомар оглох. Холкуны что-то кричали глядя в его сторону. Он повел глазами и увидел, как воин, который пытался помочь холларку, захлебываясь в крови, безуспешно отбивался от сотен небольших рыб-жуков. Они вгрызались в его ноги, пролезая в них полностью; они ползли под его кожей, пролагая себе дорогу мощными челюстями и зубами-лезвиями. Холкун отчаянно отбивался, но вдруг замер, кашлянул, грудь его сделала несколько судорожных попыток вдохнуть и он изрыгнул из себя несколько грезров, повиснувших из его рта на остатках его же легких и гортани.

Мертвец рухнул в воду, мгновенно окрасившуюся в красный цвет и на глазах изумленных друзей превратился в обглоданные кости.

Холкуны открывали рты и выпучивали глаза. Людомар не слышал, но понимал, что они кричат от ужаса.

Воспользовавшись их замешательством, рыбы-жуки набросились и на них. Выпрыгивая из воды, они сотнями вгрызались в обвислые плащи холкунов, перемалывали их как в

жерновах и впивались в плоть.

Один из воинов допустил грезра себе в руку, некоторое время в ужасе следил, как тот прогрызается к локтю, дико заорал, вытащил меч и с одного маха отрубил себе руку у локтя. Кровь длинной струей брызнула в воду и по ней, как по веревке к нему стали выпрыгивать все новые твари. Он быстро потерял сознание и его бесчувственное тело было съедено прямо на решетке.

Людомар замечал все это пока сам орудовал обеими руками. Природа наделила его стремительной реакцией, а Чернолесье развило это качество до недостижимых для холкунов размеров. Полниеносный бросок рыб-жуков к телу жертвы был стремительным только для холкунов. Сын Прыгуна замечал каждое их движение. Он вошел в то состояние, в которое входили охотники, когда гнались по лесу за добычей.

Время и все движения вокруг замедлились.

Грезры, выпрыгивая на него, тут же попадали ему в руки и лопались в них белыми шариками. Их тельца служили пищей для себеподобных. Кинжал почти не пригодился.

Защищаясь, людомар не отводил удивленного взгляда от холларка. Удивительно, но ни один волосок не упал с его головы. Рыбы-жуки его словно бы и не замечали.

Вдруг из-под воды донесся протяжный стрекот и рев.

Зрачки людомара сузились, а потом расширились с новой силой.

Холкун рядом с ним не смог противостать грезрам и был съеден до пупка. Одним ударом кинжала людомар перерубил его пальцы и бросил тело в воду. Атака грезров на мгновение захлебнулась.

Охотник быстро срезал с себя плащ, обрубил веревку, державшую его у решетки и очень вовремя совершил длинный прыжок.

Вода за решеткой, на которой сидел людомар и еще пара холкунов разверзлась и изрыгнула из себя рыбину вместо рта которой были щупальца.

Кеорх!

Людомар знал ее запах. О нем доносили ему вещи с затонувших лодок, которые пытались проникнуть вглубь Чернолесья, где реки кишели кеорхами. Ему не доводилось встречаться с этими чудовищами лицом к лицу, но звуки их приближения он помнил так же хорошо, как звуки любого зверя в Великих лесах.

Холкуны, получившие удар с тыла, была разорваны щупальцами на несколько кусков и сброшены в воду. Лишь одинокий изорванный зубами рыб-жуков плащ одного из них, зацепившийся за решетку висел, как печальное напоминание о трагедии, которая здесь произошла.

Между тем, людомар допрыгнул до отверстия в стене, из которого женщины забирали воду, ухватился за его края пальцами, подтянулся и увидел, как прямо на него движутся три девушки. Быстро сообразив, что делать, он подался назад и забросил свое тело на ближайшую стену. Она оказалась мокрой, поэтому охотник пополз вниз, но у самой кромки воды снова нашел опору и тут же прыгнул, оставив за собой запах, на который устремились сотни грезров. Все они промахнулись и убились о стену.

Еще один прыжок. Удачная попытка зацепиться за край каменного выступа. Еще прыжок. Скольжение по стене. Быстрое взбирание вверх по еле заметным выступам. Прыжок. И вот он уже дотянулся до противоположной решетки.

В живых осталось лишь три холкуна: двое на решетке и холларк. Он по-прежнему спал. Атака грезров продолжалась. В конце концов оба воина были стащены в воду и съедены.

Людомар был вне себя от ярости. Он ощущал себя зверушкой, загнанной в клетку. Зверушкой, над которой потешаются почему зря. Несмотря на бессилие и озлобленность, он не упустил из вида прекрасную идею — наловил, убив, несколько десятков рыб-жуков и сложил их себе за пазуху. Вот обед и готов.

Вода перестала кипеть ровно также неожиданно, как и начала. Река снова остановилась и через некоторое время потекла в привычном направлении.

Людомар огляделся. Лишь тряпье холкунского плаща на другой решетке напоминало, что здесь когда-то были олюди.

Охотник вздрогнул, когда большое деревянное ведро с громким всплеском упало в реку. Послышалось кряхтение и женские голоса:

— Вот-вот, вышла замуж, учись!

— Крома, иди быстрее, мы уже почти доделали.

— ... мне так показалось. Я ему об этом и сказала. Он выпучил глаза: не знаю, говорит, ничего такого не слышал. Тут-то я ему все и рассказала...

— Крома!

— Слышу я! Иду!

— Как твой мальчик себя чувствует?

— Слава Боорбогу, Киррин, пошел на поправку. Крома! Чертова девка. Говорила ему, не вводи ее в дом. Только и делает, что языком треплет.

— Иду!..

— Терпи. Не надо таких слов. Сами мы такими были.

— И я так раньше раздумывала. Ан не осталось нервов. Луна прошла, а нервов уже нет.

— Здесь я.

— Кидай.

В воду полетело ведро.

Людомар вытащил одного из грезров и впился в него зубами. Мясо было жестковато, но на голодный желудок еды не выбирают.

Неожиданно послышалось шлепанье по воде. К охотнику плыл холларк. Его глаза были черны настолько, что не было видно белков.

— Возьми, — взобрался он к людомару и сунул ему в руку черный кристалл.

Камень ожег запястье охотника. Тот попытался отдернуть руку, но кристалл уже прилип к его коже.

Бросив остатки рыбы в реку, Сын Прыгуна схватил камень рукой и стал оттягивать кожу.

— Оставь, — сказали ему.

Он обернулся. Рядом с ним снова спал холларк.

"Не тронь!" — Звук словно бы доносился из самого охотника.

Вдруг острая боль разошлась от запястья с кристаллом до самых кончиков волос. От неожиданности людомар потерял контроль и беспомощно повис на решетке, удерживаемый поясной веревкой.

Он с ужасом увидел, как камень стал проваливаться под его кожу, а после в вовсе двинулся вверх по руке. Тело начало ломить от боли. Он пытался остановить подкожное движение камня, но ему это не удалось. Кристалл взобрался на плечо, перемахнул ключичу и замер только лишь когда пересек шею и добрался до затылка.

Голова охотника отяжелела. Он стал засыпать.

Яркая вспышка заставила его тело взбрыкнуть так, что он больно ударился головой о решетку. Перед его внутренним взором появились два абсолютно белых глаза с двумя звериными зрачками в каждом.

Неведомая сила потянула его вперед, протащила по воде, втащила на стену, проволокла сквозь отверстие для забора воды и потащила по переходам и коридорам замка в неизвестное ему место, обозначившееся в памяти в виде неясно различимой в полумраке комнаты.

****

Камнеземье неприветливо просало в лицо Глыбыра сухие колючие россыпи черно-серого мелкозернистого песка. Если бы не особая ткань, которой все войско накрыло себе глаза, не прошло бы и половины дня, как половина воинов лишилась бы зрения.

Ветер протяжно завывал, полоская и хлопая в воздухе знаменами армий. В воздухе не было пыли — она не была ведома Камнеземью, вместо нее везде и всюду носилась остробокая пылевая каменная крошка. Подобно наждачной бумаге она отирала собой броню солдат и груххов.

Ноги и лапы животных и войска утопали в песчаннике.

Унылое однообразное пространство широко раскинулось со всех сторон от воинства.

— Боор, — подъехал к Глыбыру Комл, — разведчики просят к тебе.

— Допусти.

Подожли несколько дремсов. Они подняли руки вверх в знак приветствия и почитания.

— Что вы увидели?

— Мы видели много следов вон там, — указали они себе за спину. — Но они пропадают так, словно саарары взмыли в небо.

— Нашли ли вы следы птиц? — спросил боор.

— Нет. Мы не увидели и не услышали их присутствия.

— Могли ли птицы подхватить их.

— Следы ясные. Саарары шли на конях, а потом просто исчезли.

— Такого не бывает. Если это не магия.

— У саараров нет магов. Не выросли еще, — усмехнулся Комл. — Дремсы не...

— Всему свое время, — одернул его боор и снова обратился к разведчикам: — Что вы еще увидели?

— Больше ничего.

— Идите прочь.

— Что они рассказали? — спросил Глыбыр, оборачиваясь к небольшой свите воинов, ехавших за ним на груххах. Все ехавшие пожали плечами.

— У них не может быть магов. Они только недавно познали лошадь и научились возводить дома, — произнес Глыбыр задумчиво.

— Они пропадали надолго. Их могли научить, — вмешался в разговор молодой беллер — белый брезд. Он ехал слегка в стороне в сверкающих доспехах. Его стройное тело и молодое свежее лицо беззастенчиво улыбалось всему и всем. Это был его первый поход и он

ожидал от будущего только волшебства.

Остальные брезды ехали насупившись. Они были в том возрасте, как дома приятней, чем в походе. Обрюзгшие тела и одутловатые лица с трудом помещались в фамильные шлемы.

Глыбыр снова нахмурился. Это не был первый его поход, но впервые он встречался с необычной тактикой саараров. Во все века до этого бои между брездами и саарарами проходили честно и просто. Они встречались в открытом бою и брезды неизменно избивали "лошадников", так они презрительно называли саараров. После подобных битв можно было быть уверенным в том, что в ближайшие десятилетия они не побеспокоят окрестности Боорбогских гор.

Этот поход был совсем другой, хотя начинался, как и все предыдущие.

Покинув Немую лощину армия свернула на Острокаменную тропу и шла по ней до тех пор, пока впереди не замаячили облезлые хвосты на стягах саараров и олюдские черепа на вымпелах грирников. Как и за века до этого два беспокойных племени снова пришли к Боорбогским горам в единой связке.

Глыбыр привычно расставил войска и двинулся вперед.

Оба войска сошлись друг с другом под дикий грохот щитов о щиты. Грирники по росту мало чем уступали брездам и оказали достойное сопротивление, но все же были смяты и изрублены. Удар груххов с обеих флангов довершил разгром войска пришельцев.

В тот момент и началось то необычное, что продолжается по сей час.

Глыбыр неожиданно заметил, что груххи не смыкают фланговый охват в полноценное кольцо окружения. Словно в тисках они сдавили саараров и грирников, но и только.

— Почему они встали, Комл!? — закричал Глыбыр. — Почему стоят?! Прикажи им охватывать саараров по тылу.

Сказав это, боор занялся самым любимым своим делом. Понукая грухха, он врубился в толпу саараров и стал рубить их направо и налево, снося своим мечом по два, три врага за раз. Недаром его прозвали Длинномеч.

Верные друзья Глыбыра, друзья еще с тех самых пор, когда он и не помышлял стать боором, намеренно не выходили вперед него, давая ему потешить себя горячей рубкой до изнеможения.

Неожиданно меч Глыбыра на излете ударился в щит одного из друзей. Он с удивлением заметил, как охрана оттесняет врагов от него.

— Боор, скачи за мной. Ты должен это увидеть. — За спиной Длинномеча оказался Комл.

Тяжело дыша Глыбыр недовольно покосился в сторону врагов. Снова приходилось заниматься тем, чем заниматься совсем не хотелось. Он развернул грухха и поскакал вслед за Комлов.

Тяжелый отороченный дубленой кожей плащ Комла подрагивал от езды, а Глыбыр задумался — в который раз за короткое время — почему он должен слушаться этого старика. Говорят, Комл пережил трех его предшественников и был самым опытным воином в Синих Равнинах. Глыбыр не знал, так ли это, да и никогда не стремился это узнать — не было времени. "Да-а, быть боором — быть не собой, правильная поговорка", — с горечью подумал Длинномеч.

Всю жизнь его любимым занятием была война. Музыка состоявшая из звона металла о металл, предсмертных хрипов, криков отчаяния и боевых рыков, воплей раненных и визга

погибающих животных, — вот такая музыка ласкала его слух. Снопы искр порождаемые полотнами мечей и секир, бьющимися друг о друга или по твердотелому щиту, — это был феерверк, от которого Глыбыр всегда невольно открывал рот. Смрад от спекшейся крови и разложения, запах терпкого пота, исходящего от солдатских тел и тел дикарей из Приграничья и Поморья, где Глыбыр был завсегдатаем, словно изысканный аромат услаждал его нюх.

Вдруг мысли Глыбыра прервались и даже само сознание замерло, тонко натуженно дрожа где-то глубоко внутри. На миг он потерял ориентацию и едва не сполз с грухха.

Они с Комлом въехали из-за дерущихся армий, проехали слегка вдоль левого фланга и остановились.

Все пространство позади саараров и грирников занимала армия такого числа, какого ни один даже самый умных дрезд не мог бы выдумать. Насколько хватало глаз беззвучно и неподвижно стояли стройные ряды неизвестного воинства. Доспехи тускло горели под лучами полуденного солнца. Вся эта армада напоминала замерзшее море, готовое по первому сигналу разразиться страшной бурей.

Пот пробил Глыбыра. Боевой раж мгновенно слетел с него и место воинского безумия заняло то качество, которое выделило его из тысяч иных воинов и сделало боором.

Не говоря ни слова он развернулся и понесся обратно. Подлетев к резервной тысяче груххов, он выхвател у знаменосца стяг с изображением Боорбрезда и ринулся вперед.

Удар тяжелой кавалерии был страшен. Сотни саараров взметнулись в воздух, переворачиваясь в нем как безвольные куклы, еще столько же было примято толстенными ногами быконосорогов.

Враги дрогнули и в беспорядке побежали.

— погоди, боор! — закричали у самого уха Глыбыра. Он оглянулся. За ним скакал Комл. — Останови атаку. Ты погубишь всю армию. Их во много раз больше.

— Поди прочь, коли так говоришь. Мы приросли саарарскими трусами и грирскими бабенками. Они пойдут впереди нас, расчищая нам дорогу.

— Оставь этот замысел. Их перерубят. Ты не видел разве? Позади них стоят не саарары и не грирники. Они изрубят их, а потом тебя.

И снова, во второй раз, молодецкая удаль стала таять, уступая место расчету.

— Со мной идут только груххи, — зычным голосом крикнул он. — Все остальные, стой!!!

Тут же взревели трубы и армия нехотя, но остановилась.

Брезды на груххах продолжили погоню, тысячами избивая саараров и грирников. Несчастные метались между двумя армиями, отчаянно крича и взывая к своим богам.

Со своего грухха боор видел, как солдаты неизвестной ему расы с невообразимой скоростью, точностью движений, словно бы не чувствуя усталости, принялись довершать со своей стороны то, что делали брезды со своей.

Когда Глыбыр приказал своим воинам остановиться, между ним и передовым рядом неизвестных войск оставалось всего двадцать — двадцать пять шагов. На этом пространстве заваленном тысячами трупов саараров и грирников стояли растерянно озираясь несколько сотен выживших врагов.

— Возвращаемся, — приказал Глыбыр. Его зоркие глаза разглядели глаза одного из неизвестных воинов. Они были зеленые и необычайно большие. Противник зорко следил за каждым движением боора. Не было сомнений, что он понял, кто перед ним.

— Мы не нападаем на вас, — закричал им Длинномеч, — уходите!

По всей видимости его слова были услышаны. Как только груххи отошли на безопасное расстояние, неизвестная армия как один развернулась и стала быстро удаляться.

Изумление читал тогда боор на лицах своих солдат. Изумление и, самое страшное, тайный ужас, в котором и сами солдаты, даже если их спросить, не признались бы себе.

— О, великий Боорбог, сколько же их здесь?! — прошептал Комл.

Только сейчас, имея возможность сравнить две армии, Глыбыр понял, что величина его армии не шла ни в какое сравнение с армией, уходившей прочь.

— Беллер! Позовите беллера, — вскричал Комл. — Беллер! Скажи нам, кто это?

— Это наше завершение, — проговорил подошедший маг. — Венец всех изменений, которые пришли к нам. Это и радость наша, и бич Синих Равнин; это и свет, и тьма для Похолмья; это беда для Чернолесья. Это...

— Боор, — уже в третий раз повторил Комл.

Глыбыр вздрогнул. Он словно бы очнулся. Воспоминания о странной битве, произошедшей несколько лун назад были еще слишком свежи и он часто погружался в них с головой.

— Комл? Ты... э-э... я... — Длинномеч замолчал растерянно.

— Они перед нами, — кивнул Комл перед собой.

Далеко впереди снова виднелись знамена. Но это была не неизвестная армия. Это были саарары и грирники. Снова они и в еще большем количестве. Они двигались тремя колоннами окружая войско боора.

"Это наше завершение", — вспомнил Глыбыр слова беллера.

— В круг! Встать в кру-уг! — заорал он пехоте. — Груххи... все груххи ко мне!

— Боор, что ты намерен делать? — спросил его Комл.

Глыбыра удивило плохо скрываемое торжество на лице Комла, но он счел это за подъем чувств в момент смертельной опасности.

— Буду достойно завершать начатое мной, — бросил он Комлу. — Ты не пойдешь с нами. Ты останешься. Ты им нужен. Мне иной раз кажется, что ты бессмертен. Ты им нужнее.

Вокруг боора собралось не более пяти тысяч груххов с всадниками.

— Беллер сказал нам, что это наше завершение, — обратился к ним Длинномеч. — Вот это, это и вон там! — Он указал по-очередно на все три колонны, молча обволаивающие их стальным потоком. — Не слишком много, брезды! Я думал наше завершение будет побольше. — Лишь немногие лица искривились в улыбке. — Это наша последняя атака. Это наш парад. Боги смотрят на нас. Они восхищены. Вперед! — Он обернулся к Комлу и лиц последнего изменилось: Комл увидел совершенно другого боора — его лицо было холодным и чрезвычайно спокойным.

— Если у меня получится остановить их и потеснить, ты уходи прямо за моей спиной. Иди спешно. Я огражу их от тебя.

Теперь уже Комл растерялся, но кивнул.

Лавина груххов понеслась на левый фланг саараров, но не доходя до них одного полета стрелы, вдруг резко свернула и бросилась в лобой удар по центральной колонне, и снова ушла в сторону, обрушившись с тыла на не ожидавшую этого правую колонну.

Всего несколько минут потребовалось груххам и их брездским наездникам, чтобы истребить с десятков тысяч врагов.

— Не преследуйте! Храните силы! — кричал Глыбыр. Он был радостен и всякий раз оборачивался, глядя на основное войско. Оно не двигалось.

Его зоркий глаз быстро определил место, где бегущие саарары правой колонны смешали ряды центральной части войска. Груххи тут же ударили в это смешение и разорвали колонну пополам.

Только тут боор подметил явное нежелание саараров и грирников сражаться. Когда же он в который раз врубился в их ряды, то был изумлен. Он увидел, что все они связаны между собой железными цепями, их лица измождены, а тела иссушены.

Холодный пот пробил его. Такое воинство не могло быть ему опасно, но почему оно шло на него закованное, словно бы рабское. И снова величайшая радость озарила его душу: раб недостойный противнику свободному! Он победит. Снова! Снова!

Боор оглянулся и замер в недоумении. Войско под руководством Комла продолжало стоять на месте, хотя левая колонна не только остановилась, но и стала отступать.

— Комл!!! — закричал Глыбыр, широко расширив глаза. Его недоумение сменилось изумлением, а потом и яростью, когда он увидел как основной стяг — стяг Боорбрезда — стал медленно клониться долу.

Его войско сдавалось.

До слуха Длинномеча донесся грохот. Подобно камнепаду он стремительно приближался. Дикие крики саараров и грирников из хвоста колонны подтвердили приближение чего-то необычного и ужасающе мощного, неостановимого.

Боор гляделся вперед и увидел, как прямо на него неслись животные более походившие на исполинских полу ящеров полу слонов. Их приземистые силуэты, массивные раздвоенные носы и нижние челюсти в виде лопаты, утыканной острыми клыками не оставляли шансов груххам боора. По сравнению с этими чудовищами груххи казались игрушечными.

Монстров было всего шесть, но их удар был настолько молниеносным и мощным, каким бывает разве что удар гигантской волны о пологий берег.

— Ко-о-о-омл!!! — взревел Глыбыр.

Через мгновение его грухха подняли на челюсть-лопату и подбросили высоко в воздух. Клык насквозь проткнул ногу и сильно повредил руку боора.

Падения оземь он уже не почувствовал. Тьма сокрыла от него первое поражение.

****

— Пройди в комнату, — призвал его тихий голос.

Людомар послушно вошел. Он сам удивлялся тому, как его тело быстро и беспрекословно подчинялось приказам голоса.

В голове немного шумело от того, что в ней поселился кто-то иной помимо самого Сына Прыгуна. Идя по длинными коридорам замка, перепрыгивая с мостка на мосток, протискиваясь сквозь потайные щели, людомар не переставал удивляться, насколько хорошо знает замок тот, кто засел у него в голове. Его загодя предупреждали о нежеланных встречах, заставляя прятаться в тени углов, не минуты не медля уводили в сторону с пути какого-нибудь случайного прохожего.

Прошло довольно много времени прежде, чем Сын Прыгуна достиг комнаты, которую видел внутренним взором и слышал голос, звучание которого ощущал лишь изнутри головы.

Он прошел в совершенно пустую комнату, голые стены которой покрывал налет из многовековой пыли. Паутины, привычной в таких случаях, не было.

Посреди комнаты прямо в воздухе висел беллер. Людомар узнал его. Это был тот, которого они встретили на выходе от боора.

Глаза беллера были закрыты, а тело вытянулось насколько могло. Его руки были вытянуты вдоль тела и весь он словно бы тянулся к потолку.

— Ты пришел наконец, — проговорил он удивительно бодро, громко и так, словно и не пребывал в полудреме. — Ты устал, я вижу. Грезры прелестные, но весьма беспокойные создания. Они утомили тебя. — Это был даже не вопрос.

Он знал — беллер знал про грезр!

Сын Прыгуна сделал вид, что не удивился.

— Ты сильно удивлен? Молчи. Можешь не отвечать. Эта комната исполняет все желания. Абсолютно все. Кто хочет говорить — говорит, кто не хочет — не говорит; кто хочет слышать — услышит даже того, кто не хочет говорить.

В небольшом вздохом беллер перевернулся в воздухе и улегся неизвестно на чем. Он продолжал висеть в воздухе.

— Сделай так же... если хочешь. Оно поддержит тебя. Всякое желание. Я же говорил.

Людомар подумал о том, что неплохо было бы присесть. Он сделал робкий жест и к своему удивлению ощутил как воздух под ним стал сгущаться.

— Ляг отдохни. — Беллер сел в воздухе. — Я люблю проводить здесь время. Много времени. Оно здесь не существует. Здесь его бесконечное множество.

Людомар с опаской сел, а потом и прилег.

— Я давно ждал тебя. Только когда увидел, понял, что ожидаю тебя. — Старик закричал: — Эти старые брехуны наскребли на таблицах такое, что трудно разобрать даже мне. Но они писали о тебе. Песчинка, уравнивающая подобное подобным, кажется так там написано. Память. Моя память уже не та. Но и написали они не мало. Всего нельзя упомянуть... да и не нужно.

— Зачем ты насрал на нас хищных рыб?

— Грезров? Они всегда выполняют свою работу. За это я и кормлю их. — Старик откинулся назад и сел словно в кресле. — Никому не должно быть известно устройство замка. Как только это станет известно, не останется даже этой цитадели. Все покроется мраком. Боорбрезд умрет, но воссияет. Не сегодня, не завтра, еще не скоро, но грядущее не изменить.

— Ты сам отвел нас туда.

— Мне нужен был ты. Один бы ты туда не пошел. Сам бы остался с ними да и они бы тебя не пустили.

— Они погибли из-за меня?

— Да. Но... ты не должен винить себя. Их путь пуст. Они из тех, чья жизнь или смерть ничего не значат для Владыки.

— Но Боорбог, как я слышал, запрещает...

— Боорбог мертв. Он сдох, когда твоя нога ступила в Немую лощину. Я видел его судороги, я слышал его предсмертный вопль, я видел его тлен!

Людомар не знал, что сказать на это. Крик старика был настолько неожиданным, что

оглушил Сына Прыгуна.

Старик еще некоторое время фыркал.

— Есть некоторые, те, которые не могут примириться с тленом и возрождением; есть те, которые не видят этого; есть те, которые предпочитают не замечать, а есть и такие, которые готовятся к нему. Я их таких. Но чтобы стать мной тебе придется примириться с тем, что там... за этими стенами прежний мир уже рухнул. Его больше нет и никогда не будет. — Старик поднялся на ноги и плавно подлетел к людомару. Тот невольно отстранился.

— Когда ты выйдешь отсюда — не будет во всем мире более одинокого и отверженного существа, чем ты. И ты возрадуешься, когда подумаешь, что мог бы умереть там, вместе с этим холкунами. — Лицо старика исказила презрительная гримаса. — Вот, что меняет нас. Когда перейдешь этот горький ручей, когда опалит он тебя своими гремучими водами, тогда глаза твои откроются и расцветут по-новому. Все новое увидишь ты. Все другое!

Беллер навис над ним и долго смотрел на него.

— Скажи мне еще одно: многое ли ты оставил позади... в том мире.

— Я оставил там все.

Старик громко расхохотался.

— Тем лучше для тебя. Значит я не ошибся. Мой выбор — самый тот. — И он ударил ладонью людомара прямо в лицо.

Необъятная пустота, непроницаемая тьма, гремящая тишина обрушились на охотника едва ладонь беллера прикоснулась его лба.

— Это моя любовь, это моя кара тебе, это моя ненависть и моя боль тебе, о, Владыка. Оставляю ее тебе после себя дабы не свершилось то, что предначертано. — Голос беллера удалялся. — Я оставляю тебя здесь. Я отнимаю тебя у тебя. Я провозглашаю Маэрха в тебе. Нет и не было, но будешь ты вновь. Когда Владыка сокроет очи, когда тьма пронзится светом надежды; когда зло поглотит само себя...

На этом голос старика затих и вместе с ним провалилась в тишину сама Вселенная.

Маэрх

Тусклый свет с трудом пробивался сквозь щели в потолке. Он был серебрист. Робкие нечеткие лучики его ниспадали рваными нитями на грязный, заваленный осколками битого камня, пол. Паутина белесой бахромой свисала по углам. Ветерок, проникавший в комнату неведомо откуда, слегка колыхал ее и озорно играл отдельными прядями.

В углу копошились крысы — эти извечные спутники запустения и тишины подвалов. Их еле слышные шажки вереницей хрустящих звуков пробегали вдоль стен, перемежая со звуками осыпающейся каменной кладки. Тихий писк говорил о том, что крысам было, чем заняться.

Окружающее пространство дышало спокойствием. Это был тот тип покоя, какой свойственен, наверное, только заброшенным домам или клетушкам, в которых обитают очень старые существа, заботящиеся только о том, чтобы дожидаться своего часа на выход в мир иной.

Ярко сверкнул на свету паук, переметнувшийся с одной стороны комнаты на другую. Видимо, крыса пошевелила паутину, а он и рад бросится в пасть к хитрюге.

Непродолжительная неравная борьба. Писк, хрип. Хруст. Путь паука был окончен, и паутина будет дожидаться нового владельца, лениво помахивая лохмами.

Неожиданно в одном из углов помещения нечто зашевелилось. Выдох, вместе с которым туча пыли вылетела на середину комнаты, разнесся по помещению словно бы грохот раската грома.

Все обитатели этого тайного и тихого мирка на мгновение замерли, а после ринулись каждый в свое убежище.

Стена на уровне двух локтей стала медленно со скрипом и скрежетом отходить. Комнату наполнили клубы пыли.

Словно произрастая из пылевого облака, в робких отблесках света, лившихся в потолок поднялась высокая фигура. Она глубоко вдохнула, резко кашлянула и отряхнула руки.

Ожившее в лоне смерти существо медленно и плохо понимающе осмотрелось. Его дыхание становилось все более умеренным. Оно снова кашлянуло.

Он повернул голову в ту сторону, где из щели в стене вытащила свой нос крыса. Заметив, что он смотрит на нее, крыса в мгновение ока растворилась в темноте.

Фигура простояла недвижима довольно долго, прежде чем сделала несколько шагов к стене и навалилась на нее. Потом она подошла к другой стене и повторила то, что сделала до этого. Путь к третьей стене был остановлен громким треском.

Ожившее существо замерло и посмотрело себе под ноги. Его ноги, закованные в крепкие сапоги из дубленой кожи в железа, попирали раздавленные на сотни кусочков части скелета. Скелет был огромен. Это был брездский скелет.

Фигура подалась назад. Снова рздался хруст и существо увидело, что опять раздавило кости.

Существо присело на корточки и потянулось к полу. Оно подняло что-то, зажало это в руке, а после сунуло за пазуху.

Внезапно существо замерло и стало прислушиваться и принюхиваться. Не вставая на ноги, они резко повернулось в ту сторону, откуда тянуло свежестью и, резво поднявшись, подошло к стене.

На этот раз твердь поддалась и открылась. В комнату ворвался порыв ветра. Фигура подалась назад и подошла к нише, из которой появилось. Протиснувшись обратно, существо слегка загромоздило внутри чем-то металлическим и вылезло обратно.

Слабый свет скользнул по двум листовидным щитам на запястьях существа и двум широким, но коротким — в четыре ладони — мечам. Существо было сокрыто под тяжелым чешуйчатым плащом с прорезями для рук.

Убрав оба меча за голенища сапог, существо еще раз рассеянно посмотрело вокруг себя и проскользнуло в щель.

****

Существо в плаще уверенно шло по длинному коридору, выдававшему далеко вперед.

Казалось, ему не было ни конца, ни края.

Постепенно, пространство заполнялось звуками. Слух ожившего явственно различал скрип повозок, далекие голоса и стук шагов.

Коридор оканчивался стеной, однако существо в плаще не стало толкать стену, но нажало небольшой камень у ее подножия. Справа от него открылась небольшая ниша.

Она претворяла собой узкий и низкий проход, идущий все время под уклон.

Существо быстро прошло в нее и стало спускаться. Кромешная тьма, стусившаяся поначалу до такой степени, что глаза ожившего перестали видеть, постепенно рассеивалась.

Спуск окончился неожиданно. Существо едва удержалось на ногах, чтобы не скатиться кубарем в воду, плескавшуюся в небольшом прямоугольном колодце-заводи.

Существо остановилось, качаясь и замотало головой так, словно бы снимая оцепенение. Оно снова тяжело задышало и, оперевшись рукой о стену, долгое время стояло, свесив голову и приходя в себя.

Во второй раз оно рассеянно огляделось и отпрянуло. Из воды на него смотрели сотни маленьких глаз. Они внимательно следили за ним.

— Грезры, — прошептал оживший. — Грезры...

Вдруг его дыхание словно остановилось. Существо попыталось издать вопль, но лишь захрипело, как если бы его начали душить. Затем оно снова выпрямилось и смело ступило в воду. Рыбы-жуки расплылись в стороны, давая ему пройти.

Раздался всплеск и вода сомкнулась над головой существа.

****

Людомар открыл глаза. Серая плоская галька тускло горела под лучами солнца с трудом пробивавшегося сквозь пелену тумана.

Он поднял голову и медленно осмотрелся.

Охотник нашел себя лежащим за большим валуном подле Брездских вод. Река, как и многие века до этого мгновения степенно несла у его ног свои струи.

Сын Прыгуна поднялся на колени и, не удержавшись, упал спиной на камень. К его удивлению, он ощутил у себя за спиной мешок, который сделал его падение мягким. Падая, людомар слышал шелест, от которого душа его оледенела.

"Омкан-хуут", пронеслось у него в голове. Он тут же вскочил и потянулся под ребра за своими кривыми ножами. Там их не оказалось. Продолжая оглядывать окрестности, он словно слепой шарил у себя по торсу. Ножей нигде не было. Наконец, он обратил свой взор на себя и застыл широко раскрыв глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его взору открылась грудь, закованная в мелкосплетенную брездскую кольчугу с шестью пластинами поперек; живот прикрытый частью кольчугой, частью широким кожаным поясом со множество приспособлений-ножен (все они были пусты); его ляжки были обернуты дубленой кожей, прикрытой все той же кольчугой, а на ногах красовались размякшие охотничьи сапоги, списнутые поножами из холкунской стали, такого качества, что на покупку их у всякого в Синих Равнинах да и Великолесье ушла бы не одна жизнь.

Не веря глазам людомар осторожно дотронулся до себя и резко отнял руку. То, чем он тронул броню само было заковано в кольчужку и кожу, усиленную широкими клепами.

В изумлении подняв руки на уровень глаз, людомар в ужасе подпрыгнул. Его ног коснулось нечто твердое, громко загрепевшее. Только тут он заметил, что с локтей его свисают веревки на концах которых болтаются два странной формы щита. Они походили на узкие листья с заостренными кончиками.

Людомар поднял и их, внимательно рассматривая. Прошло несколько мгновений прежде, чем он в изнеможении опустил на прибрежную гальку. Сидеть оказалось не очень удобно, поэтому он стал снимать с себя экипировку.

Оголив торс, он окончательно впал в ступор. Тела, такого, каким он его помнил — молодым, упругим, легким — под кольчугой не оказалось. Он увидел перед собой не сухопарость охотника, но обрюзглость живота перемежающуюся с чрезвычайно развитыми руками и грудью. Людомар с удивлением ткнул пальцем в одну из грудей. Она походила на камень, сокрытый под небольшим мягким одеянием.

Сына Прыгуна вмиг обуяло то чувство, какое редко кому удается испытать. Он ощутил себя закованным в теле другого существа. Бросившись к реке, он увидел в рябом отражении воды силуэт лица, сокрытого шлемом с железной накладкой, скрывавшей нос, рот и подбородок. Трясущимися руками он развязал шлем и снял его с себя.

Великое облегчение и радость напали на него, когда он увидел свое отражение в воде. Да, это был он. Несколько пополневший, но он!

Лицо изменилось: оно стало тверже и... Он не смог найти описание тем изменениям, которые разглядел в своем отражении.

И в третий раз он потратил много времени, чтобы посидеть, уперевшись спиной в холодный приречный валун.

Мысли роились в голове. Вопросы. Их была целая туча. Подобно падальщикам, беспокойным, но безразличным ко всему, они слетались на труп его сознания и терзали его сравнениями, указаниями и наблюдениями.

Почему он один лежит на берегу? Почему он так одет? Что с его телом? Что с ним вообще такое?

Первая атака очевидных вопросов спала когда начало смеркаться. Но за ней прилетели более осмысленные мысли и вопросы.

Что случилось с ним в Боорбрезде? Был ли это сон? Где холкуны? Где холларк? Его хождения по замку, его заплыв с убийцами грезами, — все это был сон? Кошмар?

И наконец, когда сон уже смыкал его веки, в голову медленно заползли остатки вопрошений.

Почему дорога к Боорбрезду пустынна? Почему сейчас так жарко, хотя когда они пришли в замок, было еще холодно? Сколько он пробыл там?

На этом сознание людомара посчитало, на сегодня хватит, и отключилось.

****

Прибрежная галька со скрипом и звоном разлеталась под нажимом тяжелых ног.

Прерывистое дыхание с хрипотцой, срыгивание и пускание воздуха было настолько громким, что людомар еще издали даже сквозь сон прослышал о том, что в его сторону продвигается некто живой.

Из-за поворота реки показались два всадника. Они ехали на странных животных. Те были шестиноги, похожи на ящериц с далеко выставленными нижними челюстями. Из-под верхних челюстей чудищ высовывалось по два клыка. В сочетании с целым рядом клыков на нижней челюсти животные производили грозное впечатление.

Всадники перебрасывались фразами на неизвестном языке.

Проходя мимо приречного валуна одно из животных вдруг недовольно заворчало и стало воротить в сторону булыги.

— Эльш! — прикрикнул сидок на него.

Второй что-то спросил его. Тот ему ответил кивая в сторону камня. Второй слез и внимательно оглядел валун. Потом помочился на него, снова взобрался на свое животное и они продолжили путь.

Едва их силуэты затерялись в тумане, как людомар вытащил из воды всю голову — до этого торчал только нос и часть лица — и внимательно посмотрел вслед странной парочке.

Удивительные вещи продолжали происходить.

Как может некто да еще и с оружием пребывать в Немой лощине? Разве брезды разрешили такое? И, если да, то когда?

Он продолжал еще некоторое время лежать, а потом сел, высунув из воды и торс. Струйки воды стекали по его кольчуге.

Видимо, подумалось ему, недаром он так одет. Что-то поменялось вокруг. Даже не "что-то", а многое. Может быть и все!

Один единственный вопрос мучал его: где же он был все это время?!

Продолжать идти вдоль реки стало делом опасным. Придется углубиться в кустарник на холмах. Это шумно, но если забраться повыше, то вполне сносно.

Порешив на этом, людомар приказал себе отказаться задумываться над тем, почему, зачем, отчего и где, и начать действовать. Самое большее, что он сейчас хотел — вернуться домой.

****

Взобравшись на холм он с восхищением огляделся.

Под его ногами распростерлась туманная река. Зеленовато-сизая пелена медленно струилась в сторону замка. Холмы и горы над ними, как и в то утро, когда он впервые взглянул на лощину с высоты каменных стен, холмы и горы утопали в зелени, оглушали его стрекотом, клетоком, трезвоном, пищанием и щебетанием разнообразных созданий, населявших их склоны.

Как же разительно было отличие вершины от подошвы! Да разве возможно, чтобы что-то стало хуже в этом мире, когда есть такая красота!

Людомару стало немного жаль реку. Она никогда не увидит эти пейзажи. Никогда не вдохнет полной грудью дурманящий сладкими запахами воздух.

Охотнику показалось, что он очутился дома. Стало уютно и тепло. Захотелось отбросить все мысли, лечь прямо в траву и улыбаться солнцу, смеяться вместе с ним, радоваться его лучам, ощущая их на своей коже, играть с ними.

Едва различимый хруст веток быстро вывел его из неги, и Сын Прыгуна не успел даже подумать, как его тело бросилось в траву.

Это был небольшой ками — животное походившее на оленя. Он мерно прошел в нескольких шагах от людомара лениво сдирая с ветвей низкорослых деревьев молодые листочки. Охотник не стал его пугать и дал пройти мимо.

Следующие несколько дней он двигался по предгорьям, спускаясь к реке только для того, чтобы набрать воды и поймать рыбу.

К его удивлению выход из лощины был перегороден довольно высоким частоколом с массивными деревянными башнями позади. На их вершинах горели туслым светом желтые кристаллы.

Людомар долго вглядывался в неизвестно откуда, как и когда появившиеся укрепления прежде, чем разглядел на них таких же воинов, каких встретил в первый же день своего пути прочь из лощины.

Пришлось ждать ночи и под ее покровом пробираться через укрепления.

Несмотря на обрюзглость, охотник без труда взобрался на частокол, перемахнул через него, прокрался через поросшее травой пространство, перебрался через еще один частокол, меньший по размеру, и, наконец, очутился на Синих Равнинах.

Ноги скоро несли его прочь от Немой лощины. Иной раз он закрывал глаза и отдавался бегу, слыша свист в ушах, наслаждаясь тем, как вольный ветер бил его своими порывами по лицу.

Утро он встретил в небольшом перелеске, где взобрался на самое пышное дерево, спрятался в его ветвях и проспал до вечера. Он решил двигаться по ночам пока окончательно не поймет, что произошло в том мире, который он покинул несколько дней назад.

Сумерки спустились на землю и приятным теплым ветерком обдували ее, разомлевшую после довольно жаркого дня. Травы поднимались от земли, цветы тянули свои бутоны к восходящей луне, а деревья придвигали к ней свои ветви.

Людомар проснулся, снял из-за спины мешок, съел сырую немного увядшую рыбу, и быстро собрался в дорогу. Он оглядел свой широкий пояс. Каждая ножна на нем была занята. Он нашел для каждой из них свое оружие в мешке. Теперь у него было два широких коротких прочных меча, два когтеножа, четыре метательных ножа и один простой нож. Кроме этого, в привязи на своих бедрах он нашел по четыре наконечника к копьё. За спиной висели два странных на его взгляд щитка, закрывавших руки и складная плевательная трубочка с дюжиной дротиков.

Вечерний ветер неожиданно принес удушливый запах кислого испарения, от которого першило в горле. Сын Прыгуна вспомнил про шлем. Он его едва не выкинул, потому что посчитал неудобным (людомары никогда не носили шлемов), но теперь шлем очень даже пригодится. Надев него можно прикрыть нос и рот небольшими пахучими мешочками. Охотник только недавно обнаружил эти мешочки внутри шлема. Они крепились к тем его частям, которые закрывали нос и рот. В мешочки нужно было накладывать свежую траву, которая бы отбивала запах и очищала воздух. Людомар знал, что на каждом холме, на всех равнинах, в каждом лесу и даже на болоте и скале есть такие травы.

Ему не составило труда собрать их, уложить в мешочки на шлеме и двинуться в путь.

Вдалеке послышался грохот. Подобно громыханию грозы за горизонтом, он разносился над окрестностями.

Сын Прыгуна хотел было укрыться от надвигающейся бури, но глаза доносили ему, что это вовсе не ненастье. О том же говорил и нос. Непогодой не пахло. Да и зверье, копошившееся вокруг не выдавало своего, приличествующего случаю, беспокойства.

Людомар наткнулся на деревню неожиданно для себя. Она вытянулась в небольшой балке вдоль хилого ручейка. Охотник слышал, где вода набирала силу. Это был источник в одном из склонов балки.

Домишки, лепившиеся у берега ручейка своими силуэтами выдавали принадлежность пасмасам.

Некоторое время людомар раздумывал, заходить ли ему в деревеньку. Любопытство перевесило, ведь это был первый случай, когда он повстречал знакомый ему "пейзаж", который, возможно, расскажет, что происходит с миром.

Грохот за горизонтом не прекращался.

Людомар спустился в балку и быстро прошел к первому домику. Клетушка была совсем старая, покосившаяся — даже для пасмасов она была неухожена на вид. Он заглянул в узкие оконца. Света нигде не было. Наличие живых существ ни слух, ни обоняние не ощущали.

— М-м-м, м-н, м-м-м, — промычали где-то совсем рядом, и из соседнего домишки вышел пасмас.

Запах донес людомару, что это молодой олюдь.

Пройдя несколько шагов, пасмас вдруг осекся, быстро нагнулся и подобрал что-то на дороге. Внимательно оглядев находку, он растроенно сплюнул, отбросил находку и продолжил путь.

Охотник проследил, куда он направился и приблизился к развалюхе, почти землянки, из входа в которую тянуло жареным мясом и овощами. Пахло еще чем-то протухшим, жухлым и застроявшимся, но основной запах еды был неотразим.

Людомар оглянулся по сторонам, прислушиваясь. Никаких звуков приближения кого бы то ни было к деревеньке он не услышал. Охотник прислонил к стене ближайшего домишки щиты, снял заплечный мешок, переменял плащ на обратную сторону, которая оказалась похожей на рубище, убрал за куст шлем и, закрыв половину лица грязной тряпкой, вошел в землянку, оказавшуюся харчевней.

Все находившиеся внутри тут же замолчали и обернулись на него. Все четверо, включая хозяйку харчевни.

Затеряться не удалось. Это раздосадовало людомара, но уходить было нельзя. Все и без этого подозрительно его разглядывали.

— Пожрать мне дай, — сказал он как можно громче и сам вздрогнул о того, с какой силой его голос донес его слова. Даже голос поменялся за день пребывания в Боорбрезде.

Хозяйка — старуха, от которой во всю несло приближающимся тленом напряженно кивнула и указала рукой с зажатой грязной тряпицей направо. Там стоял разохшийся стол и пень вместо стула.

Троица, среди которой был и невольный проводник людомара, придвинулась ближе друг к другу и стала что-то тихо обсуждать. Он не знали, что их шепот прекрасно ему слышим.

Вдруг один из троицы посмотрел на охотника с удивленным лицом. Его челюсть безвольно опустилась вниз, глаза широко раскрылись, он неулюже выдохнул и... залился

мальчишеским хохотом.

Сын Прыгуна невольно вздрогнул. Слишком громкий звук.

— Ухо, — с трудом выдавил из себя хохотавший. — Ухо... у него... во-о... вот так. —

Он приложил к голове ладонь лопухом.

— Где? — заинтересовались другие, беззастенчиво принявшись разглядывать людомара. — Нет же ниче-е.

— Было... было... оха-ха!

Сын Прыгуна все понял. Он и не подумал, что людомарские уши смогут его выдать. Видать, здесь не слыхивали о людомарах. Хотя...

Он уловил испуганный взгляд старухи. Она поднесла ему небольшой кусок жаренной ящерицы, какие во множестве здесь водились. Людомар ел их по пути, но сырыми.

— Деб, — сказала старуха.

Охотник непонимающе на нее посмотрел.

— Один деб, — повторила она, беря плошку в свои руки.

— Что ты говоришь?

— Плати один деб.

— Что это?

Хихиканье в харчевне стихло. Старуха помолчала пару мгновений и поставила плошку перед ним.

— Ешь и уходи, — ласково сказала она, но Сын Прыгуна видел в ее глазах животный страх. — Ешь и уходи. — Она стала медленно отходить, слегка кланяясь ему. — Ешь и уходи!

Он мигом загладил мясо, поднялся и вышел. Хорошо, что все так быстро закончилось. Но что она говорила про "деб".

— Погодь.

Людомар резко обернулся. Трое юнцов с насквозь пропитыми лицами стояли подле него.

— Про ухо спроси, — громко прошептал один. — Про ухо...

— Скажи нам, откуда ты?

— Я из... города... из замка...

Тот, который спрашивал продолжал улыбаться.

— Ты беглый, — просто сказал он. — Поэтому у тебя нет дебов. Ого, пасмасы, он даже не знает, что это такое. — Троица залилась дружным хохотом.

Людомар, сам не зная, почему, полез за голенище сапога и вытащил оттуда фиолетовый рочиропс.

— Это деб, — проговорил он утвердительно, и стал внимательно следить за пасмасами.

Лица последних побледнели. Вопросавший его нервно сглотнул. Их глаза словно бы приросли к кристаллу.

— Откуда это у тебя? — прошептал пасмас.

Людомар и сам хотел бы это знать, но пришлось выдумать, что "мое".

Лица троицы вдруг приняли угоднически пресмыкающее выражение. Один из вышедших быстро исчез в харчевне. И почти сразу оттуда выбежала хозяйка. Она принялась обхаживать людомара с такой любезностью и даже неистовством, что он и сам не упомянул, как снова оказался внутри.

Столы были сдвинуты. Дверь в харчевню плотно прикрыта и подперта, чтобы никто не

входил. На столах оказались сразу все запасы, какие могло произвести заведение. Квартет из присмиривших и благоговейно глядящих на него пасмасов робко расположился как можно дальше.

Что такое? Почему это? Что с ними со всеми стало? Что такого в этом рочиропсе? Да, он фиолетовый. Он дает больше тепла, но ведь и у них есть и желтые, и голубые, и серые. Кого они в нем увидели?

Запахи пьянили людомара. Он в который раз решил на время отставить вопросы в сторону и заняться более приземленным делом.

Скудные запасы харчевенки довольно быстро переключались в его желудок.

— Вы будете жрать? — спросил он, смутно ощущая себя кем-то значимым.

Квартет мгновенно занял места и набросился на питье. При этом ни один не отводил взгляд от глаз Сына Прыгуна. Все ждали его указаний.

Старуха подала наикислейшую бражку. Людомар с трудом выпил ее. Зато пасмасы напирали исключительно на нее и вскоре так напились, что еле шевелили языками.

— А... када...к...када ты его нам аддаш, а? Атдавай... — вдруг обратился к нему один из молодцев. Он протянул руку, но получил такой удар дубиной, что побледнел и со стоном отпрянул назад, завалившись на спину.

Старуха испуганно улыбалась. Она отложила дубинку в сторону.

Людомар отметил, что лицо ее меняется сто раз за миг, когда она отворачивается от него, но ему в лицо она смотрит с неизменной наисладчайшей улыбкой.

Он вытащил рочиропс и протянул ей.

Старуха схватила кристалл и внезапно побагровела.

— О-о, — проговорил медленно второй пасмас. — Он... а-а-а. атдал... слышь? Атдал... Он... ей...

— Тиха, — не сказала, а выстрелила старуха. Она подскочила и стала метаться по харчевенке.

— Не упрячи-и-ишь... мы все ра. а-авно найдем... хи-хи. — И парень с довольной ухмылкой посмотрел на людомара. — Прячит она... ат нас... хи!

Лицо старухи исказила такая гримаса, словно тысячи игл вонзились в ее тело. Она расплакалась.

— Найдут, — прохрипела она. — Отнимут... не скрою... Ох! — Она внезапно выпрямилась и медленно оглядела всех вокруг.

— А а-а-ана миня... ударила-а... а-а-на миня, — стал подниматься из-под стола получивший по руке пасмас. — Нельзя миня... бить...

— Ох! — повторила старуха и дернулась. Ее лицо из багрового стало белым, а у рта и вовсе каким-то серым.

— Я тебе сей...сейчас... — Поднялся на ноги пасмас и пошел на старуху, но та вдруг выдохнула и стоямя рухнула на пол. — Че-е эта-а-а... а-ана? — Удивился парень.

— Ты ее убил, — проговорил второй пасмас.

— Я ее? Я не трогал даже! — тут же протрезвел первый.

— Нет, ты ее убил, — поднялся третий.

Взгляды всех их были обращены не на старуху даже, но на кристалл.

— Ана ж... мать мне, — проговорил первый, но получил удар в скулу. — Че-е ты... а? — Он рухнул подле мертвой старухи, которую начали быть конвульсии.

Два бывших друга принялись забивать его ногами. С пола послышались икания, плач,

стоны и все стихло. Но не успел первый сделать последний выдох, как спрашивавший людомара пасмас — он был половчее — вытащил нож и ударил второго пасмаса.

— Ах ты! — вскричал тот и накинулся на него, но получил еще несколько ударов ножом и грузно опустился на пол обильно опорожняясь.

Людомар в ужасе смотрел на все происходящее.

Оставшийся пасмас наградил каждого из лежавших несколькими ударами ножа, схватил кристалл и хотел было бежать, но его повело на сторону и он упал спиной на стену. Только тут он вспомнил, что убил не всех. Отерев окровавленной рукой лицо и оставив на нем кровавые разводы, он с ненавистью посмотрел на Сына Прыгуна.

Людомар с трудом отходил от увиденного. Даже самый лютей хищник — даже огнемей или омкан-хуут — не будут убивать вот так, ни с того ни с сего! В их убийствах есть смысл. Пусть малый, но есть! А что сотворил этот... этот!..

Пасмас с ошалелой улыбкой пошел на охотника. Людомар поднялся и вытащил из боков сапог два меча.

— Рипс, — почти разочарованно произнес молодчик. — Рипс ты... а-а-а! — Он закричал так, словно ему воткнули в спину кинжал и... разрыдался. — Оставь его мне... оставь! — Вдруг он изменился в лице. Она стало злым. — Не отдам. Не заберешь. Нет-нет-нет! — И снова разрыдался. — Оставь а?

— Сядь, — приказал ему людомар. Его трясло от злости и от желания тут же переломать все кости этому неолюдо.

Плача, парень присел за стол.

— Зачем ты сделал такое?

— Поживи, как я... мы здесь... ты бы сделал. Боги дали тебе сил быть рипсом. Посмотри на меня. Кто меня возьмет? Нож — то, чем я только и умею... — Он положил голову на стол и разрыдался так искренне, что ярость людомара несколько поутихла. Однако решение пришло ему в голову. Он не мог отделаться от него. Оно было навязчиво, сродни указанию свыше, будто бы приказ, который невозможно не исполнить. Охотник сжал зубы.

— Кто такой рипс? — спросил он.

— Ты и есть рипс. У тебя оридонские мечи. — Людомар нахмурился. Его взгляд бегло скользнул по лезвиям мечей. Ничего особенного, они вполне могли быть и холкунскими, и брездскими.

— Как ты это знаешь?

— Они отсвечивают красным. Все знают это. — Паренек перестал плакать и с некоторой опаской оглянулся себе за спину на трупы. До него, так показалось охотнику, стало доходить содеянное. — Да кто ты такой? — Почти накинулся он на Сына Прыгуна.

— Я людомар. — Сын Прыгуна стянул тряпку с лица.

Физиономия пасмаса вытянулась. Он смотрел на людомара, как смотрят на чудо или на божество.

— Что такое рипс?

Парень молчал, продолжая глядеть на охотника. Его глаза, казалось, остекленели, тело обмякло и безвольно расползлось по столу.

— Я как в сказке, — проговорил он, и людомар вдруг понял, что перед ним ребенок. Несмотря на сотворенную мерзость перед ним сидел ребенок.

— Рипс, — напомнил охотник.

— Рипсы служат оридонцам. Они из наших, но служат... оридонцам. — Говоря это,

юноша почти не шевелил губами.

Удар тяжелой ладони людомара по лицу быстро привел его в чувство.

— За что ты их убил? Что такого в этом рочиропсе?

— Рочиропс. Я их не убивал.

— Я видел.

— Нет, это не я.

— Ты.

Пасмас в который раз с опаской заглянул себе за спину. Когда он повернулся к людомару на лице его отразился неопиcуемый ужас и отвращение.

— Я убил их, — пробормотал он. — Зачем...

— О том и я спрашиваю, — проговорил Сын Прыгуна, отвечивая пасмасу очередную оплеуху. — Выпей. — Он придвинул юноше бражки.

Тот долго фокусировал взгляд на кружке, а потом напал на нее с такой силой, словно не пил всю свою жизнь. Он долго и много пил, пока не достиг состояния, когда оборачиваться за спину стало не страшно.

Людомар вынул из его руки кристалл и поднес к его лицу с вопросом в глазах.

— За него ты получишь все, — проговорил пасмас.

— Что, все?

— Все... все! Что ты хочешь?

— Домой.

— Покажи рочиропс и ты купишь любой дом. Возьмешь любую женщину: пасмаску, брездку, оридонку — любую. Тебе даже приведут дремску, хотя их мало, мне говорили.

— Где другие рочиропсы? Почему мой?

— Их нет. Они были, но их нет... Много зим как нет... много...

— Где они?

— Я не знаю. Она бы сказала, — он безразлично мотнул головой на лежащую старуху, — но я ее прирезал. — Он вдруг залился таким диким хохотом, что людомару не удавалось его успокоить ни оплеухами, ни грозным рыканьем — ничем.

Охотник выволок пасмаса наружу и протащил к ручью. Пару окунаний в воду привели его в чувство.

— Говори мне: почему выход из Немой лощины закрыт; кто его охраняет; что за звери блуждают вдоль реки; что за язык у тех, кто едет на этих зверях... — Сын Прыгуна в неистовстве затряс парня, а после бросил в воду и отошел в сторону, приходя в себя. Новый мир навалился вдруг на него со всех сторон. Его мрачные стороны сдавили голову охотника словно в тисках.

— Я не знаю.

— Что не знаешь?

— Зверей.

— Они шестилапы.

— А-а, так это кеорхи. Только малые они. Больших там нет.

— Кто запер Немую лощину? Стена. Говори.

— Она там всегда. Я был еще мальцом, когда мы к ней бегали.

Людомар схватился за голову.

— Ты врешь, — закричал он. — Ты все врешь!!!

Пасмас только пожал плечами.

— Кто там стоит... на стене.

— Дыкки... Они большие?

— Да.

— Дыкки. А при них рипсы. Они разные. Если пасмасы, то...

— Что такое деб?

— Плата за все, что... ну, как это сказать. — Пасмас был несказанно удивлен. — Все, что делается для тебя. Ты за это платишь. Это и есть. Вот. — Он спохватился. — Смотри. — И протянул Сыну Прыгуна камешек неправильной формы с выемками. — Это деб. Он маленький. Он у меня один. А есть поболе. Есть из кристаллов.

— Из таких тоже? — людомар указал на рочиропс.

— Да. Это самый большой деб. Его нет даже у холларков в городах.

"Хотя бы города есть. И есть холларки. Значит, не все еще переменялось!" — с облегчением подумал охотник.

— Эй, вон они! — Внезапно из травы на склоне балки показалось несколько силуэтов. — Вы там... не смейте бежать!

Людомар рванулся вперед и скрылся за одним из домов. Пасмас даже не пытался бежать.

— Помогите! — закричал он. — Убийство... убийство!

— Стой! — Несколько воинов (их броня блеснула в свете луны) оказались подле паренька. — Ты кто такой?

— Я Вирь. Живу здесь, привысокие. Я не хотел бежать. Наоборот. Я звал вас. Я видел людомара. Он здесь. Я видел его лицо. Убейте его! Он убил... там убил. — Послышался плачь.

Воспользовавшись тем, что погоня остановилась, охотник сделал крюк к харчевне, схватил все свои вещи и побежал прочь.

— Руби его, — донесся до него приказ.

— Привысокие, я молю вас. У него рочиропс. Фиолетовый рочиропс. Я держал его своими руками. Он пришел из лощины.

— А ну-ка, погоди. Откуда ты знаешь, что мы гонимся за тем, кто из лощины.

— Он мне сказал, что пришел из лощины. Он странный. Он спрашивал, почему она обнесена стеной.

Людомар присел в тени куста и прислушался.

— И что ты ответил?

— Я ответил, что не знаю, привысокий. — Пасмас отвечал с готовностью собаки, которой приказывают лаять и она лает. В голосе его слышалась надежда, что ему оставят жизнь. Надежда робка, но, вместе с тем, сильная.

— По-моему, он говорит правду, Кин. Не мог он знать, за кем мы гонимся. Что ты говорил про рочиропс?

— Фиолетовый. Большой. Я никогда не видел таких. Он был у меня в руках. Я его держал. Он забрал.

— Рочиропс?! Нет, он сбрендил. Принюхайся, от него разит их пойлом. Как оно называется?

— Туски.

— Туски. Я не вру. Я не вру.

— Хорошо, мы верим тебе. Куда он пошел?

— Я не знаю.

— А-а-а! Вот и выдал себя. Не было никакого людомара. Ха-ха! Приснился он тебе по-пьяне!

— Кин, я видел рядом с ним кого-то. Он был высок. Вполовину выше.

— Да-да, привысокий. Он очень высок и силен. Он убил...

— Да слышали мы про это. Куда он пошел?

— Туда.

— Раньше не знал, а сейчас уже узнал?

— Я и раньше знал.

— Почему же сразу не сказал?

— Я... я...

— Руби его.

— Нет... кх... кх... а-а! — Отрывистый вопль выстрелом разнесся по балке, оглушив людомара.

Все время пока слушал, он старательно прилаживал кольчугу и пояс. Ему стало окончательно ясно, что такое одеяние оказалось на нем неспроста.

Необычайно жгучее желание пробуждалось где-то внутри него. Он не мог понять, что это такое. С ним он начал свой бег прочь от странной деревеньки и только утром, когда залег в поле на отдых, понял, что то желание было жаждой убивать. Перед тем как заснуть охотник вяло испугался своей тяги — раньше он ее не знал — но силы покинули его и их надо было восстановить. И это важнее любого внутреннего желания, даже самого нового. С этим он и уснул.

****

— Кин, ты догнал его?

— Нет, высокий, я вернулся за кеорхом.

— Ты не догнал его?! Как такое возможно?

— Он быстроног.

— Или ты слишком зажрался, протирая задницу и ничего не делая здесь. Возьми весь свой сброд и догони его.

Разговор происходил в большой комнате, одна из стен которой была разобрана. Крыша опиралась на грубо отесанные столбы. Пространство комнаты было завалено шкурами, грязными подушками и другим хламом. Поверх него возвышался тюфяк, на котором возлежало существо с лицом, которое можно было бы признать человеческим, если бы не скошенный к губе кончик массивного носа и не квадратно-зеленые глаза без белков. Существо обладало четырьмя руками и довольно мощным торсом. Ноги было две, но они были коротки. Мышцы ног говорили о том, что конечности были достаточно сильны, чтобы носить такое массивное тело.

Напротив лежащего существа стояло другое создание той же расы. Оно было одето в кольчугу и слегка опиралось на тяжелый щит, который держало нижними более короткими руками. Верхние руки опирались на копья.

— Еще. Скажи Умбу, чтобы изрубил на куски всех, кто находился в башнях, подле которых прошел это... как его... кем бы он там ни был!

— Людомар, так сказал...

— Людомаров нет! — рывкнули с лежака. — Пасмас — пьянь! Он и не такого наговорит. Мне ли тебе... Не отличаешь ложь... — Существо стало задыхаться. — Призови лекаря... призови... Сам, пошел вон... Вернись с этим... лекаря... лекаря...

— Да, высокий. — Кин ударил щитом об пол и вышел. — Чтоб ты сдох поскорее! — оставил он на прощание.

Во дворе куда он вышел, его ждали около двух десятков солдат. Среди них были и пасмасы, и холкуны, и даже два брезда.

— Берите лошадей, груххов и чего еще у вас там. Нам придется гоняться за этим... людомаром, пусть грязь разъест его внутренности. — Он сплюнул. — Ну что встали. Скорее!

Воины бросились собираться.

Когда небольшой отряд выдвинулся из ворот крепости, их провожали заспанные лица стражи на стенах.

— Не спиется тебе, Кин? — усмехнулись сверху.

— Жри труху до коликов в боку, — рыкнул на это Кин. Он был недоволен. Размеренная жизнь: долгий сон, охота в предгорьях и равнинах, женщины, коих было немало под боком, — обо всем об этом можно было забыть на долгий срок. Да, на долгий срок, потому что Кин по прозвищу Хмурый поверил тому пасмасу. Хотя он и был пьяный, когда ему сняли голову, но он говорил такое, что ни один пасмас знать не будет. А это был "запах правды", как называл его Кин.

"Людомар? Пусть будет людомар! Кого я за свою жизнь только не перебил! Людомар не будет лишним". — Он ухмыльнулся и посмотрел на своих солдат. Их лица были тревожными. — "Этим олухам уже вспоминаются легенды. Глупости, которыми кормили их матери. Гнилое отродье. Почему нам не дадут их всех перебить. Труха под нашими ногами. И как воины, тьфу!"

Перед ним открывались бескрайние просторы Синих Равнин, и он проклял и их. Он проклял всех — на всякий случай.

****

Сын Прыгуна не мог спать целый день. Он с интересом рассматривал обширные поля черной грязи, которые раскинулись перед ним на сколько хватало глаз. От них исходил тошнотворный смрад перегноя. Нос людомара разлагал тугой букет вони на мелкие составляющие, и он недоумевал, зачем нужно было рыть ямы посреди равнин, заполнять их грязью из сизых болот и не только, и погружать туда деревья.

Посреди смердящих полей стоял город холкунов. Но что это был за город!

Даже издали было заметно, что его стены вздымаются ввысь на шестьдесят локтей. Мощные надвратные и пристенные башни оцеперились железными кольями, а стены — мелкими шипами. Несмотря на высоту стен, людомар ясно различал за ними крыши, а иногда и этажи внутригородских зданий.

Холкуны никогда так не строили. Это было ненужно. Это было опасно.

Ночь мучительно медленно вступала в свои права.

Пробраться в город труда не составило даже не смотря на то, что охотник проскользнул ровно за спиной лучника, устало расхаживавшего по стене.

Обернувшись плащом, изогнувшись в три погибели и опираясь на палку, людомар медленно побрел по улочкам города. Жизнь в городе замирала до утра. Лишь из кабаков и трактиров доносилась веселая музыка, голоса и звон ударов чего-то об что-то.

Дома жителей были наполнены хорохами, переругиваниями, редкими разговорами и детскими голосами. Где-то заплакал ребенок и мамаша принялась напевать ему колыбельную.

Даже под дыхательную маску людомара ветер принес запахи приближающегося дождя. Может быть это избавит охотника от тошнотворного смрада. Хотя бы на некоторое время.

Хотелось есть, но людомар не знал, что ему делать. Вместе с голодом снова стало вырывать чувство, которое он так успешно подавил перед сном. Внезапно людомар испугался своего инстинкта. Никогда раньше он не ощущал жажды крови, находясь не на охоте.

— Иди... ах ты!.. на... — Звуки донеслись из улочки, в которую можно было проникнуть с соседней улицы. Слышались удары, хрипы. Все закончилось тихим стоном.

Людомар быстро взобрался на стену дома, прошел по небольшому балкону и грузно спрыгнул вниз. Ноги непривычно приняли удар веса тела. Да, он хорошо прибавил в весе.

Ходьба на звук привела его в закуток между какими-то хозяйственными постройками у большого здания. В темноте его глаза различили лежащего и двух стоявших над ним.

Жажда крови стала пробуждаться в нем с новой силой. Задним умом он что-то подумал — сам не понял — но вдруг дал полную свободу своему новому чувству.

Отерев клинок меча от крови, он ощущал трупы грабителей.

Пострадавший от нападения холкун тихо застонал. Он приходил в себя. Нужно было торопиться.

Дебы. Да, он нащупал их. Они были больше, но с теми же выемками. Много.

Охотник вытащил все.

Теперь можно поесть, пришло на ум. И еще: это охота!

От этого заключения Сын Прыгуна резко выпрямился и словно бы прислушался. И впрямь, мало чем отличается от охоты. Только проще. Он ухмыльнулся. Холкуны ему не соперники. Особенно, если в нем правит новое чувство.

— Не убивайте, — простонал лежавший несчастный. Он почти пришел в себя. — Берите. Не...

Людомар вышел на улицу, прошел до ближайшего закоулка и тут же взобрался на дом. Только здесь нервное напряжение несколько спало. Посидев там некоторое время, он спустился вниз и, с чувством натянутой струны внутри, пошел в ближайшую харчевню.

****

Посещение харчевень, кабаков и даже нескольких трактиров у города быстро вошло у

него в привычку. Он нещадно сутулился, чтобы не выдавать свой рост; хромал, чтобы не выдать пружинистую нехолкунскую походку и вскорости приучился вполне сносно существовать.

Денег взятых им в первую ночь оказалось удивительно много, а так как он не умел жить хорошо, то и траты его были минимальны. Даже ел он за раз в нескольких харчевнях, чтобы порциями не привлекать излишнего внимания.

От завсегдатаев питейных заведений он узнал, что находится в холкунском городе Нисиоларке. Одним из самых крупных. Что в этот город со всех равнин спешат приехать, чтобы заработать много дебов. Город занимается тем, чем и многие другие города в Синих Равнинах — он делает черные кристаллы.

— Ну какие это кристаллы. Я помню рочиропсы. То были кристаллы. А это так... трухадень, — сказал старик своему сотоварищу. Они сидели рядом с людомаром и не замечали его. — Рочиропсов уже нет как много зим. После падения Боорбрезда еще побыли чуток и исчезли. Оттого и начали делать трухадень эту, что притеплиться больше нечем стало.

Боорбрезд пал. Была какая-то война. С кем?

Людомар молча, по крупицам собирал ценную для себя информацию.

— Ух и силен был. Да-а-а. Говорили, мог рукой грухха свалить. Одной...

— Да врешь ты все!

— Я тебе говорю-ю-ю... Одной... вот так вот... и тот на бок!

— Ну и где он?

— А не знает никто. Ну и слава Владыке, что сгинул. Сколько он наших истребил. Как поиздевался над нами! — Не молодой, но и не старый еще холкун рыгнул и сплюнул. — У меня отец в Деснице сгинул бы, если бы не Комл.

— Сдался он, вот и спас наших.

— Правильно сделал. Супротив оридонцев силы нет.

— А зачем супротив них идти? Нам что плохо?

— Да не про то я. Я говорю...

— А ты язык-то держи за зубками, — зашипел на него товарищ и с подозрением покосился на людомара.

Тот быстро доел и вышел вон.

Про какую битву они говорят? Когда она случилась?

Подобные вопросы роились в его голове. Он уже давно подозревал, что каким-то образом за один день прошло много... — и как только он доходил до этой части мысли, тут же гнал прочь, не веря, не имея смелости на такую догадку.

Людомар обустроил свое жилище на чердаке одного из складов. Он забросал один из углов так, что тот оказывался словно бы в тисках из груд мусора. Проем между досок был искусно сокрыт кожанной заплатой, а тот факт, что он выходил в глухую стену скрывал появление людомара от посторонних глаз.

В один из дней Сын Прыгуна проснулся от того, что на главной площади города шумела большая толпа. И хотя сама площадь была достаточно далеко, но необычайная насыщенность шума его разбудила.

С нетерпением дождавшись вечера, он направился в кабак (со временем он уяснил, что трезвые холкуны любят поболтать ни о чем, а пьяные холкуны любят поразмышлять о вечном и насущном).

Он узнал, что город окружен войсками. Ищут какого-то беглеца такой важности, какой ранее не бывало. Сперва охотник подумал о себе, но с улыбкой отогнал эту мысль.

Между тем, по улицам стали ходить отряды солдат. Они врываются в дома и переворачивали все вверх дном. Даже на склад заявились несколько отрядов и долгое время шуршали внизу. На чердак тоже поднимались и даже ходили рядом с ним, но мусор разбирать поленились.

Кабаки и таверны наполнились солдатами. Всю ночь служивые куролесили, пропивая свое жалованье. После того, как трое суток людомар не мог урвать поесть, он решил покинуть город.

С некоторым сожалением он оставил его, перебрался через стену, прошел меж полей, проскользнул между лагерями войск и скрылся в ближайшей рощице.

****

Рощица оказалась разделенной надвое витиеватой дорогой, колейность которой показывала, что ей пользуются больше извозчики, чем пешеходы. Избрав направление "от города", людомар пошел вдоль дороги.

Дорога вывела его на погост: огромный курган с несколькими входами, из жерл которых доносился непереносимый запах разлагающейся плоти.

Людомар резко свернул в сторону, чтобы обойти это место.

— Холку-ун! Не бросай! Не проходи! Помоги мне! — донесся до слуха тихий стон.

Охотник замер, прислушиваясь.

— Я умираю... умираю. Не проходи.

Сын Прыгуна задумался: умирает — значит, старик; умрет — значит, не скажет, что видел людомара (хотя если скрывать лицо, то он и так не поймет). Надо помочь.

Охотник скрючился и приблизился к лежавшему в пятидесяти шагах от него старику. Тот был сокрыт краями канавы, вырытой неизвестно зачем. Он был очень худ и бледен.

Старик тяжело дышал. Он ожил, едва тень Сына Прыгуна упала на него.

— Пить! — попросил он тихо.

Ему дали напиться и посадили, вытащив из канавы.

Глаза старика и охотника встретились. Водянистые и, по всей видимости, плохо видящие старческие глаза несколько мгновений вглядывались в глаза Сына Прыгуна. Затем пелена слетела с них и взгляд стал таким, как будто что-то вспоминал. После этого глаза резко расширились.

— Людомар, — прохрипел старик. — Ты живой!

Вместе с досадой к Сыну Прыгуна пришла задняя мысль: этот мне и нужен.

****

Тикки начал свою жизнь как и все холкуны. Он жил в городе в обычной семье. За ум его многие хвалили, но ему взбрело в голову развить и силу. А уж если Тикки что-то взбрело в голову, то выбить это из нее не представлялось возможным.

На свою беду, в пятнадцать лет Тикки стал расти. Он рос и рос, рос и рос, и процесс этот не прекращался до тех пор, пока он не вымахал достаточно, чтобы ему можно было присвоить титул "детина". К необычайной радости теперь уже юноши его заметили в войске холларка и включили в дружину. Служил он верой и правдой. Побывал во многих переделках, но боги всегда благоволили ему.

Все изменила битва в Деснице Владыки на Серокаменной равнине, когда боор Глыбыр был разбит войсками оридонцев и саараров с грирниками.

— Ты их не считай. Они так — ничто! Хвосты, мы их называем. — Тикки с удовольствием уплетал жаренное мясо и всегда дивился, как это людомару удается его так быстро приготовить.

Охотник улыбался, но наказал себе никогда не показывать старику рочиропс.

Тикки оказался одним из немногих, которые осуждали решение Комла сдаться оридонцам.

— Позор. Я б не пережил, если бы у меня не родилась дочь. Ей плакался. Она хороша теперь. На слезах моих выросла.

Оридонцы прибывали со стороны Десницы Владыки в огромных количествах и подступили к Боорбогским горам. Комл призывал брездов сдаваться, чтобы сохранить жизни, но они отказывались. Тогда оридонцы поставили Комла главой над всеми пленными, кого он уговорил выступить против своих, и Комл взял для них все крепости, включая Боорбрезд, ибо не осталось в тех крепостях войной — всех увел с собой на битву Глыбыр.

— Кичился потом, что если б не он, то всех бы перебили. А по мне, так пусть уж лучше бы перебили, чем так жить, как сейчас живем. Брездов заперли в их лощине. Даже в долину свою они проходят только по позволению, чтобы богам помолиться. Унизили донельзя. Что уж про нас говорить...

— Я слышал, что нравится всем, — осторожно вставил людомар.

— Эйх, — отмахнулся старик. — Это новая поросль. Не жили они никогда так, как мы жили. Тяжеловато было, зато по справедливости. Брезды над нами владычили, но хозяевами нам не были. Когда нужно было — помогали. Они нам, мы им. Со временем уж и позабыли, кто хозяин, а кто нет. Это только там, наверху они между собой раскланивались, распшикивались. А мы, простые которые — нам-то что?

Холкуны и при оридонцах смогли сохранить относительное самоуправление, но везде и всюду их заставляли показывать свое почтение и присмыкаться.

— Вот есть там такой или такие — не знает никто — их называют Величайшие. А при них стоят Увеличайшие. Есть еще Великие и Привеликие. Самый поганый оридонец, он мне "привеликий", а я ему "молча". Согнали всех в города. Раньше только холкуны по городам жили, а нынче все кому не лень. У пасмасов деревеньки пожгли и всех к нам загнали. Много работы нам дали. Этот... тьфу... уголь им делать. А от него тепла никакого. И нам же его продают потом. Ввели дебы. Зачем? Мы раньше и без них обходились. Рочиропсы поотбирали. Ранее и одежду мы делали сами, и еду почти всю сами, и телегу построить если надо — сами! А теперь нельзя. Теперь каждый город что-то одно может делать. Даже поесть и то покупать надо по городам поскребом поскребывать. И дошли-то ведь до того, что нет теперь ни холкунов, ни пасмасов, ни брездов — есть молчи. Много-много молчей, которые

присмыкаются и работают за дебы, да еще и радуются тому, что их обворовывают. Земель нас лишили, чести лишили. Так что молчи молча. Эхе-хе! Прилепили нам это потому, как мы все терпеть должны молча. Так и называют теперь молчами. — Старик отхлебнул воды. — А самое-то главное что? При брездах время шло и все различия промеж нами стирались. Уважали мы их, они нас. А при этих? Уж двадцать восемь зим охолодило равнины, а они как считали нас грязью под ногами, так и поныне считают. Я же вот что думаю...

Но людомар больше не слушал. У него закружилась голова. Двадцать восемь лет! Он наконец-то узнал. Неожиданно для себя, но узнал. И даже если бы ожидал, услышанное его все равно бы оглушило.

Двадцать восемь лет!

Небо раскачивалось у него над головой. Небо плыло. Небо танцевало.

****

Путь в Чернолесье резко замедлился. Старик шел небыстро и часто уставал. Он увязался за людомаром так естественно, что у того не поворачивался язык прогнать его. Шли они всегда порознь: старик по дороге, а охотник в лесу. Попутно ему удавалось сразить стрелой какую-нибудь зверушку. Несмотря на то, что лук старика был старым, но все же чувствовалось, что это боевой лук: бил он точно и смертельно.

— На Синих Равнинах, как припомню, много городов наших было. На пальцах не пересчитать. Каждый город славился своими ремеслами, своими умельцами. Даже тракты промеж ними назывались подобающе: Одёжный тракт — по нему города стояли, где процветало портняжество; Кольчужный и Мечный тракты, а Молочный тракт — этот и вовсе самым знаменитым был. Никто на моей памяти до конца тракта не доходил.

— Отчего же это?

— Упивались вдрызг да мерли по пути.

— Молочный?..

— Это токмо для виду было название, — мечтательно улыбнулся Тикки. Но в следующий миг лицо его омрачилось: — Нет уж сейчас ничего. Поросли травой они. Тропами и то не назовешь.

— Зачем города-то жгли?

— Условие такое было жизни нашей. Коли жить хотите под нами, то сходитесь туда, куда вам укажем. Сперва тяжело было очень. Потом многие смирились и привыкли. А те, кои против пошли... эхе-хе... давно уж тем нету.

Старик начинал задыхаться — верный признак того, что скоро станет покачиваться от усталости. Людомара удивлял этот холкун. Неведомо почему, но охотник и сам незаметно для себя отвык от прежнего устройства олюдей. Нравы Нисиоларка исподволь проникли и в него. Не просить помощи, пока сам способен себе помочь; гордость; честь; честность и даже совесть — то основное, чем всегда отличались дикие жители лесов — все это было пожрано большими городами. И странно это было для людомара, ведь пробыл он в Нисиоларке не более большой луны, а так свыкся с извращениями, которые город накладывал на чистую

нетронутую душу дикаря.

— Давай встанем. Приляг сюда, — попросил Сын Прыгуна поняв, что сам отдохнуте старик никогда не попросится — не гоже это старому воину. — Ты говорил, что у тебя есть или была...

— Есть...

— ... дочь...

— Да, есть она.

— Почему же ты у погоста едва смерть не нашел от голода?

Старик насупился. Его лицо на долю секунды приняло оскорбленное выражение.

— Не хочу на ней висеть. Ей и без того тяжело. Мужик ее от испарений грязевых в приполье городском ног лишился. Обвисли у него и не двигаются. А детей четверо. Хорошо старшей подрос и уже может в приполье работать. Без него с голодухи бы опухли. Вот я и ушел. Она думает, что нет меня. — Подбородок старика дрогнул и он посмотрел на небеса.

— И не искала даже?

— Искала наверное, но не нашла. Я туда ушел, где вовек искать не станут.

Людомар понимающе промолчал. Он не мог удержаться, чтобы не спросить:

— Теперь-то как нам с тобой?

— Я полезным быть могу... только не в городе. Много кем я был, но тебе пригодиться, что я оружейником был. Вторым молотобойцем, но видел, как мечи творят, щитовые обручи — много чего. Хлеб могу печь. Сеять да пахать как знаю.

— И с этим помирал от голода?

Старик усмехнулся: — На то он и город, что с такими умениями можно с голодухи подохнуть.

— В Чернолесье такое же будет...

Неожиданно старик попросил, как просят, наверное, только маленькие брошенные дети:

— Не гони меня, людомар. Мне с тобой новые силы пришли. Мне с тобой весна и заря новая. Всяк, кто заметит тебя, радоваться будет безмерно. Пусть я умру попути, но умру рядом с надеждой. С ней вместе умирать в тысячу раз легче. Когда она в душе — нет смерти. Как она с тобой в ногу идет, то тебе бессмертие.

Охотник поднял голову: — Что ты такое говоришь?

Старик неожиданно потянулся и обнял его за шею.

— С тобой рассвет пришел на эти земли. Про то всем надо знать, потому как все уж разуверились. Двадцать восемь зим — большой срок. Невыносимо большой!

Сын Прыгуна принялся. Налетевший ветерок донес ему запах фриира. Людомар безмолвно поднялся на ноги и скрылся в чаще.

Ветер менялся и потому было трудно найти цветок, но он нашел.

На обратном пути, не доходя сотни шагов до старика, он услышал тихий голос, который разговаривал с ним, а Тикки отвечал ему.

— ... всяк-всяк может, — проговорил доверительно старик.

— Ты мне не всяк. Сам оговорился, что прозябаешь здесь. Коль давно здесь, то и видел много.

— Не отрекаюсь от слов, привеликий...

Людомар, сам того не желая, резко присел и вытащил мечи из голенищ. Он начал медленно приближаться к месту общения.

— ... когда бы проходил такой, то мне запомнился. А коли не запомнился, значит не проходил.

— Юлишь, старик, — грозно прошипел полу рыком голос. Разрезая воздух промеж стволов деревьев метнулся громкий шлепок удара.

— Ох! — вскрикнул Тикки.

— Пришла память-то?

— Пришла... Сегодня здесь проходили четверо. Трое туда и один вон туда. А больше я не знаю.

— Который "вон туда" — какой он был?

— Холкун и есть холкун... высокий только. Видать, воин.

— Когда? — голос стал заинтересованным.

— Как солнце поднялось вон над той свидигой.

— Давно, — проговорил еще один голос. — Поспешим.

— Задержал нас, — прорычал первый голос. Раздал глухой удар и стон старика.

Когда людомар вышел к Тикки, тот сидел, почесывая ушибленную ногу, но улыбался.

— Ты правильно решил и не вышел, — проговорил он. — Как в битве побывал! — Удивительно, но у старика прибавилось сил и но даже с некоторой легкостью поднялся на ноги. — Пустил их не по той дороге. По твою душу шли, понял ли?

— Кто это был?

— Стервятники. Так мы их зовем. Отряды во главе с оридонцем. Мзду собирают. Народец подворовывают — баб особо; детей иной раз. Но эти... не те-е... Ого! — Его глаза расширились, когда он увидел клинки в руках людомара. — Как хорошо сокрыты силы твои! — Старик улыбнулся и протянул руку к мечу. — Никогда такого в руках не держивал, — сказал с причмоком.

— Зачем они меня гонят?

— Почем мне ведомо? Как расскажет, так скажу. — Тикки с эстетическим наслаждением разглядывал оридонскую сталь. — Говорят, мешают железо со Свет-камнем. Потому такова она. — Он поднял меч на уровень глаз, подслеповато взгляделся в него, вдруг скрикнул и уронил меч. Старик отпрянул так, словно в его руках оказалась ядовитая змея. Затем он снова поднял меч и внимательно взгляделся в кромку лезвия у его перекрестья. После, тут же перевел взгляд на наверхие.

— Дугсак, — проговорил он и возвел округлившиеся глаза на людомара. Лицо старика стало мертвенно бледным.

Охотник внимательно посмотрел на него.

Старик с трудом справился с бушевавшими внутри эмоциями.

— Ты убил Дугсака? Ты убил Дугсака, — поправился он.

Сын Прыгуна и бровью не повел. Это имя ему ничего не говорило.

— Дугсак и Дагеен — хранители Боорбогских гор. Оридонцы. Несколько зим назад Дугсака умертвили на перевале Костей вместе с отрядом. В Синих Равнинах после того убили множество холкунов. Оридонцы свирепствовали бы еще, но неизвестно что или кто их остановил.

— Это его мечи?

— Да. Я здесь прочел. Вот посмотри, хотя людомары не могут читать и...

— Дугсак, — прочел людомар.

— Ты умеешь читать по-оридонски! — вскричал старик. Казалось, этот факт поразил

его еще больше, чем то, что людомар якобы прибил какого-то оридонца.

Подобное же удивление одолело и самого охотника. Он никогда не умел читать. По крайней мере до того момента, когда прибыл в Боорбрезд. Сын Прыгуна подавил в себе волнения и ответил как можно спокойнее: "Да".

Некоторое время Тикки стоял недвижим, а потом вдруг опустился бессильно на поросший мхом корень свидиги и расплакался. Он плакал так, как умеют плакать только женщины: с силой, навзрыд, с полной отдачей эмоциям.

****

— Пстой же! Пстой!

— Я не пойду в... ларк как ты меня ни упрашивай. Я иду домой. Чернолесье — вот куда я иду!

— Куупларк. Но тебе нужно туда. Ты должен.

— Нет. Хватит на этом. Двадцать восемь зим я был должен. Теперь я буду жить как жил. Я покину проклятые равнины навсегда. Мне здесь не рады. Это не мое место. Каждому свое место должно быть. Мне — Чернолесье, тебе — что захочешь.

— Я пойду с тобой куда ты укажешь, но идти надо сперва в Куупларк. Там пробудем недолго. Там есть мой товарищ. Он нам поможет.

— В чем он сможет нам помочь. Людомару в Чернолесье холкун не помощник.

— Нет. Не зря твое появление. Я слышал как говорили про рассвет. Но не знаю, как тебе его пересказать. Не сказатель я. Он может нам помочь. Ты — первый луч. После тебя взойдет солнце.

— Мы идем в Чернолесье.

— Мы идем в Чернолесье, — согласно кивал старик. Он запыхался. — Но пройдем через Куупларк. Мой товарищ...

Людомар резко остановился.

— Куда ты направил стервятников? Туда? Что там? Куупларк, могу подумать. Нет?

— Да, — согласился старик. Он задыхался. — Я не подумал... Но это не то... это можно придумать... Дай мне отдохнуть! — неожиданно взмолился он и тут же бухнулся на придорожную кочку. — Подумать надо... поразмышлять... — Тикки потер руками голову. — Ах, как сложно это все! Стар я уже. Не думается совсем. — Неожиданно он пожаловался: — Мысли подобны телегам без двух колес. Толкнешь их вперед, а они в сторону идут. Стар я! Стар!

Сын Прыгуна прошел еще несколько шагов и остановился. Первая злоба на то, что он должен еще дольше оставаться в этом треклятых равнинах с их полупрозрачными перелесками и рощицами — мысль о такой жизни едва не разорвала его на части. Тем более, что до Чернолесья оставались считанные дни пути.

Он подошел и опустился рядом со стариком.

— Как же такое может быть?! — недоумевал тот. — Помню я сказание, но... не помню. Протух я изнутри. Усох. — Он обернулся к охотнику. — Я тебя заклинаю в Куупларк пройти. Заклинию всеми богами, твоими и моими! Нет мочи уже... — Старик растерялся (видимо,

потерял мысль). — Перемерем мы все, коли и дальше все будет также. Оридонцы уничтожат все и на равнинах и в Великолесье. Не думай, что останешься в стороне. Повсюду доберутся. — Старик всхлипнул. — Мочи нет так жить. Видеть как все это происходит... У меня все сотоварищи перемерли, когда холкун еще в расцвете сил. Погубили их приполье и смердящая болотная грязь. Раньше в наших городах старикам возможно было собраться, посидеть и вспомнить. Сейчас же нет стариков в городах наших. Не доживают холкуны до старости. А то, что поросль молодая от жизни такой пищит в великой радости, то они не знают другой. Для них дебы заменой всему стали. Когда столь долго проживешь, как я прожил, особенно такое видится.

Наступила длительная пауза.

— Почему Куупларк? — спросил людомар.

Старик замялся.

— Говори все, как и я тебе говорю, — приказал вдруг охотник. — Не то я встану и ты останешься один.

— Там есть такие, кто не сложил оружие перед оридонцами. Два города таких — тот и еще один. Не знаю я его названья, но он очень далеко отсюда, на Холмогорье, что в стране реотвов.

Людомар впервые слышал про такой народ, но не удивился: и без этого названия он привык к тому, что названия и запахи растений и животных были ему ведомы лучше, чем народы округ Великих лесов.

— Если меня гонят стервятники; если они будут в Куупларке, то не путь нам туда, — попробовал он отнекнуться в последний раз.

— К нашему приходу они уйдут оттуда. Да и я не пущу тебя в город. Слишком ты высок для холкуна. Сам пойду. Сам узнаю. Идем?

— Идем, — кивнул людомар.

****

Куупларк отстоял от Чернолесья в двух днях пешего пути. Людомар понял это, когда восточный ветер принес ему запах лесного перегноя. Он смешался с запахом полей, рек и тухлой воды (непонятно, откуда она могла взяться?) и нежно щикотал нос Сыну Прыгуна.

Городок был одним из тех немногих, которым оридонцы позволили сохраниться небольшими. Но путники не смогли дойти до самого города, ибо на подходе к нему людомар почувствовал запах бивака довольно внушительного войска, лагерем стоявшего подле города.

Как и условились ранее, старик пошел по дороге один, а людомар, не теряя времени и без ведома старика, что было духу бросился бежать в сторону Черных лесов.

Где-то стоя, где-то пригнувшись, а где и лежа он продвигался к заветной цели, от которой был отделен последние три десятка лет. Он бежал и отгонял от себя настойчивую мысль о том, что и в Чернолесье должно было что-то измениться. Нет! Он не хотел об этом думать. Не сейчас! Пусть надежда и сладостное чувство исполнившейся мечты наполняют его душу. Недолго, но пусть это будет, иначе он не выдержит. Он остановится и дико закричит, потому что все, что произошло в последние дни — от этого нельзя не кричать.

Охотник хотел вернуться домой, забиться в самую отдаленную глушь Чернолесья. Ему хотелось прижаться к людомаре, потрепать за ухом иисепа, подбросил в воздух тааколов, потрепать за шевелюру маленькую Лоову. Ему хотелось взобраться на вершину мека, сплести гамак и улечься в него. Ему хотелось лежать и смотреть прямо в небеса. В их синеву. В их бездонность.

Он мчался вперед без отдыха. Перекусывал на ходу. Пил откуда придется.

Ветер доносил ему запах леса. Людомар понял, что за небольшим склоном ложбины, по которой он мчался, начинается Редколесье. Вдруг лицо охотника словно бы впечаталось в запах древесной утробы. Терпкий аромат опилок и щепок, перемешанный с болью сотен деревьев, в который Сын Прыгуна во всего размаха влетел, едва не свалил его.

С остервенением людомар поднимался по склону, а когда поднялся, то от неожиданности растерялся, споткнулся, упал и кубарем покатился вперед.

На всем пространстве сколько хватало глаз простиралось кладбище деревьев. Над их поверженными стволами копошились тысячи холкунов и пасмасов. Они усиленно работали топорами, очищая стволы от веток и листьев. На дальней дороге длинной вереницей тянулись телеги доверху набитые бревнами и поленьями.

Людомар потерял дар речи. Словно парализованный он лежал на траве, без сил, с ломящей от напряжения шеей и с неверящими в увиденное глазами.

Как они посмели сделать такое, стучало в его мозгу, как они посмели!!!

Придя в себя, он ловко проскользнул мимо холкунов и углубился в лесоповал.

Холкуны и пасмасы, которых он видел на своем пути, были сильно истощены. Они буквально валились с ног от усталости и апатично смотрел лишь на то место, куда должен был опуститься топор. Пройти мимо них не стало для него непреодолимой задачей.

Ближе к закату он достиг, наконец, первой лесополосы. К счастью, боги были благосклонны к нему и его никто не заметил.

Черный лес встретил его тревожной тишиной. Растения, ощутив рядом с собой людомара, едва уловимыми движениями тянулись к нему, прося защиты. А он шел, опьяненный исполнившейся мечтой, вдыхая изменившийся запах леса.

От радости и восторга он потерял бдительность и не ожидал, что лесополоса закончится. Сын Прыгуна оказался на открытой площадке под взорами сотен глаз.

— ОНИ! — раздался дикий визг и десятки холкунских женщин бросились в рассыпную.

Людомар перепугался не меньше их. Быстро осмотревшись, он принюхался. Спереди него начинался настоящий сплошной лес.

— Фьють! — пропела рядом с ним стрела и с густым жужжанием впиалась в ветвь свириги.

Ноги сорвали охотника с места и быстро понесли прочь. Вслед ему свистели стрелы. Поднялся невообразимый треск и грохот. Краем глаза он заметил, как в его сторону через завалы бегут странные существа с четырьмя руками. Они неуклюже перебирали короткими массивными ногами, но бежали довольно быстро.

Охотнику не составило труда быстрее всего образом оказаться под сенью деревьев.

Лес встретил его тишиной. Но эта тишь была безмолвием для всех других, но не для него. Людомар чувствовал, как ликовал лес. Он встречал его как своего родного, как своего хозяина.

Необычайно сильное чувство охватило Сына Прыгуна, он остановился и повернулся лицом к погоне. Небольшое усилие и вот снова жажда крови — теперь оридонской крови —

стала возрастать в нем с неимоверной силой.

На первого оридонца людомар напал сперву. Он свесился на ногах, мечи сверкнули в глубине леса как молнии и голова преследователя слетела с плеч. Тело сделало еще несколько шагов и со всего маха врезалось в ствол дерева.

Второй оридонец увидел его и бросился на него, пытаясь ударить щитом. Людомар взобрался на ветку и перемахнул на другое дерево. Он слышал, как за вторым набегало не менее десятка воинов. Сын Прыгуна и сам не знал, что он делает, но делал он все очень уверенно, словно совершал такое уже много раз.

Делая скачки в разные стороны, он запутал погоню. Оридонцы разделились на несколько группок, перед одной из которых людомар и спрыгнул. Его колющий удар был стремительным, но оридонец успел закрыться щитом. Тогда охотник присел и пронзил ему стопу. Этого было довольноно.

Деревья мешали солдатам набрасываться на него всем сразу. Обходя деревья, они теряли его из виду. Людомар пользовался эти, убивая их по-отдельности. В бессильной злобе оридонцы изрубали ближайшие ветви, корни и стволы деревьев, а людомар делал прыжок и довольно быстро уходил от них по нижней кроне.

Раздался протяжный вой трубы. Оридонцы, все как один, развернулись и просились вон из леса. На лице охотника растянулась улыбка. Он пробежал к кромке леса, взял приставленный к стволу лук старика, подхватил колчан и, стреляя в спины убежавшим, убил еще восьмерых солдат.

Его поразило, что все это время холкунки — такие же изможденные как и мужчины — стояли, прижавшись друг другу на другой кромке просеки и со страхом смотрели... в его сторону. Оридонцев они встречали как своих защитников и гневно потрясали кулаками, глядя как он разил стрелами солдат.

Войдя в раж, людомар спустился с ветки, подхватил тяжелый щит одного из убитых и, выражая свое презрение, стал ходить и собирать стрелы в телах убитых.

Дикий вой и злобные крики раздались с противоположной стороны. В его сторону тут же полетели стрелы и проклятья.

Лес зашумел над головой Сына Прыгуна. Послышался птичий щебет.

Людомар улыбался. Он улыбался так, словно собирал ягоды на самой тихой, самой глухой поляне Чернолесья.

****

— Привеликий, он здесь. Его видели сегодня вечером у Чернолесья. Он убил четырнадцать наших воинов.

— Скольких похитил?

— Ни одного.

— Предпочитает убивать? — Яабир посмотрел на Кина.

Кин перевел взгляд с воина на Яабира и неопределенно мотнул головой. Его большие зеленые глаза не выражали ничего, как и у всякого оридонца.

Несмотря на то, что Яабир был начальником Куупларкского воинства и дослужился до

того, что ему было позволено командовать провинившимися оридонцами, когда сам он был пасмасом, в присутствии чистородного оридонца он всегда ощущал себя слугой.

Воин, который должен был обращаться к нему, стоял на вытяжку в сторону Кина.

Кин поднялся на ноги и постучал щитом о пол. После этого молча вышел.

— Это все же он, — сказал он, подходя к своему кеорху.

Его ближайший друг Эк из расы брездов стоял, прислонившись к боку кеорха и лениво жевал что-то съестное.

— Он быстро драпает от нас, — он сплюнул кости, перемолотые крепкими зубами, — но не боится биться с двумя дюжинами оридонцев, а?

— Он в своем проклятом леске, потому такой смелый.

— Мы должны выманить его?

— Да.

— Как?

— Не знаю. Я подумаю. Ты пригляди за Чостом. Он дремс. Между ними и людомарами была связь, я слышал. Не хочу потерять свою лучшую ищейку.

— Не беспокойся, Кин, присмотрю.

****

— А-а-а!

Громкий женский крик далеко разносился, ударяясь о кромку Чернолесья, как о великую стену. Стена деревьев глухо внимала ему, слегка шевеля ветвями, будто бы успокаивала потревоженный криком голос: "Тише! Тише!"

— А-а-а-а-а-а! — кричала девушка, бегавшая вдоль границы, где заканчивались владения Синих Равнин и начинался лес. Она задыхалась от бега, иногда падала, потому что ноги подкашивались от усталости. Она оглядывалась назад и смотрела на расстояние, которое пробежала.

Это была молодая холкунка, довольно милая на лицо, но несколько хрупковатая для жизни близ Черного леса. Ее изорванное платье сохранило на себе следы длительного бега. Оно было мокро в соответствующих местах, помято и грязно. В руках девушка сжимала какую-то тряпицу, которой размахивала у себя над головой.

День клонился к закату. Она пришла к Чернолесью рано утром, поэтому не было ничего удивительного, что к вечеру несчастная окончательно выбилась из сил. Ее "а" звучал все тише и тише. Становился прерывистее, а из груди вырывался хрип.

Птицы перелетали с ветки на ветку. Белки скакали по стволам и ветвям иной раз поворачивая к ней свои удивленные мордочки.

— А-а-а! — уже совсем тихо прокричала-просипела девушка, когда прямо перед ней в землю воткнулась стрела. Кровь гулко стучала в голове бегущей, потому она не слышала ни то, как стрела подлетела, ни, тем более, откуда она была выпущена.

Тихо вскрикнув, как будто ударившись о стену, девушка упала навзничь, но продолжала вытягивать к небесам руку с тряпицей. Она зажмурилась и начала неистово молиться всем богам, пока ее шепот не был прерван вопросом:

— Кто ты?

Она открыла глаза и с ужасом увидела великана, который возвышался над ней, упираясь макушкой в сами небеса.

— Я... я... — Она задохнулась от страха.

Великан оглянулся по сторонам и опустился на землю рядом с ней.

Она разглядела его грубую зеленовато-синюю кожу, правильные овальные черты лица, маленькие ушки и довольно большие глаза. В нем не было ничего особо страшного и все же она боялась. Ведь перед ней был живой людомар. Впервые в жизни она так близко подходила к смерти. Ей, всю жизнь прожившей в городке и выходявший за его пределы лишь дважды да и то в толпе холкуной, ей бежать одной к Чернолесью было очень опасно. Но дядя настоял на своем. Он не попросил, но приказал ей. Он был ей вместо отца и она даже помыслить не могла, чтобы его послушаться.

И вот она здесь, а он возвышается над ней, подобно скалистому утесу, нависнув всей своей громадой над ее маленьким тельцем.

— Тикки, — выдавила она из себя.

Он кивнул ей.

— Я прождал его две луны. Он не пришел. Что с ним?

Но она больше не могла сдерживаться и залилась слезами.

Охотник взял ее за шиворот, поставил на ноги и слегка встряхнул.

— Ну же, говори!

Мир закружился перед глазами девушки, ноги ее подкосились и она повисла в его руке, а после неспешно осела на землю.

Сын Прыгуна еще раз ее встряхнул, но тело девушки безвольно колыхнулось. Она потеряла сознание. Охотник взвалил ее себе на плечо и неспешной походкой пошел к лесу.

Жил он достаточно далеко от границы с равнинами, но достаточно близко, чтобы вернувшись с донад слышать странные крики. После он ощутил едва уловимый знакомый запах. Он быстро узнал его — это был запах Тикки.

Ту большую луну, которую Сын Прыгуна провел под сенью Чернолесья, он потратил не зря. Перво-наперво, он стал искать свой донад и нашел его в плачевном состоянии. Это обстоятельство сподвигло его уйти еще дальше вглубь леса и начать строительство донада.

Большой мек он нашел без труда, но без помощников-тааколов строительство продвигалось очень медленно. К моменту, когда он вернулся в холкункой через плечо, ему едва удалось устроить хорошую площадку, на которой можно будет поставить донад.

Однако людомар не унывал. Всякий раз, как на него находило отчаяние, он вспоминал, что и сколько ему пришлось вынести.

Потерю людомары, иисепа, тааколов и других своих всегдашних спутников людомар старался не обдумывать, иначе сошел бы с ума. Он с головой погрузился в привычные когда-то заботы.

Омкан-хууты очень сильно повлияли на фауну Чернолесья. В нем уже не было того многообразия, какое людомар помнил в прошлом. Но и он вернулся в Чернолесье не прежним. Его вооружение, его умения и приобретенный опыт вмиг обесценили все достижения омкан-хуутов. На вкус они оказались весьма сносные, и, так как их расплодилось очень много, то охотник занялся снижением численности популяции.

Взобравшись в донад, он уложил девушку на кучу шкур омкан-хуутов и продолжил обустройство.

Она пришла в себя, когда уже стемнело.

— Боги... боги... — запищала девушка, когда поняла, что находится в Чернолесье.

— Откуда у тебя вещь Тикки? — спросили ее из темноты.

Нозди девушки щикотали соблазняющие запахи жаркого. Недалеко что-то жарилось. Когда людомар приподнял небольшой железный щиток, лицо его осветилось фиолетовым свечением.

— Рочиропс! — выдохнула девушка, уставившись на кристалл.

— Да, это он. Что тебе нужно от меня? Отвечай.

— Мне... ты меня не убьешь? Нет? Меня прислал мой дядюшка. Они схватили Тикки и будут его казнить.

— За что? Кто, они?

— Я не знаю. Они так хотят.

— Когда?

— Сказано, что как довезут все полена.

— Когда?

— Послезавтра.

Людомар кивнул.

— Есть хочешь?

****

Обустройство донада занимало много времени и отминало много сил, но людомар занимался этим делом с тем ощущением, которое появляется только когда делаешь любимое дело. Предстояло сделать немало.

Память удивительным образом сохранила для него услышанное двадцать восемь лет назад так, словно бы слова Светлого прозвучали всего несколько дней назад.

Появление Иримы — холкунки, племянницы старинного друга Тикки, внесло в жизнь охотника серьезные коррективы. В Чернолесье он чувствовал себя очень уверенно. Лес благоволил ему. Между ними сложились дружеские отношения и каждое дерево старалось обласкать его или укрыть своими ветвями.

Синие Равнины были ему чужды. Их пространства пугали его. Он понял это только когда очутился под сводами свирогских крон. Небо нависало над равнинами так высоко, что высота эта давила на Сына Прыгуна подобно тяжелому покрывалу. С крон древесных великанов небо виделось совсем другим. Оно было близким, родным и очень мягким.

Испуг девушки прошел с наступлением утра. Людомару пришлось вывести ее на вершину крон, и каким бы ни был ее ужас перед Чернолесьем, но женская душа не устояла перед удивительной красотой леса на рассвете. Она даже не заметила, как охотник покинул ее. Гамак, в котором она сидела слегка покачивался, а она, широко раскрыв глаза и ротик, во все глаза смотрела на новый пейзаж.

Сын Прыгуна прилаживал очередную ветвь под основание донада, когда девушка шумно спустилась к нему.

— Так ты пойдешь со мной? — спросила она.

— Да, я уже собрался. Тебе понравилось?

— Мне понравилось.

— Ты больше не боишься?

— При свете Ока Владыки нет.

Людомар хмыкнул.

— Ты понесешь вот это. — Он указал на связку копий, стоявших в углу. — Нет. Мы не сейчас выйдем. Ты слишком шумела. Пойдем ночью. Я уйду на охоту. Вернусь к ночи. Ничего не бойся. Ааги защитят тебя.

— Кто это? — Девушка боязливо оглянулась.

Людомар указал на кусты с длинными прямыми ветвями, коими был усеян ствол мека, его ветви сверху и снизу. Оборона донада была круговой.

— Ты не должна никуда выходить. Не должна их трогать. Они не знают тебя. Они убьют тебя.

— Яд? — выдохнула холкунка.

Охотник кивнул, поднялся и ушел.

Вернулся он к вечеру, неся на себе большого омкан-хуута. Он был частью разделан. Страшные иглы его были собраны в пучок, который болтался на поясе людомара.

Девушка с ужасом попятилась, увидев добычу охотника.

— Его мясо не лучшее, но больше в Чернолесье ничего не осталось.

Сын Прыгуна быстро разделал омкан-хуута, часть взял с собой, другую часть преподнес ближайшему муравейнику. Только после этого они двинулись в путь.

Куупларка они достигли в конце следующей ночи. Ирима прошла в город по утрам и вернулась оттуда с телегой.

— Жди меня. Я заберу поленья и вернусь.

Возвратилась она глубокой ночью в рядах вереницы таких же телег и бричек, бесконечным потоком потянувшихся в город.

— Лезь сюда. — Ирима отодрала две нижние доски с бока телеги. Людомар пролез в проем. Она положила туда же оружие и с силой приторочила доски на место.

— Что, сломалась, красавица? — неожиданно проговорили совсем близко.

— Немножко было. Стара тележка. То одно отвалится, то другое.

— Вы только жаловаться и горазды. Вечно вам все не так. — Голос погрубел, стал недовольным.

— Не жалуюсь я. Ты спросил, я ответила.

— Ты не заметила, кто я?

— Привеликий, как не заметить.

— А почему ты разговариваешь со мной, как с холкуном?

— Прости, — после недолгого раздумья проговорила девушка. Людомар подметил, что она была не очень умна, но сообразительна. — Прости, великий, — поправила она.

— Пойдем со мной, — приказали из темноты.

Девушка молча ушла в темноту, откуда стали доноситься хрипы и грубые стоны. Через некоторое время она вернулась, слегка прихрамывая, молча уселась на телегу и, понукая лошадь, направила ее в город.

Ворота они проехали без каких-либо сложностей. Лишь раз до слуха охотника донесся звук шуршания над головой. Видимо, воин-стражник проверял полени, но делал это привычно и нехотя.

— Двигай, — приказал он девушке.

По тому, как телегу нещадно затрясло Сын Прыгуна понял, что они уже движутся по городским улицам. Шум даже в ночном городе стоял необычайный. Жизнь, по всей видимости, не замирала здесь ни днем, ни ночью. Они проезжали мимо шумных кабаков, мимо домов терпимости, мимо выгребных ям, в которых копошились старики-холкуны и калеки, коим уже не было место в работах на оридонцев.

Нестерпимая вонь заставила людомара вспомнить минувшее и обернуть лицо в пахучую подушку-повязку.

Наконец телега остановилась. Раздался скрип досок и людомар, скрепя зубами от боли в отлежанных членах, вывалился из нее. Он тут же поднялся, разминаясь.

— Огромн, — проговорил старческий голос, недалеко от него. — Брезду подобен. Помню я их.

Охотник обернулся и увидел иссохшего согнутого болезнями старика. Он стоял, опираясь на кривой посох и казался больше кочкой, чем живым существом.

— Привезла я...

— Молчи! Иди в дом! С тебя довольно отныне.

Старик поманил Сына Прыгуна к себе, развернулся и уполз в какую-то нору под зданием. Во мраке этой норы старик уселся на ворох тряпья, служивший ему кроватью, и вытянул шею, прислушиваясь к движениям людомара.

— Тих, — прошептал он улыбнулся. — Люба мне тишь. И ты мне люб поэтому.

— Я пришел, как ты и просил.

— Ась. Не слышу я. — Старик потянулся вперед и охотнику пришлось говорить ему прямо в ухо:

— Чего хотел?

— Я? Ничего мне не надо. Но Тикки просил — я не слишком громко говорю-то? — Тикки просил тебя отыскать. Порубят его завтра.

— Где?

— На Головной площади.

****

— Эк, гляди в оба. Он должен быть здесь. Я не мог ошибиться, этот старикашка и людомар как-то связаны между собой.

— Я буду здесь. За глаза мои не волнуйся. Они все так же хороши.

Кин стоял у оконного проема одного из зданий, выходящих на Головную площадь. Как и всегда бывало в дни Отлучки, утром жителей развлекали наказаниями преступников. Среди десятков провинившихся мало кто поймет, отчего зарубят дряхлого старика. Десятки, если не сотни таких же копошиться и дохнут повсеместно в городке и никому нет до этого дела.

Оридонец ухмыльнулся. Те, кто выдумал такое обращение с холкунами и пасмасами заслуживают уважение. За десять лет их превратили из свободолюбивых олюдей в присмыкающийся скот. Убивать пришлось не многих. Основных перебили в двух битвах. А остальные... Интересно, а среди оридонцев все так же или нет? Наверяд ли. Так с

оридонцами нельзя поступить.

Его глаза заметили ватагу детей, ворвавшихся на площадь и кинувшихся занимать самые лучшие места на подоконниках, выступах и любых других возвышениях.

Даже в этом городке много беспризорников. Кин слышал, что они промышляют воровством, соглядатайством и даже убийствами. Да и места они занимают для холкунов побогаче, потому как те им за это что-то платят.

Кин загляделся на детей. Что-то екнуло в его груди. Система, частью которой он был, была жестока и он ее большей частью оправдывал. Но когда видел детей — эти милые чумазные рожицы — что-то в нем щемило. У него у самого было трое таких же бесят. Когда он приплывал домой, то не мог нарадоваться на них. Никто не знал среди его подчиненных, что он был нежным мужем и заботливым отцом.

Видимо лицо его в этот момент подобрело, потому что Эк несколько странно на него посмотрел. Кин краем глаза заметил этот нюанс и тут же посуровел.

— Не своди глаз с площади, — приказал он.

Солнце показалось из-за крепостной стены. Оно тускнело в дымке, которая поднималась над грязевыми полями. Площадь постепенно заполнялась горожанами.

Вскоре на нее начали выводить преступников. Им отрубали головы. Обвинения, которые оглашались во всеуслышанье были, когда справедливыми — убил, украл, отравил, а когда и надуманными.

— Чост, ты чуешь его? — Кин подошел к дремсу, туповатому детине, вальяжно развалившемуся на ступенях с третьего на второй этаж.

— Нет. Им не пахнет, — сказал тот с трудом собравшись при виде начальства.

— Тогда высунись в окно и принюхайся! — заорал на него оридонец и что было сил пнул по спине.

Дремс "ойкнул", тут же вскочил и бросился к окну. Его спина получила еще пару ударов палкой за нерадение.

Трупы скатывались по желобу к ногам холкунских воинов, которые поднимали обезглавленные тела и складировали их на бричку. Красная повозка — так называли ее во всех городах.

Неожиданно, произошла заминка. Кин не увидел это — он стоял далеко от окна — но почувствовал. Народный гомон несколько ослаб и долгое время висела скучная тишина. Затем послышался голос глашатая, вычитывающий приговор.

— Где он?

— Кого рубить будете?

— Пусть пень и рубят.

— Ха-ха! Судят пень. Давно пора! Многих невинных на нем порубили. Ха-ха!

Кин бросился к окну и увидел помост совершенно пустым. На нем безучастно топтался один лишь палач, не понимая, кому отрубать голову.

Вместе с пониманием странности происходящего до слуха Кина донеслись торопливые шаги.

— Где привеликий Кин? — спросили на втором этаже.

— Там.

Шаги стали подниматься по лестнице. Вскоре перед ним оказался холкунский воин.

— Привеликий, холларк зовет тебя.

Кин сжал губы.

— Где старик?

— Холларк зовет тебя, — повторил воин.

— Я это уже слышал! Где старик? Где он? Холларк зовет?! Он не может! Не имеет права! Я оридонец... ты... так ты смеешь обращаться ко мне, как к равному себе?! — Воин побледнел и в следующую минуту летел вниз по лестнице.

Кин сбежал за ним. Он все понял. Свою злобу он отыграл на несчастном юноше, забив его до смерти.

Оридонец пошел к холларку, но уже знал, что ему предстоит продолжить свою погоню за тенью. Он вдруг совершенно отчетливо осознал, что, упустив тонкую нить связи с людомаром, вынужден будет гоняться за ним долгие годы.

***

Тикки умирал. Его бледное лицо было обращено к солнцу. Он смотрел на светило с детским восторгом.

Людомар сидел рядом. Он был без сил. В эту ночь пришлось изрядно потрудиться. Хитрый себялюбивый старик — дядька Ирима — едва не лишился чувств, когда людомар принес к нему Тикки.

— Нет... Нет!.. — Замотал он головой и руками. — Прочь... прочь... я сделал, что он просил... последнее сделал, как он просил... прочь... прочь...

Старик не видел в темноте, как по щекам Тикки потекли слезы.

— Унеси... в равнины, — неслышно для холкунского уха попросил он.

Людомар развернулся и ушел.

Он не слышал, как на ступени лестницы дома выбежала Ирима и бросилась за ним вслед, но охотник двигался неслышно даже с ношей и быстро скрылся в темноте. Кричать она не решилась. Ее возвращение в дом было подобно вихрю.

— Ирима! Ирима, стой! — хрипел дядька. — Пусть уходят. Это лес, Ирима! Что ты делаешь?

Но девушка не слушала его. Она быстро собралась, оттолкнула старика с неожиданной для него ненавистью и выбежала прочь, в ночную мглу.

Старик схватился за сердце и быстрыми мелкими шажочками засеменял к себе в нору.

Жажда крови тогда еще не утихла в груди людомара. Она не была утолена. Его недруги, видимо, не все знали про людомаров. Они не знали, насколько тонким нюхом обладают эти дети лесов. Ему не составило труда, лавируя по городу, найти то место, где явственнее всего слышался запах Тикки.

То было приземистое здание каземата, расположенное во внутреннем дворе казарм городской стражи. Проникнуть внутрь не представляло для лесного охотника никакого труда, тем более, что это были казармы холкунской стражи, которые не особо тщательно охранялись — все же холкуны еще доверяют друг другу (хотя бы это не удалось изменить завоевателям). Каземат охраняло два воина, один из которых сладко спал, а другой кивал носом себе на грудь.

Оба получили тяжелые удары по головам и лишь слегка изменили позы, сделав их более

раскрепощенными.

Ключами людомар умел пользоваться из неизвестной прошлой жизни. Это было очередным для него открытием. Когда он вошел в каземат, то на него мало кто обратил внимание: холкуны спали, а те, кто не спал, сидели апатично уставившись себе под ноги.

Тикки лежал в дальнем углу и оказался по весу легче прежнего.

Даже в темноте людомар разглядел следы многочисленных побоев, покрывавшие тело старика.

— Я ни... чего не... ска... зал, — прошептал ему Тикки гордо. Он попытался сжать кулак и это последнее усилие окончательно лишило его чувств.

Солнце вставало над равнинами, но Сын Прыгуна знал, что первые лучи осветили Чернолесье. Ему вдруг вспомнились слова старика: "Заря пришла с тобой!" И верно, для нег эта заря пришла от людомара. Это его личный подарок Тикки.

Старик смотрел на розовевший небосклон и улыбался.

— Буду... там, — прохрипел он. — Буду знать... — И он снова улыбнулся.

Внезапно силы нахлынули на него. Он быстро заморгал, огляделся и сфокусировал свой взгляд на Сыне Прыгуна.

— Эсдоларк, — проговорил он с усилием, — Эсдоларк. — Его глаза смотрели в немом вопросе в лицо охотника. — Эсдоларк! — Старик ближе придвинулся к людомару.

Охотник усиленно думал. Нет, это название ему ничего не сказало.

— Эсдоларк! — почти вскричал Тикки, беря лицо Сын Прыгуна в свои исхудалые ладони. — Эсдоларк.

— Эсдоларк, — повторил тот.

Старик замер, переводя взгляд с одного глаза охотника на другой.

— Эсдоларк, — засипел он.

— Эсдоларк, — сказал людомар.

Тикки улыбнулся, отпрянул, закатил глаза, дернулся несколько раз и с выходом вытянулся на земле. Тело его вмиг отяжелело.

— Уйди. Не трожь!

Знакомый голос долетел до слуха Сына Прыгуна. Он приподнял голову над равнинной травой и увидел, как Ирима отбивается от двух холкунов в воинских доспехах. Они хохотали. Девушка плакала.

Несмотря на то, что ее тянули назад и к земле, Ирима даже не смотрел на своих обидчиков. Ее глаза блуждали по пустынным равнинам. Она плакала навзрыд.

— Пустите, — просила она.

Каким-то образом ей удалось вырваться и побежать, но воины настигли ее уже через некоторое время. Они повалили ее.

— Мой черед, — прохрипел задыхаясь один из них.

— Справедливо, — кивнул второй, сняв шлем и отирая пот. — Быстронога... — Он никак не мог отдышаться.

Ирима закрыла лицо руками и залилась слезами.

— Нетронутая, что ли? — дыша на нее перегаром, спросил, походя, воин. Она не ответила. — Нетронутая вроде. — Он победно обернулся на своего напарника. Тот многозначительно кивнул.

Девушка открыла лицо и сказала сквозь слезы: — Быстрее только! Я спешу...

Холкун ухмыльнулся: — Не задержим.

Он вошел в нее и удивился, как резко она изменилась в лице. Сколько тепла, сколько радости вдруг стало в ее глазах. Она улыбнулась и с жаром прижалась к нему.

Оридонский клинок насквозь пронзил холкуна, не дал ему подняться, завалил на бок. Нечто огромное нависло над ним. Удар и солдат провалился в вечную тьму.

Людомар отер меч о пучок стеблей. Он отвернулся, дав Ириме привести себя в порядок. После они некоторое время сидели молча среди двух трупов и не смотрели друг на друга.

— Я хочу с тобой, — сказала она, наконец. — Там... я поняла, что хочу быть с тобой.

— Где Эсдоларк? — вместо ответа спросил он.

Она удивленно на него посмотрела.

— Он очень далеко. Я не знаю точно, но тех воинов, которые провинятся, ссылают в Эсдоларк.

— Где он? Можешь ли узнать?

— Надо сходить к Тонику Землемеру, но... дядя откажется... он не хочет, чтобы на него чего подумали... — Она замолчала.

— Сходи сама.

— Нет. Женщинам к нему нельзя.

— Что нам нужно от него?

— У него есть карты наших земель. Он служит холларку и привеликим. Боги поведали ему великие тайны земли. Он маг.

Людомар задумался. Потом встал, порылся в одежде трупов и вытащил несколько дебов.

— Хватит этого?

— Он маг, — повторила девушка и отрицательно покачала головой.

— Надо ждать ночи.

— Не думай об этом, людомар. Его дворец околдован. Ты не проникнешь в него. Или он узнает, что ты проник.

— Где Эсдоларк?

Девушка нахмурила бровки и стала усиленно думать. Ее ножки в грязных разорванных сапожках двигались так, словно бы она семенила по воздуху. Внезапно она подпрыгнула и оборотила на него свое довольное личико.

— Ой! — сказала она весело. — А нам надо только подождать. — И улыбнулась во всю ширь.

— Чего?

— Ну как же, когда туда отправят провинившихся холкунов. Или когда через наш город будут идти провинившиеся из других городов.

— Ты знаешь, что они идут туда?

— Весь город будет знать. Туда отправляют как на смерть.

Эсдоларк Прибрежный

Угрюмые утесы бесконечной чередой тянулись вдоль скалистого берега. В иных местах их остроугольчатые пики отходили немного назад, уступая место абсолютно ровным покатым каменным глыбам, свалившимся на побережье неизвестно откуда. Ветер завывал в

ушах, дополняя серость. Он пронизывал холодом и навевал грустные думы.

Где-то вдалеке, казалось, что у самого горизонта кружились над поверхностью Великих вод белокрылые чайки. Они беспокойно парили между небом и землей, не обращая внимания на свою свободу, но лишь на рыбу, передвигавшуюся под водной гладью.

Мысли о свободе в последнее время все больше доставали Дигальта. В самом начале пути он легко отбивался от них потому, что вся его жизнь прошла под чужой волей. Воином он стал, когда ему не исполнилось и двенадцати лет. Брезды быстро возрастают и даже в этом возрасте способны потягаться силами с быком.

Едва на него надели доспехи, как началась бесконечная гонка в разные стороны. Они шли на юг, потом шли на восток, потом снова на юг, затем на восток; немного к северу, слегка на запад и опять на юг. Его память сохранила отпечатки всех без исключения дорог Великолесья и Синих Равнин.

Когда талые воды тридцать шестой раз омыли скалистую почву Боорбогских гор и в высокогорье в тридцать шестой раз рассыпалось по полям цветочное разноцветье, он дослужился до звания начальника отряда — пориана. Даже сейчас Дигальт не мог припомнить, отчего ему в голову стали проникать мысли, которых ранее в ней никогда не водилось.

Если бы он был обучен грамоте и знаком с каким-нибудь искусством, то без труда бы определил, что желание, пробудившееся в нем всегда носило шипящее название тщеславие.

Проснувшись однажды по-утру в казарме, Дигальт вдруг осознал, что пориан уже не его звание; что оно уже его не устраивает и ему хочется стать энторианом. Дигальт до сумашествия возжелал иметь свой дом, чтобы привести в него женщину, завести детей, какую-нибудь скотину и жить, как... как жил Сиине — энториан их отрядов в высокогорье Боорбогских гор.

Дигальт мучился осознанием того, что навряд ли когда достигнет желаемого и до конца жизни обречен делить казарму с доброй сотней таких же как он брездов. За какие-нибудь две луны чувство, взрощенное в нем неведомой до того силой, так сильно истрепало нутро воина, что он стал вспыльчив, неводержан в питье и расхлябан сверх меры.

Брезд даже и не помнил, что произошло. Ему говорили, что он едва не убил оридонца, который привычно насмехался над брездами и вызывал одного из них на бой. Все сотоварищи Дигальта предупредительно отворачивали лица, когда наглый оридонец подходил к ним. Он трепал их за волосы, дергал за уши, и очень удивился, когда отлетал в другую часть комнаты, сраженные горизонтальным ударом наотмах.

Говорят, Дигальт даже в поднялся со скамьи, однако его силы оказалось достаточно, чтобы зашвырнуть оридонского ублюдка куда подальше.

И вот... угрюмые утесы Эсдоларка Прибрежного оказались прямо перед небольшим отрядом, вереницей вихляющего по узкой скалистой тропинке, выдавленной в скалах под многовековым напором ступней.

Солнце стояло в зените, но проку от этого не было никакого. Отряд провинившихся под охраной нескольких дремсов только что вышел из-под сени леса. Темная полумгла сменилась серой полумглой: над Эсдоларком всегда нависали тяжелые тучи.

Вдалеке доносился шуршащий грохот — это тяжелые волны Великих вод набегали на скалистую стену глубоко внизу и разбивались о нее в бессильной злобе.

— Оне, Вип, — поднял оружие воин в серых одеяниях, появившийся словно бы из-под земли (вернее сказать, из скалы).

— Оне, Балав, — приветствовал его один из конвоиров.

— Что-то зачастил ты сюда. Непокойно у вас? — спросил Балав.

— Обычно, — пожал плечами дремс. — Их больше стало не знаю, почему. Пьют больше, хе! — Он обернулся к отряду. — Забирай их с глаз долой. Надоело до тошноты. Пусть узнают, как хорошо в Равнинах.

— Уже скоро узнают, — улыбнулся Балав. Он кивнул своим людям. Обогнув отряд, они заняли места дремсов. — Прибрежье и Холмогорье их многому научать и быстро собьют спесь.

— Поскорее бы боги снизошли до этого.

— За богами дело не постоит. — Балав протянул Випу мешок с провизией на обратный путь и откланялся: — Оне!

Значит, дремсы больше не будут сопровождать их, пришло на ум Дигальту. А кто это такие? Серые фигуры почему-то не предвещали ничего хорошего.

Едва он успел подумать об этом, как над отрядом взвился кнут и опустился на левые плечи сразу нескольких преступников.

— Пшли, презренные черви.

Да, он знал это. Он чувствовал. Дремсы много добродушнее, чем эти.

Отряд ускорил шаг.

****

Ирима сдерживала рвотные позывы. Вязкие, склизкие, вонючие безмерно внутренности скользили по ее телу. Ее лицо выражало такие муки, что людомар не выдержал и рассмеялся.

— Ну что смеешься?! — насупилась она, тут же позабыв про отвращение.

Охотник ничего не ответил, продолжая отирать ее внутренностями освежеванной лювы.

— Тебе нравилось в Чернолесье до этого момента, — проговорил он неопределенно.

— Я не думала, что меня будут купать в этом.

— Ты не должна пахнуть холкуном. Мы сменим тебе одежду.

Девушка поморщилась.

Вот уже много дней они идут вслед за отрядом преступников, направленных в Эсдоларк. Их путь пролегал вдоль Чернолесья, затем вдоль Желтой реки. После этого они пересекли небольшую равнину, перебрались через низкогорье, углубились в лес, которого людомар никогда не знал и остановились у кромки прибрежных скал.

Отряд, за которым они шли, уже скрылся из глаз, но Сын Прыгуна особо не торопился. Запах преступников скалы сохраняют еще несколько дней, и он без труда отыщет их, да и внутреннее чувство подсказывало ему, что Эсдоларк уже близко.

Продолжая натирать кожу Иримы, людомар продолжал внимательно принюхиваться. Ему слышались запахи, которых он никогда не знал: холодный немного горьковатый с примесью соли запах моря, аромат низкорослой прибрежной растительности. Обоняние охотника улавливало пребывание и живых существ, среди которых были и такие, кого он не смог распознать.

— Хватит. Больше не могу! — Девушка резко встала и отошла от него.

Людомар взвалил себе на плечи внушительных размеров нагромождение из чего-то бесформенного и, кивнув ей, вышел на скалистый берег.

Эсдоларка они достигли ближе к вечеру. Им оказался не город, но замок весьма специфической формы и способа строительства. По сути Эсдоларком была корonoобразная скалистая гряда обнесенная массивной, на вид очень старой, каменной стеной. Неизвестно из чего были сделаны богами горы, но их пористость весьма удачно подходила для устройства жилища.

Сын Прыгуна тут же окрестил Эсдоларк просто муравейником. Его острый взгляд заметил крошечные фигурки, которые двигались к одним из ворот. Это были приговоренные преступники.

Охотник огляделся по сторонам. Высокие стройные густые леса на треть покрывали склоны близлежащих скал. Повсюду струились небольшие ручьи, легко переходя от речушек к заводям либо весело спрыгивая с одного склона на другой в виде водопадов. Его нос донес ему присутствие разнообразной дичи. А это значило только одно: жить здесь можно. Поняв это, Сын Прыгуна мгновенно успокоился. Его уши медленно втянулись обратно, и он повернулся к девушке.

— Мы будем там, — он указал в сторону одного из ручьев.

Лес милостливо принял их под свой покров и внимательно приглядывался к вновь прибывшим. Еще не наступила ночь, когда людомар почуял запах хищника этих мест. Он еще не видел его, но знал, что это хищник. Вместе с терпкой вонью до нюха охотника долетал смрад от разлагающейся полупереваренной пищи, костей и внутренностей.

Ночь путники переночевали на дереве, где бесформенный заплечный багаж людомара преобразился в искусственную подстилку для девушки, состоявшую из переплетенных между собой копий.

Ранним утром, дабы не разбудить ее, людомар не слышно спустился вниз и стал искать хищника. Он нашел его довольно быстро. Запах выходил прямо из скалы. Острый взгляд людомара определил, что под густой растительностью склона сокрыта ниша или углубление, или раскол в скале.

Подняться к сокрытому логову не составило труда. За время жизни в лесу людомар похудел, поэтому явился перед пещерой в своей прежней форме.

Расщелина в скале была внушительной, но выюн, спускавшийся сверху совместно с травой и мхом надежно сокрыл это прибежище от посторонних глаз.

Людомар осторожно просунул в щель древко копья. Оно ни на что не наткнулось. После этого он просунул туда голову.

Расщелина внутри была достаточно большой для того, чтобы в нее прошел взрослый людомар. Часть ее была открыта небу, но в глубине расщелины охотник разглядел более черное пятно. Там была пещера или глубокая ниша. Оттуда и разило хищником.

Отставив копьё, и обернувшись за спину убедиться, что никого за ним нет, людомар снял со спины разряженный лук оставшийся от Тикки, натянул на него тетиву, наложил стрелу и запустил ей прямо в черноту в дальнем конце расщелины.

Оттуда послышалось недовольное ворчание. Вторая стрела вызвала взрывной рев, заставивший скалы содрогнуться. Людомар встал в проходе и смачно плюнул вперед себя, так, чтобы запах дошел до сокрытого тьмой чудища.

Из тьмы на него загляли сразу восемь глаз. По их разбросу Сын Прыгуна понял, что

нужно срочно менять планы.

Словно черные молнии, подобно стрелам некто выбрался из темноты и метнулся в сторону охотника. Тот быстро подскочил и в мгновение ока забрался на вершину расщелины. Подобно пушечному ядру из жерла он вылетел из расщелины, подпрыгнув на десять локтей и бросился прочь от нее.

Вслед за ним расщелиня явила лику богов тварей, которых навряд ли увидишь где-нибудь еще. Это были крупные, размером с двух пасмасов олюдеподобные существа. Их передние лапы с тремя пальцами, средний из которых был толщиной с руку пасмаса, были настолько длинны, что существо могло бы почесать себе низ спины через плечо. Густая лоснящаяся короткая черно-бурая шерсть не могла сокрыть развитую мускулатуру. Но самым страшным в них были их головы. Голова твари состояла будто бы из трех наростов. Боковые из них выдавались несколько вперед и служили местом для посадки двух вертикально расположенных круглых глаз, а средний нарост выполнял роль верхней челюсти. При этом нижняя челюсть располагалась на середине груди, поэтому раскрытая пасть чудовища раскрывала миру всю гортань животного вплоть до внутренностей. Ноги чудовищ были вполовину короче рук.

Троица, возглавляемая людомаром помчалась по скалам, не уступая ловкостью друг другу. Пространство мелькало мимо них с умопомрачительной скоростью, а деревья леса слились в одну сплошную размытую черно-зеленую стену.

Охотник сделал большой прыжок и оказался на дереве. Падение задержало его, но он не терял времени даром. Одна из тварей, бросившихся к нему со скалы, взвизгнула, получив метательный нож в одну из ног. Запрыгнув на ветку, где за миг до этого сидел людомар, оно соскользнуло вниз и повисло на руках.

Вторая тварь продолжала погоню.

Сын Прыгуна быстро взобрался на верхние кроны. Это хоть и замедлило его бег, но он получил неоспоримое преимущество по весу. Но хищник, следующий за ним, оказался не глупее и не стал взбираться вверх. Он шел низом и при помощи своих длинных лам ломал ветки, стараясь сбить с них людомара. Тогда охотник заметил для себя упругую ветку, ускорил бег, обогнав монстра, запрыгнул на ветку и, оттолкнувшись от нее, прыгнул в противоположную сторону.

Резкая смена направления дезориентировала животное и оно резко отстояло бег, проехало по инерции несколько веток, сбилось с темпа и тоже едва не сорвалось вниз.

Людомар помчался к раненному зверю. Тот следовал за ними, тяжело припадая на раненную ногу, и завидев охотника, взревел и замахал лапами, инстинктивно прижимаясь к стволу дерева. Его угрозы не смогли остановить второй метательный нож, вонзившийся в низ живота.

Охотник продолжил бег, соскользнул с кроны на звериную тропу, шедшую вдоль скальной стены и помчался обратно к расщелине. Там он подобрал лук, две стрелы (больше он не носил на охоту) и копье.

Чудовище, следовавшее по его запаху, взревело, когда ему в холку вонзилось копье, а две стрелы проткнули плечи. Оно попыталось взобраться на стену, но порванные мышцы не дали этого сделать. Оно сползло вниз, тяжело дыша и жалобно рыча.

Недалеке послышался шум переламываемых ветвей. Кусты расступились в стороны и на тропу медленно вышла вторая тварь. Она медленно ковыляла держась за рану в животе. Кровь обильным потоком просачивалась сквозь пальцы и орошала тропу. Животное подошло

к своему собрату и легло рядом с ним.

Людомар стоял на ними, но впервые в жизни не ощущал чувства победы.

****

— Зачем ты напал на них тогда? Всегда хочу тебя спросить, но забываю.

Ирима старательно вычищала наносы из грязи, навоза и груды костей, которые оставила после себя хищная пара.

Людомар сидел у входа в их новое жилище и внимательно оглядывал окрестности. Свою часть работы он только что завершил. Трупы чудищ были разделанны и разбросаны по лесу, а их кровь старательно выкорчевана с тропы вместе с землей.

Он промолчал на ее вопрос.

— Ответь мне. — Она перестала работать и отерла пот.

— Я не понимаю, что ты спросила.

— Когда я поехала к Черному лесу, а на обратном пути спрятала тебя в телеге.

— Я не нападал.

— Холкуны говорили.

Охотник нахмурился, припоминая и повторил, что ни на кого не нападал.

— Ты убил пять холкунов. Зачем?

Сын Прыгуна усиленно вспоминал.

— Нет. Не я убил.

— Сказали, что ты.

— Я убил раньше, но их было больше и это были не холкуны. Оридонцы.

— Ты убил оридонцев?

— Да.

Повисла многозначительная пауза.

Ирима стояла, застыв, потом улыбнулась, глядя ему в спину и продолжила шебуршать.

— В тот день, когда ты ждал меня у городских врат, я поехала в заготовильню и пока ждала очереди, слышала, как холкуны говорили, что на них нападают людомары. Они убивают холкунов. Забирают их тела в Черный лес и поедают.

— Людомары не едят холкунов, — поднял верхнюю губу Сын Прыгуна.

— Ты не ешь, но другие...

— Людомары не едят холкунов. Ни я, ни другие. Продолжай.

— Это не первое нападение. Я много раз слышала и дядюшке говорила про такое. Потому мне было удивительно, когда он так посмотрел на тебя тогда... Помоги мне сдвинуть... В последние луны такие нападения не редкость.

— Нападают не людомары.

— Кто же?

— Я не знаю. Не людомары.

— Почему ты знаешь?

— Я не слышал их запах в Чернолесье. Их там нет уже много снегов.

— Холкунов убивают из Черного леса.

— Это могут быть омкан-хууты, огнезмеи могут быть. Не людомары.

На этом их разговор был прерван движением охотника, призывавшего к тишине. На тропу вышло довольно упитанное животное похожее на свинью. Через некоторое время его туша лежала перед холкункой.

— Не сливай кровь. Оставь для ааги.

Даже Ирима не знала, что людомар принес с собой целый природный арсенал, состоявший из растений убийц, муравьев скоросшивателей плоти, гиганстких moskitov, прекрасно обезболивающих раны, и других средств.

— Корми его. Он будет знать тебя и не убьет.

— А ты?

— Ааги знают нас издревле. Мы им как братья. — Он поднялся. — Я пойду к Эсдоларку.

****

— Паршивые псы. — В лицо ближайшего к Дигальту соседа вонзилась струя слюны, выпущенная существом неизвестной брезду расы, стоявшим перед ними. — Кого мне шлют?! Этими даже тропы не охранишь у замка...

Тот, кто стоял перед ними походил на олюдя, но черты его лица были тоньше, чем у дремсов, а кожа какого-то странного желто-коричневого цвета. Нос ругавшегося был крючковатый, но не худой, а потому не походил на клюв; глаза слегка навывкате, черные как смоль; большие уши трясли мочками при каждом крике.

— Как тебя зовут? — Большеухий неожиданно предстал перед брездом. — Ты не они? Почему ты здесь?

— Я ударил привеликого.

— И все? За это теперь ссылают сюда? У них там, что, много воинов развелось. Был ли ты предан?

— Да.

— Почему ударил?

— Он дразнил нас... и бил.

— Поэтому только?! Дур-рак! — И обернувшись к еще одному такому же на рожу воину большеухий приказал: — Выпускай его в холодную сторону. — Он снова повернулся к Дигальту: — Ты был в Холведе?

— Нет.

— Я беру тебя к себе. По тебе вижу, что воин старый. Мне такие нужны. Меня зовут Перош. — Неожиданно он небожно ударил брезда по скуле. — И не перепутай. — Остальных в колодцы. Там нынче много передохло, а мы хотим пить. — А ты куда? Я же сказал, что ты со мной теперь. Тупой ты?.. хотя, это хорошо... хорошо... очень хорошо. — Перош ослабил, явив взору Дигальта два ряда крупных кривых зубов.

— Иди за мной, — обратился к нему один из стоявших однорожих воинов Пероша.

Они прошли в сырую комнату, оказавшуюся арсеналом, подобрали ему ржавую кольчугу, ржавый же старинный тяжелый щит, обоюдоострый топор, чрезмерно длинный

кинжал.

— Вот еще возьми. — Воин протянул ему большой облезлый шлем. — Не смотри, что он большой. В Прибрежье их носят не на голове, а на шапке, иначе застудишься до коликов между ушами.

Неужели потому уши такие большие становятся здесь, почему-то ужаснулся про себя Дигальт.

— Вон ту стену видишь? С нее видна переломанная пополам сосна. Иди под нее. Скажешь, что от Пероша. Там тебе укажут дальнейшее.

От чего бежал? К тому, чтобы какой-то неведомый молча указывал ему, куда идти и что делать? Чтобы смотрели как на собаку и даже еще презрительнее? Воистинну, боги смеются над страждущими!

Брезд вздохнул и медленно побрел на стену, передергивая плечами. Холодало.

****

Ничего не обычного в крепости не было. Более всего внимание людомара привлекла полу деревенька полу городок у ее стен. Она словно всем своим существом жалась к замку, стараясь обнять его как можно шире.

Лес остоял от деревни на полет стрелы выпущенной из добротного боевого лука, но видимо это мало успокаивало ее обитателей. Все пространство между лесом и деревней было изрыто рвами, утыкано кольями, рогатинами и другим боевым инвентарем.

Как не странно, но это намного облегчило людомару задачу проникновения внутрь. С наступлением сумерек, он спокойно дошел до кромки леса и огляделся по сторонам. Невдалеке виднелось преломленное посредине дерево. Его очертания постепенно растворялись в темноте.

Над горами разнесся далекий вой. Из какого-то ущелья выстрелом донесся рев двух дерущихся хищников.

Людомар и сам не заметил, как мыслями унесся к Ириме. Как она там? Запах оставленный чудищами должен был уберечь ее от зверья, но все же.

Он моргнул, отгоняя эти мысли. Они не давали сосредоточиться.

Ему нужен кто-то, кто поймет имя Тикки. Он будет произносить его между прочим, как бы невзначай. Надежда небольшая, но навряд ли Тикки умолял его идти в крепость. Скорее всего, речь шла об этой деревне.

Подобно тени людомар скользил по полю, умело скрываясь за малейшим его выступом. Когда он добрался до первых домов деревни, то без труда определил куда ему идти.

Его удивил многоголосый шепот, доносившийся с улиц. Сын Прыгуна не привык слышать подобное.

Едва он ступил на деревянную мостовую деревни, как невольно замедлили шаг. Он не ожидал увидеть в этом, на вид, маленьком поселении столько много олюдей и брездов. Ему попадались даже мумы — потомки пасмасов и тааколов. Они деловито вылезали из нор, коих по обеим сторонам дороги было безмерное количество и бежали в разные стороны — каждый по своим делам.

Дома здесь не играли ту роль, которая отводится везде жилищам. Нет, дом в этой деревне был тамбуром для прохода в дюжину дверей, ведущих вертикально вниз. Стены помещений были усеяны мелкими желтыми кристаллами. От них исходил теплый свет.

— Двигай быстрее, — подтолкнули его.

Людомар намеренно сутулился, чтобы показаться ниже. Но это оказалось напрасной предосторожностью. Большое количество брездов: воинов и просто поселян, добавляло местному люду высоты и мощи. Охотник выпрямился и вошел в одно из строений, спустился по лестнице и очутился в харчевне, служившей одновременно и спальным местом.

К нему подошла пухлая пасмаска — он впервые видел пухлую пасмаску — и спросила, что ему принести. Он попросил поесть и выпить. Она не удосужила его дальнейшим распросом и ушла.

Рядом зашевелился спящий холкун. Он был пьян и его кусали блохи — людомар чувствовал их запах.

— Дебы давай, — приказала пухлая пасмаска, тяня к нему ручку-плюшку. Она была настолько белой и какой-то чистой, что смотрелась неуместно в грязи харчевни.

Сын Прыгуна вытащил деб, добытый у убитых воинов.

— Много. Дай меньше.

— Меньшего нет.

— Тогда жри больше, — решила пасмаска и поставила перед ним все, что было у нее в руках: три жарких с овощами, четыре кружки с напитком, пахнущим омерзительно, и два клубня какого-то растения, скорее всего прикуска.

Близлежащий холкун снова зашевелился и сел. Его мутные глаза медленно сфокусировались на еде и он потянул к ней руку. Путь его руки к еде преградила воздушная на вид ручка пасмаски. Она подошла и с такой силой долбанула холкуна по голове, что тот рухнул под стол и снова затих.

— Жри быстрее. Чего расселся?

— Не кричи на него, Лэлла, — проговорил густым басом какой-то олюдь. Он сидел не вдалеке от людомара. — Он не знает наших обычаев. Он новый здесь. Верно говорю?

Сын Прыгуна кивнул и произнес: — Тикки.

— Ха! Какое у вас смешное согласие. Ты откуда? — подсел к нему басист.

— Из Куупларка.

— Чего здесь надо?

— Пришел... — Людомар услышал, как общий говор стихал, едва он произносил слово — все вслушивались в его слова, — чтобы... жить...

— Правильно это. А чего там не жилось?

— Долги, — нашелся Сын Прыгуна.

— Еще один долгокоп, — утробно загоготал холкун-басист. — Ну тогда мы с тобой братья.

— Не набивайся ему в братья. Здесь половина таких как он, — донеслось откуда-то слева сзади.

— Мне сказали, что здесь не ищут, — стал развивать тему людомар.

— Верно сказали. Только не ищут потому, что долго не протянешь здесь. Прибрежье да Холмогорье долго нашего брата не терпят. Хрясь! — Он рубанул ребром ладони себе по горлу и ухмыльнулся. — Ты, вижу, не из сдающихся, — добавил он шепотом. Людомар запахнул плащ-рубашку, сокрыв рукоятку ножа, и промолчал. — Куда желаешь вступить? —

Спросив это, самовольный собеседник взял кружку с напитком, которую принесла Лэлла и опрокинул в себя. Его бороду, усы и грудь украсили маслянистые разводы.

Выпив, он крикнул: — Лэлла, продери тебя судорога, хороша митта. Почему такую не льешь мне?

— Ты уплати долг мне, буду лить. А без этого только помои твои.

— Тьфу, толстуха злобливая.

— А по морде хочешь.

— Успокойся уж. Не со зла я. — Он взял другую кружку, но не смог сдвинуть ее с места.

Людомар держал ее крепко. — Охо-хож-ты! — с наугой выдавил из себя холкун, тняя кружку. — Силен, — сдался он.

— Куда я должен вступить?

— А выпить дашь?

— Дам. Но после.

— Я так говорить не приучен. У меня горло сведет. Мы здесь все молчуны.

— Молчи.

Собеседник поперхнулся и замолк. Он стал медленно мотать перед собой указательным пальцем.

— Никогда не упоминай здесь это! Ни-ког-да!!! — И он провел рукой по горлу: — Не то...

Оказалось, что деревенька на поверку оказалась внушительных размеров городом, уходившим вниз в пористую скальную породу на добрую сотню локтей. Внизу были прорыты улицы, помещения под все что угодно. И весь этот муравейник населяло невероятно множество самых разнообразных существ.

— Холвед близко от этих мест живет. За Меч-горой. Он здесь особо могуч. Когда приходят холода, то сила такая, что деревья трещат, а некоторые надвое разламываются от самой макушки к корню. Тр-рах, и расплзлось! Мы тогда носа не кажем навверх. Только воины ходят, да охотники, кто посмелее. С Великих вод находит такой ветер. Мы называем его Брур. Те, кто долго здесь, рассказывают, что он брат Холведу. Разлучены они были Великой водой по приказу Владыки ибо в резвости своей губили все вокруг. Но когда Великие воды замерзают, Брур перебирается к Холведу и они устраивают пирушку. Тогда носа не кажи. Отвалится.

На этом вторая кружка закончилась и холкун приступил к третьей.

— В одиночку здесь не прижиться. Внизу все поделено между ремесленниками, охотниками, воинами и торговцами. Каждый из них содержит и свою челюдь, но это как водится тааколы и мумы.

— Здесь есть тааколы?

— Видимо не видимо. В отличии от остальных земель торговцы здесь в подчинении воинов. Но это переменно. Из-за них и происходят между всеми склоки. В холода от скуки пьют много, а потом как пойдут резаться, только и успевай уворачиваться. Воинов здесь больше всего. Охотников поменее, но тоже много. Ремесленников и торговцев самое мало, но зато дебов у них поболее, потому и нанимают тех же воинов защищать себя. Стравливают их друг с другом себе на потеху. — Холкун отвалился к стене, бесцеремонно оперся на второго холкуна, которого удар Лэллы отправил под стол и который только что вылез оттуда и коленопреклонным задремал на лавке. Выпивоха довольно отирал усы. Было заметно, что его мысли путаются и ему с трудом удастся найти точку опоры, чтобы собрать их воедино.

Людомар пододвинул к нему четвертую кружку. Ее вид тут же навел порядок в голове холкуна.

— Что надо делать, чтобы меня приняли? — спросил Сын Прыгуна и произнес походя: "Тикки из Нисиоларка". Мимо прошел холкун даже не обративший внимание на его слова.

— Что? — не понял холкун.

— Как стать одним из вас?

— А-а-а... ты куда хочешь-то? Охотник? Это хорошо, но к ним труднее всего попасть. Э-э-э... я сведу тебя с гродом, он все сделает. Дебы есть?

Людомар кивнул.

— Это все что нужно, — как-то уж совсем болезненно улыбнулся холкун. Он неожиданно побледнел и затрясся. В следующий момент холкуна вырвало, но людомар успел заметить, как ненавидяще он посмотрел на него.

— Чего не жрешь-то? — подошла Лэлла. Удивительно, но интонация ее голоса изменилась до неузнаваемости. Вроде бы все та же грубость, все та же бесцеремонность, но что-то другое сквозило во всем ее виде.

Холкун медленно поднялся и, шатаясь, отошел. Сын Прыгуна нахмурился и переваривал услышанное. Он медленно двигал челюстями, перемалывая жаркое.

Время тянулось мучительно медленно. В конце концов он доел и поднялся, чтобы выйти.

Неожиданно, проходящий мимо пасмас бросился ему в ноги. Потолок харчевни метнулся вбок, а пол больно ударил людомара по затылку.

— Навались! — прорезалось сквозь всеобщий шум, и в ту же секунду еще несколько тел закрыли собой ровный желтовато-оранжевый свет рочиропсов харчевни.

Сын Прыгуна инстинктивно сжался в комок, удерживая на хребте двух или трех холкунов с пасмасами. Они неистово лупили его руками и ногами; путаясь в полах плаща, пытались дотянуться до его тела ножами.

Людомар резко выпрямился, отбрасывая ногами двух холкунов; еще двоих над своего головой он схватил руками за шиворот и дернул к себе, лишив равновесия. Они повалились на своих товарищей, ища у них опоры. Эти доли секунды охотник потратил на то, чтобы схватить скамью и зашвырнуть ее в них. Низкие своды помещения, его переполненность, не дали скамье пролететь бесследно. Раздались взвизги, ругательства и вскорости уже вся харчевня дралась, побивая каждого за все тяготы дня или жизни.

Сын Прыгуна вскочил на ноги и двумя сильными ударами отбросил в сторону пасмасов. В этот момент он получил сильный удар в спину. Обернувшись, он увидел перед собой холкуна, которого поил за свой счет. Холкун даже не попытался бежать. Сильный удар охотника заставил его лица расцвести алым. Подобно снопу он повалился на пол.

Поняв, что, довольно, людомар принялся прокладывать себе путь к выходу и выбрался наружу. Осмотрев себя и ощупав, он не нашел никаких серьезных повреждений.

Холодный воздух Прибрежья быстро остудил его боевой пыл и он наскоро подавил жажду крови, которая почти захватила его душу. Нехотя, она снова сокрылась в дальних уголках его существа.

Поправляя сбившуюся маску и прихрамывая он пошел куда глаза глядят.

На холоде думалось хорошо. Сперва он подумал об Ириме и о том, что еды он ей оставил надолго. Потом о том, что она достаточно умна, чтобы не высовывать нос из расщелины. И только лишь после этого он повернул мысли в сторону произошедшего.

Дебы имели над всеми в Прибрежье, также как и на Синих Равнинах невероятную власть. Не стоило ему говорить об их наличии. Скорее всего, потому на него и напали. Мерзкие холкуны. В кого они превратились?! Он помнил их тогда... когда помнил. Они были прижимисты, но не в нынешнем смысле. Их хозяйственность заключалась в делах: они работали, гордились своей работой; их городки были образцами чистоты и порядка. Что же такое с ними случилось за эти годы?

На улицу прямо перед ним вывалила толпа дерущихся. Еще одни!

Драка была нешуточная. Двое из вояк уже корчились на земле в лужах крови. Один из дерущихся схватил другого и единым движением вонзил ему нож в самое сердце. Несчастный захрипел и повалился навзничь.

Вдруг убийца перевел ошалевшие от опьянения глаза на людомара и бросился на него со словами: "И ты-ы-ы!" В этом хрипе, в этом зверином рыке не оставалось ни капли разума.

Нож промелькнул рядом с рукой людомара, а его обладатель наткнулся на кулак охотника и отскочил, словно мячик ударившийся о стену. "А-а-а!" — закричал он истошно и в бешенстве заколотил руками и ногами по земле.

Сын Прыгуна хотел было запрыгнуть на ближайшую крышу и скрыться, но усилием воли остановил себя. Тикки не для этого умер. Что-то в его глазах молило людомара выполнить просьбу. Немую просьбу. Казалось, тот взгляд передавал боль всей жизни.

Охотник плотнее запахнулся в свою хламиду. Глухо звякнула кольчуга под ней. В следующий миг толпа, безучастно следовавшая мимо, растворила его в себе.

****

Прошла уже большая луна с тех пор, как Сын Прыгуна впервые ступил на дощатый настил Эсдоларка Прибрежного. Постепенно он частью привык, частью свыкся с особенностями проживания в этом странном городишке, где жизнь и смерть соседствовали за близстоящими столиками, переплетаясь в нераспутываемый клубок.

Сложнее всего было привыкнуть к жителям, точнее к тому типу их отношений, который порождал Эсдоларк. Недаром они называли себя не молчами, как на всех остальных землях, но гроидами. Дружба, любовь, ненависть — все эти чувства были здесь неоднозначными. Иначе и нельзя было назвать их. Дружили гроида весьма странно: они могли пройти вместе огонь и воду, и медные трубы, но на совместной попойке исполосовать друг друга ножами за одно неуважительное или еще какое-нибудь "не... — ительное" слово.

Про любовь людомар знал меньше, но одно понял довольно быстро. Семьи в привычном даже для высоких охотников понимании Эсдоларк не знал. В конце концов до Сына Прыгуна дошла мысль о том, чем руководствуются гроида. Интерес. Вот и все, что их связывало.

Среди них выделялись воины и охотники. Среди этих братств людомар распознал зачатки и дружбы, и семьи.

Хождение по кабакам и харчевням Эсдоларка довольно быстро включило людомара в число жителей Эсдоларка. Все сплетни, каждое событие и происшествие — все это он узнавал из нетрезвых разговоров, песен, криков и ругательств.

Наиболее полюбилась ему харчевня над входом в которую была прибита облезлая лапа

похожая на лапы чудовищ, которых он убил, чтобы отобрать у них пещеру. Помещение харчевни было просторным, но и цена не самой последней. В ней собирались большей частью охотники и воины. Иной раз заходили и торговцы, но это было наиредчайшим событием.

Людомар занимал дальний угол харчевни и просиживал в ней долгие часы. Его знали здесь под именем Тикки из Нисиоларка. Сам себе Сын Прыгуна напоминал паука, который расставил паутину и тихо сидит в укрытии, ожидая ее едва заметного подрагивания.

Несколько раз ему казалось, что некоторые холкуны, брезды и даже один дремс поводили головой, заслышав его крик: "Жрать Тикки неси! Жра-ать!" Но далее ничего не происходило.

Он старательно изображал пьяного, пролеживал днями, уткнувшись лбом в стол, но все было напрасно.

К нему привыкли и прониклись тем типом доверия, которое имеется только в Эсдоларке, когда могут рассказать сокровенное, а после и прирезать за то, что развесил уши. С ним часто разговаривали на тему охоты и хвалились тем, что он и так давно знал по запаху, исходившему от собеседников.

Людомару нравилось, что им никто не интересуется. Что гроды одеты и поступают, как им заблагорассудится. Воистину, Эсдоларк был островком свободы. Жестоким, бесчестным, но все же свободой.

Холода усиливались. Зима пришла настолько стремительно, что не одна сотня обитателей Эсдоларка нашла свой покой по дороге из него или к нему.

— Холвед проснулся, — шептались жители, ежились и спешили поскорее уйти с улицы.

В тот вечер людомар, как и много раз до этого, прошелся по нескольким значным местам, окончив свое путешествие в харчевне "Лапа неизвестно какого чудовища". Все шло как и всегда. К нему подсел один из ставших знакомым пасмасов с изуродованным ударом когтей хищника лицом. Он завел длинную историю о своих похождениях у подножия Мечгоры и Острокамья, что за Холведской грядой, в центре которой и располагался Эсдоларк. Рассказ его был, попеременно, и веселым, и грустным, и скорым, и нудно-медленным.

К ним подсаживались другие охотники и даже один воин-брезд, которые внимательно слушали пасмаса, дружно взрывались, гогоча во все горло, и трясли головами, сочувствуя утрате родного брата.

Сын Прыгуна тоже хохотал, но раздумывал над одним и тем же. Холода ожидались сильные. Как Ирима перенесет их в пещере. Появилась неожиданная необходимость провести ее в город и спрятать здесь. Но как? Этого он не знал.

От мыслей его отвлек звук возни у входа. Внезапно раздался ужасающий треск и вместе с кусками деревянных ступеней в харчевню вкатился кусок льда.

Все, кто находился в ней, вскочили на ноги. Наступила мгновенная тишина, которую разорвал дикий рев сверху. Один за другим, а то и парами в помещение стали вбегать пьяные олюди и брезды. В руках их сверкало оружие.

— Гроды! Гроды, прошу вас! — попытался вмешаться хозяин харчевни, но его уложили ударом в лицо.

Несколько женщин, которые обслуживали столики, тонко завизжали и мгновенно скрылись за толстенной дверью в кладовую. Туда же попытались проскользнуть несколько не особо храбрых пасмасов, но им не открыли, а потерянное время стоило им ножей в спинах.

Без объяснения причин нахлынувшая толпа бросилась вперед. Посетители обнажили мечи, топоры, ножи и даже дубины.

Дигальту было очень хорошо. Он только что принял на грудь не меньше пол ведра либвы — местной бражки и рвался в бой. После целого дня проведенного на посту у сломанной сосны он жаждал тепла и всеми силами старался скорее им обзавестись. Часть теплоты дала либва, еще чуть-чуть довалили женщины и, в дополнение, нужна была хорошая драка. Желательнее всего, рубка. По-эсдоларкски.

Он и сам не понял, как его стало все устраивать, но Эсдоларк обладал тем волшебным очарованием, каким обладает безысходность. Город заставлял позабыть все прошлое, отринуть амбиции или мечты о будущем, жить настоящим и наслаждаться им на полную катушку.

Первый пасмас, который встал на его пути, упал, сраженный кинжалом под ребро. Как и всегда! Любимый удар: топор сверху, а кинжал снизу. Отбивают всегда то, что больше. Хе-хе!

Рядом с ним дрался Фетзук — саарар из личной охраны Пероша. Он только что отошел от горячки, в которую погрузился едва не замерзнув, спяну уснув на улице. Лицо саарар горело, а глаза лихорадочно скользили по посетителям харчевни. Он выбирал жертву.

Фетзук был моложе Дигальта, но ему не было равных во владении боевыми топориками, которыми он дрался, зажав их в каждой руке.

— Берегись! — выкрикивали со всех сторон. — Сторонись! Ах ты... ой!..

Тяжелая мебель харчевни летела на нападавших со всех сторон. Дигальту успели два раза попасть по голове, но раны горели на ней, согревая. Он улыбался.

Рубка шла уже некоторое время, когда позади Фетзука появился один из саараров, пришедших вместе с ними, и что-то взволнованно шепнул ему.

Дигальт никогда не видел, чтобы его друг так менялся в лице. Физиономия воина сначала побледнела — это было заметно даже сквозь темную кожу, а после покраснела, даже раскалилась.

— А-а-а! — заорал он. — Где? — Он обернулся на саарара. Тот указал в угол.

Фетзук, как оказалось, до этого момента и не рубился вовсе, а так — играл. Когда же он стал драться по-настоящему, что быстро устлал дорогу в угол харчевни трупами шести противников.

— Где ты? Маэрх! Маэ-э-эрх! — почти визжал Фетзук как резанный, не замечая никого вокруг. — Найти... найти-и-и-и! — Он не докричал, ибо проглядел удар. Об его шлем ударился топор и на лицо воина хлынула кровь. Он зашатался и осел.

Рыкнув, Дигальт бросился к нему. Единым ударом он погрузил в вечный сон брезда, нанесшего удар, поднял друга на руки и вытащил вон.

— Маэрх! — бредил тот. — Возьмите его... вяжите... руки смотрите... он... он... — С этими словами саарар затих в беспамятстве.

Людомар ничего этого не слышал, потому что в том оре, который стоял в харчевне расслышать что-то членораздельное было трудно даже для него. Он протиснулся за столик хозяина и сидел на полу, ожидая, когда резня окончится.

На пол то и дело грузно падали убитые и раненные. Он видел их бледные и красные лица, синевшие от натуги или потери крови. Они умирали на его глазах.

— Маэрх! — отзвуком донеслось до него. Он невольно повел ухом, но тут же ухватил его рукой и прижал к голове. Поправив обмотку на голове, охотник хотел было встать,

однако на нем вдруг кто-то повис. Удар по голове и окружающее пространство поплыло перед глазами. Еще миг и тьма окончательно сокрыла происходящее.

****

Неясный сон снился людомару. Неясный и непонятный. Ему снились бревна, плотно прижатые друг к другу неведомой силой. Они расплывались перед его глазами. Пространство смазывало их. Бревна кружились перед взором охотника в безмолвном хороводе, перемежаясь одно с другим. Ему снились ступени. Они напрыгивали на него, а он пытался увернуться. Снилось и еще нечто красно-бурое, тягучее. Пахнущее отрывисто и непонятно.

В голове что-то гулко стучало. Иногда звуки прорывались в его сознание с оглушительным грохотом. Ему казалось, что он щурился от грохота. Резкие отрывистые хлопки перемешивались в сознании охотника с трубными протяжными стонами...

Он очнулся. Голова была тяжела. Сын Прыгуна с трудом приподнял ее и ощутил покалывание в подбородке. Отлежал его о грудь. Во рту остался приторно-обволакивающий вкус жаркого, перемешанного с бражкой. Он с трудом отлепил язык от неба.

Там, где он обнаружил себя, было очень темно. Настолько темно, что даже людомару было сложно разглядеть предметы у противоположной стены.

Где-то гулко капала вода. Сын Прыгуна слышал, как тяжелые капли падали на твердую поверхность и, скапливаясь на ней, прорывалась единым потоком еще раз вниз и вальяжно растекалась по полу.

Охотник не знал, сколько времени он провел в полубеспамятстве. Явь для него мешалась с картинами из полубытья. Все это вмиг рассеялось, едва визгливый звук открывшейся двери пронзил тишину мглы.

Послышались шаги и сквозь щели слегка приоткрытых век людомар увидел, как тьма стала отступать под напором желтого свечения. Ему открылись почерневшие от времени ступени лестницы, жалобно скрипевшие под грузными телами; разошедшийся бочонок, на котором лежало нечто непонятное и крюк в стене, исполнявший в свое время какую-то роль, но давным давно отведенный пауками под свои нужды.

— Он еще не очнулся.

— Я не сильно его приложил.

— Ты уж несильна-а! Скажешь тоже. Этакий громила уже который час не отлипает носом от пупка.

— Тише. Он по-моему на нас смотрит.

— Хыть... и впрямь людомар. Невероятно!

Три пары ног приблизились к Сыну Прыгуна. Его подбородок был сжат словно бы в железных тисках. Рука подняла его лицо и направила на лица пришедших.

На людомара смотрели два относительно молодых и одно старое пасмасское лицо. Олюди внимательно оглядывали его.

— Ты слышишь нас? — просил старик. — Ты понимаешь?

Охотник медленно закрыл глаза.

— Говорить сможешь?

— Да, — выскреб из себя Сын Прыгуна. При этом по его горлу словно бы резанули кинжалом. — Пить дай, — попросил он с расстановкой.

Ему поднесли попить.

— Мы не навредим тебе, людомар. Мы друзья. Но связали тебя, ибо знаем, как можешь поступить, коли не разберешься.

— Уж мы-то помним последних твоих... Серьезные ребята-а, — кивнул второй пасмас, чуть моложе.

— Мы развяжем тебя, как обговорим с тобой, — продолжал старик. — Согласен ли говорить с нами?

— Да.

Старик закричал и попросил подтащить к нему бочонок.

— Меня зовут Битат. — Он тяжело опустился на бочок. — И я спрашиваю тебя, зачем ты здесь.

— Я пришел... просто пришел...

— Мы начали со лжи, людомар. Как тебя зовут?

— Омкан-бат.

— Побиватель омканов? Хорошее имя.

Настало время людомару удивляться.

— Вижу твои глаза, — подметил старик. — Ты думаешь, откуда он знает наш говор. Я проводил долгие разговоры с людомаром Светлым из Редколесья. То были блаженные времена. Дни спокойствия, я так их называю. Ты мне не веришь. Ты вправе мне не верить, но знай, что и я не буду верить тебе. И это не ускорит ничего. Не ослабит путы на твоём теле.

— О чем ты хочешь знать?

— Зачем ты здесь.

— Почему не веришь, что я здесь... мимо проходил...

— Я знал людомаров. Вы никогда не покидаете леса. Здесь не тот лес. Не ваш. Да и ваш еще достаточно безопасен, чтобы бежать из него. Как говорили в нашей деревне, если рыба лежит на берегу, то это неспроста. Да, мой мальчик, я из прибрежных пасмасов. Более... — Он уселся поудобнее. — Хочу сказать тебе... Я из тех, которые пиратствуют в этих водах уже много веков.

Людомар посмотрел на него с интересом. Он слышал о пасмасских пиратах, но никогда бы в жизни не подумал, что встретит одного из них. Они были из разных вселенных.

— Мы подвели черту, — продолжал старик. — Ты знаешь, что мы пираты. Мы не знаем, кто ты. Если не узнаем... не уравновесим опасность знаний каждого из нас, то завтра на одной из улиц найдут еще одного грода с вспоротым животом.

— Тикки из Нисиоларка, — вдруг сказал охотник. Он и сам не понял, зачем произнес это.

— Он прислал тебя сюда? — неожиданно изменился в лице старик. Оно становилось холоднее и жестче, но едва он прослышал имя "Тикки", как жесткость мгновенно исчезла.

— Ты знаешь, кто это? — спросил людомар.

— Допустим.

— Никто меня не присылал.

— Он живет у погоста города. Рассказывает про дочь и внуков. Про то, что воин...

— Он прислал меня.

— Что он хотел передать?

— Ничего. Он умер, произнося название этого города.

Троица переглянулась. Один из пасмасов не вытерпел и прохрипел:

— Удачненько же я заглянул к Шуду. — Второй улыбнулся ему и лишь старик оставался безучастным.

— Ты его убил?

— Нет. Оридонцы.

— Прознали про него? — старик невольно дернул ногой и сильнее сжал пальцами ободы бочонка.

— Они искали меня. Через меня про него прознали.

— Как это?

— Не знаю и сам, но догадались, что мы с ним связаны были.

— Как?

— Не знаю.

— Как вы были связаны?

— Он попросил дать ему поесть. Умирал от голода у погоста.

— Хм... неужели в Нисиоларке перестали умирать?

— Я не знаю.

— Откуда ты?

— Из Чернолесья.

— Почему ты не исчез с другими людомарами.

— Исчез, но не с ними.

— С кем же?

— Не знаю.

— Такого не может быть.

— Может. — Людодмар нахмурился. — Я не помню двадцать восемь зим. Прошлых зим...

Старик приподнял правую бровь.

Сын Прыгуна принялся обстоятельно описывать свой поход в Немую лощину и выход из нее.

— Беллер, — вздохнул один из пасмасов. — Он заколдовал тебя. Я знаю про это. Они часто так делают. Я слышал.

— Не мешай ему, Урт. Пусть говорит.

Людодмар продолжал рассказывать о своих приключениях. Чем больше он говорил, тем чаще переглядывались пасмасы между собой. Неожиданно один из них подошел к нему и перерезал ножом веревки.

****

Сизо-снежное небо низко нависало над Эсдоларком. Верхние этажи крепости тонули в густых курчавых облаках, сползших в долину со склонов гор. Полумрак рассеивали лишь маленькие точки желтых и оранжевых кристаллов, которые перемещались по улицам вместе

с запоздалыми путниками. Руки, державшие их, тряслись от холода и суеверного страха.

"Холвед проснулся!", перешептывались все вокруг. "Брур спешит к нему!" Сказав это, гроды ежились, словно от удара, и тут же спешили скрыться в помещениях. Все Прибрежье обелетела весь о том, что Великие воды покрываются льдом.

Людомар открыл глаза, сел, зевнул и огляделся.

— Пора, — услышал он из темноты. Над ним нависало довольно крупное животное. От него разило таким разноцветьем кисло-прелых запахов, что охотник аж прослезился.

Битат приоткрыл дверь и позвал Сына Прыгуна. Он указал ему на кучу шкур и приказал одеть их. Пока людомар одевался, пасмаска, появившаяся неизвестно откуда, принялась порхать вокруг него, что-то подшивая и подтягивая. Это выглядело тем более неестественно, что женщина была стара и невероятно полна.

— Подними... вытянись... не двигайся... оттяни, — проговаривала она сквозь зубы и каждый раз добавляла "ыгы", когда что-то проделывала со шкурами.

Старик смотрел на приготовления отстраненным взглядом. В его глазах охотник увидел тоску по горам, по бесконечным дорогам, оканчивающимся далеко за горизонтом, о безразмерном пространстве, которое сужается от старческого бессилья до размеров комнатухи.

Помимо людомара в путь выходило еще только двое пасмасов. Все они были пиратами, прибывшими в Эсдоларк на зимовку. Самым опытным из двоих был Урт, так сказал старик. Имени второго спутника охотник не знал.

Когда они вышли на улицу на городок пышной периной опускалась снежная ночь.

— Лучше и придумать нельзя, — проговорил Урт, окутывая себя клубами пара. — Хороша ночка будет! — Он передернул плечами, потер себе лицо и, повернувшись в темноту дверного проема, кивнул.

— Малой волны, — донеслось до них оттуда и в свете рочиропсов блеснули слезами глаза Битата.

Выходили полем. Тропой известной одному только Урту. По тому, как он уверенно шел по ней, людомар понял, что пираты не теряли времени даром и даже зимой проворачивали какие-то дела.

До кромки леса они добрались без происшествий.

Зимний лес оказался необычайно красив. Ночью он выглядел не так мрачно, как всегда. Снег оживлял его. Делал приветливее.

Людомар смотрел на лесное пространство с чувством воодушевления. Он не знал, что его ждет там, где взгляд уже не мог оглядеть, а обоняние учуять. Но чувство чего-то хорошего, сильного, чего-то очень радостного и, самое главное, правильного переполняло его.

Они шли привычной ему тропой. Точнее, только он видел тропу там, где ее вовсе не было. Сын Прыгуна шел так стремительно, что пасмасы еле поспевали за ним. Второй, имя которого оставалось для людомара неизвестным, делал зарубки на корнях деревьев.

К рассвету они вышли на небольшую прогалину, где охотник оставил своих сопровождающих и в одиночку достиг пещеры.

Он вошел нее той разновидностью походки, с какой возвращаются домой после выхода на крыльцо. В пещере было тепло и чувствовалось наличие живого существа. Уже на третьем шаге людомар заметил, что путь в основную часть убежища преграждает забор из довольно толстых веток. Ирма собственноручно изготовила его из подручных средств.

— Ирима, — позвал он.

В темноте зашевелились. Он был изумлен, когда из-за забора показалось лицо старухи. Она в ужасе отпрянула, когда заметила перед собой черную громадину закутанную в меха. В темноте произошло шевеление. Послышалось недовольное бормотание и людомар разглядел лицо Иримы.

Она улыбнулась, увидев его.

— Не бойся, старуха. — Она потянулась. — Это холкун. Он мой. — Ирима посмотрела на него оценивающим взглядом, словно бы он был зверем редкой породы, обладание которым считалось почетным. — Ты чего пришел? У меня... нас все хорошо.

— Я принес поесть и... они просили передать им тебя...

Холкунка нахмурилась и по-хозяйски осмотрелась.

— Нет, — сказала она по-будничному просто. — Кем бы они не были, я не пойду к ним.

— Идет Холвед.

— Кто это?

— Бог льда и снега.

— Равнинные боги уберегут меня.

— Глаз Владыки не заглянет к тебе еще долгое время.

— За мной... нами приглядят другие боги. Они прислали мне их.

Сын Прыгуна стоял, переминаясь с ноги на ногу. Это была слишком сложная для него ситуация. Людомары никогда не были коллективными жителями и правила общения и совместного общежития давались им с трудом. Что делать, он не знал.

— Ждет там...

— Кто? — она нахмурилась. — Кого ты привел мне?

— Он не знает... я оставил... там... ты не хочешь быть... с такими как ты?

— Нет, — холкунка удивленно вскинула брови. — Если бы я хотела, то осталась бы в Куупларке. Он не шел за тобой?

Сын Прыгуна отрицательно покачал головой.

— Он уйдет обратно, — предупредил охотник, — больше не придет.

— Ты не спросил меня, кто со мной. — Ирима подошла к нему и прильнула. — Тебе не интересно?

— Кто с тобой?

— Со мной старуха и двое детей. Они пасмасы, кроме девочки. Она холкунка. — Ирима замолчала, ожидая реакции.

Сын Прыгуна молчал.

— Их прогнали из Эсдоларка. Ее сын, старухи этой, был убит, а больше их некому кормить. Их выгнали из дома. Они пошли в Синие Равнины. Это в такой-то холод?! Я их встретила, когда вышла... — Она осеклась.

Людомар нахмурился. Он наказывал ей не выходить.

— Я уйду надолго. Как ты будешь есть? — спросил он.

Она подняла брови, что означало, не знаю.

— Кто пришел ба...

— Тшш...

Раздался испуганный возглас ребенка и тихое хныканье.

— Тише... тише, — зашепелявила старуха. — Послышалось пение колыбельной и слова молитвы.

— Не бойтесь его, дети. А ты не пугай их, — обратилась к своим новым подопечным Ирима. — Ты выглядишь как те... — Она расставила руки и оскалилась. Охотник не выдержал и улыбнулся. — Не беспокойся обо мне. Ты сделай, что должен. Я буду тебя ждать. Мы будем... возвращайся... — Холкунка снова прильнула к нему.

Людомар снял со спины большой кусок мороженого мяса и положил у ее ног, неуклюже обнял ее в ответ на ее объятия, и, несколько суетясь, вышел вон.

В лицо ему тут же ударил сильный ветер. Начиналась поземка. Дышалось легко. С высоты своего положения, людомар мог оглядеть большое пространство. Он смотрел смело. Снежная круговерть его не страшила. Вдохнув полной грудью, он сделал первый шаг вниз и быстро спустился.

— Возьми меня, Урт, — взмолился второй пасмас. Только сейчас людомар разглядел, что он молод.

— Нет. Путь далек и труден, ты не дойдешь.

— Я выдержу.

— Не возьму.

— Ты мне говорил такое же, когда впервые выходили в Великие воды. Ты говорил, не смогу я. А я смог. Ты знаешь. Почему не возьмешь?

— Потому что это Холвед. Когда же мы достигнем перевала, Холвед встретится с Бруром. Будет веселье. Ты хочешь, чтобы твоими костями они размешивали свое пойло?

— Я не отдам им свои кости. Возьми.

— Не иди за нами. Я приказываю тебе идти прочь. — Урт развернулся и пошел вперед. Сын Прыгуна последовал за ним. Молодой пасмас скрылся за деревьями.

Людомар впервые видел такого пасмаса. Он двигался не хуже дремса. Каждое движение его рук и ног было правильным и осторожным. Он почти не шумел.

Весь день до глубокой ночи они шли молча. Урт изредка сверялся с одному ему известными метками на деревьях и кивал охотнику, следуем дальше.

Когда они улеглись на привал, Урт впервые заговорил. Его слова были отрывисты и очень тихи.

— Держи меч наготове, — прошептал он, — мы пришли в земли грирников.

Людомар кивнул, вытащил из-за голенищ мечи и вложил их в рукава своего мехового балахона.

— У грирников не было здесь земель, — сказал он и вопросительно посмотрел на Урт.

Тот дернул губами, не знаю. На этом их общение окончилось.

Следующую ночь путники шли так быстро, как только могли. Повсюду им попадались признаки того, что они попали на территорию олюдоедов. Россыпи олюдских костей, составленные в небольшие пирамидки; подобия походных храмов из камней и черепов; лоскуты одежды убитых холкунов и пасмасов; цельные скелеты, составленные анатомически точно, со знанием дела, и даже творчество грирников: сочетание олюдских скелетов и скелетов животных, составленных в невообразимые композиции, где части тел тех и других были перемешаны, и миру явлены скелеты новых существ.

— Еще два перехода, — сказал Урт в конце второго дня шествия по землям каннибалов. Его глаза слипались. Он с усилием отрывал от окаменевшего мясного ломтя кусочек, чтобы тут же проглотить.

— Спи, — сказал ему Сын Прыгуна, — я буду смотреть.

— Ты отдохни, — не согласился тот.

— Я не хочу спать.

— Так это правда, что вы можете не спать три луны? — Впервые холкун проявил какое-то личное отношение.

— Да.

Урт ухмыльнулся и почесал лоб. Нельзя сказать, чтобы он был поражен. Усталось скрала все эмоции.

— Тогда я буду спать. — Он повалился на бок и тут же заснул.

Ночь была мгlistая. Ее тишина была обволакивающе пугающая. Слух людомара шарил в пространстве, но не мог ничего уловить, ибо увязал в тумане.

В середине ночи они снова двинулись в путь и к концу поднялись на высоту, где тучи были невластны.

— Здесь самое опасное. Открыто все. Не укроешься. Будем бежать. Я отдохну. Ты?..

Они спрятались в небольшое углубление за валуном и даже людомар заставил себя немного вздремнуть.

Сын Прыгуна не знал, сколь долго он продремал, но его разбудили крики и звон стали.

Урт уже был на ногах. Прячась за камнем, он осторожно выглядывал, смотря вниз по склону. Его застывшая на фоне ослепительно белого снега фигура напоминала памятник напряженному взгляду.

Людомар присел позади него и принялся.

— Что ты унюхал-то? — спросил холкун. В его голосе звучала нервная дрожь наблюдателя за боем.

Ниже них шагов на двести, на линии облаков и чистого безоблачного простора двигались полуразмытые тени. Их было три или пять. В том хороводе, который они устроили, трудно было угадать число.

Снова воздух резанул звон стали.

— Охраните нас боги, — шептал себе под нос Урт. — Охраните нас от топпи. — Тут он заметил людомара рядом с собой. — Топпи, — несколько испуганно кивнул он на тени, — души пожранных грирниками. Они мстят всем, кто идет этой тропой.

— Это не топпи.

Урт удивленно посмотрел на Сына Прыгуна.

— Я слышу их шаги, их дыхание. — Людомар принялся. Наконец-то ветер принес ему еще одно послание. — Среди них тот, — сказал он, — которого ты прогнал...

— Откуда ты знаешь?! — вскричал Урт, вставая из-за камня. Охотник потрогал свой нос. Холкун ударил себя кулаком по лбу и обозвал неприличным словом.

В следующий миг он уже вытащил топор и внушительных размеров нож, и мчался вниз по склону. Людомар осмотрелся по сторонам, будто выходил на охоту, и последовал за ним.

Холкун скрылся в облачности лишь не пару мгновений, и тут же вышел спиной, таща перед собой юнца-холкуна. Вслед за ними из тумана, подобно призракам стали появляться высокие, но тощие фигуры каннибалов. Они были одеты в шкуры и обвешанны костями, и другими побрякушками, выточеными из скелетных костей. Вид их был грозен. Рожи грирников были размалеваны красным, а волосы подняты пучком на голове.

Урт умело отбил ножом удар костяной дубинкой одного из олюдоедов. Удар топора другого был отбит юнцом.

— Поднимайся и прикрывай мне спину, — приказал ему Урт.

Тот неуклюже встал и, еле дыша то ли от ужаса, то ли от усталости, занял оборону

сзади.

Каннибалы один за другим продолжали выходить из туч. Когда десятый вышел на залитый солнцем снежный склон горы, Урту стало ясно, что в позиционной борьбе он ничего не решит. Опытный мореход, не раз сражавшийся на кораблях, он мыслил не эмоциями, а позициями. Когда тебя окружают, нельзя стоять.

— Отходи к людомару, — приказал он, держа топор наготове.

— Лютомай, лютомай, — послышалось со всех сторон. Урт изумленно оглянулся, проследив взгляды дюжины грирников. Их глаза в ужасе взирали на фигуру спокойно спускавшуюся со склона.

Много веков назад каннибалы наравне с дремсами и людомарами обитали в Редколесье, но своими привычками отбили охоту общаться с ними. Они питали лютую ненависть и к тем, и к другим. Людомары охотились на грирников, как и на любую другую дичь в Чернолесье. Очень немногие знали об этом.

За несколько столетий отсутствия грирников в Чернолесье, и у людомаров, и у грирников притупился обоюдный инстинкт, однако в тот момент, когда высокий охотник спускался вниз, он шел к каннибалам, как хищник к жертвам. И он, и они поняли эту расстановку внутренним чутьем.

Высокий гортанный стрекочущий звук разлетелся над горами. Оттолкнувшись от их склонов, он нырнул в облака, поднимая под ними неведомую дремлющую силу. Сердце Урта екнуло, едва он услышал этот звук.

— Убить, — прорычал один из грирников и указал топором на холкунов.

Четверо каннибалов бросились на них. На сердце у Урта стало полегче: четверо — не дюжина, смочь можно! Он принял бой.

Еще с десятков грирников, утратив к холкунам всякий интерес, пошли навстречу людомару. Тот скинул с себя балахон из шкур, убрал рипские мечи за голенища и остановился. Сын Прыгуна увидел, как Урт, умело увернувшись от удара дубиной, ухватил ее топором, а нож воткнул в горло грирника. Обильно поливая снежный наст кровью, тот рухнул и утонул в снегу.

Еще от одного удара Урта спас молодой холкун. У него видимо была повреждена рука, потому что меч остановил удар топора, но выпал из руки. Холкун застонал.

Грирники оживились, когда людомар принялся отступать. Им было невдомек, что он подальше отводил их от места начавшейся схватки. Один из каннибалов, все же, заметил, что одни из его сотоварищей стало меньше, и пополнил квартет нападающий.

— Ты еще не сдох? — совершенно серьезно прорычал предводитель грирников. Охотник отмолчался. — Мы тебя убьем... — Раздался дружный рев и вся свора разом бросилась на людомара.

В него полетели топоры, копья и даже ножи. Он выставил вперед шкуры и они с достоинством приняли на себя весь удар. После этого он бросил его и отбежал еще дальше.

Между тем, холкуны оказались в окружении. Одному из грирников удалось ранить молодого холкуна в ногу. Поэтому он сидел в снегу, размахивая мечом и не подпуская каннибалов к спине Урта.

Тот бился с двумя одновременно, изредка переходя на драку с тремя. Он больше не имел возможности менять позицию. Бросить молодого холкуна было нельзя.

— Зачем ты пошел за нами? Я приказал тебе... — Урт отбил удар. — Не ходить... — Отбил еще один.

— Не сдержался... — Молодой холкун принял удар, крикнув. — Прости меня...

— Ты не сможешь вечно бежать, — прорычал предводитель каннибалов. — Его черные глаза пристально следили за людомаром. — Ты на наших землях. — Он не успел договорить и с интересом следил, как охотник сорвался с места и с невероятной скоростью понесся на правый фланг наступающих.

Цепь каннибалов пришла в некоторое расстройство, когда Сын Прыгуна обрушился на ее правую часть. Вооруженные одним топором или дубиной грирники не могли противостоять двум мечам. Двое из них дико вопя и захлебываясь в крови корчились в снегу держась за широкие проколы, оставленные в их телах мечами.

Людомар же с бешенством набросился на ближайших врагов.

Жажда крови — чувство, взорвавшееся в нем, чувство, ожидавшее этого момента слишком долго, пело и ликовало. Если бы у него были легкие, оно бы орало как одержимое.

Удары мечей, ног и даже головы, наносили грирникам тяжелейшие травмы. Их тела были сильны только в сравнении с телами пасмасов и холкунов. Для людомаров переломать им ребра не составляло особого труда.

Удар топора, дубины, меча быстро блокировался правой рукой, в то время как левая рука подрезала жилы на руках, ногах или проникала в бока и животы. Враги хрипели. Он видел в их глазах проснувшийся ужас. Жертва окончательно распознала хищника.

Предводитель грирников не успел пробежать и десяти шагов, когда шестеро из дюжины его людей были убиты, а людомар быстро сменил направление и набросился на двух оставшихся в живых каннибалов, продолжавших атаковать холкунов.

Первого он отбросил весом своего тела в сторону, а второму срубил голову. Еще прыжок и барахтавшийся в снегу грирник захрипел, скрючиваясь в животе. Меч вошел в него как в масло.

Троица повернулась лицом к вершине и увидела, как семеро оставшихся в живых врага, огибая их, бежит к подножию, желая сокрыться в тумане облаков.

— Надо торопиться, они вернутся, — проговорил Урт. Его лицо было залито кровью. Он еле держался на ногах. — Поднимайся... — Он обернулся на молодого холкуна. Тот лежал позади него, держась за бок, из которого торчала рукоятка метательного ножа. Холкун виновато улыбался. — Покажи, — подскочил к нему Урт.

По его глазам людомар понял, что мальчишка больше не жилец.

Урт отвернулся и заскрежетал зубами.

— Прости меня, дядя, — проговорил неожиданно молодой холкун. — Прости меня... — Он побледнел.

— Прощаю. Поднимайся. Людомар, ты сможешь его нести? — Урт умоляюще посмотрел на охотника. Тот кивнул.

— Остался еще пеший переход. Надо спешить. Уйдем отсюда.

— Они не вернутся, — сказал Сын Прыгуна.

— Вернутся. Всегда возвращаются. Ты разозлил их. Никто не бил их здесь, сколько помню. Но не это... Поднимай его... Не эти самые страшные. Страшнее их негты. Пролилось слишком много крови. О, боги, уберегите!..

Урт неожиданно свернул и потащил ничего не понимающего людомара к скале.

— Прячься!

Сын Прыгуна увидел, как взрыхляя снег длинной лентой в сторону трупов грирников мчится нечто. Чудовище двигалось под толщей снега.

— Нам нужно взобраться повыше. Там меньше снега, — Урт в ужасе смотрел на подснежных хищников. Их становилось все больше и больше. — Пока они заняты, мы можем успеть. Надо...

— Он умер, — проговорил людомар, протягивая Урту тело племянника. От него пахло смертью, охотник почувствовал это.

— Надо... надо... — повторял тот, растерянно глядя в остекленевшие глаза молодого холкуна, на его безвольно повисшую голову и открывшийся рот. — Голову придержу... — Урта словно ударили в грудь. Он попятился и привалился спиной о скалу. Облако пара сокрыло его лицо. На глазах появились слезы.

— Куда нам подниматься? — спросил людомар.

Урт словно бы оцепенел. Его пришлось слегка встряхнуть, чтобы он пришел в себя.

— Положи его... здесь, — попросил холкун.

Людомар положил тело юноши в углубление за валуном.

— Ты должен дойти один. Я отвлеку их, — проговорил Урт. Его глаза стали сухими. Они смотрели вниз по склону. Там из тумана выходили десятки грирников. Этого было много даже для людомара. — Вот возьми, — холкун достал из-за пасахи потертый медальон и протянул людомару. — За этим перевалом Меч-гора. Вон она виднеется. Видишь? Иди туда. Обойдешь ее и за ней будут три ущелья, проходи в то, что слева. Пол дня пути и сверни вправо у бревнокамня. Как пройдешь его, то постучи металлом о металл четыре раза, а потом еще два и два. После этого, жди. За Меч-горой земли грирников кончаются. Там ничейные земли до самого Холмогорья. Тебе нечего бояться их. — Он кивнул в сторону врагов.

Холкун вытащил и разложил перед собой все свое оружие и оружие племянника.

— Спешу, — приказал он Сыну Прыгуна, — спешу, иначе наша жертва будет напрасна.

Охотник кивнул и стал взбегать вверх. оттуда он увидел, как грирники со злобой изъеденной вшами собачьей своры набросилось на негтов, пожиривших их товарищей. Не обращая внимания на то, что червевидные чудовища калечат их одного за другим, каннибалы убили двух из них и еще столько же отогнали в сторону.

Сын Прыгуна не стал ждать развития событий, перемахнул через вершину и поспешил вниз.

— За Синие Равнины, за холларка, за Глыбыра! — донесся до его слуха вопль Урта. Он потонул в реве сотен глоток грирников. Послышался звон стали.

****

Меч-гора оказалась массивной скалой, на которой каким-то непостижимым образом расположились террасы. На каждой из них располагалась небольшая крепость-поселение. Это были убежища грирников. Из нескольких мест в Меч-горе били горячие источники. Их тепло создавало возможность культивировать небогатые сельскохозяйственные культуры.

Урт не сказал Сыну Прыгуна, что окрестности Меч-горы кишели грирниками. По меньшей мере десяток раз людомару приходилось вступать в неравные схватки с ними. После этого он менял направление движения, петлял как заяц в лесу. Его путь за Меч-гору

занял день и целую ночь.

Наконец, весь измазанный кровью каннибалов он вышел на ничейные земли. Они представляли собой низкогорье, изрезанное ущельями и усыпанное камнями. Кое-где были заметны следы жизни: низкорослый кустарник, карликовые деревья, но все эти признаки были настолько хилы и редко разбросаны по серости каменного взгорья, что их наличие оставалось незамеченным даже людомарским глазом.

На самом подходе к ущельям, из которых тянуло непросыхающей сыростью и трупным запахом, людомар решил отдохнуть. Он забрался в расщелину и, укутавшись в шкуры, заснул.

Было безветренно. С небес сорвался и крупными хлопьями стал падать снег.

****

— Пошел прочь! — Зазевавшийся пасмас с невольным криком отлетел в сторону и затих. — Дорогу!

Эсдоларк Прибрежный принимал пополнение, какое никогда не впускали его врата. Это был целый отряд, состоявший из одних только воинов. Возглавлял их оридонец, возвышавшийся на великолепном кеорхе, закованном в первоклассную броню.

— Прямо из Немой лощины, — скороговоркой говорил пасмас, сопровождавший отряд первому попавшемуся олюдю, спросившего, откуда прибыли.

— Ссылают и таких?! — поразился тот. — Неправильно... — Покачал головой и продолжил путь.

Да, Кина сослали. Сослали из-за проклятого людомара, которого он не поймал; которого он не видел; которого, может быть да и скорее всего, никогда и не было! Проклятый Цур. Только и ждал момента спихнуть его, Кина, в какое-нибудь дельце. И как только такая возможность подвернулась...

Людомар, хе-хе, какой людомар? Где людомар? А был ли он вообще?

Вся эта ситуация очень раздражала Кина. Боги, она просто выводила его из себя. Никогда за всю свою долгую жизнь Кин так много времени не посвящал мыслям непонятно о чем.

Людомар исчез вместе со стариком из Куупларка или старик вместе с людомаром, и с людомаром ли?

Кин скрежетал зубами от злости. Его сослали. Все это видели. Запомнят.

Здесь, в этом захолустье он проведет не одну зиму. Что ему здесь делать? Гонять грирников? Устраивать охоту на местных бродят? Что?

Его сослали. И потому даже в этом захудалом городишке, его захудалый голова не соизволил встретить оридонца. Как же это злило Кина!

Врата замка тяжело открылись, пропуская отряд внутрь.

Кин отвлекся от своих мыслей, заметив переполох, который навело его присутствие. Буквально все куда-то спешили, даже бежали бегом. На каждом лице читалась тревога, а на иных и интерес, азарт.

— Опомнились, — проговорил Эк, выглядывая из груды шкур, в которые был укутан.

Оридонец усмехнулся.

Через некоторое время они, однако, поняли, что причиной переполоха является не их визит.

— Привеликий, — вышел к ним саарарский воин.

— Кто ты? — спросил его Кин.

— Я Перош...

— Знаю тебя. Ты владетель твердыни. Что это?

— Маэрх поблизости, — проговорил Перош. — Я привел крепость в боевую готовность.

— Кто такой маэрх?

— Это людомар. Мой телохранитель...

Кин резким движением остановил Пероша. На лице оридонца заиграла торжествующая улыбка.

****

— Маэрх, — во всю ширь своего и без того большого рта улыбался брезд. Он был стар. Почти также стар, как и стены, которые его окружали.

Людомара ввели и оставили в просторной пещере, служившей залой для приемов. Странно, но ему многое было знакомо здесь. К примеру вот этот разохшийся стул. Он мог поклясться, что видел его раньше. Охотник даже вспомнил, что одна из его ножек постоянно подгибается. А эта чаша? У нее отбит край и он знал, почему. Вон та шкура скрывает под собой вход в залу.

Сын Прыгуна пребывал в раздвоенных чувствах, постоянно озираясь по сторонам. Наконец, его взгляд остановился на старом брезде, внимательно следившим за ним. Единственный глаз брезда сверкал при мерцании мелких желтых рочиропсов россыпью разбросанных перед местом, которое только с натяжкой можно было назвать тронем.

Обстановка была убога и аскетична. Находившиеся в зале воины почтительно молчали.

— Почему ты оглядываешься? — спросил брезд с трона. — Ты чувствуешь опасность? Маэрх, ты меня слышишь?

Перед глазами людомара вдруг бешеной чередой пронеслась вереница воспоминаний: искрящееся в кубке вино, гвалт криков, стонов и музыки, пьяный угар и разнузданность попойки; большое скопление воинов, их рев и лязганье оружия; тишина и полумрак пещеры, уныние и плачь...

— Маэрх...

Охотник вздрогнул.

Брезд медленно поднялся с трона и сильно припадая на правую ногу подошел к нему. Тяжелая рука легла на плечо людомара. Сын Прыгуна отметил про себя, что не удивлено отсутствием правой руки у старика.

Брезд заглянул ему в глаза.

— Ты пришел. Мы все рады тебе. Не опасайся ничего.

— Где я? — спросил людомар.

— Итак, ты ничего не помнишь. — Брезд нахмурился. Он снова сидел на троне, подперев голову левой рукой и жуя губами.

— Нет. Двадцать восемь зим неведомы мне. Но я узнаю это место, как если бы бывал здесь не раз.

— Ты бывал здесь двадцать восемь раз. Воспоминания о тебе до сих пор помнят эти скалы и земли на много переходов вокруг.

— Что я делал здесь?

— Ты пришел и был с нами.

— Что мы делали?

Брезд нахмурился. Его рука легла на подлокотник и сжала его так, что дерево жалобно заскрипело. Среди воинов в зале пронесся шепот. Звякнула кольчуга, слышался кашель и снова стало оглушительно тихо.

— Что мы делали? — апатично вопросительным тоном произнес брезд. Он надолго ушел в свои мысли. — Мы пытались вырвать Владию из рук оридонцев; потом мы пытались отогнать саараров от Желтой реки; затем мы пробовали отстоять нашу крепость — Холведскую гряду и, уж когда совсем стало плохо, мы пытались хотя бы отогнать грирников от Острокамья и долины Последней надежды.

По рядам воинов снова прошел шепот непонимания.

Людомар свел брови и склонил голову. Он покачал ей, ничего не помню.

— В этих землях ты зовешься Маэрх, — продолжал старый брезд. — Одно твое имя наводит ужас на всех прихвостней четвероруких. Вместе с нами ты сражался против них у Эсдоларка, у Меч-горы, у Белого водопада. Мы били их, но отступали... били и отступали. До тех пор, пока нас не загнали сюда. Эти земли мы еще можем отстоять. У нас еще достаточно сил.

Сын Прыгуна поднял голову и посмотрел в глаза старика.

— Не суди меня за то, что говорю: ничего этого я не помню. Память стала принадлежать мне только в Немой лощине у кромки Брездских вод. Они выбросили меня у большого камня, что на изгибе вод к замку...

— Ты был в Боорбрезде?! — вскричал старик, приподнимаясь на троне.

— Оттуда я помню себя.

— Как ты пробрался туда?

— Я не знаю.

— Так вот куда ты уходил всякий раз. — Заметив, что людомар непонимающе смотрит на него, брезд пояснил: — Перед пробуждением Холведа ты уходил от нас, а после возвращался. И бился за Владию вместе с нами. — Старик снова затих. Неожиданно он тихо попросил: — Расскажи мне про Немую лощину. Что ты помнишь?

— Не так много. — И охотник принялся обстоятельно повествовать о том, что видел, слышал и чувствовал в землях, которые брезд называл Владией. Его слушали с величайшим вниманием. Изредка до тонкого слуха Сына Прыгуна долетало скрежетание зубов и хруст кулаков, сжавшихся в бессильной злобе.

Пока он говорил, в залу внесли столы, расставили их и покрыли скудной едой.

— У нас осталось не так много. Отведай с нами то, что имеем, — пригласил его брезд.

Людомар уселся за стол и с удовольствием поел горячей пищи. Его ежеминутно отвлекали, дергая то за правую, то за левую руку. Он отвечал на вопросы, рассказывал, уточнял или пожимал плечами.

Горькая брага способствовала общению.

— Я знаю, что ты не спишь много дней кряду. Когда ты поешь, дай мне знать. Сделаем отметки на поземелье, — наклонился к нему брезд.

Охотник кивнул. Ему поднесли ушные затычки: и впрямь, его здесь знали!

Поднимались тосты за Маэрха, за будущие победы, за хорошее знамение, — за все что угодно. Воины: брезды, дремсы и холкуны усиленно пили, а потом затянули длинную тягучую песнь о трудном пути лишений, о потерянной родной земле, об оставленном и забытом. Многие плакали. Некоторые сидели, нахмурившись, низко склонив голову над столом. Их массивные руки безвольно лежали на столе. Воины смотрели на них, как на бесполезное оружие, не способное ничего изменить.

Уныние! Всеобщие уныние и подавленность вдруг как-то бочком проникли в торжественность залы и заняли в ней почетное место.

— Иди за мной, — подал ему знак старый брезд, заметивший, что людомар больше не ест и не пьет.

Они прошли сквозь длинную анфиладу пещер, служивших их обитателям местом пребывания, о чем свидетельствовал терпкий запах обжитости, вышли на небольшую площадку, сокрытую от посторонних глаз громадными сосульями — по весне водопад снова станет водопадом — и спустились вниз, туда, где вода в должное ей время набирается в природную впадину.

Людомар онемел от удивления. У его ног раскинулась Владия. Он обозревал Боорбогские горы и Синие Равнины, Десницу Владыки и Чернолесье. Неведомая рука настолько искусно, с такой любовью воссоздала изо льда карту бывших земель брездов, что Сыну Прыгуна оставалось лишь молча лицезреть это творение, восхищенно задержав дыхание, так, словно бы он кружит, подобно птице, над Владией.

— Укажи, что изменилось, — попросил его брезд. Он кивнул куда-то в сторону и из нише в скале вышел молодой холкун. Он только проснулся, поэтому тер красные от недосыпа глаза.

Охотник осмотрел карту и указал на ее недостатки: здесь больше нет леса, он отступил вот туда; реки тоже нет (а ведь она была!) и здесь есть новая твердыня. Простое, вроде бы, занятие, затянулось надолго.

Брезд с явным удовольствием рассматривал свои миниатюрные владения. Когда тьма сгустилась настолько, что карта стала плохо видна, он приказал принести рочиропсов. Казалось, старое тело было покинуто молодым воинским духом. Оно не чувствовало усталости, холода и течения времени. Людомар стал мелко дрожать от холода, когда брезд отвел глаза от карты. На его лице, вдруг, отразилась такая усталость и разочарование, что он постарел еще больше.

— Стало хуже, — спокойно произнес он. — Они заперли нас новыми крепостями вот здесь и здесь. Они отыскивали тайную тропу по склону хребта. — Старик взглянул на своего молчаливого слушателя. — Ты не понимаешь, — с горечью произнес он. — Теперь не понимаешь, я вижу. — Он приступил к нему и взял ладонью за тыльную часть шеи. — Когда-то ты был мне лучший советник. Тяжело потерять тебя. — Неожиданно его лицо приобрело

заинтересованное выражение. Он бесцеремонно обошел людомара и, приказав стоять и не двигаться, приподнял ему волосы на затылок. — Беллер, — прошептал он и возвратился к Сыну Прыгуна с напряженно-подозрительным взглядом. — Ты говоришь, что ничего не помнишь. Совсем ничего?

— Воспоминания приходят, как сон, видение...

— Беллер-мон, что ты знаешь про это?

— Ничего.

— Подумай. Представь.

— Ничего.

— Навел! На-авел! — закричал брезд и когда по каменным ступеням послышались шаги спешащего слуги, старик улыбнулся людомару. — Навел, — обратился он к подбежавшему холкуну, — призови Голсиб-беллера. Пойдем со мной, — старик повернул лицо к Сыну Прыгуна, — здесь становится холодновато.

Они прошли в небольшую пещерку, сплошь увешанную шкурами, где старик водрузил свое тело на большой тюфяк и застонал, вытягивая ногу.

— Ты звал меня, боор? — В помещеньице мягко вошел беллер. Он был достаточно молод. Даже седина не тронула еще его шевелюру и густую бороду.

Старик указал на людомара и произнес: беллер-мон.

Маг повернулся к Сыну Прыгуна с таким видом, словно увидел чудо.

— Беллер-мон уже никто не способен... — проговорил он, походя и кладя руку охотнику на шею. Он отдернул ее так, как если бы обжегся. — Беллер-мон, — пробормотал Голсиб-беллер, побледнев.

— Кто бы мог это сделать с ним? — спросил боор и вкратце обсказал историю людомара.

— Тесож-беллер, — сказал маг, — или Доранд-беллер. Только они.

— Я помню его, — сказал Сын Прыгуна.

— Кого?

— Доранд-беллера. Перед нашим выходом от Глыбыра-боора он говорил со мной, а после подошел и... — Охотник замер. Воспоминания двумя скудными каплями влились в него. — Он протянул черный рочиропс холларку из Онеларка. После того, как грезры напали на нас в водах... после холларк передал рочиропс мне. После я... — Тут воспоминания прервались и как людомар не силился, не мог упомянуть даже толики того, что было дальше.

— Мон, — кивнул беллер. — Доранд-беллер избрал его.

— Для чего? — спросил боор.

— Про то известно только одному ему.

— Ты можешь открыть мон?

— Нет. Доранд несравненно сильнее меня. Я не смогу, боор.

Брезд сжал губы и разочарованно, но с надеждой посмотрел на людомара. Неожиданно он засмеялся. Его смех был похож на ломающееся от урагана сухое дерево.

— Ты не узнал даже и меня, — проговорил он, когда смех перестал сотрясать его тело. — Сколь много удивительного снова стоит тебе познать, людомар.

Охотник не ответил. Беллер тоже стоял молча, погруженный в свои мысли.

— Не хочешь ли спросить, кто я? — старик приподнялся на своем ложе.

— Кто ты?

— Я Глыбыр Большелобый, Глыбыр Свирепый, Глыбыр Хитрец — кому как угодно

меня называть. Взгляни, Голсиб-беллер, ха-ха-ха, он и не подумал склониться предо мной. За то и люблю людомаров!

****

Дурные вести приходили из Острокамья и из окрестностей Меч-горы. Холмогорье снова дало отпор саарарским войскам. Проклятые реотвы заманили саараров в ловушку меж холмами и смыли их войско, разрушив запруды и направив водный поток прямо на воинство.

Шестьдесят четыре саарара захлебнулись. Четыре с лишним тысячи молчей утонуло вместе с ними, но кто их считает!

Кин ходил по неровному полу замка и размышлял. Он и сам не ожидал, что это место может ему понравиться. Однако оно понравилось. Холведская гряда как нельзя лучше подходила его характеру — теперь он понимал это.

Оридонец подошел к столу и склонился над шкурой, на которой были начертаны земли вокруг Эсдоларка. Перош сидел на скамье, уперед подбородок руками.

— У нас нет столько войск, привеликий, — сказал он. — Да и Холвед не позволит нам возвести твердыни там, где ты хочешь.

— Холвед нам и поможет, — проговорил Кин. — Здесь и здесь должно стоять твердыням. — Он ткнул толстыми пальцами в два места на карте. Его нижние руки уперлись в стол и он стоял некоторое время, раскачиваясь.

Людомар снова будто бы растворился в снежном буране, свирепствовавшем за стенами крепости все то время, которое оридонец пребывал в Эсдоларке. Тускло мерцали оранжевые рочиропсы. Желтые россыпью лежали по периметру стола. У входа в помещение захрапел Эк. Его топор, соскользнув с колена, гулко ударился о каменистый пол.

— Реотвы не пойдут сюда, привеликий. Уже много зим, как могли бы, но не идут. Им не нужны эти земли, — сказал саарар.

— Зачем людомар появился здесь?

Перош вздохнул и снова уткнулся в карту. Появление людомара всегда было не к добру. С этим не поспоришь.

— Они что-то замышляют. Мы должны знать, что. Если мы не знаем, значит твои лазутчики слепы или неопытны, или и то, и другое.

Саарар поднялся и отошел в сторону. Он еле сдерживал бешенство, обуявшее его. Этот проклятый оридонец подмял под себя управление крепостью, распоряжается так, словно он здесь у себя дома, строит невыполнимые планы и фантазирует на одном ему понятные темы.

Между тем в землях Холведа жизнь идет гораздо проще, чем в голове у этого Кина. Эсдоларк — надежный оплот власти оридонцев в Прибрежье у Холмогорья. Реотвы никогда не переходили перевалы. У них нет сил на это. Пару раз они появились под Меч-горой, перебили несколько тысяч грирников и ушли. Сюда они не сунутся. Сам Холвед создал Эсдоларк, охраняет его и бережет. Лишь оридонцы и саарары способны брать такие крепости. К чему создавать еще две, когда и одной...

— Мы построим их изо льда. Перевалы пребывают в вечной мерзлоте, как ты говоришь.

Воспользуемся этим, — Кин отошел от карты. — Сообщай мне каждую весть, которую принесут тебе.

Перош заскрежетал зубами.

Оридонец принялся подниматься по лестнице, ведущей наверх. Переходя из одного помещения в другое, он добрался до вершины замка. Комнаты здесь были залиты лучами солнечного света, а искусственный деревянный выступ покрыт небольшой толщей земли, на которой произрастала сочно-зеленая трава. Это был мир вершин. Только лишь они довлели над бескрайним морем клубящихся туч, скрывавших Эсдоларк от света Ока Владыки.

Кин вышел на площадку и присел за небольшой столик. Ветер обдувал его лицо. Он был хладен, но под лучами солнца тело ощущало холод не столь остро. Где-то там, возможно прямо напротив него на вершине одной из скал, пики которых торчали из сизо-белого моря облаков, может быть там сидит сейчас людомар и смотрит на него. Он способен учуять присутствие Кина даже на таком расстоянии, так сказал Фод.

За спиной оридонца раздались шаги. Он обернулся. Эк лениво подошел к нему и развалился прямо на траве. Выходнув блаженно, брезд мгновенно уснул.

Станный этот тип Фод. Вовсе не похож на оридонца, хотя выглядит да и является им. Словно одержимый он бросился в погоню за людомаром. В его-то годы!

Кина сослали сюда за нерадение, но Фод сам пришел сюда вместе с ними. Да, они нашли здесь неожиданное удовольствие, какое находят те, кто жизнь посвятил опасности, но Фод!.. Нельзя было сказать, что он лез на рожон, махал мечом или чем-то подобным. Он скорее напоминал оридонцу большеглазую змею, коих немало в Оридонии, которая обвивает телом пространство вокруг замороженно замершей жертвы.

Охота на людомара, которую устроил Фод, больше походила на фанатичное преследование этого животного...

— Привеликий, прибыл гонец от грирников.

Кин посмотрел на слугу Пероша. Хм, саарары... За что он их так не любит?

— Приведи.

— Привеликий, грирники шлют тебе свои поклоны и дары, и просят тебя, как и обещал, передать им захваченных в плен.

Перош вышел на площадку и, щурясь от солнца, безучастно оглядел красоту под ногами.

— Передай, — кивнул оридонец.

— Перво-наперво, отберите командиров. Они могут знать многое об интересных нам... олюдях. — Перош посмотрел на Кина. Тот кивнул гонцу, выполняя.

— Привеликий, счетовод хочет говорить с тобой, — прибыл еще один служка.

Перош улыбнулся в бороду. Если этому оридонцу хочется поуправлять крепостью, пусть берет ее всю, а не то, что ему весело брать. Быстрее надорвется. Развернувшись, саарар ушел, с удовольствием наблюдая, как вереница слуг, становится все длиннее. Настало время немного отдохнуть.

****

Радостное безоблачное небо легко распростерлось над головами идущих. Стаи птиц

кружили на холмах, склоны которых, подобно щекам юнца, покрылись первым зеленоватым пушком. В воздухе витали ароматы весны. Журчание ручьев, кативших свои прозрачные воды с гор, возвышавшихся за холмами, перемешивалось с пронзительными криками и клекотом пичужек. Горя в лучах полуденного солнца маленькими переливающимися шариками, перелетали от дерева к дереву ленивые жучки и другая насекомая братия.

Земля под ногами идущих дышала в такт ходьбе. Она с облегчением принимала на себя их вес. Ее утомила долгая зима. Невыносимые ледяные оковы холода больше не властвовали повсюду, а потому прикосновение теплых ступней путников воспринималось ею как благодать.

Людомар дышал глубоко и ровно. Эта была первая весна, которую он узнает после посещения Боорбрезда. Как давно — словно бы тысячу лет назад! — он не слышал ароматов пробуждающейся жизни. Все его нутро трепетало от радости и умиротворения.

Предстояло сделать очень многое. Слишком большим и невыполнимым казалось задуманное. Но это было несколько дней назад. Там, в ущельях у Меч-горы, где лишь ветвы вносят некоторое разнообразие в черно-бурый пейзаж поигрывая трухой от истлевшей растительности — там замышленное казалось громадным, даже циклопическим.

Но все поменялось, едва он ступил на нежный ярко-зеленый ковер Холмогорья.

Их было девять, тех, кого Глыбыр отослал к своим союзникам в Холмогорье. Помимо людомара в отряде присутствовали два холкуна — Унки и Бохт, один пасмас по имени Лоден и шестеро брездов под предводительством сына Глыбыра, Гедагта. Брезды были приученными молчунами, поэтому единственное имя, которое Сын Прыгуна слышал от Гедагта было Кломм. Людомара все они называли Маэрхом.

Было что-то общее между всеми, кто шествовал вместе с высоким охотником по пышно-зеленой перине Холмогорья. Сильные, выносливые и необычайно высокие — так описал бы восьмерых воинов всякий, кто увидел отряд. Даже пасмас и тот был на полторы головы выше обычных своих соплеменников.

Они шли с раннего утра и лишь к середине дня пересекли границу между Серыми отрогами и Холмогорьем. Отроги каменными клыками впивались в по-весеннему нежное тело Холмогорья, деля его на несколько частей, и тем неожиданнее было для Сына Прыгуна оказаться на границе грязнокамья и яркости бушующей жизни.

Громкий далекий рык отвлек людомара от приятных размышлений. Он повел ушами и принюхался. Ветер ничего не донес ему.

Он вступил в новый мир. Мир неведомый. Мир с таким невероятным количеством неузнаваемых запахов, что их черепопосица заставляла голову кружиться, а мозг вскипать от любопытства.

— Привал, — скомандовал Гедагт.

Отряд свернул с тропы в сторону. Прошел еще несколько шагов и развалился на прелой земле, подложив под себя щиты.

— Фуф-ф-ф! — выдохнул облегченно пасмас, отвязывая от пояса мехи с водой.

Сына Прыгуна поразило общение таких разных существ между собой. Он и сам не заметил, как жесткая, даже жестокая иерархия принятая во Владии при оридонцах проникла в его кровь. Ему было непривычно видеть, как пасмас может обратиться к брезду как к равному.

Охотник беспрестанно думал о подобных вещах, часто забывая, что находится уже не в

уютной пещере Глыбыра, а на открытом враждебном ему пространстве.

Много думать было о чем. За то время, пока он и Глыбыр провели вместе, старый брезд обстоятельно рассказал ему о всех тех годах, которые они провели бок о бок в ущелье и долине Последней надежды.

Глыбыр не подозревал, что Комл — его верный и самый умный полководец Комл — предаст его. Никому и в голову не могло прийти, да и Комл ничем не выдавал своего желания править.

— Ему только бы возвысить голос об этом на Великом собрании в тот день, когда избрали меня. Я думаю... я уверен, поддержали бы его, ибо достойнее он меня. Говорят, много позже, говорил он, оправдываясь, что не сделал этого потому, как недостойно такое. Вместо недостойного он выбрал мерзость, он пошел на предательство, — Глыбыр говорил с горечью. — Когда бы он даже мне о таком сказал, я бы уступил ему. Никогда не был для меня трон в Боорбрезде священным. Стул это. Красивый, но стул. Не стоил он такого предательства. Таких бед, какие эта поганая душонка принесла всем нам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не ожидал он, что я побью врагов вдесятеро больше себя, потому и зазывал меня все дальше в Серые пески. Саарары и грирники тогда не были для меня опасностью, потому и пошел, подгоняемый его понуканиями. Когда же встретились впервые с оридонскими армиями, то я и думать не знал, кто это. Понял тогда только одно: когда такое есть, то нужно отступить.

Все земли перед нами, всюду, куда хватало глаз, везде стояли оридонцы. Тогда они казались мне непобедимыми. Я их не знал.

Тогда сказал я Комлу, чтобы он оставался с пешим войском, я же с груххами бросился на них. Они же, о-о, трусы, выставили на меня саараров да грирников, скованных единой цепью. Пока бил я их, растерял всю силу. А после, когда на меня кеорхи пошли, так и вовсе смят я был и сброшен с грухха. Порвало мне клыками кеорха ногу и руку. На ногу до сих пор припадаю, а руку срубили брезды... те, кто вынес меня оттуда. — Боор осушил глиняный кубок с вином, замолк и поник головой. Посидев так некоторое время, он снова заговорил:

— В тот самый момент, когда кеорх сбросил меня... как вчера было, помню... я оглянулся на войско и увидел самое страшное в моей жизни. Я увидел, как знамя Боорбрезда опускается, клонится долу в знак повиновения. Комл... Комл! — Мощнейший удар обрушился на и без того рассохшийся стол. — В ночь после битвы достали меня из под павших, перенесли дальше в Серые пески. Когда открыл глаза, то вскричать хотелось, ибо нависли надо мной саарары. Несколько их было. Биться с ними хотел, но успокоили меня. Сказали мне, что не враги. Их оридонцы сделали себе слугами. Был у них свой Комл. В рубке, которую я учинил, погиб их Комл.

Возрыдал я тогда. Впервые с младенчества возрыдал. Понял я, как с моим народом обойдутся. Комла же возненавидел, хотя заранее узнал, какая участь его ждет.

Те саарары перенесли меня далеко вглубь Десницы Владыки. Великие воды омыл их корабль и оказался я на чудесной земле, которой не было продолжения, ибо всюду омывала ее вода. Там я набрался жизни; там же видел, сколь велика сила, которая пошла во Владию. Много, много кораблей проплывало мимо той земли. Тучами проходили они, сокрывая бортами своими сами воды. Кого только не видел я на их бортах: неведомые до того изделия, живность разная и войска, войска, войска... Столько войск не могло и привидеться в самом дурном сне.

Саарар, который заботился обо мне, Эмпорош, говорил про оридонцев, что пришли они из Темных земель, куда не ступало копыто коня саарара. Силы их безмерны, ум их велик. С таким противником будет тяжело сражаться. Всякий раз на закате он оплакивал все новых павших, коих доставляли ему на ту землю. Тысячи тысяч. Говорил он: "Извести нас хотят они так: чтобы мы один против другого шли и резались. Но они не ударятся в битву, в стороне будут стоять. Силы будут сторожить свои, хранить. После только войдут в битву". Как же хорошо я помню эти его слова! Пусть саарарские боги говорят с ним ласково. Пусть ублажают его, ибо даже в минуту смертельной опасности не предал он своих, хотя и предал, излечив меня.

Да, он погиб здесь, со мной и тобой. Ты этого не помнишь? Эмпорош был храбрый, сильный воин. Но стрела не отделила героя от предателя. Рука собрата его, саарара, не дрогнула, когда бил он по тому, кто сберечь хотел народ саарарский. У Меч-горы мы передали его богам.

Он возвратил меня во Владию. Он завещал мне отогнать оридонцев туда, откуда они пришли. Не смог... не смог я... — Глыбыр нахмурился и отвел лицо в сторону. Оранжевые отблески рочиропса играли на его глазах, плясали в слезах, наполнивших их.

— Комл погиб здесь же, на Острокамье. Мой сын убил его. Гедагт убил его. Я этим горд. Я отмщен. Но предательство его страшнее смерти, ибо оридонцы все еще здесь, во Владии.

Когда мы с Эмпорошем прибыли сюда, Эсдоларк был еще брездскою твердыней. Оридонцы собрали в землях наших всех, кто мог держать оружие и погнали их на нас. Все повторилось, как и тогда, в Деснице Владыки. Увязли мы в рубке против своих, растеряли силы, погубив многих. Лишь только после этого ввязались они в битвы. Мы были биты, но... не это меня гложет. Мои две глупости стубили много жизней. Война то. Так бывает. Единственное, что не могу себе простить: не понял я тогда, не уяснил, возгордился в силе своей, в дурости своей, что драться можно, что силы есть... не понял я, что лучше отступить. Все повторилось так же, как и было, а я то не увидел. Был слеп от злобы.

Возненавидела меня Владия, как побивателя собратьев. Оридонцы... оридонцы... Не занимать ума им. Хитры, коварны... не занимать ума.

Эсдоларк отдали они брездам и пасмасам. Я отошел сюда. На перевале переморозил руку и отсекли уж всю. То боги мне сказали, чтобы думал я мозгами, а не руками воина. Тогда я только понял это.

Немало брездов перешло ко мне. Немало пасмасов, холкунов. То были отцы тех воинов, которые стояли в чертогах Славы, где принимал тебя вчера. А после Эсдоларк опустел. Прогнали оридонцы мой народ и из него. Лишь от тебя узнал, куда изнали. Теперь там саарары и всякие отбросы от народа моего.

Когда предстал передо мной ты, возликовал я в душе, ибо слова твои о том, что Владия жива... народ мой жив вознесли меня к ногам богов от счастья. Ты стал мне лучом света в вечной мгле. Ты говорил мне о жизни на Синих Равнинах. С тобой я знал, что надежда еще есть.

Эсдоларк был единственным препятствием мне для прохода на Синие равнины. Бивал не раз я саараров. Но силы их все прибывали, мои же убывали. Когда же появились грирники, то даже и они могли теснить нас. Теперь нет сил даже и на них... и нет надежды. Ты рассказал мне, что дети тех, кого предал я... да-да, это я предал их своей дуростью, своею пылкостью и ражем боевым... дети преданных мною уже не знают прошлой жизни,

клянут ее во всем. И что рабское друг к другу положение лишь радует их безмерно. За справедливость держат они преклоненье пред ордонами и дебами, и нет понятия, кто же из них сильнее — первые либо вторые. Ты говорил мне про тот разбой и побивание, которое устроили саарары над народом моим; про города, больше похожие на муравейники; о Чернолесье избиваемом безжалостно во имя дебов...

Все помню. Каждое слово твое во мне кричит. И потому так больно мне без раны, что иной раз невыносимо!..

— Маэрх, поднимайся. Мы идем дальше.

Людомар открыл глаза. Он задремал и Лодену пришлось расталкивать его.

****

К ночи они вышли, наконец, на колею тропу. Она была промята в земле колесами телег, скрип которых слышался вдалеке даже и сейчас.

— Закроют ворота. Не успеем, — сказал Унки. — Последняя телега. Я ее слышу.

Отряд ускорил шаг.

Низкорослые кущи деревьев и кустарника на склонах холмов превратились из жизнерадостно-зеленых манящих под свою сень сводов в черно-синие неприветливые убежища для всякой нечисти.

Лоден, шедший в середине отряда каждый раз испуганно озирался по сторонам. Холкуны также выглядели обеспокоенными. И только брезды также размеренно отмеривали трапу своими широкими тяжелыми шагами.

— Ты когда-нибудь дрался в пещерах? — услышал людомар голос одного из брездов. Память тут же отнесла охотника на много дней назад...

— Ты дрался в пещерах когда-нибудь? — спросил его тогда Глыбыр. Они вместе медленно прохаживались по долине Последней надежды. Как и всякая последняя надежда долина была убогой и серой; как и всякое "последнее" она была чрезвычайно маленькой и запиралась со всех сторон массивными скалами.

— Я не помню. Ты скажи.

— Не помню и я, — прокряхтел брезд и кашлянул. Он припадал на ногу и всем телом опирался на людомара. Уже через десяток шагов такой прогулки у последнего онемело плечо. — Когда-то отец мне задал такой вопрос. Я тогда не понял его наказ. Он мне наказал никогда не драться в пещерах. Почему, просил его я. Он мне ответил: "Пещеры созданы сжимать. Когда загонишь себя туда, не сможешь надеяться ни на богов, ни на себя, но лишь на камень. Каждый новый поворот будет для тебя открытием". Понимаешь ли ты?

Сын Прыгуна покачал головой, нет, не понимаю.

— Мы сейчас в пещере. Все. Я слишком поздно понял, что значили слова отца. Я привел всех вас в эту пещеру.

— Мы здесь укрылись...

— Нет, не о том. — Брезд нахмурился и сильно сжал плечо охотника. — Не о том я говорю. Там, в Деснице, передо мной лежала прямая твердь. На много полетов дремских стрел. Воля передо мной лежала. На таком просторе моя многотысячная армия была похожа

на песчинку, бросаемую ветрами в разные стороны. Кхм... После поражения от оридонцев, оказался я на острове, который омывали Великие воды. В тот момент мне бы и понять намек богов. Но я не понял.

Эсдоларк, в котором высадились мы с Эмпорошем после, был меньше того острова, но и там простора хватало для большой армии. И вот я здесь. В этих пещерах не уместится и десятая часть той армии, которая была у меня в Эсдоларке, и даже сотая часть прежней армии, вышедшей из Боорбрезда.

Ты молчишь. Ты не понимаешь. Запомни же, что скажу тебе. Никогда не дерись на равнине так же и тем же, чем дерешься в пещере. Каждому пространству свое оружие, свое знание. Я этого основного не понял, и потому сейчас даже грирники осмелели настолько, что нападают на меня. Эти проклятые блохастые олюдоеды с тощей кожей на узких ребрах...

Отряд вышел на межхолмье, пересек его и как-то неожиданно для всех его участников оказался перед стеной деревьев.

Людомар с интересом рассматривал растения. Это были не те великаны, коих он привык видеть в Чернолесье; это были даже не те худосочные деревца, которыми славилось редколесье. Лес, который он увидел, был разбитным. Ни одного прямого ствола. Все криво, все вкось: корни, стволы, ветки, — все это, переплетаясь между собой, образовывало непроходимую стену.

Колейная тропа упиралась в массивные ворота, которые стояли слегка выдвинувшись от стены леса. Пространство вокруг них было освещено желтым светом рочиропсов.

— Никто не пройдет, — донеслось с ворот, едва отряд подошел к ним.

— Мы от Глыбыра Свирепого, откройте.

— Никто не пройдет. Пусть Око Владыки осветит вас и коли вы не нечисть да живы останетесь, пройдете, — снова ответствовали им.

— Самое плохое... самое плохое, что могло произойти, случилось... самое плохое... — Лоден стал ходить из стороны в сторону. Он сжал голову руками, снял шлем и бросил его себе под ноги. Остановился. Покачался с пятки на носок и сел.

— Отойдем, вона, к вершине. Сядем спина к спине и, вона, переждем ночь, — проговорил один из брездов, имени которого людомар не знал.

— Лоден, поднимайся, — обратился к пасмасу Гедагт, — мы идем на вершину.

— Какая разница, где на нас нападут? — проговорил пасмас подавленно. — Пусть здесь... уж лучше.

— Здесь нельзя, нечисть собирается на огни. Поспешим.

Сын Прыгуна принялся и хотел было направиться к лесной стене, когда Унки остановил его.

— Даже и не думай, — сказал он тихо. — Это холмогорский ядовитый корень. Едва дотронешься до него, как рука сама себя пожрет. Его сок разъедает металл. Не думай про такое. Пойдем со всеми.

Отряд поднялся на вершину ближайшего холма и принялся неистово зачищать вокруг себя траву и кустарник.

— Отбрасывайте подальше. Скорее, пока Око Холведа не открылось. — торопил Лоден. Все работали по его указке молча, но в бешеном темпе.

На их счастье, ночь была пока безлунная.

— Заспался властелин, — покосился наверх Бохт. Его перебитый большой нос указывал направление взгляда. Он с хрустом в спине выпрямился и отер по на лбу. Под его ногами

шагов по пять в каждую сторону не осталось ни одной травинки. То же проделывали и все остальные.

Людомар не срывал травы, он подрезал дерн и аккуратно сложил его в стороне.

— Свари сонку, — приказал Гедагд одному из своих брездов. Воин кивнул, быстро снял с себя шлем, достал рочиропс, побрызгал его водой, залил воду в шлем и поставил его на кристалл в углублении земли. Затем он достал сухую траву, потер ее в руках и ссыпал в шлем. — Передайте каждый рочиропс, у кого есть.

Людомар привычно полез за пазуху, но только тут вспомнил, что оставил кристалл Ириме. При воспоминании о ней и о толпе, которая подле нее собралась, на душе его потеплело. Он знал, что она не пропадет. Дети и старуха много есть не будут, а он оставил ей мяса поболее своего веса. Охотник осмотрел себя: нет, какого как он они долго не доедят.

— Садимся? — спросил Лоден, становясь в центр оголенной земляной проплешины.

— Да, — кивнул Гедагд и все сели спиной друг к другу. — Держи, — Гедакт протянул Сыну Прыгуна длинную веревку. — Перевяжи себе ремень и пусти дальше.

Когда каждый оказался связан с отрядом, был назначен часовой — Лоден и так бы не смог заснуть — все выпили сонку и улеглись, подложив под бока обнаженные мечи и топоры...

— Почему саарары не приходят сюда?

— Оридонцы не допускают их. — Глыбыр откинулся на навале из шкур и со стоном вытянул ногу. — Не спрашивай, я сам раньше не знал, а теперь знаю, почему. Оридонцы не хотят ничего менять в Острокамье да и в Прибрежье. Земли эти для них подобны выгребной яме, куда они выбрасывают всех олюдей, брездов да и самих саараров с грирниками. Многие подышают в этой земле. Но все по справедливости делается. Справедливость такой видится всем во Владии.

Молчание заставило старика продолжать.

— Саарары, коли захотят, то сметут нас своею силою. С грирниками они не намного сильнее, но все же... силы наши грирники отнять способны. — Он закричал. — Давно это было. Тогда ты к нам пришел всего в третий или в четвертый раз, но нашли на нас саарары и грирники всей своей силою. Бежали мы в Холмогорье. Оттого меня там знают. Вылились словно бы вешенный поток их войска на холмы да полесье холмогорское, накатило на города-крепости реотвов. Тысячами лежали их павшие повсюду, но войска все прибывали и прибывали. Когда совсем отчаялись мы, они вдруг развернулись и прочь ушли. С тех пор на Холмогорье более ни одного набега не было от них...

Нечто большое обрушилось на спину и голову людомара. Он открыл глаза и поднялся, сбрасывая с себя чье-то тело. Вокруг зашевелились.

— Началось, — проговорил испуганно Бохт.

— Держите его! — вскричал Гедагд. Несколько рук разом схватились за веревку, которая тянулась к одному из брездов и Лодену. Оба как ошалелые тащили отряд куда-то в сторону. — Она заманивает их. Держи-и-и!

Охотник вскочил на ноги, но тут же споткнулся и едва не перелетел через Унки, который полз куда-то с холма. Людомар схватил холкуна за ноги и стал притягивать к себе.

— Отпусти, — зашипел тот, поворачивая к нему свое искаженное до неестественности лицо. — Отпусти! — прорычал уже холкун не своим голосом.

Людомар невольно отпрянул. Ему показалось, что Зверобог говорит с ним, настолько грубым стал голос холкуна.

— Не отпускай! — бросился к ним Бохт. Он старательно отворачивался от глаз Унки, хотя последний норовил заглянуть в его глаза.

— Иди ко мне! Иди-и! — заорал Унки истерически. Он нашупал, наконец, своими глазами глаза Сына Прыгуна.

Тот почувствовал, как на его голову наваливается словно бы мягкая тяжесть. Будто бы ему на макушку положили теплую лепешку глины и она начала постепенно разогреваться. Людомар моргнул, помотал головой и странное ощущение прошло. Глаза снова увидели ночь и сумрак холмистой кущи.

— Не уйдешь... не отдам...

— Отдай... отда-а-а-ай.

У ног Сына Прыгуна катались по земле двое холкунов. Они сцепились в смертельной хватке и, изрыгая проклятия и накликивая различные беды на голову друг друга, боролись не на жизнь, а на смерть.

— Не смотри туда, Маэрх! — бросился к нему Кломм, но охотник уже посмотрел в заросли.

Оттуда на него смотрели два блекло-мерцающих зеленоватых глаза. Постепенно, их свет стал усиливаться, а сами глаза увеличиваться. Они заняли уже почти все пространство перед ним и внимательно рассматривали его своими вертикальными зрачками в желтоватой оболочке.

Людомар тряхнул головой, заморгал, срезал веревку со своего пояса и пошел к глазам, ставшим снова маленькими. Но вот они во второй раз начали увеличиваться. Он снова заморгал и затряс головой.

— Держи его! — закричали брезды разом. — Упустили! Маэрх... Маэрх, услышь нас.

Охотник внимательно вглядывался в куст, за которым находился неведомый зверь. Его глаза спутно различили две небольшие фигуры, сидящие на ветвях куста. Он продолжал приближаться к ним.

— Маэрх, стой... Не иди за ним, Кломм. Держись за веревку. Боги...

Вдруг людомар увидел целый выводок странных существ, похожих на олюдей, но с непропорционально длинными конечностями и большими ступнями. Он с трудом разглядел их маленькие ручки, которыми они перебирали ветви.

Едва он подошел достаточно близко, как два существа, скрывавшихся под корнями дерева-куста, шмыгнули в его сторону. Глаза людомара различили, как на их маленьких мордочках раскрылись огромные пасти с острыми клыками.

Сын Прыгуна резко отскочил в сторону, дезориентировав маленьких хищников, а потом стремительно бросился на них. Мгновение и два бездыханных тельца лежали перед ним.

Еще несколько существ метнулись к нему, но охотник уже вошел в то состояние, когда даже самое быстро движение было для него достаточно медленным. Мечи тут же оказались у него в руках и пять разрубленных и изувеченных телец стали биться в конвульсиях у дерева-куста.

Глаза тут же пропали и шорох донес ему весть о быстро убежавших счастливицах, оставшихся в живых.

Когда он вернулся к лагерю, то увидел брезда, ноги которого были разодраны в клочья пастями нечисти. Он лежал у ног своих товарищей и тихо стонал. Кровь ручьями стекала к нему и пропитывала землю. Рядом сидели два взлохмаченных холкуна, не смотря друг на друга. Они еще не отошли от ненависти друг к другу и поэтому продолжали бурчать что-то

непотребное себе под нос.

— Маэрх, я преклоняюсь перед тобой, — подошел и склонился перед ним Гедагт. — Ты сразился с нечистью и победил. Это достойно преклонения и почета.

— Он сам нечисть... вот она его и не взяла, — буркнул то ли Унки, то ли Бохт.

— Не слушай их. Они еще во власти ненависти.

— Братья, — прошептал раненный брезд. Он вдруг поднялся на руках и смотрел в небо. — Я вижу богов. Они говорят со мной. Они зовут меня. — Он рухнул на спину и затих.

Брезды проговорили над ним скудные молитвы и забросили в ближайšie кусты. Оттуда почти сразу донеслось чавканье.

Людомар смотрел на оставшихся в живых и понимал, что они такие же как и он. Жизнь и смерть соседствуют в их жизни бок о бок и потому они не боятся переходить из одного состояния в другое. Они тепло встречают и легко провожают друзей и боевых товарищей. Охотник смотрел на них: на то, как они снова укладывались спать, словно ничего не произошло; как пили воду из мехов; как почесывались, зевали и перекусывали. Он почувствовал по отношению к ним большую теплоту и симпатию. Тогда ему впервые показалось, что он надолго связал свою судьбу с их судьбами.

****

Город, который Лоден назвал Оогодом, был надежно защищен самой природой. Ему не понадобились даже стены, ибо холмогорский ядовитый кустарник, высокотой с добротную крепостную стену защищал Оогод по периметра в такую ширину, что не хватило бы и трех полетов дремских стрел, чтобы пересечь ядовитые заросли.

Реотвы жили как и холкуны в трехэтажных общинных домах. Были шумны и словоохотливы. По внешности своей они походили на олюдей, но были более приближены к грирникам. Высокий рост никак не повлиял на их комплекцию. В отличие от грирников реотвы отличались хорошей мышечной массой. Они разводили домашних животных и птицу. Более того, выращивали особый сорт дерева, плодоносившего круглый год. Они называли его "матер" ибо его сочные сладкие плоды не раз вызволяли их из цепких рук голода.

Ядовитый холмогорский кустарник они искусно культивировали, а холмистая местность позволяла им ставить свои замки так, чтобы из них был виден враг, подходящий к стенолесу.

— Не оступись, — предупредили Сына Прыгуна. — Укол или царапина и мы закинем тебя к древокусты как и брезда сегодня ночью.

Несмотря на высокий боевой дух, брезды были подавлены. Они плелись позади всех и молчали.

Колейная тропа петляла в стенолесу и порой проходила под аркой деревянных башен, стоявших на всем протяжении пути. Такую крепость не скоро возьмешь. Понятно, отчего саарары не суют сюда носа.

Когда охрана у ворот прослышала от холкунов о ночном происшествии, то посоветовала им забрать с собой шкурки убитых существ.

— За зунов много платят у нас. Даже дебами платят. Но лучше бери наш реотвийский

лук али бердыш. Не найдешь лучше оружия во всех землях. Погляди, — бахвалился охранник перед Бохтом, — вот он наш бердыш. Видал... вот, как топор он — прямое лезвие вот, а кверху загибается вдруг сразу. Дык я такое использую подлазный удар делать. Вот... от живота свово да вверх. Здеся вот посмотри. Чекан. Он мне руку прикрывает спереди, а само лезвие — с боку. Я люблю, чтобы не выше меня он был. Иные же высокий берут бердыш. Мал я ростом. Без этого тоже бы взял такой. Ух и страшна же сила его. Ты как придешь, дык у нашего нэкса посмотри воинов. — Охранник клацнул языков. — Великаны! А при них бердыши. Они ими ствол с меня ростом ударом одним перерубают вот так. — И он показал на себя от макушки к пяткам.

Все это время Гедагт получал проводника к нэксу. Наконец, они двинулись в путь.

Проводником оказался словоохотливый паренек. Он был высок, худ и вообще каждым движением походил на каланчу.

Лоден тут же вступил с ним в разговор о саарарских пиратах — самой больной теме в этих землях.

— Очень тревожат наши города они. Особливо с Великих вод. Едва Холвед закрывает глаза, Брур уходит за воду и Владыка покрывает нас зеленым покрывалом, заявляются в наши гавани, грабят и убивают.

— А чего ж, наши-то не помогают?

— Теперь уж нет. Нету сил у ваших. Раньше мы вам с охотой платили, но теперь, слышал я, перестали. Пасмасских пиратов бьют по всему побережью.

— Верно то, — со вздохом согласился Лоден. — Прошло наше время.

Они шли мимо жужжащих на разные голоса домов, проходили оживленные улицы и переулки, пока не остановились у красивых резных и легких на вид ворот.

Проводник перекинулся парой слов со стражником. Тот кивнул.

— Вы можете идти. Нэкс будет ждать вас завтра, — сказал проводник, попрощался и ушел прочь.

— За мной, — проговорил привратный страж. — Не оглядывайтесь и никуда не отходите. Коли вас без меня встретят — зарубят без промедления. — Он говорил медленно и с таким придыхом, что, слушая его, людомар ощущал тяжесть у себя в груди.

Они прошли просторный внутренний двор, в центре которого возвышался деревянный идол посредине обложенного камнями восьмиугольника, внутри которого лежали подношения, и поднялись на резное деревянное крыльцо, выкрашенное в красный и синий цвета. После этого отряд проследовал по открытой веранде, прошел несколько смежных палат и оказался в малюсеньком помещении, имевшем три ряда лежанок по стенам.

— Здесь будете, — уведомил их страж. — Закрою вас. — С этим он закрыл тяжелую дверь и закрыл ее снаружи тяжелым запором.

Восемь внушительных туш, коими были воины и людомар, едва могли пошевелиться в тесном помещении. Благо коек было девять, поэтому кое-как улеглись. Делать было совершенно нечего. Наряду с тревожно проведенной ночью, вопрос о том, что делать, разрешился сам собой. Уже через пару минут комнату сотрясал дружный храп.

Людомар не спал. Ночь, которую он провел спокойнее всех, была достаточна для него. В условиях мириада новых запахов и неизвестных звуков, его мозг не мог задремать или даже забыться.

Он снова начал размышлять над разговорами с Глыбыром, когда его внимания привлекли звуки, доносившиеся издалека. Сын Прыгуна расслышал топот сотен копыт и

храп лошадей; он слышал топот десятков ног, которые неспешно спустились с верхних этажей и стали удаляться. По тому, как скрипели двери, охотник понял, что внушительных размеров толпа реотвов вышла вон из дворца.

Заговорили на реотвийском. Зычный голос из-за дальности можно было разобрать лишь через слово.

— Мы... сегодня... пусть боги... пути... стоит у... нашего оружия... обрящем или... жизнь, но... не жалейте...

Вдруг людомар изменился в лице и сел на своей полке. Он не мог понять, что его так удивило в этих словах, кои он еле-еле разобрал. Некоторое время охотник сидел неподвижно и только лишь потом понял свое полуудивление полуиспуг.

Он никогда не знал других языков, кроме людомарского, отличавшегося скудность и общего равнинного наречия называемого олюдским. Даже брезды говорили на нем, как на самом простом и информативном. Теперь же он осознал, что прекрасно понимает еще и реотвийский язык. Не веря сам себе, Сын Прыгуна снова прислушался.

— Посильнее здесь три... оттирай хорошо, неказистая ты, ух!.. правильно тебя сегодня отсекли за нерадивость, правильно... — расслышал он старческий голос, покрываемый шомканьев щетки по полу.

— Бабушка, я не знала про то. Кабы знала, я ж бы и не стала, — девичий голос наполнился слезами.

— Ты чего, Маэрх? — Людомар слегка вздогнул и посмотрел вниз. Оттуда на него выглядывало побитое лицо Унки — хорошо же братец его отделал! — Не спишь али... Что ты там слышишь-то? Не то, что ли, что-нибудь?

— Что ты там, а? — высунулся уже и Бохт. Вид его лица был не менее плачевен. Левый глаз заплыл полностью. Под правым была ссадина. — С кем говоришь? — Он посмотрел вверх и увидел людомара. — Ты чего? — обратился он к нему.

— Слышит чего-то, не видишь. Уши выше головы полезли. Заметил, что коли так, значит вдалеке что-то происходит.

Глубокий вздох известил, что и Гедагт был разбужен шушуканьем. Заскрипела полка и две слоноподобные ноги свесились с нее.

— Топор, Маэрх что-то слышит.

— Чего?

— Зунобоец что-то слышит.

— Зунобоец? А-а-а, зунобоец. Ну вот, Маэрх, к тебе и кличка прилипла, хе! — Брезд поднялся на ноги, поглотив собой все пространство, потянулся и спросил: — Чего слышишь-то?

— Много всадников отправляются куда-то.

— Всадников?

— На конях.

— Тебе послышалось, реотвы не любят лошадей как и груххов. Им быки по душе. Пехом они любят драться.

— Нет, то была конница, — уверенно проговорил Сын Прыгуна.

Брезд нахмурился и невольно огляделся по сторонам.

— Если конница, то только саарары. Но... если саарары... хм... — Он почесал спину.

— Нас предали, — первым догадался Лоден. Он лежал на своей полке с бледным лицом. — Я говорил, что это рано или поздно произойдет. Холмогорье не сумеет всегда

защитить себя. Пасмасские пираты разбиты. Холмогорское побережье открыто для флота саараров и оридонцев. Да придут с нами боги! — Он перевернулся на другой бок и затих.

Гедагт тихо перебудил остальных брездов. Был устроен тихий военный совет

— Они не знали, что мы придем. Потому не думаю, что они сейчас нас им отдадут, — прошептал Унки. Бохт кивал головой в такт его речам.

— Не знали, если среди нас там, в долине, нет того, кто им сообщил, — сказал Лоден.

— Когда бы так было, то нас еще у врат сцапали, — сказал один из неизвестных людомару брездов.

— Правильно говорит, — поддакнул Бохт.

— Торговать нас будут. Саарары за нас многое дадут за сына Глыбыра. Мое слово — торг будет о нас. Пока он идет, время наше. — Лицо Унки стало твердым как камень.

— Топор, нам сейчас надо дверь ломать и ноги уносить прочь, — настаивал Лоден.

— Выяснить надо, чего будет. Может, послышалось все это Маэрху, а мы уж и развели... из ничего, — вмешался Кломм. — Нам шкуры нужны для нашего дела. Хорошо или плохо, но должно нам с нэкзом на эту тему говорить. Без этого нам недолго протянуть в долине. Грирники али саарары — не велика разница. Коли торговаться будут — пусть. Мы свою торговлю поведем...

— Да, — кивнул Гедагт, — не знают они, что мы знаем про них. Пусть так и будет. Захотят кость с двух сторон объесть. Это всегда за ними было.

— Не верю я про них, — нахмурившись, проговорил безвестный охотнику брезд. — Не может быть, чтобы предали они.

— Воевать легко, когда чужими руками, — сказал Кломм. — Тяжелее, когда твои порты и гавани горят. Коли кони саараров попирают эти земли, означает это, что их войска на побережье. Холмогорье лакомый кусок для оридонцев. Владию они съели. Черед за реотвами пришел. Не вытерпят они. Мы попривыкли к лишениям. Они нет. Не вытерпят.

— Правильно говорит, — кивнул Бохт.

— Чего делать-то будем? — спросил Унки.

— С нэкзом повстречаемся, — заговорил Гедагт, — Вид будем делать, что неизвестно нам ничего. Про шкуры говорить будем. Коли он нам начнет цены гнуть да под разными предлогами держать здесь, тогда понятно все — уйдет помимо их воли. Ежели будет добр, быстро все разрешится, шкуры нам дадут, то значит показалось Маэрху.

Порешив так, все снова улеглись на полати и захрапели. Странен народ в Прибрежье, задумался людомар. Только что проговорили про жизнь свою или смерть и спать легли, словно бы о чем-то несущественном говорили.

Время медленно текло за стенами комнатенки.

Охотнику показалось, что прошла вечность прежде, чем за дверьми послышались тяжелые шаги и дверь открылась.

— За мной идите, — приказал им страж-великан с тяжелым бердышом.

Он провел их в просторную залу, подпертую четырьмя колоннами, у которых стояли точно такие же воины-великанами, а также множество реотвов в больших шапках с накладными ушами, свисавшими едва ли не до пола.

На резном деревянно-костяном троне восседал очень толстый реотв, на голове которого возвышался золотой колпак с длинными цепочками, опадавшими на грудь и плечи. Одежды его были также сплошь увешанны золотом и драгоценными камнями.

Вошедшие низко поклонились.

— С чем пришли? — спросил увенчанный золото реотв.

— Просить тебя пришли, нэкз, о милости, — неожиданно выступил вперед Лоден.

Реотв улыбнулся.

— В который раз без подарков приходите, а о милости просите, — проговорил он. В зале засмеялись.

— Не осуди, нэкз, знаешь ты, что нечего нам тебе дать. Все, что имеем, то на нас повязанно.

— Не сужу вас, не сужу, — махнул пухлой ручкой правитель. — С чем на этот раз прибыли.

— Не многого просим от тебя. Не оружия, не металла и не людей. Просим тебя выдать нам шкур на утепление. Тяжело эту зиму пережили. Едва не перемерзли все.

Наступило молчание. Правитель и советники при нем о чем-то шушукались.

— Хорошо, — наконец заговорил он, — шкур нам и самим не хватает, потому не взыщите. Отдадим, какие есть.

— Не осудим, ибо знаем, что отдашь лучшее, что можешь отдать, — еще раз поклонился Лоден. Брезды, холкуны и людомар тоже неуклюже поклонились.

Сын Прыгуна поймал на себе несколько заинтересованных взглядов и заметил несколько многозначительных кивков головы.

С тем их и отпустили.

Следующие два дня отряд отъедался богатыми дарами нэкза, а еще через день получил заверения властителя о том, что шкуры будут переданы им перед зимой.

— Даже и не верится, что прошло без треска, — выдохнул Унки, когда их выставили за ворота дворца. — Всякий раз с облегчением покидаю это место, хотя и жирно там от еды. — Он потер раздувшийся живот.

— К кузням пойдём, — прорычал Гедагт. Он был чем-то недоволен, но никто не спрашивал его об этом, хотя все заметили это.

Кузни располагались почти у самой лесостены и представляли собой длинную улицу, грохочущую железом на все лады.

— Поди сюда, Зунобоец, — потянул людомара за полу плаща Лоден. — Хочу тебе оружие показать, какое тебе пригодиться может. Вон оно, смотри. Реотвийский меч.

Реотвийский меч мало походил на меч. Это было древко с насаженными с двух сторон бердышами имевшими с обухов, один, чекан, другой, крюк. Полотна топоров были так искусно изогнуты, что образовывали кривые пики.

— Коли таким драться уметь, то четверых можно...

— Я с шестерыми дрался на таком.

Людомар и пасмас обернулись. Перед ними стоял реотв среднего роста, крепыш. Его одежда была подрана и грязна, но лицо безмятежно спокойно, хотя и хранило следы недавних побоев.

— Не меч это, — продолжал он, — а реотвийский тесак. Рыбачий тесак, мы его называем. Им грести как веслом можно.

— Вот, — многозначительно вытаращил глаза Лоден. — Даже грести можно.

— Вы только что от нэкза вышли, я видел, — снова заговорил реотв, вынуждая обоих олюдей повернуться на него. — Приведите меня к нему, — он указал в сторону Гедагта, внимательно рассматривающего тяжелый топор.

— К чему он тебе? Почему сам не подойдешь?

— Да больно грозен, — смешался реотв. — Про вас слух идет, что убить вам легче, чем сказать. Не хочу погибать вот так. Не для того столько пройдено, чтобы сдохнуть от брездской оплеухи. Если вы подведете, выслушает он, да?

— Может быть и нет, — замылся Лоден.

— Нет у меня ничего дать тебе, — понял его реотв. — Больше могу сделать. Жизнь вам сохранить. Ведешь иль нет?

— Ох ты какой?! Пойдем. Топор, вот к тебе пробивается. Глянь же.

Гедагт скосил глаза на реотва.

— Чего надо?

— Буду вас на выходе с кузнечной улицы ожидать, а коли рычабий тесак дадите, так и вовсе с вами пойду.

Брезд удивленно обернулся на него всем телом. Однако реотв смотрел на него открыто и прямо.

— Как звать тебя?

— Нагдин, но реотвы кличут Рыбаком.

— Хорошо, Рыбак, мы увидим тебя на выходе.

— Тесак будет даден.

— Хм... увидим тебя.

Лицо реотва приняло разочарованное выражение. Он хотел еще что-то сказать, но остановил себя усилием воли.

Когда они выходили с улицы, Рыбак ждал их с наивеличайшим вниманием. Его горящий взор быстро проскользил по рукам брездов — нет тесака, по рукам холкунов — нет его, на пасмаса он даже и не глянул.

— Что ты хотел нам сказать?

— Ждут вас у Междохолмья. Саарары, — уныло произнес он. — Дайте чего-нибудь на прожитье и идите... — Он вдруг замер. С улицы вышел замотанный в тряпье высокий то ли холкун, то ли брезд — только очень худой. В его руках сверкал на солнце реотвийский тесак.

— Нехорошо ты потратил, — покачал головой Бохт, имея в виду шкуру зуна, которую людомар отдал за тесак. — Дорого слишком.

Сын Прыгуна ничего не ответил. Он протянул тесак Рыбаку.

— Восьмерых выдержишь — идешь, — поставил он условие.

Гедагт резко поворотил на него голову, но не стал говорить ничего и согласился. Потом он усмехнулся, считая условие людомара невыполнимым.

****

Врата, открывающие взгляду вид на Междохолмье и живописную картину вступления весны в свои права, выпустили пополнившийся отряд за лесостену. Отойдя на небольшое расстояние, все сложили свою поклажу на землю и выстроились напротив Рыбака.

Сначала с ним дрался только Лоден. Потом к нему прибавились оба холкуна, а после и брезды. Нагдин Рыбак легко передвигался, не давая подойти к себе со спины и очень ловко отбивался от ударов сразу семи топоров и мечей. Пот градом катил по нему. Одежда

прилипла к телу, явив под своими прорехами голое тело.

— Все, — рубанул воздух новым топором Гедагт. — Идешь, — кивнул он, развернулся и пошел по тропе.

Тяжело дыша, Нагдин поднял в земли грязную котомку и реотвийский большой лук с колчаном стрел, и зашагал в хвосте отряда.

Было решено принять бой, но у каждого из них до последнего момента сохранялась надежда на то, что нэкз не мог предать их, и слухи о саарарах — всего лишь слухи.

До ночи они осторожно продвигались вперед, держась чащи.

Рано утром, скудно перекусив, но более легкой походкой — дом близко — отряд двинулся к Острокамью. Солнце взошло почти над самой их головой, когда был объявлен привал.

— Как держать-то? — инетересовался Лоден. Он уже который час не отставал от Рыбака. Последний показывал ему, как драться тесаком. — Ага. Дай-ка я... вот так? Ага...

— Отец говорил тебе, что дальше делать? — спросил неожиданно Гедагт у людомара. Он присел рядом с ним на землю.

— Я уйду в Чернолесье до следующей зимы.

— Хм... Вернешься?

— Да. Таков уговор.

— Мы не будем атаковать грирников, знаешь?

Людомар кивнул.

— Мне это не нравится, — признался брезд. — Мы каждый год...

— Н-н-м, — застонал один из брездов.

— К оружию! — закричал Кломм. — Щиты! — Он поднял свой щит и бросился к Гедагту. Послышались глухие удары — это щит Кломма сотрясся от попаданий стрел.

— Саарары! — воскликнули разом холкуны.

Бохту стрела угодила в плечо. Раненного брезды быстро добились еще пять стрел. Он дико заревел и так и не смог подняться с земли.

Отряд пребывал в замешательстве. Стрелы со свистящим шелестом мелькали между деревьев.

— Нэкз... протухшие потроха... — выругался Гедагт, прикрываясь своим щитом.

Людомар тоже быстро поднял щит и укрылся за ним.

— Окружай их, — слышались голоса на саарарском.

Сын Прыгуна без удивления понял, что он распознает и саарарский язык. Однако времени на ступор не было.

— Они окружают нас, — донес он сотоварищам.

— Бежим, — приказал Гедагт, — на вершину. Все... быстро!..

Воины бросились наверх, забираясь в гущу растений.

— Не теряйте друг друга из виду, — донеслось до людомара из-за кустов.

Где-то слева от него лязгнул металл о металл.

— Не задерживаться! В бой не вступать! Не отставать! — слышался голос Гедагта.

Сына Прыгуна нагнал Нагдин. На его лице отражалась радость. Он покосился на людомара и улыбнулся. "Сейчас мы им..." — одними губами проговорил он.

На вершине холма заросли стали такими густыми, что пришлось продираться по ним, прорубая себе путь. Отряд собрался в прорехе, неведомо как образовавшейся в растительности и принял первую волну нападавших.

Вперед выступили два брезда. Саарары, вынужденные двигаться по одному, неожиданно наткнулись на них и были быстро изрублены. Со всех сторон слышался хруст и звуки срубаемых веток.

— Лоден, прорубай просеку к Ооооду, — проговорил Гедагт.

— Нет, — встрял в его приказ Рыбак. — Будем рубить вон туда, — он указал налево от себя. — Там есть ручей. Он сбегает на другую сторону холма. Там внизу нас ждет конница. А ворота Оооода закрыты, поверь. Нэкз предал тебя. По ручью спустимся на другую сторону от конницы...

— Делай, — разрешил брезд.

Людомар подошел к кромке проплешины. Здесь звук рубки дерева был особенно громким. Жестом он попросил у Рыбака лук. Натянул тетиву и едва в свете солнца мелькнула желто-коричневым кожа лица саарара, пустил туда стрелу. Раздался стон и хруст веток под опускающимся на землю телом.

В ответ в охотника полетели две стрелы, но он увернулся, ибо загодя расслышал звук натяжения тетивы. Сын Прыгуна выстрелил на звук. Не попал. Выстрелил еще раз и снова распознал тихий стон. Попал.

Он обернулся.

Брезды и холкуны дрались уже на проплешине. Им противостояли не менее двух дюжин саараров. Взревев, рухнул на колени еще один брезд. Он продолжал биться. Людомар направил стрелу прямо в глаз его противнику. Тот закричал, схватился за стрелу, торчавшую из глазницы, но тут же умолк, зарубленный ударом топора.

Щиты холкунов и брездов были изрублены в щепы и утыканны стрелами, как ежи. Они поднимали щиты врагов и прикрывались ими. Раненый Бохт занимался тем, что отбивал левой рукой удары с левого бока Унки. Он был бледен и дрожал телом от усталости.

Стрела вылетела из леса и вонзилась в бок Гедагта. Он рыкнул, но продолжал сражаться. Людомар ясно различил среди ветвей лица двух саараров. Через несколько мгновений оба они лежали наполовину вывалившись на проплешину. Стрелы торчали из их тел.

Реотвийский лук был прекрасен в бою. Его мощи не могла противиться броня саараров. Любое место, куда попадала стрела, оказывалось пробитым.

— Сюда, скорее! — выскочил на проплешину Рыбак. Он бросился к людомару, выхватил лук из его рук и стал с невероятной сноровкой осыпать стрелами саараров.

Унки подхватил под руки Бохта и потащил прочь. Охотник подскочил к нему и взвалил раненного холкуна себе на плечо. Три брезда продолжали сражаться.

— Топор, отходи! — крикнул Гедагту выбежавший на проплешину Лоден. Он едва успел прикрыться щитом, как в него угодила стрела.

Саарары дрались умело. Их количество пребывало.

Людомар пробежал по просеке и едва не упал, поскользнувшись на мокроте, с которой начинался ручей. Довольно быстро он спустился вниз, опустил потерявшего сознание холкуна наземь, а сам просился обратно. Его сбил с ног Унки. Они вместе скатились и плюхнулись в небольшое озерцо, образованное ручьем.

— Побереги-и-ись! — донесся крик Лодена и он выскользнул из-за листвы и тоже шлепнулся о воду.

Следом скатился раненный брезд, Гедагт и, последним, Кломм.

Слегка поредевший отряд тут же скрылся в зарослях склона соседнего холма. Когда же

саарары попытались скатиться за преследуемыми по ручью, то первые двое упали в озеро пронзенные стрелами. Остальные не решились становиться мишенями.

За холмом послышался топот конницы.

****

Лишь к ночи погоня отстала. Людомар шел позади отряда и чутко вслушивался в каждый шорох за своей спиной. Но далекие шаги, конский топот и ржание коней, наконец, стихли. Его слуху остались лишь хруст перегноя и бурелома под ногами товарищей, да тяжелое дыхание раненного холкуна.

Гедагт также иной раз выдыхал с хрипотцой, но мужественно шел вперед, придерживая рукой пораненный бок. Второй рукой он опирался на плечо брезда, одного из тех, имен которых охотник так и не узнал.

Прямо перед людомаром шел Кломм. Он нес на руках Бохта.

Нагдин возглавлял шествие и тихо переговаривался с Унки и Лоденом.

— К концу ночи дойдем, — говорил он. — Я там часто бывал. Ты не смотри, что на мне нет ничего. Ежели надо будет, все найду. Там мне как дома хорошо. Лиар поможет. Он мне как отец. Лишь бы дошли только.

— Предал нас нэкз, поверить не могу, — сокрушался Лоден. Слышались его протяжные вздохи.

— Не суди его за это. Нынче почти все побережье под саарарами. Нас отодвинули от Великих вод. Даже богине Великих вод должны мы молиться под присмотром саараров. Платим за это. Слышал я, что несколько городов наших взято уже ими. А здесь они из-за вас появились. Недавно. Еще до вашего прихода пришли.

— Слышишь ли, Топор? Предатель в долине у нас, — повернулся к Гедагту Лоден.

— Не время сейчас, — прохрипел тот. — Не трать сил на болтовню.

— Силы у меня есть. Кто бы это мог быть?

— Нет среди нас предателей, — проговорил Унки. — Мы первые ушли из долины после снега. Никто раньше нас не вышел. Как же узнали они?

— То-то и оно, — многозначительно протянул Лоден.

— Я слышал от дядьки своего, что через птиц общаются, — заговорил молчавший до того брезд, имени которого людомар не знал.

— Давно такое есть, — подхватил Лоден. — Только птицу тяжело сокрыть.

— Нет среди нас предателей, — настойчиво повторил Унки.

— Тихо! — прервал их Сын Прыгуна. Все тут же затихли и остановились.

До слуха людомара донеслись мягкие шаги больших лап, которые приближались к отряду. Они подходили полумесяцем сзади с намерением напасть сразу с трех сторон. Уши охотника поднялись над затылком. Он вслушивался в полную силу. Его слух уловил даже легкое поскребывание, с которым когти лап касались земли. Вот шкура, жесткая и короткая, подобно щетине протренькала своими волосками по ветке.

— Здесь есть высокие деревья? — спросил он.

— На той стороне другого холма начинается лес, — сказал Рыбак, — он...

— Бежим, — прервал его Сын Прыгуна и похватив холкуна с рук запыхавшегося Кломма, бросился вперед.

Кломм подбежал к Гедагту, подхватил его с другой стороны, и троица брездов устремилась вперед.

— Беги позади них, — прошептал Нагдину охотник. — Я уже знаю, где лес. Я чувствую его.

— Кто это? — спросил тот.

— Я не знаю. Ветер дует на них.

— Что ты услышал?

— Большие и мягкие шаги...

Рыбак побледнел, но остановился, пропуская вперед всех остальных. Дрожащими руками он стал накладывать стрелу на тетиву.

Неожиданно пространство сотряслось от одиночного рыка.

— Гиры, — икнул Рыбак. Ветер переменялся и людомар услышал запах испуга Нагдина перемешивавшийся с густым запахом гирских шкур. До него впервые долетал подобный запах. Это были новые животные, которые никогда не встречались ему на Синих равнинах.

Тропинки между деревьями не было, но людомар неся вперед, скользя между стволами древокустов, точно зная, где искать лес. Его спасительный запах доносился из-за холма. Путь был не близкий и где-то далеко внутри охотник понимал, что им не избежать схватки с гирами. По крайней мере, ему не избежать.

Начался склон, поэтому бежать стало легче.

Вдруг позади себя Сын Прыгуна услышал треск деревьев, залобные стоны придавливаемых кустов вперемежку с ругательствами и хрипом. Три брезда дружно кубарем катились вниз. Неизвестно было, кто из них поскользнулся или споткнулся. Один неловкий утянул с собой всех.

Холкун и пасмас остановили их падение, подняли на ноги и толкали вперед. Дезориентированные и ошалевшие от стольких тягот за такое короткое время брезды без сопротивления поддавались им.

Уже совсем близко раздался рык. Ему ответствовали еще три рыка.

Итак, хищников не менее четырех.

Людомар хотел было передать Бохта Кломму, но разглядел в ноги и услышал, что все его лицо в крови, а дыхание сбивчиво и отрывисто. Сын Охотника ускорился и быстро взбежав на начало подошвы следующего холма, осторожно положил на него безчувственное тело холкуна.

— Унки, — окликнул он другого холкуна. — Здесь его оставляю.

— Да, — захлебываясь от усталости кивнул тот.

— О, боги, спасите!.. — Крик Рыбака разнесся далеко над Холмогорьем.

Людомар бросился к нему на помощь, обходя хищников слева. Вонь, исходившая от них; смрад из смешавшихся запахов крови, экскрементов, истлевшей плоти в зубах и еще неведомо как смешавшихся запахов, — в эту тягучую плотную массу вошел охотник.

Как же жалел он в этот момент, то у него не было людомарской пики, сокрывшей в себе два копья и плевательную трубку! Этого бы хватило, по меньшей мере, на двух зверюг.

Но у него были лишь два коротких меча, два небольших кинжала и четыре метательных ножа. Каждый подразумевал близкое сближение. Драться в зарослях было очень опасно, поэтому охотник надеялся только на внезапность и на то, что Нагдин сможет отвлечь

внимание всех хищников сразу.

Рыбак справлялся с этой задачей как нельзя лучше. Окончательно потеряв самообладание, он орал что было сил, призывая к себе друзей, собратьев, богов, предков, обильно сдабривая их приход проклятиями и грозными посулами хищникам.

Послышался рык с нотками боли. Значит, хотя бы один из хищников ранен стрелой.

Людомар быстро заходил на погоню сзади. Вот он уже напал на их след и шел по нему. Затем он переместился на сторону, откуда почувствовался запах свежей крови. Хищник в нем быстро оживал.

Вскоре он заметил во тьме медленно идущее животное, похожее на приплюснутую с боков собаку с небольшим горбом на спине. Ее голова была огромна и выпирала скулами из-за тонкого тела. В загривке зверя виднелось древко переломанной стрелы, преломленная часть которой болталась, бясь о бок животного.

Сын Прыгуна быстро приблизился, вскочил на зверя как на лошадь и молниеносно вогнал в его горло оба меча. Хищник словно бы наткнулся на стену, сел на задние лапы, беззвучно открывая пасть, и повалился на бок.

Округу сотрясло сразу несколько рыков.

— Защищайтесь... не дайте... — Голос Кломма потонул в трубном реве зверюг.

— Раздери меня гром, сколько же их?! — Крик Лодена также потонул в реве.

— Где Маэрх? Маэрх, тесак тебе в печень! — орал не своим голосом Рыбак.

Людомар остановился у кромки зарослей у подошвы холма и наблюдал, как небольшая группа олюдей, брездов и реотва, встав полукругом, что есть сил отбивается от нападающих гиров. Хищников было семь. Они теснили друг друга, расталкивали один другого плечами и устрашали воинов своими рыками.

Отряд орал им в ответ. Все забыли об усталости, о ранах — обо всем на свете. Для них теперь установился только очень узкий мир, их вселенная сузилась до размеров межхолмья, сдавленная с двух сторон древокустами и ограниченная с трех сторон мордами гиров.

Звери не знали, как подступиться к защищавшимся. Они тянули длинные лапы и пытались ранить руки или выбить мечи и топоры. Двое из гиров были уже ранены. Отряд медленно отступал.

Появление людомара осталось незамеченным для всех. Оба хищника очень удивились, когда их с силой дернули за хвосты и подрезали жилы задних ног. Охотник успел поранить еще троих прежде, чем был замечен и своими, и хищниками.

— Маэрх, — весело вскричал Лоден и улыбнулся во всю ширь оцарапанного лица.

Обернулись на коварного врага и гиры. Один из них, самый крупный, без промедления бросился на него, но не долетел ибо был сбит стрелой Рыбака. Людомар, между тем, кубарем откатился в сторону и тут же метнул в зверя меч. Лезвие меча застряло между ребрами гира у передней лапы.

Не дожидаясь пока вожак стаи придет в себя, Сын Прыгуна бросился на ближайшего хищника. Тот отвлекся на него и тут же получил мощнейший удар топора по спине. Гир взвизгнул, протащил еще несколько шагов свой перерубленный зад и распластался на земле. Оставшийся целым единственный гир сиганул в ближайшие кусты.

Вожак еще пытался поразить всех своим грозным ревом, но когда сразу три громадных топора воткнулись в него, отбросив тело на пару шагов в сторону, тут же затих. Четверо подранков были быстро добиты воинами.

— Он... будет... мстить... — через силу выговорил Нагдин и рухнул наземь от

усталости.

Его примеру последовали и другие. Все в отряде, кроме людомара, оказались переранены. До конца ночи, охотник бродил по округе, собирая полезные корни и травы, которые после подложили под кровавые повязки на ранах.

В путь двинулись лишь поздним утром, содрав шкуру с одного из гиров. Рыбак сказал, что запах зверюги отпугнет лошадей саараров.

Ближе к концу дня голодные оборванные и измазанные в своей и чужой крови они достигли леса, и уже глубокой ночью набрали на овраг в ручьем, бегущим понизу. В начале овражка была искусно сделана небольшая запруда, лежал плоский камень, а нависшая над запрудой с вершины склона оврага трава скрывала вход в жилище Лиара.

****

— Здесь, — проговорил тихо Нагдин, спускаясь к запруде и скрываясь под нависшим над ней краем оврага.

Дома никого не оказалось. Но Лиар гостеприимно не запер разохшуюся от влаги дверцу, подбитую изнутри разлезшейся на куски кожанной заплатой.

Внутри жилище оказалось на удивление удачно устроенным и даже уютным. Никто из вошедших не ожидал увидеть аскетичную красоту, чистоту и некое подобие планировки. Дом Лиара состоял из трех комнат, каждая из которых имела дымоход и длинное узкое оконце, пропускавшее скудный свет. Земляной пол был чисто подметен. Вдоль стен тянулись лавочки, уставленные растениями в горшках.

Холкуны тут же зажгли рочиропсы и разложили их по углам главной комнаты. Их тусклый свет выхватил из тьмы очертания самодельной мебели — довольно искусно выполненной.

— Лиар разрешает спать в этой комнате, — Рыбак указал направо. — Там все для этого устроено.

Брезды провели туда Гедагта и Бохта и уложили их отдохнуть.

Рыбак, между тем, по-хозяйски стал распоряжаться всем, до чего смог дотянуться. В углу стоял высокий ящик. Реотв подошел к нему и открыл. Все, кто был в комнате вздрогнули от его вопля.

Людомар обернулся и увидел, что левая рука Нагдина безвольно висит вдоль туловища быстро заливаясь кровью. Холкун и пасмас бросились к нему, а Сын Прыгуна остался стоять на месте. Он будто бы застыл, не в силах пошевелиться. Его глаза не отрывались от предмета, лежавшего у ног Рыбака.

Это был хар — людомарская короткая пика, помещавшая в себе два тонких копья из камнедрева, и ниус — плевательную трубку с ядовитыми дротиками.

Именно пика, выпав из ящика, двумя своими остриями поранила реотва.

Нагдин побледнел. Охотник видел это и с ужасом ждал. Наконец, Рыбак стал зеленеть и переходить в синий. Значит, хар был готов к бою. Только этим можно объяснить, что его острия были смазаны ядом.

Словно молния бросила людомар к пике, схватил ее и обнюхал. Так и есть — яд!

— К воде! — приказал он. На него удивленно обернулись, но видимо вид охотника был таким, что холкун и пасмас решили сначала сделать, а уж потом спрашивать.

Они выволокли реотва наружу и подтащили к воде.

— Не давайте ему много дышать. Топите его! — Сын Прыгуна кричал последние слова, потому что мчался в лес, глубоко вдыхая в себя окружающие ароматы.

Краем глаза он заметил, как неясная тень метнулась параллельно его бегу, но решил сейчас не придавать этому значения. Время работало против него.

Хар, который он продолжал сжимать в руках, отличался от его собственного, оставленного неведомо где много зим назад. На этом, новом для него харе, помимо двух острых лезвий был еще один крюк, небольшой, но массивный, и тонкое лезвие ножа, прикрепленное вдоль древка. По всему было видно, что в этих землях хар претерпел влияние традиций реотвов — известных любителей бердышей.

Пика очень помогла ему взбираться на голые у подножия стволов деревья, служа охотнику крюком-зацепом. Сын Прыгуна кружил по лесу, раздувая легкие до боли, пока не услышал тонкий запах лежалой травы, которая ему и была нужна.

Рык раздался сзади него и топот тяжелых лап, но людомар уверенно передвигался по ветвям деревьев. Добравшись до нужного ему места, он стрелой метнулся вниз, срезал пожухлую после зимы траву и мгновенно забрался назад.

Не обращая внимания на тень крупного существа, которое промелькнула между стволами с угрожающим рыком, Сын Прыгуна направился в обратный путь.

Он едва успел пережевать траву на ходу и смазать этой кашицей язык и небо Рыбака. Лицо последнего было иссиня-черным и лишь белки глаз сверкали на этом фоне подобно ярким звездам на ночном небе.

— Уйдем в донад, — сказал охотник. — Здесь кто-то есть.

Они скрылись в норе входа плотно закрыв за собой дверцу.

Едва Нагдин занял свое место среди раненных, как людомар принялся внимательно осматривать найденных хар. Очень скоро он разглядел полузатертые знаки, значение которых не распознал. Охотник вертел пику и так, и сяк, но кроме этих двух непонятных символов на ней ничего не обнаружил. Та же самая процедура с копьями и плевательной трубкой дали такой же результат. Два символа на них были четче, но все равно не понятны.

— Людомар, если ты еще можешь не спать, оборони нас пока мы спим, — обратился к нему холкун. От пережитых треволнений его веко подергивалось, а рот постоянно открывался в широченных зевках.

Лоден и вовсе без предупреждения развалился на одной из лавок, сняв с них растения, и тут же захрапел.

Сын Прыгуна кивнул, хотя и сам чувствовал, что валится с ног от усталости.

Снаружи раздалось причмокивание. Некий зверь спустился к запруде на водопой. Охотник погасил кристаллы, осторожно пробрался к двери, открыл ее и выскользнул к воде. Ему не хотелось даром терять время.

Ночь стояла лунная. Он расположился на ближайшем к оврагу дереве, чутко поводя ушами и вглядываясь в полумглу леса.

Ожидания людомара были с лихвой вознаграждены. За ночь он набил немало дичи, слетавшейся к воде, поэтому, когда утром Кломм, тяжело дыша и прихрамывая, вышел из второй комнаты, он с удивлением заметил кучу свежоощипанной и свежоосвежеванной дичи. Лицо брезда озарилось улыбкой. Что могло быть приятнее еды после стольких дней

беспрестанной борьбы.

На запах жаренного мяса отряд слетелся к очагу довольно быстро. Даже Рыбак, бледный и истощенный донельзя, вышел шатаясь и держась за стенку. Его подхватили под руки и усадили поблизости от готовящейся пищи.

— Случилось однажды мне бывать в Острокамье в ту пору, когда Холвед впервые начал ворочаться на своем ложе, — заговорил Унки, и время быстро побежало сдабриваемое хорошими шутками и полу фантастическими рассказами.

Людомар дождался, когда ему вручат самый лучший кусок мяса, быстро расправился с ним и скрылся в комнате справа.

Едва его колени коснулись мягкой постели, состоявшей из лежалых шкур и свежих веток, как сознание быстро покинуло его. Подобно пораженному обухом, он пал ничком и земля разверзлась перед ним, принимая в свое лоно.

Полет. Бесконечный полет вниз. Кружение и раскачивание. Он не знал, сколько длилось это расслабляющее безумие. Его разбудил возбужденный говор голосов.

— Не велю перед домом моим лихоимством заниматься, — слышался старческий голос. Он был строг и скрипуч. И чем более он становился строг, тем сильнее скрипел.

— Лиар, не знал он про то. Кабы сказали ему, то не стал бы... — пытался защищаться Рыбак.

— Каждый, кто в леса эти пришел жить должен по закону этого леса. Нельзя священный источник поганить лихоимной кровью!

— Мы принесем жертвы и... помолимся, — вмешался Лоден. В голосе его сквозили нотки раздражения.

— Жертвы не помогут. Слишком многое принесли вы с собой. Беду принесли вы в Холмогорье. Говорит легенда, когда падут...

— Нам не интересны твои легенды, старик, — вмешался рык Гедагта. — Мы пришли за помощью...

— ... восемь из девяти хранителей мира, тогда прекратится старый мир и начнется новый...

— ... ты же не хочешь нам помочь. Кабы мы...

— ... мир. Обрушится небо на Холмогорье и возопят изгибы тверди, и сотрясутся. Тогда окрасятся воды Священного источника кровью безвинных...

— ... не оказались среди гиров...

— ... лихоимец принесет беду...

— Стой. Старец, что ты говоришь?! — вмешался Лоден.

— ... лихоимец, кто порушит законы Священного леса, — почти закричал Лиар.

— Мы не нарушали законы Священного леса, — в тон ему затрубил Гедагт.

— Тихо, — рявкнул Лоден.

Все вмиг попритихли.

— Что ты говорил про защитников?

— Охранители Священного леса. Они не пускают беду на его порог. Когда падут они, то выйдет нечисть под свет Очей Владыки и Холведа. Тогда сотрясется...

Но Лиара уже никто не слушал.

— Их не было восемь, — прошептал Бохт Унки.

— Мы показалось, что их было несколько десятков, — кивнул тот.

— Может, речь о нас? — присоединился к ним Лоден. — Нас было девять.

— Там о восьми речь была.

— О девяти. Восемь из девяти, старик так и сказал, восемь из девяти.

— Маэрх получается... лихоимец? Тот самый?

— Нескладно все это... нескладно, — Бохт впервые изменил себе и проявил скепсис.

— Старик, ты говоришь о каких-то хранителях, — пробасил Кломм. — Кто они? Ты знаешь?

— Известно, кто. Девять великанов, братьев Холведа и Владыки, коих сбросил отец долу и втоптал их за строптивость в грязную твердь. С тех пор стоят они, а самый непокорный, Мирн, до сих пор тянется мечом к отцу своему, имя которого не должно слетать с уст наших, ибо грех великий...

— Ну уж тогда, — облегченно вздохнул брезд.

— В прошлую луну мы убили семь гиров у межхолмья, что прямо за лесом, — проговорил Нагдин.

— Что?! — возглас старика, казалось, сотряс стены норы. — Гиров? Вы убили гиров?!

— Они напали на нас.

— Нельзя убивать гиров!

— Они напали на нас, — Рыбак растерялся.

— Как вы могли убить столько? Они и есть хранители!

— Ты же сказал...

— Это не для твоего слуха. Когда... сколько? Семь?! Точно семь? — в голосе старика появилась надежда.

— Семь-семь...

— Восемь, — проговорил людомар, выходя из комнаты.

Он увидел небольшого старичка со свойственной всем реотвам небольшой козлиной бородкой. Поросль не любила лица реотвов. Лишь небольшой пяточок под носом да на подбородке иной раз облюбовывался ей. Старик был почти лыс, ибо те тощие лохмы, которые ниспадали из-за его ушей было сложно назвать волосяными прядями.

— А-а, — вытянул он, словно бы жизнь покидала его, и опустился прямо на пол. Некоторое время Лиар с ужасом смотрел на Сына Прыгуна, а затем неожиданно тихо залепетал: — И придет он из земель темных, и явит вам лишь свои глаза. В глазах его будет гореть тьма смерти... в глазах его... — Старик задрожал. — Лихоимец... ты...

Все, кто находился в комнате, с удивлением переводили глаза со старика на охотника и наоборот. Людомару показалось, что за один миг, из-за одной только тихой фразы Лиара, громадная пропасть разверзлась промеж ним и отрядом. Все они вместе со старцем оказались по ту сторону комнаты, а он по эту. В одиночестве.

Лиар перевернулся, встал на четвереньки и пополз к углу комнаты, где стояла вода. Не доползя до него нескольких шагов, он вдруг охнул и резко изменил маршрут. Старик с каким-то остервенением бросился на ящик в углу и вдруг отпрянул. Он посмотрел на свои руки.

— Кровь пролилась, — лишь Сын Прыгуна расслышал его слова.

Старик открыл ящик и стал судорожно лазить в нем, бормоча: "Где? Где же?"

— Он у меня, — ответил ему охотник и выставил перед собой хар.

— А-а-а, — во второй раз пораженно протянул старик. Он неестественно вытянулся, потом сжался, снова выпрямился и, наконец, сжавшись в комок, затих. Тело его начало все сильнее сотрясаться рыданиями.

— Что ты принес нам, лихоимец! Какую же беду ты принес нам! Все окончено... и новый мир пожрет старый, и не останется даже и половины того, что было!.. О, что же ты принес нам!..

Если бы не природное хладнокровие людомаров, Сын Прыгуна смутился бы. Однако людомары были из той категории олюдей, которых все вокруг, даже сами олюди считали дикарями. Они мало верили приметам. Поклонялись лишь двум богам: Владыке, око которого оглядывало Чернолесье днем, и Зверобогу, следившему на лесом в ночи.

Холкуны стояли угрюмо-молчаливые, почесывая свои длинные как у пасмасов бороды. Столетиями между ними и пасмасами шел спор о том, чья борода роскошнее: холкунья или пасмасская. Холкуны бороду аккуратно "облопативали" и очень этим гордились; пасмасы оставляли расти как есть, но он редко вырастала ниже груди, ибо питались пасмасы всегда плохо. Бороденки вырастали хлипенькие, жиденькие.

И вот теперь, после длительного похода, холкуны ничем не отличались от пасмаса Лодена. Его борода и их бороды были даже одинакового цвета, одиноково же подраны.

— Да, это он, — разрушил затянувшуюся паузу голос Гедагта. — И мы знаем это. Что же с того? — Он усмехнулся. — Ты плачешь о мире? Или плачешь о себе? Ты боишься крушения небес или этой своей норы? Мир поглотит себя, говоришь ты? Мир уже давно рухнул. Владия под игом оридонцев. Саарары хозяйничают там, у предлесья твоей Священной рощицы, и если им вздумается, то приведут свои орды сюда, к тебе, к ручью твоему. А когда ты им скажешь, что его святость, то я не возьмусь судить, чем тебя прибьют. Мир давно рухнул, старик. Плакать надо было раньше.

— Нет, это не так... не говори так, — дрожал Лиар, сворачиваясь в еще больший комок.

— Здесь изменения тебя не достанут. Будь покоен, — подошел к нему брезд и поднял за шиворот. — Не бояся мира. Он тебя не тронет. Скажи нам одно и мы покинем тебя. Успокойся же ты! — Он грубо встряхнул старика. — Саарарцы перекрыли нам путь к гряде через Холмогорье. Нэкз Оогода предал нас. Реотвы предали нас. — Он покосился на Нагдина. — Почти все... Как нам пройти на гряде?

Лиар отирал слезы и икал.

— Идите через Си... сизые болота или Чер... Чернолесье. Тог... Тогда обойдете... ик... Холмогорье...

— Ар-р-р!

Старик рухнул на пол, потому что Гедагты мгновенно выхватил топор из-за пояса. Все остальные последовали его примеру.

Рык донесся от запруды.

Один за другим олюди и брезды повыскакивали нарушу. Они увидели ужасающую картину: над трупом брезда, последнего, имени которого людомар не знал, склонился гир и медленно выдирает из его тела клоки плоти.

Заметив врагов, он не стал оставлять добычу, переступил через бившегося в конвульсиях брезда, и принял боевую стойку.

— Р-р-ра-а-а! — Заорал Кломм и бросился вперед, но зверь сделал ложный выпад, подловил брезда на этом, отскочил в сторону и отвесил ему такой удар лапой по голове, что тот кувыркком покатился в запруды.

— Нет! — рыкнул людомар, останавливая холкуна и пасмаса. Он почуял своего ночного преследователя.

— Я сказал, что он будет мстить, — взволнованно прошептал Лоден.

Сын Прыгуна вышел вперед и стал распутывать узел между наконечниками пики. Все это время он не отводил взора от гири. Тот молча смотрел на него. Его черные глаза светились ненавистью и злобой.

Он слишком поздно понял, что делает его противник, а когда понял, то попытался напасть на людомара, но тут же повредил лапу о выставленную пику.

Два копья пронзили его тело, войдя в него плавно, так, словно гир был безкостным. Чудовище взревело, подалось вперед и получило в себя второе копьё. Пика пронзила его грудь и подняла от земли на дыбы. Зверь попытался достать охотника лапами, то тот умело увернулся, в мгновение ока перепрыгнул к задним лапам хищника и вонзил в них оба свои меча. Животное тут же осело назад, загоня пику глубже в грудь и дико заревело. Оно так и подохло, стоя на полу дыбах, и едва касаясь лапами земли. Кровь обильно стекала назель, заливая все пространство под пикой.

— О, Владыка-а-а, — благоговейно пролепетал старик, следивший за битвой.

— Тьфу! — выбрался из воды Кломм и с уважением посмотрел на гира. — Хорошо эт он меня... — Он помотал головой.

Людомар обошел труп зверюги и приблизился к нему со стороны копья. Повалив тушу набок, он попытался вытащить пику из груди хищника.

Внезапно, кровь гири обагрила пальцы, тыльную сторону и запястье людомара. Он в изумлении смотрел на то, как кровь сама, словно бы живое существо взбиралась по его рукам. Под кольчугой он чувствовал ход крови. Ему стало невыносимо горячо. Казалось, кровь начала бурлить, а острейшая невыносимая боль сошла на затылке.

— А-а-а! — закричал, не в силах сдерживаться, людомар. Он схватился за разбухавшую безмерно голову. В глазах стало темно. Время замерло. Он повалился на землю.

Воины бросились к нему, подняли и втащили в дом.

Сын Прыгуна не знал, сколько времени он пролежал недвижим, но ему стало хорошо так же внезапно, как и поплохело до этого. Он поднялся с ложа, плохо понимая, что произошло, оглядел остеклевшими глазами встревоженные лица воинов, и произнес ровным, но властным голосом:

— Мы уйдем сегодня же... — И тут же повалился на спину, погрузившись в глубокий сон.

****

Кроны деревьев весело бултыхались в солнечных лучах, размешивая их своими густыми ветвями. Множество птиц и зверья мельтешило всюду, куда бы не обращался слух. Такого разнообразия, такого богатства, как в этом лесу, уже невозможно было найти в той части Чернолесья, которая выходила к Синим Равнинам.

Теснота между деревьями была небольшая, однако ее нельзя было назвать редколесьем. Отстоявшие друг от друга стволы позволяли во множестве произрасти иной, менее высокой растительности. Она буйствовала у корней исполинов, взбегала по их мощным торсам высоко вверх и игриво свешивалась с ветвей, образуя местами внушительные пространства обвешанные разноцветными занавесями.

Цветы всех форм и расцветок радовали глаз. Их ароматы кружили голову. Не было ни одного цветка, который бы угрожал живому существу.

Наложение лесного и холмистого рельефов образовывало порой настолько удивительные картины, что даже дети города — холкуны — невольно останавливались, ибо дыхание спирало от всеобъемной радости, при виде красоты и торжественного мирного спокойствия природы.

Пространство было наполнено невероятно красивыми звуками, издаваемыми птицами и мелкими дневными зверьками. Трели, клекот и мелодичный свист ублажали слух идущих. Каждый из них знал себя в этом мире, каждый звал себеподобного, чтобы не окончилась жизнь. Весна вступила в свои права, изгнав холод прочь за Великие воды и в Доувенское загорье.

Лоден, Унки и Бохт шли словно опьяненные. Их лица отражали великое умиротворение, поселившееся в душах. Стороннему наблюдателю могло даже показаться, что они просветлели глазами. Брезды, придерживая друг друга, ковыляли позади отряда. Длинные переходы не были их коньком. Все чаще воинам приходилось останавливаться для привала, и его отрицательно сказывалось на настроении Гедагта. Он был задумчив и раздражен.

Рана на его боку загноилась и нестерпимо болела. Лиар предупреждал его, когда давал травы.

— Они истянут проклятье из раны. Но ты будь готов к боли и не унывай.

Перед их уходом старик, казалось, смирился с предначертанным и больше не стонал впустую над какими-то легендами, бормоча их словно сумасшедший.

Кломм шел небольшими шажками, отяжеленный телом своего товарища, но сносил треволения и усталость с достоинством воина. И даже его лица коснулась улыбка, когда он отнимал глаза от земли под ногами и возводил их вверх.

— Какая же благодать! — неизменно выдыхал он на привале, с наслаждением вытягивая ноги и оглядывая прелестницу природу. — Раскинулась всей красотой перед нами. Невозможно не залюбоваться.

Гедагт, глядя на него, криво усмехался. Он-то прекрасно знал, отчего вдруг Кломм стал таким романтичным. У него и самого подобное чувство попыталось пробиться сквозь боль, но было с рыком отброшено ей в самые дальние уголки сердца.

Лишь людомар и Рыбак шли впереди, будто бы не замечая окружающих умопомрачительных по красоте пейзажей.

Гонимый внутренним беспокойством, Сын Прыгуна уверенно двигался вперед. Никто не знал, что высокий охотник, которого воины знали до битвы с гирами, стал другим. Он никому не рассказал об этом. Он сам себе запретил рассказывать об этом. Слишком страшной была правда, слишком невыносимой, чтобы обрушивать ее на головы сотоварищей.

Нагдин устало следовал за людомаром, опираясь на свой тесак и поминутно отирая пот со лба. Лиар сменил ему одежды, поэтому Рыбак не выглядел больше как оборванец. После отравления, реотв сильно ослаб. Его мучили тошнота и слабость живота. Дошло даже до выпадения волос. Людомар успокоил Рыбака, сказав ему про яд и про то, как его остатки скажутся на нем.

Изредка Сын Прыгуна покидал отряд, чтобы вернуться поздней ночью, неся на плечах добычу. Охота в этих местах была символическим занятием, потому что зверье не знало людомаров и не боялось их.

Лес бесконечной прореженной чащей тянулся во все стороны. Все, кроме людомара,

потеряли представление, куда идут. Высокие деревья не позволяли определить, с какой стороны поднимается солнце. Отряд видел его лишь тогда, когда оно всходило высоко над лесом.

Почва под ногами становилась тверже. Все чаще и чаще воины спотыкались о края плоских валунов, слегка вздымавших почву. Они были покрыты мхом и синим лишайником. Взбираясь высоко на вершины деревьев, людомар видел сквозь белесую пелену тумана и низко висящих облаков серые массивы гор, прорисовывающиеся в далеком далеке.

— Почему мы свернули? — удивился Бохт. Он единственным из всего отряда заметил, что их путь вдруг резко изменился.

По одному ему известным причинам Сын Прыгуна вдруг свернул круто влево и, не замедляя шаг, продолжил путь.

Нескончаемая вереница дней, в течение которых они двигались сквозь лесную чащу неожиданно прервалась порывом сильнейшего ветра, врезавшегося в лесную чащу, заставив деревья застонать от натуги, и растерявшего в борьбе со стволами свою былую силу.

— Ветер, — прошептал Унки, подставляя свое сильно исхудавшее лицо под порывы прохлады. Лес приучил его кожу к влажности и духоте.

— Объяснись, Маэрх, — подошел к людомару Гедагт. — Лиар указал нам идти к Меч-горе через Чернолесье, округ Холмогорья. Мы же пошли не туда. Это не Черные леса. Куда ты нас ведешь?

— Мы у Великих вод, — ответил охотник, медленно пережевывая свежееосвежеванную тушку мелкого зверька.

— Зачем мы здесь?

— Я не верил Лиару... и не верю.

Брезд помолчал некоторое время, размышляя про себя.

— Я тоже, — согласился он, — но почему ты не сказал мне об этом.

— Ты должен хранить силы и мысли при себе.

Левая бровь брезда взметнулась на середину лба.

— Не проси объяснить это. — Людомар проглотил пережеванный кусок мяса и отпил воды. — Сам пока не понял я... что это.

К ним подошел Кломм и грузно повалился наземь. Небольшое деревце закрипело, принимая на себя вес его торса. Гедагт тоже сел.

— Поведай же то, что тебе понятно, — проговорил он.

— Мы должны идти к Великим водам.

— Почему?

— Не знаю. — Сын Прыгуна поднялся. — Оно ведет меня туда. Нам нужно идти туда.

— Боги, — ткнул локтем Гедагта Кломм. Тот нахмурился, но все же кивнул.

— Мы идем с тобой, — сказал он. — Веди нас.

Еще через два дня они вышли на холмогорское Прибрежье. Оно было поделено на неравные доли большими реками, стекавшими сюда с Холведской гряды и Доувенских гор и обрывалось в Великие воды каскадом водопадов, над которыми клубилась водяная пыль. Равномерный строй водопадов, низвергавшихся в море, был надвое разделен скалистым мысом, уходящим на несколько полетов стрел в Великие воды.

Путники, сокрытые от посторонних глаз густой прибрежной растительностью, рассматривали открывшуюся им великолепную панораму.

— Нам нельзя выйти к Великим водам. Нас могут увидеть, — сказал Нагдин. — За теми

расщелинами... там... сокрыта рыбацкая деревня. Наши лодки повсюду. Мы не останемся незамеченными.

— Если мы спустимся там, — Бохт указал на едва заметную тропку, вьющуюся вдоль реки.

— Когда есть тропа, то недалеко и ноги, возделывавшие ее, — проговорил Кломм. — Мы не пойдем там.

— Посмотрите, — людомар указал вдаль.

Темная синева моря скрывала своими волнами приземистые корабли без мачт и парусов. Острый взгляд Сына Прыгуна без труда разглядел их. Всем остальным пришлось некоторое время всматриваться.

— Это саарарские гуркены, — сказал Рыбак. — Сколько их, Маэрх?

— Семнадцать.

— Семнадцать. — Реотв что-то забормотал про себя. — Четыре тысячи воинов. Проклятье, — он тяжело опустился и сел прямо на землю. Все обратили на него немые вопрошающие взоры. — Мы никогда не победим их, — прошептал Нагдин с неожиданной подавленностью, — никогда!

— Не надо так думать, — подошел к нему Унки. — Боги не любят, когда подобное лезет в голову. Зачем им помогать тебе, если ты заведомо обрек себя на поражение?

— Я не... — Лицо Рыбака дрогнуло. По нему пробежала тень то ли невероятной усталости, то ли отчаяния. — Не... Простите меня, — тихо промолвил он, опустив голову. — Простите.

Слова реотва угнетающе подействовали на отряд. Все, кроме людомара, попросились на привал. Силы вдруг разом покинули их.

Шел третий день с тех пор, как охотник не спал. Сил у него было достаточно, чтобы продолжить путь, но остальные воины выглядели жалко. Оборванные, истощенные, грязные и подавленные длительными скорыми переходами и безвыходностью своего положения; оторванные от родных мест, вынужденные скрываться от всех и вся они представляли собой ту разновидность отряда, которому больше подходило название "шайка".

Углубившись в чащу, людомар принялся кружить вокруг места привала, выискивая дичь и все, чем можно питаться. Довольно скоро он набил несколько упитанных птиц, с десятков странного вида зверушек, величиной с ладонь, а также набрал вкусно пахнущих древесных червей, прибавлявших силы.

Сложив все добытое в свой плащ, он взобрался на вершину дерева и повесил его там. Прокормить пять дородных воинов было делом не простым.

Продолжая прочесывать лес, Сын Прыгуна отошел достаточно далеко от лагеря, когда услышал шум, напоминавший волновавшееся море. Поднявшись на вершину ближайшего дерева людомар оглядел небосклон. Небеса явили ему редкое в этих краях явление абсолютной безоблачности. Спустившись вниз, охотник прислушался к шуму, а после пошел в его сторону.

Ему пришлось пройти довольно далеко и оказаться на краю одного из водопадов, чтобы утолить свое любопытство. С вершины уступа бросавшего струи воды на скалы далеко внизу, людомар разглядел два небольших войска готовых к бою.

Они располагались на втором по удаленности от моря выступе, в месте как нельзя лучше подходящем для массового убийства. Оно было ровным, лишенным растительности и достаточным для того, чтобы вместе несколько сотен воинов.

Спиной к людомару стояла нестройная толпа реотвов, одетых вразнобой. Глаза Сына Прыгуна различали и железные шлемы, и простейшие кожаные обручи, не защищавшие даже от удара кулаком; кольчуги с доспехами и простые мужицкие рубашки, от пота прилипшие к телу; мечи и наскоро сделанные сучковатые дубины.

Напротив этого военного сброда ровными рядами стояли саарары. Все воины имели одинаковые шлемы, их тела закрывали кольчуги и тяжелые ростовые щиты. Вперед были выставлены длинные пики.

Реотвы неистово орали, понукая себя на битву. Многие из них прыгали и хохотали, доводя свой боевой пыл до бесноватости; иные просто орали проклятья и нелюбезные посулы врагам.

Между этими небольшими армиями стояли несколько человек и о чем-то оживленно переговаривались. Они махали руками, кричали и топали ногами.

После, пребывавшие посредине разошлись в разные стороны, армии некоторое время постояли друг напротив друга и, по звуку труб, начали медленно сближаться. Реотвы ударили о строй саараров как горох бьется о землю при падении. Они оставили за собой не более десятка убитых и бросились наутек. Саарары их не преследовали. Бежавшие воины останавливались, снова приближались к противнику, кричали ему обидные фразы и тут же бросались прочь. Саарарские пехотинцы не реагировали на эти выкрики.

Внезапно внимание людомара привлек треск, донесшийся справа. Сквозь шум водопадов он отчетливо расслышал его. Охотник обернулся и увидел нескольких оридонцев в легких доспехах. Они внимательно наблюдали за битвой внизу, и когда она закончилась, поднялись на ноги и снова скрылись в чаще.

Последовав их примеру, людомар вернулся в лагерь

— Стой, — остановил его на подходе голос Унки. У холкуна был тонкий слух. — Маэрх?

— Да, поднимай всех. За нами погоня.

— Погоня?! Но как?..

— Буди всех.

Воины просыпались нехотя и тяжело поднимались с земли. Их качало от усталости.

— Кто они? Ты видел? — спросил Гедагт.

— Оридонцы. Видел двоих.

— Вдвоем они сюда не сунутся. Отряд поблизости.

— Я видел битву внизу. Реотвы и саарары.

— Битву? — вмешался в диалог Нагдин.

— Да. Реотвы разбиты.

— Это жители рыбацкой деревни. Не удивлен, — он как-то даже радостно усмехнулся.

— Ты смеешься над смертью собратьев? — насупился Кломм, слышавший их разговор.

— Нет. Я сожалею о том, что саарары раньше не заявили сюда.

— Что бы было тогда?

— Меня бы раньше слышали, — с горестью проговорил Рыбак.

— Тише!.. Ложись! — приказал людомар. Когда отряд залег, он взобрался на ближайшее дерево на уровень ниже нижних ветвей и принюхался. Обоняние донесло ему терпкий запах дремсов.

Соскочив вниз, охотник лег подле Гедагта.

— Дремсы, — произнес он и увидел, как брезд тяжело закрыл глаза, понимая, что

бегать придется не долго.

— Нужно разделиться, — предложил Кломм.

— Нет, — вмешался Лоден. — Маэрх говорил про битву. Там уже никого нет. Пойдем туда и наши следы затеряются на том поле.

Вдалеке уже слышались шаги, когда воины поднялись на ноги и поспешили за людомаром.

****

Кин с неудовольствием поглядывал на небо, запертое в тесную клетку древесных ветвей. Он ненавидел леса. Как и всякий оридонец ему были любы бескрайние просторы, небольшие рожицы низкорослых деревьев, холмы и безбрежность Великого океана. Там, где он жил пространство всегда оканчивалось водой. Чувство безопасности дарил только вода. Пусть даже бушующая, но простая, понятная, честная и более открытая, чем бесконечные темные леса проклятой Владии.

Фод шел рядом с ним. Его глаза горели лихорадочным огнем. Он не отрываясь смотрел на небольшой отряд дремсов, который шел впереди, выискивая следы беглецов.

Кин давно уверился, что Фод из той плеяды оридонцев, коих без тени сомнения можно назвать фанатиками. Он сочетал в себе удивительно несочетаемые черты характера. Несомненным было, что Фод очень умен. Его познания распространялись настолько широко, что мировоззрение Кина казалось небольшим островком в сравнении с бескрайними пустынями, которые тянулись во владениях Тагта, каждый день пожиравшего свое дитя-солнце. Но, в определенные моменты, Кин это знал, Фод мог уподобиться наитупейшему существу: заикнуться на одном движении, на одном занятии, на чем-то одном настолько сильно, что отрывание его от этого дела доставляло оридонцу невыносимую боль.

Вот и сейчас Кин видел в глазах Фода тот взгляд, который говорил ему, что Фод заикнулся на одном — на погоне. За несколько дней, прошедших с тех пор, как они прошли перевал у Меч-горы и козьей тропой миновали владения брездских недобитков, Кин и Фод не перекинулись ни единым словом.

Верный слуга Фода, которого Фод называл просто "ты", имел ровно ту же особенность характера и так же как и его господин блестел глазами, оперевшись взором в спины дремсов.

"Кто они такие?" — в который раз задавался вопросом Кин. В этих оридонцах, внешне, не было ничего необычного, однако нечто тайное, темное и пугающее исходило от их тел.

Чувства Кина разделяли и все остальные воины в его небольшой армии, состоявшей из шестидесяти трех бойцов.

Фод и Ты пришли в неистовство, когда отряд набрел на обглоданные зверьем трупы гиров. Оридонец с изумлением подметил, как Фода затрясло от страха или от ярости — трудно отделить эти чувства одно от другого! — и он бросился перебирать кости зверей, облепленные мошкаррой. Фод что-то бормотал себе под нос, что-то напевал, словно бы молитву. Ты неистовствовал рядом. Он кружился вокруг места скопления костей, подпрыгивал и отвечивал небольшие поклоны убиенному зверью.

— Странные они, — процедил сквозь зубы Эк.

— Прикуси язык, — предупредил Кин. — И без тебя то видно. А потому прикуси язык.

— Привеликий, мы нашли их последнюю стоянку. Они были на ней только что, — подбежал к нему молодой дремс.

— Как ты обращаешься к нам? — проговорил стальным голосом Фод. Его нижняя челюсть тряслась от злобы.

Дремс удивленно посмотрел на Кина. Тот кивнул, и дремс присел на корточки, склонил голову и, уперевшись руками в землю, занял преклоненную стойку.

— Говори, — разрешил Фод.

— Мы нашли их, привеликий.

— Где они?

— Недалеко впереди нас, привеликий.

Фод кивнул своему слуге и они ускорили шаг.

Дремс поднялся во весь рост и проводил их злобным взглядом.

— Терпи, — хлопнул его по предплечью Кин. — Как и я...

Он также ускорился и вскоре стоял подле бесновавшегося Ты. Тот снова ходил кругами, приплясывая и вынув из ножен короткие кривые ножи-когти.

— Крови... крови твоей... — бормотал он, потрясая головой так, словно ему в уши залезли муравьи.

Дремсы, все без исключения сидели на корточках со склоненными головами.

— Ты подаешь им плохой пример, Кин, — проговорил надменно Фод. — Они всегда должны знать, кто они. Ты отучил их от этого.

Кин сжал зубы и согласно кивнул. Слова о том, что именно поэтому его отряд считается лучшим во Владии и Цур опирается на него в своем властвовании на Синих равнинах, — слова об этом оридонец с трудом проглотил. Его страх перед Фодом усиливался.

— Пусть все изготоятся, — приказал Фод. — Ты, иди вместе с дремсами. Не дай им попасть в засаду. Если ОН с ними, то они уже прослышали о нас.

Приказ, приготовиться к бою, быстро разнесся в хвост колонны. Послышался лязг вынимаемого из ножен оружия и веселый говор. Кин разделил свою армию на три части и только после этого двинулся вслед за дремсами.

Они вышли к реке и двигались у водной глади. Кин запретил своим воинам выходить из-под сени деревьев, поэтому они шли вдоль реки в лесу. Он не прогадал, ибо первая же стрела, вылетевшая из чащи, угодила в плечо одного из дремсов, но опытный глаз Кина заметил, что по траектории целили не в дремса, а в Ты. Последний метался по берегу реки, как ужаленная под хвост белка и торопил дремсов. Когда же стрела сразила ближайшего к нему, Ты замер и возопил, что было мочи. У Кина невольно приоткрылся рот, когда Ты, не раздумывая, бросился в ту сторону, откуда вылетела стрела.

— Оставь его, — остановил Кина Фод, положив руку на затылок. — Им движут боги. Они охранят его.

Старый воин покосился на Фода и согласно кивнул. У него был иной опыт "охранения" богами подобных вояк, но он вновь предпочел попридержать его у себя.

Ты беспрепятственно достиг кромки леса и скрылся к нем. Округу продолжали оглашать его вопли. Дремсы у реки растерянно выглядывали из-за щитов, прикрывая ими раненного.

— Прикажи им бросить его, — сказал Фод, указывая на раненного. — Они должны

делать свое.

Кин кивнул.

— Вперед, — крикнул он войску. Фод бросился вперед вместе с воинами. — Эк, — остановил Кин брезда, — отряди двух воинов. Пусть перенесут раненного от реки в лес. Тихо сделай.

Эк кивнул.

Погоня шла по следу довольно долго прежде, чем выйти на край скальной плиты, налегавшей на другую подобную же плиту в нескольких десятках метрах ниже.

Оридонец быстро распознал, куда людомар уводит своих воинов.

— Эк, найди Чоста, дай ему двадцать бойцов. Пусть, что есть сил мчится и обойдет вон ту долину с другой стороны. Сам возьми еще двадцать воинов и веди их к деревне. Видишь ее дымы?

— Ты не спешишь! — подскочил к нему возмущенный Фод. — Ты не хочешь догнать их?

— Я спешу.

Начался бешенный спуск вниз.

****

Людомар из-за всех сил притянул тело к буро-красному камню берега реки. Его одежда была мокра от водяной пыли, коей ближайший водопад осыпал его несмотря на то, что отстоял в полете стрелы от него.

Прислонив свою щеку с холодному скользкому камню, Сын Прыгуна закрыл глаза и попытался отвлечься от дурных мыслей.

Остальной отряд сидел прямо в воде, выставив вверх только свои носы.

Людомар различал топот множества ног, хруст ветвей под ними и тяжелое дыхание воинов. Когда эти звуки сместились в сторону равнины, он вывел воинов на тропу и стал подниматься обратно.

— Смотрите, — сказал Унки, показывая на воинский отряд, который двигался по другой стороне реки в сторону деревеньки.

— Они разделились. Их можно перебить, — предложил Бохт. — Я вижу дремсов. Они никудышные воины.

— Мы вернемся туда, где и были. Маэрх правильно сказал нам. У них не достанет сил, чтобы предугадать нас, — прохрипел Гедагт, взбираясь по крутому склону.

— Он умен, тот кто ведет их, — вставил свое слово Лоден.

— Вы слышали крикуна. Визжит как девка по весне. Кто это среди них? Никогда не слыхал подобного, — спросил Унки.

— Мне дела нет до него, — отвечив Бохт, прикусывая поломавшийся грязный ноготь.

Они снова взобрались на лесное плато и повалились без сил прямо в траву.

— Дремсов надо перебить. Всех, — проговорил Кломм. — С ними мы не уйдем от погони.

— А где Рыбак?

Этот вопрос застал всех врасплох. Никто и не заметил, что Нагдин исчез, хотя всем стало понятно, куда он исчез.

Воины вопросительно переглядывались, спрашивая друг друга, что будем делать. И каждый взгляд отвечал, надо идти в деревню; и каждый взгляд понимал, насколько это опасно и что не вернется никто; и за каждым взглядом пронзительно кричала воинская порука, не бросать своего в беде, а за этим возвышенным чувством тихо скрипело, не могу, нет сил.

— Как мы это сделаем? — проговорил наконец Лоден.

Отряд ответил ему молчанием.

Людомар с трудом поднялся на ноги, надо идти. Остальные также пошатываясь встали. Он без труда провел их к плащу с перебитой дичью, начинавшей уже попахивать падалью, но иного не оставалось. Пища была честно разделена между всеми и хотя ее оказалось мало, но были рады и этому. Глубокий сон всей тяжестью навалился на воинов.

Охотнику снились дни давно прошедшей жизни. Лицо людомары было удивительно похоже на лицо Иримы, а Лоова умешалась в ее руках точно так же, как и...

Далекий звук разбудил охотника. Он приподнялся на локте и прислушался. Рог призывно трубил. Он словно бы просил помощи. Он звал.

— Песнь Великих вод, — вскочил на ноги Лоден. — Это песнь Великих вод.

— А? Песнь? Ты чего говоришь? — быстро сел Кломм.

За ним проснулся Гедагт и холкуны.

— Песнь Великих вод. Это песнь пасмасских пиратов. Наша, — Лоден улыбался. Людомар разглядел это в темноте.

Воины быстро собрались и бросились на звук.

Они подбежали к кромке лесного плато, как раз в тот момент, когда на реке внизу появилась лодка, сверкавшая множеством рочиропсов разных расцветок. На лодке неистово гребли несколько реотвов. Их потные плечи, руки и лица отблесками переливались в свете кристаллов.

За лодкой быстро шел саарарский корабль. На нем были подняты все паруса, а многочисленные весла вздымали пену по бокам.

Над рекой снова разнесся призывный требный рев. Он неожиданным образом повлиял на пасмаса.

Лоден бросился в реку и поплыл, не обращая внимания на крики товарищей. Вскоре водопад сокрыл его голову от глаз воинов.

— Я туда не поплыву, — предупредил Бохт. — Мне рано к богам.

— Мы переплывем реку и спустимся там, — Гедагт указал на другой берег.

— Течение, — только и сказал Кломм.

— У меня есть вервь. — Людомар стал быстро отматывать веревку с пояса и из-под поножей. — Она хотя и тонка, но крепкая.

Веревки оказалось достаточно, чтобы перетянуть через реку.

— Я пойду. — Унки обвязался веревкой, вошел в воду и поплыл. Его голова мелькала промеж белых бурунов, пенившихся переваливая через подводные камни реки. Пару раз его едва не утянуло в водопад, но он удержался за выступы под водой и все же выбрался на другой берег. Некоторое время он лежал недвижим. Кольчужка на его спине вздымалась высоко вверх. Наконец, Унки поднялся и подошел к одному из валунов. Несколько

мгновений он возился подле него, а после показал руками, что веревки не хватает.

— Меня пустите, я легкий. Меня он удержит, — попросился Бохт. Гедагт согласно мотнул головой.

Второй холкун с трудом перебрался на другой берег.

Следом за ним поплыл людомар. Неожиданно на реке показалось дерево. Оно было большим с широко расставленными крючковатыми сучьями давно не видевшими листьев.

— Берегись, Маэрх... береги-и-ись! — Кричали ему с обоих берегов, но он, борясь с течением и с усталостью, не слышал их голосов.

Вдруг натяжение веревки ослабло. Людомар оглянулся назад и заметил, что брезды отпустили ее из рук и машут ему, плыви быстрее.

Холкуны принялись неистово тянуть ее на себя, поминутно бросая тревожные взгляды на реку. Только тогда людомар заметил плывущее дерево.

Он собрал все оставшиеся силы и поплыл вперед. Ему показалось, что опасность миновала, когда один из сучьев дерева зацепил его за пояс и потащил за собой. Людомар видел, как холкунов потянуло в реку, но они не бросали веревки. Еще мгновение и их утянет поток.

Сын Прыгуна разжал руки и окончательно оказался во власти дерева и воды. Выхватив меч, он стал перерубать ветвь. Вода мешала наносить удары со всей силы. Его ноги скользили по каменистому дну. Наконец дерево поддалось ему. Охотник порывался поплыть к берегу, но понял, что это бесполезно. Течение стало таким сильным, что лишь дерево сможет служить ему защитой. Он схватился за ветви покрепче и стал взбираться на дерево. Оно было скользким от воды и вертелось под тяжестью тела людомара.

Кромка, где вода низвергалась вниз, приближалась.

Уже у самой границы воды и высоты, охотник с глухим рыком, напрягая все силы, сумел-таки взобраться на дерево, прильнуть к нему и слиться с ним воедино. Густой водяной туман принял их обоих, как сакральную жертву, и сокрыл собой от глаз холкунов и брездов.

***

— Быстрее, в лес! — Нагдин выскочил из лодки и бросился бежать.

Восемь реотвов, один за другим выскакивали вслед за ним и бежали что было сил. Вслед им летели стрелы и камни, посылаемые саарарскими пращниками.

— А! — отрывисто вскрикнул один из бегущих, споткнулся и упал. Из его спины торчало древко стрелы.

К нему бросились двое товарищей, но попали под вторую волну стрел и камней и пали рядом.

Рыбак врубился грудью в лесную чащу. Пробежав еще пару шагов, он остановился и подождал остальных.

— Куда дальше? — спросили его.

— Бегите туда, — указал реотв себе за спину. — Я останусь здесь. Шумите сильнее... — Он умолк на полуслове, внимательно наблюдая за тем, как гуркен саараров врезался носом в берег и слегка взобрался на него. С борта корабля посыпались солдаты. Весла оставались в

воде. Нагдин улыбнулся. — Бегите дальше, но как услышите звук этого рога, возвращайся на это же место. Избегайте прежней тропы.

— Бежим, реотвы! — прикрикнул старший из рыбаков на остальных и они скрылись за ветвями кустарника.

Лес на втором плато был негустым, поэтому Нагдину пришлось отойти достаточно далеко в сторону, чтобы надежнее спрятаться.

Воины выпрыгнувшие с борта корабля образовали отряд, который рассыпался по прибрежной лесной полосе.

— Здесь... они пошли здесь! — донеслось до слуха реотва.

Саарары вмиг стянулись к зовущему товарищу, ровно в том месте, где Рыбак собирал реотвов, и углубились в чашу.

Нагдин сорвался с места и побежал вдоль берега в сторону Великих вод. Там он нашел место, в котором лес и река почти соприкасались, перебрался в воду и быстро перебирая руками и ногами пополз в сторону корабля.

Немногочисленная стража, оставленная подле гуркена, была всецело поглощена высматриванием врагов с другой стороны. На это Рыбак и делал расчет.

Он уже почти коснулся весла корабля, когда кожаный шлем на его голове был кем-то бесцеремонно сбит. Нагдин увидел, как мелководье с жадностью пожирает шлем, пробитый стрелой.

— Шлем обережет тебя однажды. Но единожды будет так, — промелькнули в его сознании слова Лиара.

— Тревога! — закричали с другой стороны реки.

Стража у корабля обернулась на крик. На берег вышли несколько брездов и один оридонец, бесстрашно бросивший в реку. Он дико визжал, сжимая в руках крюк-ножи.

— Держи его, — кричали брезды, указывая на реотва с другого борта судна.

Ничего не понимающие стражники, поняв по жестам, что что-то происходит с другой стороны корабля, принялись обходить его и заметили, как Рыбак взбирается на борт.

Нагдин свалился на палубу и едва не попал под топор бросившегося к нему саарара. Это был старый моряк, оставшийся здесь потому, что не мог бежать. Его редкая борода мелькнула перед глазами Рыбака, а топор глубоко вошел в палубный пол. Реотв кувырком откатился в сторону, поднялся на ноги, набросился на старика, сбил его с ног, оглушил ударом кулака по голове и вышвырнул за борт.

Из-под палубы, в открытый люк, начали один за другим вылазить саарары. Они замешкались и этого времени рыбаку хватило на то, чтобы снять с ремня рог и громко затрубить в него. Не закончив трубить, реотв отпрыгнул в сторону. Копье пролетело в локте от его груди.

Отбросив рог, он снял со спины тесак, обмотал его перевязь вокруг ручки и занял позицию на корме судна.

Трое саараров бросились к нему и попытались разом зарубить топором и мечами. Но куда бы они не били, их оружие неизменно звенело о полотно тесака. Один из нападавших вскрикнул. Его живот оказался рассечен резким ударом тесака. Обагрив палубу своей кровью, он повалился ничком. Второй саарар получил сильный удар плашмя по кисти правой руки и тут же отскочил с искривленным от боли лицом.

Мельком Нагдин заметил, как на палубу восходят лучники. Оттолкнув третьего саарара, он бросился вперед и два лучника, спасаясь от него, выбросились за борт. Еще один

распростался с головой. Его тело безвольно повалилось вниз, подмявая под себя следом идущих лучников. Рыбак закрыл люк и затащил на него трупы двух саараров. Послышался всплеск — это саарар с отбитой рукой выбросился за борт.

— А-а-а! — захрипел, захлебываясь кровью один из стражников, попытавшийся взобраться на корабль. Нагдин перерубил его надвое, когда тело стража перемахивало через борт корабля.

Оставшиеся четверо воинов, посылая ему проклятья, предпочли отступить.

— Бж-ж-нд! — хищно впиалась в борт стрела выпущенная с другого берега реки.

Один из стражей бросился к лесу, но у самой его кромки столкнулся с двумя выбежавшими реотвами. Произошла короткая схватка и саарар забился в предсмертных судорогах, вспоротый со спины острым рыбацким ножом.

Солдаты на другой стороне реки бросились в воду, чтобы помочь саарарам. Стражи у корабля бросились наутек.

Рыбак снова закинул тесак себе за плечи, взял у убитого саарарского лучника колчан со стрелами и боевой лук, подбежал к корме корабля и стал осыпать стрелами плывущих к коряблю солдат. Одна из его стрел разорвала левую щеку бесноватому оридонцу, но это, казалось, только придало ему сил. Он еще громче закричал и с бешенством поплыл к кораблю.

На противоположном берегу, меж тем, скопилось около двух десятков солдат. Дремсы, коих в отряде было пятеро, сняли с плеч луки и принялись осыпать стрелами корабль.

— Чего вы на борту? — напустился на реотвов Нагдин. — Вниз. Стаскивайте гуркен в воду.

— Мало нас. Не сможем, — закричал ему один из реотвов.

— За мной! — Рыбак спрыгнул у носа корабля и налег на его своим плечом. Остальные последовали его примеру. Судно не сдвинулось с места.

— Весла опущены... весла опущены-ы-ы!

Нагдин удивленно помотал головой. Ему слышался знакомый голос.

— Рыбак, весла.

Реотв обернулся. К нему бежал Лоден. Его лицо было залито кровью, но он мчался так, словно за ним гнались все демоны Владии.

— Нужно освободить гребцов. — Подбежал пасмас. — Это невольники... весла опущены... не саарары... наши они окажутся. Подсоби...

При помощи реотвов пасмас взобрался на палубу, отвалил трупы саараров от люка в палубе, резко распахнул его и впрыгнул в него, как бросаются со скалы в воду.

— За ним! — закричал Нагдин и последовал за Лоденом.

Он грузно упал на труп саарарского надсмотрщика, срыгнувшего ему в лицо кровь и блевотину. Недалеко от него лежал саарар, которого прижимал к себе один из гребцов. Он душил надсмотрщика цепью от кандалов. Еще несколько подобных сцен было видно по всей длине корпуса судна.

Лоден дрался сразу с двумя воинами. Благо узость прохода между скамьями гребцов не позволяла врагам наседать всем сразу.

— Протухшие вши! — орал один из саараров, изрубая беззащитных гребцов. — Как посмели... — Он не договорил. Нож, брошенный рукой одного из спустившихся реотвов, проткнул ему бок.

Рыбак сорвал с плеча тесак и, дико заорав, бросился на саараров. Держа его наперевес,

он напрыгнул и повалил сразу четверых или пятерых. Вслед за ним на павших врагов набросились последовавшие за Нагдином реотвы. С глухим рыком они резали саараров. Кровь потоками текла по палубе.

Через мгновение все было кончено. Еще некоторое время потребовалось, чтобы освободить гребцов.

— Наверх, в воду, снимайте гуркен с берега! — приказал им Рыбак.

Корабль нехотя, с тихим недовольным ворчанием покинул твердь, чтобы снова оказаться на зыбкой поверхности воды.

Несколько реотвов бросились к лодке, но вынуждены были возвращаться с пол пути, потому что на берег начали выбегать саарары из отряда-погони.

— Ха-ха-ха! — хохотали на борту корабля. Со слезами на глазах все смотрели на берег. Некоторые из бывших невольников еще не могли опомниться от счастья и с недоверием смотрели на свободные руки и ноги.

— Вы все меня услышали? — меж тем подскочил к Лодену Нагдин.

— Да.

— Где Маэрх и Гедагт?

— Я не знаю. Меня снесло и бросило в водопад.

— Боги рады тебе раз остался жив.

— Я благодарен им до сих пор. Сам неверю спасению. Владыка направлял меня, когда я бросился в водопад.

— Не забудь помолиться ему, как спасемся все! — вмешался в их разговор совершенно посторонний пасмас.

— Ты из пиратов? — переключился на него Лоден.

— Да, много зим назад я попал в неволю.

— Знали ли Битата ты?

— Нет, а что?

— Ничего...

— Смотрите... там на дереве в реке.

Все взоры устремились на ворох из скрюченных ветвей, возвышавшихся над гладью реки. Ветви резко били по воде, вздымая сомн брызг.

— Этот тот оридонец. Но кто с ним?

Лоден внимательно всматривался в переплетение сухих веток.

— Маэрх! — воскликнул он. — Это Маэрх. Посмотри, Рыбак.

Реотв бросился к борту и перегнулся через него.

— Это он, — кричал он. — Но мы не можем вернуться. Нам нельзя останавливаться.

На останках дерева, безвольно носимых водами реки, происходила, меж тем, непримиримая схватка. Людомар и бесноватый оридонец повисли по разным сторонам ствола и старались достать друг друга ударами кинжалов. Оридонцу очень помогало наличие четырех рук, но охотник не утратил своей изворотливости, поэтому ловко уходил от колющих выпадов противника. Он внимательно вслушивался в дыхание и рыки оридонца за стволом дерева, поэтому когда расслышал как булькнула вода, сам тут же погрузился под воду.

Кольчуга, поножи да и остальная одежда тянули его ко дну. Короткая подводная борьба доказала людомару, что драка с оридонцем завершится очевидным поражением. Его тело выдержало два удара ножом, и если бы не железная защита, всплыть бы ему мертвым наверх

и сопровождать труп дерева своим трупом.

Не находя выхода, людомар оставил попытки всплыть и стал погружаться глубже и глубже. Оридонец следовал за ним, стараясь ударить в шею.

Началась схватка легких.

Уже почти потеряв сознание, людомар заметил, как оридонец прекратил преследование и стал всплывать. Сын Прыгуна последовал за ним, но мир вдруг померк перед ним. Тело его вмиг отяжелело и пошло ко дну.

****

Бесформенное нагромождение бревен, в котором с трудом угадывались прежние очертания пристани, постанывало подобно умиравшему, под ударами морских волн. Небольшой челн покачивался у самого берега. Весла на нем были подняты вверх.

— Самое страшное произошло. Чудовище возродилось. Мы не смогли остановить его, — проговорил ледяным голосом Фод. Он смотрел на водный горизонт и его лицо не выражало абсолютно ничего. — Ты отдал его реке. Он не лежит у моих ног. Ничего не говори, я не верю тебе.

— Самое страшное произошло. Чудовище возродилось. Я не смог остановить его, — слово в слово повторил за ним Ты. Он стоял подле Фода неистово раскачиваясь, словно бы отбивая бесчисленные поклоны. — Не остановил его... не смог... я... я... — По ожесточенному лицу его текли обильные слезы.

— Я направляюсь в Ордон, чтобы объявить Высочайшему конклаву о великом зле, порожденном рекой, — продолжал Фод, словно бы ни к кому не обращаясь.

— Нет, великий, не зови меня с собой. Я исправлю это. Я уничтожу зло. Дай мне еще один шанс, — застонал Ты. — Я остановлю воды реки и положу пред тобой тело презренного.

— Не зову тебя. Оставайся здесь навсегда. Останови воды. Изыщи его, если сможешь. Сможешь? Нет. Ты не сможешь. Река поглотила его, чтобы исторгнуть из своего чрева наипугающей чудовищем. Я приказал тебе не отдавать его реке. Но ты отдал. Смотри же на дело рук своих. — С этими словами Фод взошел на борт и сел на скамью челна. — Кин, повесь того, кто стоит во главе этого флота. Такова воля Конклава.

Кин согласно склонил голову.

Челн отчалил от берега.

Кин проводил его глазами и развернулся, чтобы идти к своему отряду.

— Ты не можешь уйти. Мы должны догнать его. Мы должны остановить реку и изловить чудовище. Непусти его, — преградил ему дорогу бесноватый.

— Пшел прочь! — грубо оттолкнул его Эк и Кин молча прошел мимо.

— Я догоню его. Великое зло! Великое зло не хочешь пресечь ты! Боги покарают тебя, — завизжал оридонец. — Я видел, как река поглатывает его. Я задыхался... я не мог. — Он замер, захлебнувшись чувствами и рухнул на колени. — Остаюсь и вижу дело рук своих... остаюсь и вижу дело рук своих!..

Неожиданно он достал два ножа-когтя и вонзил их в себя.

— Ярчайший, гляди на меня. Я остаюсь здесь... исполню последнее веление твое... ибо слово твое — это кровь моя. Когда бросаешь меня, кровь истекает из меня. — Руки оридонца продолжили терзать тело, разрывая его ножами.

Никто не обернулся, когда тело его рухнуло и заскользило к воде по своей собственной крови.

— Проклятый Фод. Я говорил ему не трогать того отшельника... как его?

— Лиар

— Да. Он бы многое рассказал. Я видел, что он способен. Чтоб мне скособочиться, если то, что здесь произошло не имеет какое-то грозное значение для Владии и для нас всех.

— Кин, мы всего-лишь упустили пиратов. Вместе с ними парочка отъявленных головорезов. Тот, за кем мы гнались захлебнулся в реке. Это, может, много, но что они сделают нам, если только и делали, что бегали от нас?

Оридонец остановился и упер свой хмурый взгляд в брезда.

— Конклав не интересуется делами пиратов и головорезов. Тот, который утонул... ты говоришь, что утонул — ты это наверное знаешь? Видел его труп? Нет? Цуру приказали выслать за этим людомаром целую армию. Мою армию. Ты думаешь, что меня взрастили для погонь за парочкой разбойников?! Или, думаешь, Цур сделал это от нечего делать? — Кин фыркнул. — Этому людомару, — продолжал он, — удалось без особых трудностей пройти из одного конца Владии в другой. Так словно это не есть оридонская земля. Чернолесье благоволит ему. Старые боги Владии благоволят ему. Об этом зле говорил Фод. Старые боги Владии вернулись во Владию. Это и есть то, чем взволнован Конклав. — Кин перевел дух. Его лицо приняло прежнее выражение.

— Что мы будем делать, привеликий?

— Я не знаю. Идти обратно мы не станем. Возвращаться в Эсдоларк я не хочу...

— Хм... мне там понравилось.

— Мы вернемся к Немой лощине. Мне нужно видеть Цура и говорить с ним. Грядут большие перемены.

Каумпор Быстрочет из Фийоларка

— Закрывайте ставни-и-и! Ставни закрыва-а-йте!

В просторную комнату, помимо крика, залетал радостный весенний ветерок, не выхолаживший тепло, но приносящий приятную свежесть. Он играл тонкой материей, которой были занавешаны окна, шуршал в углу кипой одеял и подушек, из которых торчали две маленькие ножки; заигрывал и перебирал веточками растений, высаженных в широком горшке-подоконнике.

Из другой комнаты донесся скрип полов и недовольный старческий голос.

— Чего разорался-то? Ранехонько, вроде... ранехонько!..

Женщина тяжело переступала с ноги на ногу. Раздались скрип и хлопки, с которыми соседи закрывали ставни.

— Ранехонько...

— Закрывайте ставни-и-и! Ставни закрыва-а-йте! Достопочтенная... низкий поклон.

Ставеньки заприкройте. Вот так... Мое почтение.

— Мое почтение и вам. Закроем-закроем... Ранехонько, вроде бы. — Голос старухи стал глуше. Видимо, она высунулась в окно.

— Владыка око сопрятал за стеною городской. Сигнал то для меня. Значит, пора, достопочтенная.

— А нам видно еще Владыку-то, почтенный.

— Так хоромы у вас, достопочтенная Теллита, не хуже холларкских. Вы ставеньки на первом этаже прикройте, а на третьем — я уж прогляжу, стало быть. — Голос угодливо хихикнул.

— Спасибочки тебе, достопочтенный Пулнис, так и поступлю...

— Теллита, чего сегодня на рынке слыхала-то? — ожила за окном улица голосом соседки.

— Ничего особливого не слыхала. — Это был всегдашний ответ, после которого начиналась оживленная болтовня. — Буррта, говорят, окосела...

— Это какая? — присоединился еще один женский голос.

— Холларковой жены родня по матери...

— Первой али второй жены?

— Даива — это какая?

— Вторая...

— Вот ее-то родня по матери.

— Даива — это первая, вторую зовут Мукера.

— Перепутала ты все...

— А чего окосела-то?

— Пала во время выезда. Колесо у тележки подломилось. Пала она. Головой о землю приложилась.

— Боги-боги-боги... теперь-то что?

— Говорю же, окосела!..

— Закрывайте ставеньки...

— Заглохни ты, Пулнис, оглушил уже. Не глухие мы. — Цыкнули на ночного сторожа. — Теллита, а теперь-то чего будет?

— Не знаю.

— На рынке чего говорят?

— Сходи да послушай.

— Не могу я, ноги совсем отяжелели после родов. Завтречка заходи, поглядишь. Еле ворочаю ими.

— Я тоже зайду...

— И мне, если можно, отвори...

— Заходите, гостями будете. Не откажу. Всем дверь отопру.

— Вспомнила! Вызвали мага какого-то прямо от долины брездской.

— И что?

— Что, что? Ждут!

— Ай! Съехали мы. Чего коня упустил? Как выбираться будем? — Куча одеял в углу комнаты вздыбилась и из нее поднялось заспанное женское личико. Оно с удивлением осмотрелось вокруг, по-детски хлопая ресницами, подумало немного, скривило ротик и с непередаваемый по тяжести стоном упало на подушки.

— Приснилось чего? — спросил сидевший за столом холкун.

Он был молод, неплохо сложен, но уже отличался тем, что всегда наличествует у серьезного человека. Его красиво вышитую нательную рубашу топорщил книзу внушительный живот. Каумпор склонился над несколькими табличками, которые лежали перед ним на столе, и осторожно помечал что-то в них острой длинной костяной палочкой.

— Приснилось, — проговорили из-под одеял. — Мы с тобой выехали в Прибрежье. Там дом у нас, вроде бы. Великие воды я видела. Синие-пресиние! — Под одеялами разнеженно потянулись и блаженно выдохнули. — Красота неопишуемая. Я даже воздух чувствовала. Овевал меня и пахло так вкусно. Всеми цветами, которые знаю. Но ты вдруг надумал возвращаться. Я ругаться с тобой принялась. Очи Владыки прямо над нами, а ты уж домой заторопился. Накричал на меня и поспешил в Фийоларк, но не доехали. Конь твой стороной пошел да дорогу потерял. Перевернулись мы... ой! — Женщина подскочила так, словно ее ткнули раскаленной иглой в приличествующее место. — А чего это мне такое приснилось?!

Каумпор повел плечами, продолжая что-то писать. Затем его костяная палочка заскользила по другой табличке. После снова вернулась на первую, прошлась по ней точно. Холкун вздохнул, откинулся на спинку стула и нахмурился. Одними губами он прошептал неопределенное, нет.

— Спроси у Теллиты, — бросил он в тишину у себя за спиной, продолжая вглядываться в таблички.

— Каумпор, сынок. Ставни не запирай, — проговорили из другой комнаты. — Пулнис сказал, что не заметит.

— Хорошо, матушка. — Холкун отер небольшую в ладонь длиной бороду, аккуратно расчесанную и уложенную, и снова склонился над табличками.

— Айлла! Айлла, где ты есть?

— Здесь я, матушка. — Женщина окончательно вылезла из-под одеял, поежилась и выпорхнула из комнаты. — Приснилось мне...

Дальше Каумпор не слушал. Цифры в его табличках никак не сходились. Второй сезон кряду торговля в его лавках неуклонно затихала. Эти изменения были небольшими, но устойчивыми. Это его и тревожило больше всего.

Фийоларк, как и все холкунские города основным занятием держал производство черных кристаллов. Сами холкуны называли их треснями, потому что то, что получалось в конце производства называть кристаллом язык не поворачивался. После целого года обработки в руке оказывался камень изрубленный словно бы ударами тяжелого топора. Горели тресни плохо, а потому чтобы согреться покупать их нужно было в невероятных количествах.

Дом Каумпора располагался на т-образном перекрестке. Одним из перекрестков, которые разделяли собой кварталы городских гильдий.

Сам холкун вот уже много лет входил в торговую гильдию и по праву считался потомственным конублом. Его прадед был дремсом и от него в доме до сих пор сохранились шкуры диковинных зверей и странное дремское оружие. Прабабушка Каумпора всю жизнь прожила в Фийоларке. Тогда он, говорят, стоял много южнее прежнего места и был маленьким городком.

Путь самого холкуна в торговую гильдию начался тогда, когда отец всучил ему мешок со всякой всячиной и пустил по улицам ее продавать. Даже и теперь Каумпор с содроганием вспоминал, через какие мучения ему довелось пройти, прежде, чем его язык стал достаточно

мягким, чтобы договориться с любым холкуном и пасмасом.

Едва двенадцатая зима сошла с полей перед городом, молодой холкун совершил свой первый выезд в заполие — так холкуны называли все земли за стеной своего города.

Безбрежный простор — до этого Каумпор ни разу не покидал город — пленил его, очаровал и раздражил. Первая поездка закончилась полным провалом. Он набрел на пасмасский кабак и спустил там все деньги, какие должен был потратить на найм пасмасов.

Выволочка от отца и дядьев навсегда запомнилась не только его мозгу, но и другим частям тела. Этот случай был единственным необдуманым поступком за прошедшую жизнь. Возможно, тот единственный день был его однодневной юностью, когда он позволил себе быть беспечным.

В первые зимы после захвата Владии оридонцами жилось очень тяжело. Отец хватался за любую работу. От этого и погорел, хотя семья едва сводила концы с концами. Он умер, когда Каумпору не подошла еще и пятнадцатая зима, оставив на своем старшем сыне жену, его мать, и пятерых младших братьев и сестер.

Период между смертью отца и возвращением из первого длинного путешествия по Трапезной тропе, когда дела их семьи наконец-то поправились, холкун помнил плохо. В его памяти это время запечатлелось бесконечной чередой серых однообразных дней, когда на душе было плохо, а на сердце тяжело; когда мир казался жестоким и мизерно маленьким, все вокруг серым и мутным.

С тех пор Трапезная тропа, по которой холкунские торговцы доставляли в свои города пищу из других городов, стала для Каумпора единственным торговым путем. Он не брался больше ни за одно другое начинание. Полностью сосредоточился лишь на поставках продовольствия. Изучил Трапезный тракт вдоль и поперек. Знал все шайки, промышлявшие на нем. Не раз общался с воинами охранных отрядов, мало отличавшихся от разбойных шаек. И платил, платил, платил.

Платить приходилось за все: за пользование трактом и тропой (одна дорога называлась двойственно, но за каждое название причитался налог — холкуны так и называли его "налог на название"), за остановки в подорожных трактирах, за хранение груза, за выпас быков и коней, за проход, проезд, прополз в обе стороны, за благосклонность и "закрывание глаз", за недовольство и "открывание глаз" — за все!

Путь был долог и опасен, но какое-то время Каумпор мирился с этим. Тракт давал ему пропитание

Однажды он объединил капиталы со своим лучшим другом, Лормом. Они попытались счастье на тракте и едва не разорились. Взаимные обиды были преодолены путем мордобоя. После этого пришло осознание отсутствия вины каждого и наличия глупости каждого.

Второй торговый поход по тракту стал приносить постоянно повышающуюся прибыль. В их компанию вступили еще несколько друзей и знакомых. Наученные горьким опытом, оба: и Каумпор и Лорм обусловили их вступление неучастием в торговых предприятиях, на что все без исключения с удовольствием согласились.

То было время, когда день через день в ворота города въезжала траурная зелено-синяя повозка, везя домой очередного убиенного торговца. Разбойники лютовали. Был неурожай.

Каумпор всегда подмечал волю богов, даже если эта воля выражалась в делах или на телах других холкунов. Он не только последовал примеру других конублов и нанял охрану, но и сам пришел к холларкским палатам и попросился на обучение традиционному холкунскому бою.

Всю зиму он упорно занимался боем на пиках, метанием копья, а также обучался управляться традиционной холкунской палицей. За это время он сильно похудел, но занятий не бросал.

С приходом весны его голову посетила примечательная идея. Впервые за двадцать пять лет своей жизни он поехал не по Трапезному тракту, а по Дубильному. Никто и не подозревал, что причиной такой резкой смены курса стали слова иногороднего торговца, оброненные им в присутствии Каумпора.

В трапезной, что у Птичьего рынка, до слуха холкуна донесся жалобный говор. Невдалеке от него, в углу трапезной сидели два конубла. По замечательным выражениям их лиц наметанный глаз Каумпора сразу распознал перед собой должника и кредитора.

Иногородний торговец жаловался, что по Дубильному тракту торговля встала. Что стада произвели на еду и что торговать нынче нечем, а потому и отдавать долги тоже нечем. Фийоларкский торговец слушал его с тем оттенком понимания, который наблюдается на лицах людей, видящих перед собой вконец оголодавшего соседа при полном осознании того факта, что у них самих дома осталось немного хлеба. Он отирал голову и понимающе кивал.

— Никогда ведь на землях наших голода не было, — сокрушался иногородний. — За что же боги наслали на нас такое! — Он понурил голову и мотал ей в немом горе.

Дубильный тракт оказался для Каумпора весьма прибыльным. Ехал он по нему не из-за товаров. Он искал торговых стражников, оставшихся не у дел. Положение его торговой гильдии было не столь бедственным — холкуны всегда были хорошими едоками. Но Трапезная тропа стала привлекать множество сторонних едоков, искавших возможности полакомиться за чужой счет.

Холкун потратил почти все свои сбережения на найм торгового войска. Его возвращение в родной город было тягостным от дурных мыслей, правильно ли он поступил; не обманут ли его "бесхитростные" воины; не вернут ли их назад разъезды саараров. Борода, которая наконец-то отросла на ширину ладони, покрылась сединой. Пот ни с того, ни с сего прошибал его при первой мысли, что деньги, которые он копил столько зим, могут быть снова утеряны. И опять ему припоминалось бедственное положение, в котором он начинал свое дело.

Формирование первого большого каравана заняло довольно много времени, но по весне его выступление из города сопровождалось всеобщими гуляньями. Никогда еще целая гильдия не выступала из города в полном составе. Караван охраняли более тысячи воинов. Более нельзя было и подумать о том, чтобы напасть на торговцев.

Тот год, прошлый год, принес Каумпору баснословную прибыль. Он и сам не ожидал, сколь много денег может принести воинское сопровождение торговых караванов.

Лорм согласился взять на себя заботу о торговых делах общества и неплохо справлялся с ними, но боги вторглись в их совместное предприятие и снова осложнили его.

Лорм погиб в межродовой стычке. Он был зарезан своим двоюродным братом, с отцом которого что-то неподелил его отец. Обид, обвинений и нападок было столько, что правда была погребена навеки под их наносами.

Потеря лучшего друга, с которым они прошли плечом к плечу через многое, тяжело далась Каумпору. Лишь благодаря общему делу он не позволил себе сникнуть или впасть в уныние. Дела шли и требовали непременно к себе внимания.

Холкун взял себе в друзья другого торговца, но дела не заладились. Эту разлаженность он и преодолевал, сидя за столом у окна третьего этажа в своем родовом гнезде у т-

образного перекрестка.

Все настойчивее стучалась ему в сознание мысль, что от одного из дел придется отказаться. Передать его другому торговцу. Но дело, омытое потом, слезами и кровью его и Лорма было уже личным занятием, было частью его самого. И расставаться с ним было сродни тому, чтобы вырезать из груди кусок собственной плоти.

Внизу на лестнице раздались торопливые шаги. Так мог бежать только Ирпор — следующий по возрасту брат Каумпора. Ему было всего двадцать три года, но Каумпор уже начал готовить его к сложному торговому ремеслу, хотя, по мнению холкуна, тот был слегка импульсивен.

— Карларк восстал, братец, — влетел он в комнату и остановился, тяжело дыша. Его удивило, что Каумпор не повел и бровью. — Слышишь ли?

— Да, я слышу. Что из того?

— Восстал... Карларк.

— Если это все, иди.

Ирпор растерянно огляделся, словно находился в каком-то ином мире.

— Тебя это не интересует?

— Меня это интересовало позавчера. Сегодня уже нет.

— Почему?

— Прикажи матушке накрывать на стол, братец. Поедим, а после поговорим, коли у тебя к этому большой интерес.

****

Двухколесная колесница остановилась подле каменного здания высотой в четыре этажа богато составленного из разноцветных монолитов и украшенного деревянной, костяной и иного рода изразцовой резьбой.

Облицовка блестела на солнце так ярко, что слепила глаза. Это было новшество холкунских городов. Их последняя мода. Украшение домов каменно-древесной облицовкой было дорогим удовольствием, однако Аснар мог себе это позволить.

Один из трех самых богатых конублов Фийоларка позволял себе не только это. Лишь у него во всем городе имелся собственный сад и небольшое озерцо. Таких роскошеств не было даже у холларка, но это никого не удивляло. И без того всем было известно, кто на самом деле правит городом.

Между тем Аснар вовсе не походил на конубла, образ которого на Синих равнинах прочно ассоциировался с непомерно разжиревшим холкуном, готовым всякого обхитрить и объегорить. Наоборот, это был высокий по-военному сложенный олюдь, руки которого были привычны и к палице, и к топору, и к мечу. Природа не полностью отвернулась от него — небольшое пузико свисало-таки вниз, но оно совершенно не портило общее благоприятное впечатление от его внешнего вида.

Окладистая густая борода опускавшаяся ниже середины груди уже успела засеребриться, но глаза висевшие прямо над ней смотрели живо, умно и по-юношески.

Каумпор слез с колесницы: в меру украшенной, в меру усиленной броней — в меру

дорогой, подошел к воротам, претворявшим собой вход сразу на высокое крыльцо, поклонился дому, поклонился родовому божку и только после этого проследовал внутрь.

В больших палатах стояло умеренное жужжание, какое всегда слышится, когда во внушительных размерах комнатах собирается несколько десятков человек. Даже степенное говорение и перешептывание превращаются в таких случаях в довольно громкий гомон.

— Мир дому твоему, Аснар. Благополучия животу этого дома. — Холкун поклонился хозяину, а после и хозяйке. Ему ответили вежливыми поклонами.

— Приветствуем тебя, Каумпор. Без брата ли? Почему? — обратился к нему Аснар. Его приветливое лицо, оставалось, тем не менее, жестким.

— Без него. Оставил его. Дела.

— Сам пришел и за то благодарим.

На этом приличия были соблюдены и Каумпор прошел внутрь палат

Посмотреть в них было на что. Помещения утопали в мехах, коврах и золоте. Драгоценные камни обильно покрывали почти каждую вещь, стоявшую на многочисленных сундучках, ларцах, полках и столах. Все это ослепительное великолепие было выставлено напоказ с одной целью — поражать и похвастать.

Каумпор усмехнулся. Раньше он бы развесил уши и открыл рот от удивления. Да, то были великие времена. Хотя и тяжелые — вспоминать страшно, но интересные. Теперь он безразлично скользнул взором по богатому убранству палат и повернулся к столу, уставлявшемуся разнообразными яствами.

Поесть бы он не прочь. С утра не ел. Вернее, с ночи. Холкун осмотрел себя. Сегодня он ступил первый шаг в сторону снижения убытков: он высек что было сил мальчишку, осмелевшего до того, что начал воровать с его складов телегами. Сейчас ушлый молодец валяется где-нибудь в канаве за городом и оплакивает свою судьбу.

Каумпор вздохнул. Отчего-то так всегда получается: холкун-простолюдь получал хорошую работу, едва на коленях перед ним не ползал, благодарил, а как время проходило, то ему прежняя жизнь казалась уже не своей — словно не было ее, а нынешняя сносной, но тоже не сладкой. Начиналось подворовывание, а после и откровенное воровство. Приходилось такого олюдя отправлять в обратный путь. И почему-то только тогда — именно в этот момент — он понимал, что потерял, и снова, как и задолго до этого, ползал перед конублом на коленях, умолял и плакал. Иные, пылая праведным гневом, грозили ему даже карами от богов. Ха-ха! Безмозглые твари! Когда бы они знали, когда бы они видели про себя то, что видел он со стороны, то понимали бы, что не он сек их, их секли боги. Боги даровавшие праведникам достойное место и разочарованно смотревшие, как они опускаются до уровня воров. Кара! За что его карать, когда он есть карающая длань! Никогда боги не будут карать сами себя! Хе-хе!

— Каумпор, не помешаю ли?

Холкун обернулся.

— Нет, Илло, не помешаешь. — Он любил этого пасмаса. Любил всей душой за то, что среди стольких утех, стольких пороков, стольких соблазнов, какие сдерживались городскими стенами внутри города, Илло не дал себе утонуть, погрузиться в эту мерзопакостную жижу, словно болото утягивавшую каждого слабого душой и умом.

Илло не знал, что единственным олюдем, которого Каумпор почитал выше себя был он, Илло. Когда бы пасмас узнал такое, он наверное бы раздохотался от души, ибо сам он почитал холкуна если не за бога, то за своего наставника.

— Отвернулся в угол, глаза слепят сокровища его? — как всегда разулыбался Илло. — Я тут тоже щурясь хожу, чтобы не ослепнуть. Когда бы мне столько света, а бы только и делал что писал.

— А ведь верно сказал, — рассмеялся холкун.

— Слышал про Лорма. Страшно бытие от таких вот трагедий.

Каумпор молча кивнул. Ему не хотелось сейчас думать о погибшем друге. Илло тоже помолчал будто бы подводя черту в разговоре.

— Я слышал, ты новое дело затеял. Решил дойти до Холведской гряды со своим караваном. Правда ли то?

У Каумпора никогда и в мыслях не было уходить так далеко, однако он тут же насторожился. Иной раз массовое сознание, а особенно мышление подбрасывало ему неплохие идеи.

— А ты как думаешь, Илло?

— Хорошее предприятие, думаю. У них там, знаю, много товара такого, какого в равнинах не сыщешь.

— Какого например?

— Железо хорошее у них. Без примесей, говорят. Каменьев много на облицовку.

— Когда ж тебе железо-то позволят привозить? Саарары и оридонцы за этим строго наблюдают.

— А коли у меня возможность есть глаза у них закрыть, — приблизился к нему Илло. — Задумка есть одна. Послушаешь али как?

— Послушаю. — Они удалились в дальний угол с стали о чем-то шептаться.

— Почтенные конублы, — заговорил младший брат хозяина торжества, молоденький юноша лет шестнадцати, — зовем вас к столу. Отведайте то, чем боги одарили сей дом!

Произошло шевеление и все торговцы сместились к столам. Размещались там шумно, с шутками и тычками друг другу в бок. Рассаживались друг подле друга, компаньон подле компаньона. Опытный глаз по одному этому шевелению легко различал, какие торговые партии сложились в городе и каков их вес по отношению друг к другу.

У Каумпора был наметанный глаз. Он заметил, что два других владельца Фийоларка сели рядом.

— Быстросчет, слышь? Линул и Мириул рядышком уселись, — наклонился к его уху сосед-брезд. Брездские торговцы занимали высокое положение в городах, но не главенствующее.

Холкун кивнул. Где-то еще зашептали: "Неужели снова рядом пойдут против Беспалого?"

Каумпор посмотрел на Илло и оба они криво усмехнулись. Говорили в свое время Кугуду Беспалому о том, что время такое, что не надо в холларки метить. Не послушал. Просидел две зимы. Теперь наступил срок уйти.

Зная его характер, Быстросчет мог бы без тени сомнения сказать, как будет проходить смена власти в городе. Будет кровь. Редко, конечно, бывает без нее, но в случае с Беспалым, старым и в общем-то добродушным воякой кровь будет большой. Лучше на это время покинуть Фийоларк, чтобы не оказаться втянутым в противостояние.

— Сдружился этот, — Илло показал руку с загнутыми двумя — безымянным и мизинцем — пальцами, — с этим вот. — Он указал глазами в сторону Аснара.

— Откуда знаешь? — не смог скрыть удивления Каумпор. — Ежели так, то...

— Знаю. Слова эти из сарая...

Холкун поджал губы и задумался. "Из сарая" означало от банд, которые промышляли в городе убийствами, грабежом и продажей детей и женщин для любовных утех. Прибыль деятельность "из сарая" приносила большую, поэтому многие из торговцев вкладывались в "сарай". Свою историю "сарай" вел от неизвестного холкуна-воришки, который после прихода оридонцев во Владию, стал промышлять воровством их оружия и денег. Жил он в сарае у скотного двора одного из жителей города. Да делал это так умело, что холкун-хозяин и понятия не имел, что у него на дворе живет еще кто-то помимо него.

Каумпор не имел дел с "сараем", но вложил немалые деньги в некоторые стороны этого предприятия. Мало кто знал, что бандиты городов были одними из самых информированных олюдей. То, что знали они, порой не знал никто. Быстрочет рано понял, что если доберется до этих знаний, будет в том толк.

И он добрался. Поэтому-то Каумпор так удивился, когда Илло сообщил ему сведения, о которых холкуну не могли не сообщить.

— Коли так, из Фийоларка лучше съехать скорее, — продолжал Илло. — Иначе, головы не сносить, ибо мы с тобой оба ни при ком не состоим.

— Верно, — прошептал холкун, продолжая быстро соображать.

Скоро будет праздник в честь прародителя всех холкунов, великого Хола. На него и может быть назначено смещение Кугуда. Десять дней. Ему оставалось не более десяти дней, чтобы устроить дела, добрать недостающее количество товаров и уйти.

— Пойдешь со мной к гряде? — просил он Илло. Тот широко улыбнулся:

— Хотел просить тебя о том. Дебов внесу сколько скажешь.

— Я тебя так беру. Будешь мне помощником.

— Честь для меня сделал, Каумпор. Вот уж уважил! — Илло приосанился и огляделся. Ему видимо хотелось, чтобы все слышали приглашение. Но шум стоял такой, что никто ничего не слышал дальше вытянутой руки.

Холкун уткнулся себе в тарелку, чтобы не встретиться ни с одним взглядом, который позвал бы его в сторонку для разговора. Нужно было продержаться один этот вечер, чтобы не быть втащенным в общегородскую резню. После таких явлений еще несколько зим продолжается месть родов за убиение своих сородичей, и часто в канавах на улицах находят обезображенные трупы конублов.

Слава богам, у него всего два взрослых брата. Всех их он заберет с собой. Есть еще младший. Ему только тринадцать, но зато есть формальный повод оставить его дома за старшего, и его уход в равнины к Холведской гряде не будет похож на бегство.

Холкун невольно покраснел. Да, ему приходится бегать от подобного. И еще долго придется, ибо род Поров исчезнет вместе с ним и его братьями. Более никого нет из их рода. Они одни, а потому надо быть осторожным.

— Слыхал я, беспокойно там нынче, — вернул его к действительности Илло. Каумпор поворотился к нему и проговорил:

— А где спокойно ныне? Эта зима принесла нечто, от чего равнины и леса содрогнулись. Не знаем мы, что, но по тому, как оридонцы шастают по равнинам из конца в конец, знаю я, что что-то произошло, а?

Пасмас кивнул одними глазами. Он был бледен.

— Аснар глядит на меня и тебя. Не к добру.

— Каумпор, мне передали, что ты наметил очень прибыльное предприятие? Почему же молчишь о том, никому не говоришь?

Аснар вытянул ноги, откинувшись на спину большого богато инкрустированного камнями и золотом лежака. Сложив руки у себя на животе, он лениво смотрел на холкуна. Они находились в небольшой комнате, служившей, по всей видимости, кабинетом конубла. Великое множество табличек, счетовых камешков и гирек лежало на внушительных размеров столе, занимавшем почти половину комнаты.

— Опасное дело замыслил я, уважаемый Аснар. Потому и не говорил про него здесь. Буду сам рисковать, а после уж... если пройдет все хорошо, тогда обскажу о нем обстоятельно. Пока же... пока же, если говорить образно, товар не готов к продаже. Когда такое, сам знаешь, нечем торговать да и незачем.

— Нас обмануть боишься? — подсказал конубл.

— Лицо не потерять пред вами. Коли сам себя обману — переживу, по иному не могу.

— Отчего тогда в свое предприятие других собрал?

"Как я мог подумать, что он уже не знает всего. Промах. Надо честнее казаться. Не то не отплюешься вовек от косых взглядов", — подумал холкун, а вслух сказал: — Всех я честно предупредил, что опасное дело затеял. Что потерять многое можно. — Он подумал. — Потому и пригласил друзей своих с немногим товаров. Его потерять — не все потерять.

— Потерять думаешь?

— Держу в уме такую мысль, глубокоуважаемый. Сейчас на Трапезном тракте беспокойно. Не то что одному, двум или даже пятерым не пройти без притеснений. Я же собрал более десятка караванов. Каждый в отдельности — мелочь. Все разом — сила!

Аснар внимательно следил за выражением лица холкуна. Его взгляд словно бы пронизывал само существо Быстросчета. Наконец он произнес:

— Умно ты делаешь, Каум. Сам додумался али подсказали?

— Подсказали.

— И ты услышал?

— Да.

— Уметь слушать — половина успеха, — кивнул Аснар. Он поднял кубок с оридонским вином и поднес губам, остановил и отставил в сторону. — Я давно присматривался к тебе...

"Началось", — невольно выдохнул холкун, — "перетаскивать будет. Ничего, послушаем..."

— ... достоин ты своего отца. Больше даже скажу, где-то преодолел ты его пороки. Мы все его знали. Честен он был, хотя торговец никудышный. Но про то... ладно. Жизнь тогда поменялась сильно. Не от добра ушел он в конублы, а конублом только на глазах легко быть. Едва им станешь, открывается много такого, о чем и не помыслил бы до этого. Зачем я тебе это говорю? И сам не хуже меня знаешь. — Он снова пристально посмотрел на Каумпора. — Это у тебя брат недавно женился?

— Нет, глубокоуважаемый Аснар. Мои братья, если Владыке будет угодно, женятся после моего предприятия.

— Я верю в твое предприятие, Каум. Сильно верю. И в тебя верю. А потому войти хочу

в предприятие своими средствами.

"Лучше бы перетягивать начал", — разочарованно подумал холкун. Он не ожидал, что разговор будет не о смещении холларка. Хуже этого могло быть только вхождение крупного торговца в его дело. Худшее и случилось.

— Приветствую тебя в наших рядах, многоуважаемый, — как можно искреннее улыбнулся холкун. — Будь уверен, не подведем тебя.

— Мне нужны твои заверения. Лично твои.

"Что бы это могло значить? Лично мои? Звучит неоднозначно. Лично, не люблю это слово. Это обязательство. И перед кем? Перед Аснаром. Как бы не попасть с этим, лично, в жернова, где перетрут меня и не заметят!"

— Даю тебе мои личные заверения. Сделаем... сделаю все, что в моих силах, чтобы...

— Обещай мне, что вернешь деньги, которые отдам тебе.

"С другого конца зашел, а все же достиг своего. Дурак! Как же не понял, что к этому подведет. Дурак я! Хотя, как можно было бы отказать?! Хитер!!!" — А вслух сказал с наисладчайшей улыбкой: — Обещаю тебе. Верну и с прибылью.

Живое жесткое лицо Аснара расплылось в широчайшей улыбке.

— Прибыль можешь оставить себе. Я не настаиваю на ней. Коли предприятие удастся, тогда я стану тебе компаньоном...

"Уже и компаньоном!"

— ... и ты поведешь свои дела куда успешнее, чем прежде.

"Мне и прежде было не плохо их вести".

Аснар поднялся. Тут же поднялся и молодой конубл.

— Совершим же сделку? — улыбнулся Аснар. — Кстати, я не спросил тебя о важном. Сколько ты намерен получить с одного деба?

"Ты не спросил, потому что тебя это не волновало. О другом говорили мы"

— Не менее пяти дебом по верх одного, многоуважаемый.

— О-о, это хорошо. Ежели случится все так, как ты загадал, пять дебов по верх одного — справедливая награда за смелость.

Аснар подошел к нему и протянул ему конец своего пояса. Каумпор заткнул его себе за пояс, а конец своего кушака передал старому конублу. Тот проделал то же самое.

— Сколько тебе не хватает? — спросил Аснар.

— Тысячи, — соврал Каумпор. Ему не хватало шести тысяч дебов, но он намеревался их найти за оставшееся время. Тысячу же он назвал, чтобы не быть слишком обязанным Аснару.

— Совсем немного, — приподнял левую бровь тот. — Чтобы наверняка получилось, я дам тебе двадцать тысяч, а за это попрошу вернуть двадцать одну. Просто так, в знак уважения. Все, что выше будет оставь тебе или отдай своим конублам.

— Благодарю, уважаемый Аснар. Я принимаю твой дар мне.

— Ха-ха! Это не дар. Не воспринимай его так. Это взнос... за который нужно будет платить. Ха-ха! Прощай... — С этими словами старый конубл отцепил свой пояс от талии Каумпора и, развернувшись, вышел вон.

Холкун закрыл глаза. Он слышал, как в комнату уже спешат слуги, чтобы выпроводить его. Он знал, что они через миг войдут к нему, но не мог удержаться и не закрыть глаза.

Воистинну, Аснар занимает положенное ему место в их городе. По сравнению с ним, Каумпор еще ребенок. Такого провала он не ожидал. Ему было понятно, как бы не завершилось его предприятие, он уже привязан к группе Аснара и, что еще хуже, в случае

успеха его задумки, не он станет получать основную прибыль, а Аснар. Он же будет всего лишь смотрящим за караванами. Будет рисковать своей жизнью, а ежели погибнет, его место займет другой. И проторенная им денежная дорожка будет работать. Всегда будет работать. С ним или без него.

— Просим тебя, достопочтенный, — вошли слуги.

****

Колесница медленно ехала по улицам города. Холкуны и пасмасы, саарары и брезды с некоторым удивлением поглядывали на нее. Колесница была создана для полета. Ее хищные формы, поджарый вид, — все это было создано, чтобы мчаться, пробиваясь сквозь заслон воздуха. Конублы любили быструю езду более не из-за самой любви, а потому, что это привлекало внимание к их персоне. Они гордились своим положением на колесницы. Полетом над грязной жижей улиц они доказывали презренным пешеходам тысячелетний закон: рожденный ползать в грязи, не взлетит как птица.

Каумпор не любил быстрой езды. Его колесница оставалась удивительно нетронутой до того момента, когда приходило время ее продавать. Поэтому у холкуна не было проблем со сбытом. Она всего лишь показывала его статус, безапелляционно и непретенциозно. Возможно, Каумпор был одним из той небольшой плеяды торговцев, для которых важным было их дело. Они искренне любили его. Что же до денег? Да, это весомая часть, приятное дополнение к удовольствию от работы, но не главное.

То, что проделал сейчас с ним Аснар не просто обескуражило молодого конубла, оно взбесило его, вывело из себя так, как наверное не выводило ни что и никогда. Он ехал побледневший, плохо понимая, куда правит. Более полагаясь на своего коня, чем на свою память.

Аснар отнял у него дело. Знал он это или нет, но старый торговец ударил в самое больное место. Много снегов назад холкун зарекся зависеть от кого-либо; зарекся отдавать в руки кого бы то ни было вожжи от своей жизни. Сейчас он понимал, что он не отдал вожжи, их у него забрали. Сделали это бесцеремонно и беззастенчиво. Как само собой разумеющееся. Как обыденность.

Каумпор сжал губы. Он вспомнил приторно-вежливое лицо Аснара, его рот, сжимающийся в маленькую точку, когда он улыбался, и глаза, мощные, властные глаза, хищные, смотрящие так, словно весь мир принадлежит ему.

Холкун вдруг остро осознал, что примкнул к сомну тех, кого уже пожрала эта тройца: Аснар, Линул и Мириул. Три рода. Великих торговых рода. Извечных. Неискоренимых. Проклятых рода!

Быстросчет неожиданно заметил, что ему не хватает воздуха — он не дышал, пока с возмущением думал о том, что с ним сотворено. Он глубоко вдохнул и краем глаза заметил удивленный взгляд девушки, которая шла параллельно его ходу.

Молодой торговец начал понукать коня. Колесница легко ускорила.

Ему пришлось еще долгое время кружить по городу, чтобы, в конце концов, признаться себе в том, что он не согласен с предложением Аснара. Он не отдаст ему свое дело.

Разум восстал, едва подобная мысль проникла-таки в сознание. Кто он по сравнению с Аснаром? Ха-ха! Он никто. Нет, даже ничто. Его сотрут в пыль и Аснар об этом даже не узнает. Стоит ему повести бровью...

У холкуна начала болеть голова. Он остановил колесницу и сошел к ней. Ноги мелко дрожали.

"Надо взять себя в руки. Нужно пока не думать об этом. Слишком много эмоций. Слишком много сил уйдет не туда. Нужно подумать позже. Время еще есть. Позже..."

— Слышал, Карларк восстал? — подкатился к нему Толстый Проти, пасмас, владевший харчевней, куда всегда ходил Каумпор.

Молодой конубл удивленно огляделся. Он и сам не ожидал найти себя на пороге "Златого колоса".

— Слышал, — рассеяно сказал он. Какое ему дело до Карларка?! Пусть там хоть на головах гонят. У него своих проблем несчесть.

— Цур двинулся туда с отрядом. Так говорят. Еще талдычат о том, что после Карларка поднимется Радоларк и Донларк. Великие боги! С ума там все посходили!

— Не говори отсебятины, Проти, — прервали его из глубины харчевни, — все эти города стоят на Трапезном тракте. Неурожай там, но оридонцы требуют поставлять в другие города ровно столько, сколько и в прошлую зиму. От голода восстали они. Не удивлюсь...

— Закройте оба ваши поганые пасти, — пресек разговор грубый баритон. Хорошо поставленный голос говорил о своей принадлежности воину, привыкшему командовать. — Проти, отойди прочь от дверей, обрызгая твоя шкура. Нечего улицу смущать болтовней. Кто там? Быстросчет, ты? Заходи скорей, чего топчешься?! Проти, закрой дверь.

С непривычки глаза Каумпора тяжело привыкали к полутьме. Черные кристаллы, тресня, чадили в уголках харчевни, хрустя и лопаясь они разбрасывали снопы искр вокруг себя. Пахло едой и кислым запахом вина.

— Сарбры? — спросил Проти у растерянного Быстросчета.

— Тащи оридонского. На кой нам твоя сарбра. Это пошло не лучше пасмасского туски. Нечего брать столько, чтобы поить нас дерьмом! — Зычный голос принадлежал Варогону, будущему начальнику караванной стражи, которого нанял молодой холкун.

Невероятно, но они договорились встретиться в "Златом колосе" сегодня, конубл об этом забыл по причине разговора с Аснаром и вот, неведомая сила привела его сюда именно тогда, когда сознание было раздавлено и весило враскорячку по обе стороны головы.

Варогон был брездом. Скорее всего, это было его прозвище или ненастоящее имя. Каумпор знал, что имена брездов оканчиваются на "ыр" или "гт". Как бы то ни было, но Варогон был именно тем, в ком холкун больше всего нуждался. Это был старый воин, сослуживцы которого стояли пикетами вдоль всего Трапезного пути. Кроме того, внешний вид доказывал, что как воин он один стоит многих. Любимая всеми брездами секира висела за его поясом, а два других страшных предмета — короткий меч и палица — крепились за обмотками на голени. Его рост делал это оружие миниатюрным.

— Чего уставился, садись! — грохнул по столу воин.

Каумпор машинально сел.

— Вот скажи мне, — тут же насел на него брезд, — сколько будет, если я выпил вот столько кружек, — он указал на зарубки на краю стола, их было семь, — если считать по цене... ну, как это... если вычесть?..

— Сложить.

— И я говорю, сложить. Сколько будет?

— Семь на серый деб — семь серых дебов.

— Хорошо. А ежели я отдал деб красный.

— Откуда эт у тебя красный, — спросили с соседнего стола.

— Не влезай, — громыхнул по столу Варогон, — не твое дело. Сколько? — посмотрел он на холкуна.

— Двадцать четыре минус семь — семнадцать будет...

— Обдурил, — заорал брезд. — Мать жежь твою так, обдурил! — Он вскочил на ноги и вытащил палицу. Подошедший Проти побледнел.

— Ничего я... — пролепетал он. — Ты не платил еще, Варогон. — Он почти расплакался.

— Обдурил. Меня обдурил, — бесновался брезд.

— Я не... мог... ты еще не платил...

— Не ты! Тот проклятый трактирщик. Там на Кожедубном тракте!

— О чем он говорит? — Заговорили присутствующие. — Про Дубильный тракт речет. Попутал с Кожедубным... Так нет же Кожедубного и не было никогда. Поперепутал, говорю же...

От брездского ора голова у Каумпора разболелась так, что слезы выступили на глазах. Он зажал голову между рук, сидел так некоторое время и неожиданно подскочил.

— Сядь! — заорал он не своим голосом. — Сядь, я сказал!

Варогон замер с открытым ртом. В харчевне повисла тишина.

— Мы будем говорить сейчас. Свои долги раздашь потом! Сядь! — приказал холкун.

Брезд с неудовольствием повиновался.

****

Караван, какого еще ни разу не видел Фийоларк выходил за его стены. У ворот собралась внушительная толпа провожающих и просто зевак. Они с восторгом смотрели на бесконечную цепь груххов и коней, вытянувшихся вдоль улиц.

Каумпор все это время сидел у себя дома на верхнем этаже и смотрел на таблички, разложенные на столе. Их предстояло еще раз пересмотреть, а после передать младшему брату с наказом получше их припрятать.

По таблицам выходило, что в путь выходят почти пять тысяч олюдей. Из них более четырех тысяч стражников. Эта внушительная сила была теперь под его командованием. Быстросчет еще раз оглядел пространство перед собой.

— Карту, — приказал он и брат, стоявший неподалеку, тут же подал ему пергамент.

Развернув ее, Каумпор увидел перед собой земли Владии с обозначением городов, равнин, лесов, замком, рек и горных цепей. Великие воды были выкрашены синим так искусно, что и впрямь походили на воду. В них плавали диковынные рыбы с большими острыми, похожими на кривые ножи зубами. Холкун невольно загляделся на карту.

Из задумчивости его вывел протяжный зевок Борпора — третьего сына Теллиты, его брата. Это был худощавый нескладно скроенный холкун, глядевший на него широко

открытыми честно-наивными глазами. Каумпор уже прозвал его про себя вечным помощником. Не было в нем хитринки — не быть ему впереди каравана. Честность не доведет караван ни до чего хорошего.

— Убрать, братец? — обратился к нему Сатепор, укладывавший таблички в богато украшенный ларь.

— Убирай, — разрешил Каумпор. Он сосредоточился на карте и пометил на него город Карларк, как место нежелательное для приближения.

Конубл внимательно рассматривал нити-тракты, помеченные на карте. Его брови то незаметно съезжались к переносице, то, вдруг, вспархивали и взлетали на середину лба, то распрямлялись и покойно опускались на прежнее место.

Он пометил место где нужно будет свернуть, чтобы избежать случая оказаться на пути у наступающих на Карларк войск. С другой стороны, обходить Карларк с юга было нельзя, там были прибрежные земли саараров, кои те получили после воцарения во Владии оридонцев. Надо сказать, саарары не просчитались: оридонцы достойно одарили своих союзников — саарары в эту пору процветали на морской торговле.

Холкун вспомнил, что много лет назад кто-то говорил ему о восстании саараров против оридонцев. Но вроде бы это бывший боор Владии Глыбыр совратил предводителя саараров на мятеж за что и поплатился.

— Карту? — в очередной раз вывел его из задумчивости Сатепор.

— Нет, оставь. Буду держать при себе. Борпор, тебе отдаю карту, как старшему после меня. Никому кроме меня не отдавай ее.

— Понял, братец, — Борпор принял сверток пергамента как реликвию, как нечто настолько ценное, от прикосновения к чему трясутся руки.

Вот так всегда, заметил это Каумпор, глупость порождает пиетет. Однако не было бережливее холкуна в городе, чем Борпор.

Между тем, Борпор аккуратно завернул карту в тряпицу и положил себе в заплечный мешок.

— Пора, сынки, — размашистым шагом вошла в комнату Теллита. Мать с гордостью и слезами на глазах оглядела сыновей, шмыгнула носом. — Обряд начнем внизу.

Обряд провожания в дорогу был длинным и красочным. Все действие Каумпор провел в размышлениях. Только сейчас он действительно осознал, как его мысль, его задумка привела в движение громадные силы. Они будут очень долго вытекать из города вместе с караваном.

Во дворе холкуны вскачили на коней и по узкому выезду между домами вереницей вышли на городскую улицу. Их провожали все соседи. Им кричали восхваления, пожелания счастливого пути, их благословляли, за них молились, из-за них плакали.

Холкуны ощутили вдруг необычайную теплоту своей прежней привычной жизни. Ее устроенность. Ее уют.

Все знали их. Они всех знали. Здесь, на этой улице, в этом городе их любили, им готовы были помочь. Они были своими.

Тепло, которым их одарили соседи, друзья и близкие сопровождало их до самых ворот, но там оно было вмиг сдуто холодным восточным ветром врывавшимся в открытые створки и дышавшим в лица выходящим хладом опасной суровой действительности.

Братья переглянулись между собой, надели шлемы, оправили легкие доспехи, проверили топоры, палицы и мечи в ножнах, и, понукая коней, выехали за городскую стену в хвосте каравана.

— Впереди все чисто, — подскакал к ним Ирпор. Он тоже был закован в холкунскую броню с надвинутой на лицо железной маской, изображавшей разинутую пасть зверя. Брат Каумпора тяжело дышал. Чувствовалось, что он устал. С раннего утра он пребывал в седле, его одежда покрылась толстым слоем пыли. Однако он был доволен. Порученное братом дело было сделано. Караван вышел на Трапезный тракт и пошел по нему.

— Призовите мне Варогона, — обратился Каумпор к братьям. Самый младший, Сатепор, тут же поскакал вдоль каравана искать брезда. — Бор, подай карту. Ир, приблизься. Смотри. Вот сюда мы можем идти не опасаясь, но отсюда начинаются владения Желтого Быка. Пусть караван займет всю тропу. Надо стянуться так, чтобы мои воины легко добрались от главы до его хвоста. Дам тебе десятка два воинов и не давай никому из встречных ехать в лоб. Пусть сворачивают. А здесь, видишь, свернем.

Ирпор кивал в такт словам брата и не отводил взгляда от его указательного пальца.

Послышался топот и к Каумпору подлетел Варогон на боевом груххе.

— Ты призывал меня, — прогремел он.

— Да, приблизься, — и холкун обсказал и показал ему на карте то же самое, что и Ирпору.

Старый вояка согласно хмыкал.

Первые четыре дня пути прошли без происшествий. Часть каравана свернула и скрылась за городскими воротами городов Маларка и Палларка. Но оттуда навстречу каравану вышли несколько купцов. Произошел краткий, но ожесточенный торг и караван принял в себя товары этих двух городов. Подобного Каумпор не просчитывал, но неожиданность была приятной и прибыльной.

Солнце пятого дня уже начало припекать, когда десятки рук потянулись вправо, указывая на что-то далеко в поле. Это старые торговцы обучали своих сыновей, племянников, младших братьев, а иной раз и внуков распознавать знаки.

Далеко от дороги прямо во чистом поле стоял невысокий шест с белым бычьим черепом, притороченным сверху. Рога быка были натерты до блеска. Сильный ветер, носившийся по равнине, слегка покачивал череп и казалось, что он то согласно кивает путникам, то отрицательно качает головой.

Каумпор отцепил от пояса рожок и длинно задудел к нему. Из головы колонны ему ответил точно такой же рожок. Караван несколько замедлил шаг и стал толстеть, занимая полностью весь тракт. Послышался топот копыт и тяжелая поступь груххских лап — отряд воинов выдвинулся вперед.

— Что случилось, Каум? — подъехал встревоженный Илло.

— Ничего не случилось.

— Там переполох.

— Этот переполох для того, чтобы ничего не случилось. — Холкун отвернулся от товарища и обратился к Сатепору: — Скачи к Варогону, скажи ему пусть проверяет каждую рожицу, каждый куст задолго до подхода каравана. Знаю, Желтый Бык любит наблюдать

оттуда.

Солнце еще не перевалило зенит, когда волнение прошло по телу каравана. "Смотри, смотри!", неслось со всех сторон. "Не уловят! Быстрый, чума его пробери!"

По полю мчался одинокий всадник. За ним несколько несколько караванных стражей.

— Каум, останови их. Он ведет их в ловушку. Останови сейчас же! — закричал холкуну кто-то из каравана.

— Варогон, останови их, — тут же приказал он. Взревела труба и преследователи отстали.

— Каум, — подъехал Илло, — пора тебе становиться в голову. — По его встревоженному виду конубл понял, что произошло нечто необычное. — Погляди сам, — понял его немой взгляд пасмас.

Грухх холкуна побежал в голову каравана.

Каумпор обомлел, когда из-за спин столпившихся впереди солдат разглядел небольшую армию разбойников, которая медленно выезжала словно бы из-под земли и перекрывала дорогу колонне. Их было не менее двух-трех тысяч. Впереди восседал сам Желтый Бык в шлеме-бычьей-черепе на голое. Он сгорбившись, лениво, сидел на большом груххе, поигрывая палицей и смотрел на Каумпора.

Сердце екнуло в груди у холкуна. Ранее он ввязывался в небольшие предприятия, а потому и спрос с него был малый, теперь же он, сам того не подозревая, ввязался не просто в торговлю, но в политику. Трагизм его положения состоял в том, что он был торговцем, но не политиком. И все, кто был с ним также были торговцами — мелкими торговцами — но не политиками.

— Что будем делать, брат? — с дрожью в голосе спросил Ирпор. Он быстро облизал пересохшие губы.

— Посмотрим, — давя в себе страх, проговорил Каумпор. Во рту мигом пересохло. Захотелось пить так, словно за всю жизнь свою он не выпил ни капли влаги. Руки и ноги начали холодеть и неметь. — Посмотрим, — еле слышно выдавил он уже себе под нос, для себя.

— Множество их, — подъехал к нему Варогон.

Быстросчет взглянул на него и невольно поразился. Опасность преобразила внешность брезда. Перед ним сидел не вальяжно солдафонистый вояка, но собранный в единую тугую мышцу полководец.

— Делать чего думаешь?

— Откуплюсь, — глухо прохрипел Каумпор. Его начинало трясти и, если бы не доспехи, все заметили бы это.

— Много их, — брезд хмуро посмотрел на холкуна и... улыбнулся. Улыбка была дружеская и успокаивающая. На Быстросчета она произвела примерно такое же впечатление, как если бы ему улыбнулся Зверобог. — Много их, но и у нас не пруттики в руках. За твоих доходят я не поручусь, а за моих воинов будь спокоен.

— Сколько вас? — с надеждой спросил Каумпор.

— Восемь сотен.

Дрожь снова стала подступать к горлу холкуна.

— Поедем, — проговорил Варогон и хлопнул грухха холкуна по крупу.

Они выехали вперед и, проехав шагов сто, остановились. Им навстречу выдвинулись двое от разбойников, среди которых был Желтый Бык.

— Я помню свой первый бой, — неожиданно заговорил брезд, следя за тем, как всадники медленно движутся к ним. — Я помню, как холод поселился внутри меня. Голова стала тяжелая. — Холкун почувствовал, как и его голова начала тяжелеть. — Тогда смотрел я не вперед, а внутрь себя и видел только ужас. Руки мои ослабли, а пальцы едва не выпустили палицу. То был мой первый страх.

У Каумпора дико заболела голова. Каждый шаг приближающихся воинов отдавался болью в его животе.

— Я помню свою первую схватку, где я направлял воинов, — продолжал брезд. — Тогда наше число было равно числу врагу. Мне вспомнился мой первый бой. Я вспомнил его потому, что моя голова также начала тяжелеть, а руки не чувствовали оружия. Удивлен я был, ибо это был второй точно такой же страх. Он был страшнее первого, хотя боялся я одного и того же, схватки. Боялся схватки, хотя уже много раз бывал в битвах. Но тогда, второй раз, я боялся схватки не оружием, а с хитростью врага, ибо я тогда был уже не воином, но мыслью моего отряда. Спиной чувствовал, как десятки глаз смотрели мне в спину. Они были готовы делать, как скажу я. Они готовы были погибнуть, если я ошибусь. Второй раз я боялся не битвы, я боялся ошибки. Своей глупости боялся... это самое страшное теперь стало.

— А-а, Каум из рода Поров, — подъехали всадники. Говорил тот, что с черепом быка на шлеме. — Давно ж я тебя не видывал на этой тропе! Чего же ты проходил мимо?

— Дела вели меня в другие города, достопочтенный Бык, — помедлив, начал говорить холкун, — но вот я... кхм... пред тобой.

— У тебя, никак, горло запершило? — насмешливо осведомился Желтый Бык. Он приподнялся на груххе. — Как посмотрю, боги благоволят тебе. Таким караванов никогда не приходилось мне встречать. А? — Он покосился на своего спутника. Тот кивнул и гыгыкнул. — Куда идешь?

— К Холведской гряде. Пройду весь тракт от начала и до конца. Сулит это хорошую прибыль. Готов делить ее. Не жаден... кхм... знаешь ведь...

— Не жаден, знаю, — разулыбался Бык. Нижняя часть его лица, видимая холкуну расплылась в оскале, обнажив прогнившие редкие зубы. — Сколько отдашь?

— Пятьсот дебов сейчас. На обратном пути полторы тысячи.

— И-и-и, — поморщился Бык. — Меньше одного деба за тюк? Не так я думал про тебя.

— Когда сложить, то оно...

— Я не умею считать, — перебил его разбойник. — Сколько у тебя здесь тюков? Я думаю, не меньше... — Он задумался. — Пяти тысяч.

— Нет! — вскричал холкун и его изумление было естественным, ибо тюков было почти восемь тысяч, но разговор о деньгах оказал на торговую душу быстровосстанавливающий эффект. В голове тут же просветлело. Отойдя от запугивания в сферу цифр и торга Бык, сам того не зная, стал играть на поле Каумпора. — Не будет и трех тысяч!

— А я возьму за пять, — склонился к нему Бык. — По два деба за каждый, — добавил он без тени улыбки и дружелюбия.

— Отдашь сейчас, — вмешался его товарищ, беря своей громадной пятерней холкуна за руку.

Неожиданно поверх его пятерни легла еще большая пятерня Варогона. Она сжала руку разбойника так, что она захрустела. Незаметным движением разбойник снял с пояса кривой нож и попытался ударить брезда, но клинок ножа звякнул о железное древко палицы,

которую Варогон выставил перед собой. Все это он проделал бесстрастно. Разбойник разжал руку и притянул к себе.

— Не смогу по два деба, Бык, — проговорил примирительно Каумпор, на которого немая сцена произвела удручающее впечатление. — Нет у меня столько.

— А сколько есть?

— Полторы тысячи на весь путь.

— Ну вот, а ты говорил, что только пятьсот...

— Пятьсот это...

— Пять тысяч на два, это сколько будет? Каум, ты же умный? Как там его называют? — Желтый Бык обернулся к примолкшему собрату.

— Быстро... что-то там, — фыркнул тот.

— Посчитай. Сколько будет?

— Десять тысяч, — сказал окончательно раздавленный холкун. Впервые в жизни ему предлагались условия, на которые он не мог пойти, и Каумпор не понимал, почему Бык, опытный разбойник, хочет взять столько, что подобные караваны больше не пойдут по Трапезному тракту. — Бык, ты же знаешь, что не смогу я отдать тебе это, — наконец, решился он противоречить, но это было не от храбрости, а от отчаяния.

— Отдашь, — улыбнулся тот.

— Слишком много это. Я ра... разорюсь, — в голосе холкуна уже прозвучала мольба.

— Отдашь. — Бык сделал вид, что задумался и сделал вид, что его взгляд просветлел. — Давай договоримся так. Сколько ты сказал у тебя есть?

— Полторы... полторы тысячи. — Дрожь стала проходить. Каумпор вдруг на что-то понадеялся.

— Полторы тысячи. А нужно еще сколько для меня?

— Восемь тысяч пятьсот.

— Во-о... много! Я тут подумал и додумался. Ты мне это все можешь тюками отдать. Сколько это тюков?

— Не знаю, — мир рухнул перед глазами холкуна. Ему показалось, что земля перевернулась и заняла место небосвода.

— Что? Чего ты молчишь?

— Нужно посмотреть, чего в каждом положено... Подсчитать трудно будет. — Мир кружился перед глазами конубла. Ему хотелось закрыть глаза, выдохнуть и исчезнуть.

— Правильно он говорит, — неожиданно вмешался Варогон. — Это справедливо.

— Гы-гы! Вот видишь, торгаш, даже твой страж говорит, что я справедлив. — Бык одобрительно посмотрел на брезда.

— Отдай им тюки, — Варогон так похлопал холкуна по спине, что у того скелет чуть не просыпался в штаны.

— Я согласен, — выдавил из себя Каумпор. Перед его взором стояло лицо Аснара. Это лицо, он знал, будет последним лицом, которое он увидит в своей жизни едва прибудет в Фийоларк. Предприятие провалилось. "Куда бежать?!" — недоумевал где-то в глубине себя холкун. — "Он везде сыщет! Куда бежать?"

Они вернулись к каравану. Торговцы по лицу Каумпора поняли, что произошло нечто непоправимое. Уже через минуту в караване разгорелась ссора. Спросили о том, чье и сколько ссужать разбойникам. Эта склока грозила перерасти в поножовщину, но Быстрочет остановил крик. Он пребывал будто бы во сне. Происходившее представлялось гулким,

неясным и простым.

— Я отдам свое, — проговорил он. Перед глазами его расходились разноцветные круги — Все отдам свое. Немного только добавьте. Я свое...

— Братец, — бросился к нему Ирпор, — братец, в себе ли ты! Что говоришь? Как же можно?!

— Правильно говорит он. Сам задумал, пусть первым и отвечает. Но я своего не добавлю, — донеслось из толпы торговцем.

— Братец, очнись же ты! Что делаешь с нами, братец?! — тряс Каумпора за плечи Ирпор, а у того в сознании билась только одна жилка-мысль: все пропало, предприятие загублено только начавшись. Как же хорошо оно началось! Как же хорошо...

— Из моего берите, — неожиданно долетел до слуха Быстросчета голос Илло. — Сколько там? Сорок? Берите сорок. — Он подошел к холкуну. — Каум! Каум, — позвал он, нахмурился и отошел.

Вселенная сузилась для Каумпора до размеров вытянутой руки. Во вне неслись какие-то шумы, дул ветер, сияло солнце. Ничего из этого не пробивалось в его мирок. Он был погружен в него словно утопленник в топкое болото.

Вдруг его тело сотрясли удары.

— Молодец! Ух и молоде-е-е-ц! Ха-ха! Как же надо было... придумал!

Со всех сторон его трясли, хлопали по плечам, а он стоял и не понимал, что происходит.

В этот момент громадная тень закрыла от него солнце. Холкун поднял глаза и увидел черный силуэт. Он заморгал и только тут разглядел забрызганного кровью Варогона. Сокрытое шлемом лицо его улыбалось.

— Подарочек тебе за усердие о нас, — проговорил он охрипшим от усталости голосом и бросил что-то под ноги торговца.

Тот посмотрел вниз и в ужасе отпрянул. На него смотрело лицо Желтого Быка. Глаза его были закатаны вверх, рот исказился вбок в предсмертной судороге, за зубами застыло кровавое желе внутренностей.

Мир со всей силой своих звуков, красок и запахов вмиг обрушился на Каумпора и вмял его в землю. Он вздрогнул и ошарашенно огляделся вокруг.

Его окружили десятки холкунов и пасмасов с широчайшими улыбками на лицах. Они смотрели на него с обожанием и шептали, что он молодец.

— Братец, братец! — Ирпор подошел и обнял его. Он тоже был запачкан кровью.

Быстросчет ощущал себя только что проснувшимся.

— Что? Что произошло? — спросил он.

— Все, как задумал ты, — похлопал его в грудь Илло. — А я уж распрощался с товаром. — Он от души расхохотался. Надо же... быстро как все сделано...

Каумпору подвели грухха. Он взобрался на него и обомлел.

Справа на поле лежали вповалку сотни убитых разбойников. Далее, у дороги, еще несколько сотен. Слуги торговцев ходили по полю, опасливо отпихивая трупы в сторону, вынимали из-под них тюки и сносили их обратно к каравану.

— Мы должны идти, — побелевшими губами прошептал Быстросчет. Он не мог оторвать взгляда от кровавого месива. Впервые в жизни он видел подобное. Голова снова закружилась. Тело пробил холодный липкий пот.

— Он говорит, мы должны идти. Не ждать отставших! — разнеслось по колонне.

Караван двинулся в путь и шел не останавливаясь до самого вечера.

Когда Владыка обратил долу свой белый глаз, холкун подошел к Варогону, сидевшему на тюке и при свете тресни точившему топор.

— Спасибо... ты знаешь, за что, — проговорил Каумпор тихо.

Варогон посмотрел на него из-под бровей.

— Сколько? — спросил он.

— Десять тысяч. Только тебе.

Брезд довольно кивнул.

— На всю дорогу. Не смогу каждый раз... — добавил Каумпор.

Варогон расхохотался: — Идет!

Холкун присел рядом. Голова была все еще тяжела.

— Как ты их? — спросил он.

— Тюки спутили и сложили в стороне. Как часть на них пошла, я всеми силами на оставшихся в поле навалился. Избил. Потом на тех, кто делить добычу побежал. Перебил и их. Вот и вся премудрость, — ответил брезд. Он приподнял топор, внимательно его осмотрел и пробормотал: — Не головы у них, а камни. Весь топор иступил.

Быстросчет вздохнул.

— Может быть, вернуться тебе? — спросил неожиданно Варогон.

— Куда?

— В Фийоларк.

— Нет... не... а почему ты так говоришь?

— Когда у тебя глазенки к макушке прилипают от вида порубленного мяса, тогда и я скажу, что ты не готов к пути. Поэтому вертайся в город. Оставь за себя Ирпора. Он хваткий. Порубил двух али трех пасмасов из войска Быка. Глаза на месте у него. Голова светлая. В такие дали с темной головой идти — верная смерть.

Холкун почувствовал, что краснеет. Даже слезы обиды выступили на его глазах.

— Это от неожиданности все... обычно... — попытался оправдаться он.

— То ли еще будет! — вздохнул Варогон. — Порой ум нужен, а не только моя смекалка. Хитер я, но не умен. Про то знаю. Ум у тебя есть. Видно. Только трус ты...

— Нет... не говори... как ты смеешь!.. — Холкун вяло защищался и ойкнул, когда огромная рука Варогона схватила его за шиворот, встряхнула и притянула к лицу воина.

— Не знаю, что вы там торгоши делите, — зашипел он. — Но я нанялся к тебе защищать от разбойников, а они ноне армиями ходят. Непривычно так ходят. Не ходят так разбоем, понял, — затряс брезд торговца. — Не услышал ты главного. Ждали нас здесь. Знали про нас. Не понял? — Он отпустил Каумпора.

Холкун отшатнулся, упал на спину, поднялся и закрыв рот рукой, чтобы не закричать, пошел прочь. Куда глаза глядят.

— Кто идет? — остановил его часовой.

— Я, — пискнул он. — Каумпор...

— Зачем туда-то. Опасно там.

— Оставь... оставь... — Быстросчета шатало. Он шел прочь от каравана, зажимая обеими руками рот, готовый изрыгнуть дикий крик. Пройдя с сотню шагов, он упал на колени, зажал голову между руками и повалился лбом в землю. — Боги, Владыка, уберегите... — шептал он как заведенный. Только теперь он окончательно осознал, что вместо того, чтобы с караваном уйти от политических игр трех торговых гильдий: Аснара, Линула и Мириула, он, приняв в караван капиталы Аснара, включил себя в передовые ряды

его сторонников и завел сам себя в самую гущу схватки.

****

— Я не хочу вам врать или что-то скрывать от вас. То, что скажу вам будет наше и только наше. Никому не говорите о моих словах.

Целый день пути, проведенный в покачивании на спине грухха; жаркое прибрежное солнце, нещадно пекшее с небес; пустынная дорога, по которой мерно двигались животные и олюди, — все это позволило Каумпору основательно поразмыслить над тем, что произошло вчера и что, как он понял, намечается в ближайшем будущем.

Его раздумья все чаще и чаще сводились к игре, которую очень любят холкунские мальчишки. Она называется неровность и камешки. Смысл ее заключался в том, чтобы при помощи специально сделанных округлых камешков первым обогнуть по кругу площадку сплошь усеянную препятствия и неровностями. Камешки катали ногтем среднего пальца так, чтобы они использовали неровности в свою пользу. Нужно было сбить с пути соперников, — лучше всего оттолкнуть их в глубокий угол — не дать сбиться с пути самому, и прогнать шарик несколько кругов. Всякий последующий круг шарик увеличивался в размерах и его было сложнее сбить другими шариками, меньшими по величине и весу.

Быстрочету казалось, что он самый маленький шарик. Теперь он это понял, хотя до вчерашнего дня мнил себя хотя бы вторым по величине с конца. Всего типов шариков было пять. Так вот он был вторым с конца, а против него выставили сразу два шара пятого типа. Как с ними биться, он понятия не имел. Привкус поражения, которое он ощутил вчера — горечь страха вперемешку с унижительной кислотой вынужденного смирения — холкун никогда не забудет. Он ощущал ее до сих пор на кончике языка. Иной раз он водил им по небу, чтобы напомнить себе. Это было невыносимо.

Варогон изредка подъезжал к нему и внимательно на него смотрел.

В первые два раза его подъезжания, Каумпору вдруг так сильно захотелось крикнуть ему "Что смотришь? Я уеду! Уеду! Не смотри!!!", но он перебарывал свое желание, переходящее в панику, стискивал зубы и молчал.

Если бы он был один — хотя один он никогда не был — тогда, возможно, он плюнул бы, развернулся и скрылся за ближайшим поворотом. Он мчался бы прочь и наслаждался своим предательством. И пусть бы его даже нагнали, пусть свалили бы наземь, напрыгнули и перерезали глотку. О, это было бы проще, чем нынешнее его тяжелое положение.

Сам себе Быстрочет казался приговоренным, которому донесли, что его ждет смерть, но забыли сказать, когда. Что смертный приговор свершится не вызывало сомнений. Мучила лишь неопределенность. Когда?

Изведя с равнин еще несколько оттенков зеленого, Владыка закрыл свой желтый пламенеющий глаз. На землю спускались сумерки. Караван, не в пример своему поводырю воодушевленный произошедшим расположился в стороне от дороги. Бесчисленные разговоры возбужденных горожан о вчерашней схватке уже обрастало небылицами.

Каумпор, Ирпор, Илло и Варогон — все те, кому суровая реальность даровала доверие холкуна, сидели в стороне от лагеря и смотрели в сгустившееся пространство. От ближайшей

рощицы поволокло легкой сизой пеленой. Пора туманов вступала в свои права.

— Мы не скажем, Каум, — дал обет за всех Илло. Он был польщен тем, что холкун призвал его и сидел гордо выпрямив спину, напряженно вслушиваясь в произнесенные еще слова конубла.

— Я верю вам, — ответил Каумпор и вонзил в землю кончик кинжала. Некоторое время помолчав, он принялся рассказывать им предысторию нападения и свои догадки. По мере его рассказа лица у слушателей вытягивались. Лишь у Варогона физиономия оставалась безучастной. Он внимательно изучал свой сапог, снимая палочкой с него крупички приставшей глины.

Наконец, холкун рассказал все, что знал, все, о чем подозревал.

— В нехорошее дело ты обернул хорошее, — клацнул языком Илло. Он выглядел растерянным. Быстросчету подумалось о том, что, наверное, таким же растерянным его видел вчера брезд.

— Нет в том вины твоей, братец. Отказаться ты не мог, — вступил в разговор Ирпор, — перечить Аснару... — И он передернул плечами. — Подумать о таком: сражения, столько порубленных — подумать о таком было немыслимо.

— Радеть надо не о том, что прошло, — прервал лирику Варогон. — Думать надо, что будет. — И он снова углубился в рассматривание своих сапог.

— Сказать надо иных конублам об этом. Они сами решат: с нами быть или назад идти, — предложил пасмас.

— Не выбор это, Илло, — покачал головой Каумпор. — Не останутся они одни на тракте. Привязаны к нам, сам знаешь.

— Ну когда нет надобности, то и не надо, — снова отсек начинавшуюся лирику брезд.

— Не караван получается, войско прямо-таки, — усмехнулся Ирпор. Он вытащил меч и стал им поигрывать, подбрасывая вверх.

— Верно сказал, — неожиданно проговорил Варогон. Его сапог с силой впечатался в землю, подняв клубок пыли. — Коли нас на такое поставили, то идти нам не как каравану пристало, но как армии.

— Что ты хочешь сказать? — не понял Каумпор.

— Многого хочу сказать, — огорошил его Варогон. — Думаю сейчас. С мыслями собираюсь. Только сбиваете своей болтовней.

— Мы помолчим, — хором отозвались холкуны и пасмас.

— Это хорошо будет, — и брезд снова ушел в созерцание носков сапогов.

Отрывисто крича над ними пронеслась ночная птица, шумно влетела в крону деревьев дальней рощицы и затихла там.

— Откуда знали они? — неожиданно спросил брезд ни на кого не глядя. Он поднялся на ноги и из темноты донеслось: — Нас встречали во всей красе и силе. Долго знали о том, куда идешь ты, Каум.

— Про то весь Фийоларк знал задолго до выхода, — ответил холкун. — Не знак это. Каждого из нас можно повинить в подобном знании.

— А ты знаешь, кого?

— Я предполагаю.

— Знаешь. Коли знаешь, кто враг твой, так и расскажи нам, как будет он действовать. Знаешь ли ты повадки эти ваших самых толстых торгашей?

— Нет. Всякий раз разное придумывают, — после долгого раздумья ответил Каумпор.

— То в городе, когда под боком все.

— Не понимаю.

С высоты, оттуда, где находилась голова Варогона донесся тяжелый вздох.

— Дурни вы и есть дурни. Знаете ли, отчего ваши города оридонцы брать не решились?

— Договорились мы с ними тогда.

— Вот то-то и оно. Говорю, что дурни. Великие дурни Владии вы...

— Прекрати нас оскорблять, — вскипел Ирпор. — Не забывай свое место.

— Не забываю. Только местами мы поменялись накануне. Про то вам неизвестно, как посмотрю на вас. Ты не беленись, Ирпор, не в унижение я вам говорю. Не умею красиво... как есть говорю...

— Прав ты про нас, — согласился неожиданно Каумпор, — прав! Говори теперь как можешь! Как на ум приходит!

— Первейше приходит, что вы дурни...

— Это мы уже слышали.

— Второе приходит: идти нам надо другой дорогой. Как свернем, так и пойдем разное.

— Что пойдем?

— Братец, погоди. По порядку надо. Варогон, не ответил ты, почему городов наших оридонцы не брали.

— Потому как город — это место, где все что хочешь можно сделать, переделать, заделать. Быстро все. Разом. Порою такое оружие покажут горожане врагу у стен, что диву даешься. Вот поэтому.

— К чему ты это упомянул? — не унимался Ирпор.

— Не знаю. Не помню.

— Мы про конублов великих говорили, а ты нас дурнями обозвал, — напомнил Илло. По его голосу стало заметно, что разговор казался ему необычайно занимательным.

— Вспомнил. Про города. Это то, как ты мне сказал, что разное они придумывают против тебя. Не прав. Разное не смогут. Про города. Не смогут разным тебя докучать, потому как разное на разнообразии водится. На равнинах можно только неравное... о, кишки Могга, косный мой язык!

— Понял я его, — проговорил Илло. — Сказать хочет, что страх у нас перед конублами такой, словно в городе мы. В городе многое они придумать могут — власть у них полная там. Здесь же этого нет. Несколько путей здесь да и все. Я правильно сказал, Варогон?

— Самое оно.

— Что же это для нас меняет? — снял с языка брата вопрос Ирпор.

— Что? — спросил Илло.

— Опять пример про войско приведу. Не могу иначе.

— Приводи.

— Когда конница идет, то против нее пики выставлять надо. Против пехоты плохи они. Так и всегда, там где конница ударит — там пикинеров ставлю, а где пехота пойдет...

— Понял, — воскликнул Илло.

— Все поняли, — сказал Каумпор. — Продолжай, Варогон.

— Узнать нам надобно, когда, откуда и кто ударит...

— А для этого?...

— ... для этого надобно нам далеко вперед отослать разведчиков, чтобы обходить заграды на нас. Но не только это.

— Что же еще?

— Бык нас после города ждал.

— Палларка. Да, верно.

— Ждал с армией. Не мог он ее загодя собрать, не зная про нас.

— А ведь верно, — поднялся от волнения на ноги уже и Илло. — Верно говорит брезд. Ух и умище! Великие конублы в каждом городе своих соглядатаев держат. Это может и наверное, но думаю, что точно держат. Когда мы...

— погоди, — резко выпрямился Быстросчет. Его ум скоро протянул нити-причины к телу-следствию вчерашней сечи.

— Тсс! — предупредил их Ирпор. Разговор стал слишком громким.

Все трое уселись и придвинулись друг к другу.

— В караване у нас, что ли, есть?

— То-то и оно. Это и сказать хотел.

— Точно так. Есть. Знаю теперь, что есть!

— Братец, как же так. Своих подозревать и не верить — хуже ж нет этого!

— Тракт это, Ир. Не доверяй даже и своим.

— Чего делать-то будем?

— А что армия делает, когда такое есть?

Все замолкли.

— Находим и голову с плеч.

— Как находите-то?

Повисла тяжелая и длинная пауза.

****

По дороге быстро мчался всадник. Копыта его коня поднимали тучи пыли, но он не обращал внимание на то, что выдавал свое присутствие на много полетов стрелы вокруг.

— Когда мы ждем их? — просил Каумпор у Ирпора.

— К вечеру должны нагнать нас. Ты видишь?

— Да. Дурные вести.

Всадник, меж тем, доскакал до передового разъезда стражей каравана, сказал им нечто, сменил коня и тут же ускакал обратно. Воин из разъезда бросился к ехавшему неспешно Варогону и что-то ему передал. Брезд обернулся и посмотрел на холкуна. Тот тут же повернул грухха во чисто поле. Там они и встретились.

— Впереди ожидают нас саарары в количестве немало. Стоят недобро. Частью прячутся.

Каумпор нахмурился. Значит, теперь не разбойки, а саарары. Отличий мало, но есть одно существенное. Саарары — союзники оридонцев и правят побережьем Владии. На них не навалиться всем валом и не смять, как Желтого Быка. Когда такая весть дойдет до саарарских владык у Великих вод, то тысячные армии двинутся в холкунские земли.

— Обходить будем, — сказал он и Варогон с готовностью кивнул. Ничего иного и не оставалось.

Жаль! До ближайшего города всего лишь полдня пути.

— Варогон, не дивишься ли тому, как придумано? — просил брезда Илло. — Не пускать нас в города.

— Дивно умны! — нехотя признал правоту пасмаса брезд.

— Мы будем умнее, — вдруг совершенно серьезно произнес Ирпор. Он стоял уставший. Смотрел перед собой тяжелым взглядом. Тем самым взглядом, который появляется, когда из головы уходит мальчик, уступая место мужчине.

Каумпор улыбнулся и потрепал его по шее.

— Будем, — сказал он уверенно. — Задумка то их. На всякий случай она. Второе препятствие нам, коли первое пройдем. Прошли мы его. Теперь вот это. Третьего не будет. Дорого для них такое. Хм... Пора нам исчезнуть. — Он поджал губы. — Сделаем так. Свернем с тракта и попробуем обойти их ночью.

— Знают они, что мы вот-вот должны появиться, — сказал Ирпор.

— Так и появимся. Коней мы забрали у Быка достаточно. Переложим на них тюки. Наполним пустые тюки... да хоть травой полевой и отправим к саарарам. Конублы пусть скажут, что караван ушел. Свернул.

— Тогда погоня будет.

— Известно, будет. Но к ночи не управятся за нами добежать. Когда же ночь...

— Что тогда, братец?

— Ничего. Иди и сделай так, как сказал. — Ирпор кивнул и отъехал. — Илло, — позвал Быстросчет, — призови мне Варогона. — Когда брезд подъехал к нему, Каумпор о чем-то зашептал ему. Тот хмыкнул, посмотрел на холкуна с одобрением и кивнул.

****

Саарары изнывали от жары. Небольшая роща, тощим краим своим подходившая к дороге и содержащая в себе полуразвалившийся трактир давно уж покинутый всеми обитателями, роща не могла сокрыть несколько сотен всадников. А потому некоторым из них приходилось изжариваться на солнце.

Они стояли здесь уже третий день. Их командир вальяжно развалился в самом центре рощи, где тень была самая сильная. Его храп разносился на всю округу.

Один из саараров смотрел на дорогу, тонувшую в небольших неровностях равнин, видимых только на большом пространстве. Его глаза слипались.

Вдруг, вдали показалось облачко пыли.

Подобно живительному прохладному дуновению, облачко это подняло с земли сотни саараров. Они оживленно переговаривались между собой, сбиваясь в кучки и старательно теснясь в тени.

Солнце садилось.

Караван медленно подходил.

— Не большой он, — сказал один из воинов.

— Где же? Большой! Хвост вон где, не видишь разве?

— Маленький он.

— Всякому свое.

— Да заткнитесь вы.

Караван подходил.

Храп в рощице резко прекратился и вскоре, протирая глаза на кромку равнины и леска вышел заспанный упитанный саарар. Его черные глаза опухли ото сна, а лицо еще сохраняло отметины брони и подложенной под щеку руки.

— Чего вылупились? — прокашлялся он. — На разграбление нам отдан он. Подпустите поближе да нападайте.

Среди воинов разнесся радостный шепот.

— Нельзя так, — подошел к главарю один из саараров. — Ежели холкуны прознают...

— Не прознают, кому не надо. А кому надо, знают. Режьте их.

Саарарская конница вылетела на дорогу и помчалась к каравану. Она налетела на него подобно вихрю и началась схватка.

Несчастные холкуны из Палларка метались в разные стороны. Они просили, умоляли, предлагали деньги, но их вырезали десятками, окрашивая сухую чернеющую в сумерках пыль тракта красными струями крови.

— Трава. В тюках трава, привеликий, — подскакал к командиру шайки один из воинов.

— Трава? Какая трава?

— Обычная. Равнинная. Пожухлая.

— Тащи тюк. Ого! Трава и впрямь. А ну-ка притащи мне кого по разговорчивее.

Ему приволокли умиравшего пасмаса. Тот держался за вспоротый живот и трясся в лихорадке.

— По-живее не было?

— Последний, привеликий. И этот скоро кончится. Спрашивай быстрее.

— Эй, ты. Холкун! Ты слышишь меня? Где караван? Он меня не слышит. Встряхните его.

Над равнинами разнесся дикий вопль боли.

— Теперь слышишь?

— Я слышу... слышу...

— Где караван?

— Он ушел... он свернул... он... а-а-а-а! — И холкун мертвым грузом обвис на руках воинов.

— Подох, — вздохнули они. — Чего делать?

— Бросьте его. Равнины пожрут его. Он сказал, что караван свернул. Но куда?

К нему снова подошел тот саарар, который отговаривал резать холкунов.

— По следам определить можно. Нужно идти туда, где они разошлись, привеликий.

— Сам знаю. Лень только. Разморила меня жара эта проклятая. По коням, саарары. Нам сегодня ночь не спать.

Все взобрались на коней и скоро поехали по дороге.

— Оставьте их. Полудохлые они, — прокричал привеликий воинам, которые пытались вести с собой захваченных коней. — Там больше найдете. — Он указал рукой за горизонт.

Никто из саараров не заметил пятерых всадников, лежавших с конями вдали от тракта. Они молча переглянулись друг с другом. Когда саарары скрылись из виду, всадники подняли коней и поехали собирать то, что осталось от каравана.

Между тем, саарары довольно быстро добрались до развилки, где разделились караваны

и свернули туда, куда вели многочисленные следы коней и груххов.

— Тяжело идут, — причмокнул привеликий, — много добра. — Он хихикнул. — Никогда не грабил так. Хи-хи!

Дорога под копытами их коней слегка поднялась вверх, а после весело сбежала в небольшую балку, по одной стороне которой шел редкий лес. На дальнем от саараров конце балки были свалены в кучу около сотни тюков. Конники невольно сгрудились у тюков.

— О-о!

— Ого-го-о! — донеслось с их стороны.

В тюках оказались дорогие ткани, зерно и еще много других очень дорогих в этих землях вещей.

— Оставим здесь, — махнул рукой предводитель. Он умел расставлять приоритеты. — Там больше найдется, — указал он впереди себя.

— Может оставим кого с тюками, привеликий.

— Не надо, они...

Он не успел договорить, когда расслышал гул. Когда он понял, что это за гул, его глаза округлились.

— К оружию! — заорал он. Вместе с его словами на краю балки появилась караванная стража. Она мчалась на саараров во весь опор.

— А ты сказал, что второй раз такому не бывать, — прокричал Ирпору Варогон. — Жадность нас всех объединяет!

Удар несущейся по склону конницы был страшен. Половина саараров погибла под ногами коней и груххов. Небольшой остаток пытался защищаться, но против брездов им было сложно стоять. Саарары бились насмерть и гроздьями валялись наземь. Остатки попытались броситься наутек, но с тыла на них вышли лучники из Томагларка.

— Кто вы? — орал во все горло привеликий. — Мы саарары. Вы ответите за свою дерзость. Вы... — Он захрипел. Стрела пробила его горло. Он повалился с коня.

***

Если долго бить по одному и тому же месту, то, в конце концов, станет не больно.

Каумпор уже не боялся. Не боялся ни того, что его караван разграбят в пути разбойники, ни того, что придется драться с саарарами, ни то, что его убьют еще каким-либо иным способом. Слишком долго он бил сам себя по сердцу и уму. Все! Они очерствели.

Он и сам бы не сказал, когда это произошло. Однажды ему просто стало нестрашно и он занялся выживанием каравана ровно так же, как и разбирал таблички у себя в кабинете на третьем этаже дома у т-образного перекрестка в Фийоларке. Жизнь его изменилась и холкун, через боль, кровь и невыносимую душевную муку преобразился вместе с ней.

Скоро перестанет отвлекать пыль, вонь и тяжесть похода под палящими лучами летнего солнца, думал он. В какой-то момент длинный, бесконечно длинный путь, растилавшийся перед ним показался ему даже уютным, совсем родным. Но чувство это, испугавшись своей смелости, быстро улетучилось, решив, видимо, вернуться к концу лета.

После того, как Варогон убедительно разложил своих убитых воинов одетых в одежды

разбойников посреди балки, предприятие Быстросчета вот уже почти месяц не претерпевало никаких неудобств, намеренно подстраиваемых кем-либо.

Сразу после стычки с саарарами из каравана попытался выбраться слуга одного из торговцев. Солдаты Варогона, сторожившие не столько караван, сколько врагов внутри него, тут же схватили беглеца.

Никто не заметил по-утру, что Каумпор на некоторое время исчез.

Истекающий кровью пасмас-предатель с отрезанными пальцами, ушами и лоскутами содранной кожи на спине рассказал холкуну о том, кто, зачем и для чего отрядил его в караван.

— Меня намеренно передали... очень дешево и он взял меня...

Каумпор подивился тому, настолько тонким был расчет Линула, ведь если верить этому несчастному, его продал одному из торговцев в караване холкун из гильдии Линула. Расчет был тонок: караван состоял из мелких торговцев; они были сильны своим числом, а потому экономили на всем, что было возможно, не ожидая удара со спины.

"Владыка", — холкун закрыл глаза и вздохнул, — "во что же я влез!"

— Много ли еще здесь таких? Ну, говори!

— Не знаю...

— Что ты должен был делать?

— Мне приказали оставлять в городах на нашем пути... — Он потерял сознание, но его быстро привели в чувство, отхлестав по щекам. — ... оставлять на пути... в городах... сколько воинов у нас... сколько товаров у нас...

— Как зовут тех, кому ты должен был оставлять такое?

— Не знаю... — Он снова потерял сознание. Его привели в чувство и повторили вопрос. — Наши встречи на углу у... дворца холларка... в каждом городе...

— Как ты узнал бы его?

— Кувшин... у левой ноги... с маслом...

— Что еще можешь рассказать?

— Больше ничего... не... нет... а-а-а-а... — Воин приподнял пасмаса и медленно вогнал ему под ребра кривой нож. Труп бросили там, где держали.

Быстросчет со спокойствием смотрел на скрючившегося от боли пасмаса. Он удивился, когда понял про себя, что ни одна жилка не дрогнула в нем, ни одна капелька пота не выступила на его теле, когда он смотрел как хладнокровно губят жизнь.

Он поднял глаза к небу. Оно было все такое же выщевше-синее. Такое же как вчера, да и позавчера. Всегда по лету. Он поворотил коня.

К нему подъехал брезд. Он восседал на груххе, покрытом вместо брони светлой материей.

— Зачем ты его сразу... Тихий? Возможно, он рассказал бы еще, — сказал холкун не смотря на брезда.

— Нек, — цокнул тот, что означало "нет". — Больше он ничего не знал. Он бы сказал что-нибудь ненужное. И без того известно, есть в караване такие же. И не мало. Я про то Булаве скажу.

— Передай Варогону, что хочу видеть его сегодня вечером. И еще скажи, Тихий... Как тебя зовут?

— Тебе зачем это?

— Не знаю, — признался холкун. — Проще так... когда знаешь.

— Цитторн, но тебе это имя ничего не скажет.

— Почему Тихим тебя зовут?

— Следопыт я. Сын следопыта. Дед у меня тоже следопытом был.

— Это хорошо.

— Не хорошо. Брезд не должен быть следопытом. Дремс должен. Брезд нет.

— Тогда зачем же?

— Аэх, — отмахнулся Цитторн. Он нахмурился и прекратил разговор, отъехав к Варогону.

Подъезжая к голове каравана, Каумпор увидел там небольшое столпотворение. Было похоже на то, как если бы змея раздула свою голову, продолжая ползти вперед.

— Что вам здесь, пасмасы? — спросил он, разглядев, что толпа состояла исключительно из пасмасов. Низкорослые торговцы, дергая себя за короткие грязные бороды, почесываясь и покашливая остановились и отошли прочь с дороги. Словно испуганные овцы они старались сбиться в как можно более плотную массу. Масса стояла, переглядываясь, молчала и глазами приказывала всем говорить за себя.

К Быстрочету подъехал Ирпор.

— Чего они? — спросил он.

— Не знаю. — Холкун обратился к торговцам: — Зачем отошли вы от товаров и меня отвели в сторону? Говорите же быстрее, караван идет.

— Говорить с тобой хотим, брат наш, — выдвинула масса какого-то пасмаса неопределенного возраста. Он был грязен от дорожной пыли, потен и вонюч настолько, что даже на расстоянии шести шагов смрад от него долетал до холкунов.

— Я слушаю вас, братья конублы.

— Не конублы мы, — донеслось смущенное со стороны массы.

— Конублы вы для меня. Потому как многое мы пережили вместе. Конублы вы для меня! — Каумпор и сам не знал, зачем льстит, но какое-то внутреннее чутье заставляло его делать это. Нехорошее предчувствие зарождалось в дальних уголках его сознания.

— Спасибо. Брат ты нам, хотя и не холкуны мы, — заговорил вышедший вперед.

— Назовись, — приказал ему Ирпор.

— Мукомол кличут меня. Мукомол... оно и довольно, — забормотал тот.

— Довольно этого для нас, — быстро заговорил Каумпор, перебивая своего брата и давая ему знак помолчать. — Говори, Мукомол.

Наступило молчание. Мимо проходили быки, лошади и груххи, обложенные со всех сторон тюками; скрипели телеги; позвякивала кольчуга стражи. Все в караване с любопытством посматривали на придорожное собрание.

— Уйти нам надобно, Каум, — проговорил Мукомол. — Не можетя нам более здесь. При тебе больше не хотим оставаться.

— Отчего покинуть хотите караван?

Пасмас снова замялся.

— Знаемо нами, что... препятствовать тебе будут. Не к добру такое. Торговля нынче и без того тяжела. А коли препятствовать, то и совсем невоготу будет... то... — Он оглянулся на массу. Она ему кивнула, правильно говоришь. — Потому вот, — договорил он более уверенно.

— Когда же... — начал было Ирпор, подумав, что его брат потерял дар речи.

— Идите, — разрешил Каумпор. Лицо его стало каменным. — Уходите, ежели вам то

выгоднее. Он повернул коня и хотел было влиться в караван, но пасмасы снова его остановили:

— Еще говорить хотели. — Мукомол покраснел так, что его глаза стали казаться белыми пятнашками на багряном фоне. Он осмелел: — Путь отсюда неблизкий. До Фийоларка далек. Дорога небезопасна.

— Воинов своих можете уводить с собой, — опередил его Каумпор.

— Спасибо на том, но... — Мукомол обернулся на толпу. — Просим мы тебя, привеликий, товар наш к себе принять, а нам дебов уплатить за него. — Пасмас дышал так, словно его прогнали по всем Синим равнинам из одного конца в другой и обратно. Он едва не падал от волнения.

Десятки глаз уперлись в лицо холкуна и ловили изменение положения каждой его мышцы. Но ни одна жилка не дрогнула на лице последнего.

— Нет, братья мои. Мой ответ, нет. Но не потому, что не хочу, а потому что не могу. Нет столько дебов у меня для вас. — Каумпор отвернулся от отвращения. Ирпора не было рядом с ним. Он не заметил, как брат исчез. — Ежели бы были, отдал бы, ибо не самое главное они для меня. Знаете вы.

— Знаем, — согласно закивали пасмасы.

— Мы не взяли бы деньги сейчас, дороги опасны... — Мукомол прикусил язык. Видимо, сказал лишнего. Быстрочет понял, что комедия долго готовилась пасмасами и была сыграна почти виртуозно. — Денег нам не надо. Пообещай нам, что отдашь по возвращении все д...

— Что ты говоришь?! — Резкий голос Илло ворвался в сдержанно-официозную беседу уставшего холкуна с хмуро-настороженными пасмасами. — Как твой поганый язык может говорить такое?! Ты, Мавуш, ты это говоришь?! Мне не верится! Ты ли это?

Мавуш Мукомол нервно облизнул губы и с ненавистью посмотрел на Илло.

— Не лезь в разговор не свой, Чистоплюй, — огрызнулся Мавуш и повернулся за поддержкой к массе. Та его поддержала.

— Пасмасы, вы предали нас? — возвысил голос Илло. Масса испугано посмотрела на караван, со стороны которого натыкалась на непонимающие взгляды. Если бы она могла, то в едином порыве сделала бы "тсс" на Илло. Но она не могла, а потому безмолствовала и злилась. — Пасмасы, вы знали на что идете. Знали или нет? Знали. Каум из рода Поров не скрывал, что предприятие его рискованное. Вы знали, что оно рискованное. Вы пошли, потому что торговля без риска ничто. Особливо в нынешнее время. Мы видели, кто поджидает конубла на тракте. Но видели мы, что может сделать конубл, если не один он. — Илло въехал на коне в самую толпу. — И что теперь? Чего вы испугались? Того, что еще не произошло? Кто-то вам сказал, что нечто может быть будет против каравана замышленно? И без слухов скажу вам, да. Да, ибо это дорога. Даже нищему на тракте опасно, ибо есть рубище на нем. Ежели нагому пойти по дороге, то и тогда она небезопасна, ибо есть жизнь при нем. Дороге всегда есть, что отобрать у путника.

Что вы боитесь потерять? Товар? Жизнь? Отвечайте.

— Жизнь, — отвечал ему кто-то.

— И потому отказываетесь от большого каравана под охраной и идете — сколько вас? — двумя дюжинами по тракту? Хороша задумка. Кто выдумал такое?

— Какое тебе дело до этого, Чистоплюй? — прорычал Мукомол. — Мы так решили.

— Не останавливаю вас, но отказываюсь от вас, — резко повернулся на него Илло. —

Отказываюсь потому, что по всем законам: божьим и олюдским, предатели вы и трусы. Даже когда воин бежит с поля боя, потому что его армия разбита, даже тогда он меньший трус, чем вы, ибо бежит от свершившегося. Вы же предаете перед домыслом, перед слухом.

Пасмасы, вы знаете меня. Пусть вы меня все ненавидите, но никто из вас не может назвать меня бесчестным. Да, моя кровь грязна. Ничейный я, но ранее причислял себя к вам ибо видел, что вы смогли выбраться из копошения в грязи у ворот холкунских городов. Торговля далась вам. Счет дался вам. Знал я, силы есть в моем народе... гордые силы. Как же мне больно сейчас, когда бежите вы от призрака, боитесь тени; и как же мерзко мне слышать, что вы требуете холкунов оплатить вашу трусость. Вот мои деньги. Здесь все, что имею я. Держите! Я бросаю вам на землю ибо недостойны вы брать с руки... — Илло швырнул дебы на землю, поворотил коня — Каумпор увидел на его глазах слезы — и бросился на нем прочь от торговцев.

Масса смотрела ему в след смешанным взглядом.

— Хорошо, — проговорил спокойно Быстросчет. — Я уплачу вам ваше, когда прибуду назад. Уплачу за каждый деб два деба. — Он презрительно скривил губы. — Три деба за один ваш.

— Проставь клеймо свое, — протянул ему табличку Мукомол. Он говорил так, словно бы ничего не произошло. Каумпор приложил печатку и поскакал следом за Илло.

****

— Илло, поговори со мной. — Быстросчет обнял пасмаса за плечи и притянул к себе. Тот воротил в сторону мокрые глаза. Его лицо стало маской с плотно сжатым ртом. Вот уже ночь и целый день он ни с кем не разговаривал. Был сам не свой. — Не суди свой народ по ним. Не так это. Есть среди него...

— Зачем ты врешь мне? Зачем врешь?! — резко повернулся к нему Илло. — Я распрощался со своими выдумками, и ты не держись за них. До последнего держался я, но не надо более этого. Боги порешили так. Не исправить их задумки. — Он поднялся на ноги, но Каумпор снова усадил его на место.

Ночь опустилась на равнины. Светлая ночь середины лета. Ночь звенящая стрекотом цикад и множества других невидимых обитателей. Этот концерт ласкал слух после глухой тяжелой тишины жаркого дня. Равнины жили. Ничто не могло их убить.

— Быстросчет, нужен ты мне, — подошел к ним Тихий. Он отвел холкуна в сторону, где его уже поджидал Варогон.

— Зачем отпустил их? — спросил тот.

— Порешили они так. Пусть идут. Неволить не буду.

— Третьей дороги нет. Понял ли?

— Нет.

— Среди них есть соглядатаи... этих... из вашей дыры... хол... хол...

— Хол-конублов, — подсказал Тихий.

— Куда мы теперь свернем? Покуда шли безбоязно. Сам знаешь, почему. Не знавал про нас никто в этих местах.

Только тут холкун понял, какую совершил ошибку. Холодный пот пробил его.

— Чего делать будем-то? — спросил Варогон.

— Не знаю, — прошептал Каумпор и без сил опустился на землю. Только-только все наладилось и он, сам не зная, почему, проявил благородство — даже не это, он сделал так, чтобы ощутить себя выше них — и отпустил пасмасов, вскрывая путь следования каравана.

— Мы еще можем их нагнать, — предложил Цитторн. Он многозначительно звякнул мечом.

— Да, — быстро согласился холкун.

— Нет, — удивил всех Варогон. — Они ушли со своими стражами. Не менее двух сотен их. Не могу я отсылать за ними меньше. Сперва окружить их надо, чтобы никто не прорвался.

— Мы остановимся и будем ждать, — скороговоркой с надеждой проговорил холкун.

— Два раза Владыка желтое око сомкнет прежде, чем вернутся воины. Не возможно такое. Мы почти у границы Прибрежья идем. А ну как саараров повстречаем? Чего тогда? Воинов у меня и так всего около трех тысяч. Из этих почти шесть сотен кругом каравана идут. Охраняют. Высматривают.

— Не дело это, — согласился уже и Цитторн.

— С тракта сойти надо, — проговорил Каумпор.

— То-то и оно. А куда? Уморишь скотину, коли потащишь ее по полям. Ноги переломает. Падежь будет.

Трясущейся рукой холкун отер пот, выступивший на лбу. Всего несколько минут назад ему казалось, что он ко всему привычный; еще днем ему чудилось, что он достаточно силен, настолько силен, что мог себе позволить быть благосклонным к струсившим пасмасам.

Мгновение и все прежнее самообладание было разрушено. За спиной снова вставал черный образ саарара с занесенным мечом.

Каумпор поежился и усилием воли взял себя в руки.

— Будем идти быстрее. Будем идти и ночью тоже. Один город пропустим. Сразу к следующему выйдем.

— Взбунтуются конублы, — проговорил Варогон.

— Вот тогда вы вступитесь за меня, — отвечал холкун. Неожиданно его накрыла волна злости. — А ежели перечить будут, останутся в стороне... лежать!

Воины с ухмылками кивнули. Уходя, Быстрочет услышал полусмех-полушепот Цитторна:

— Дорога выкует из него хороший клинок!

Илло сидел там же, где Каумпор его оставил. Его скорбь показалась теперь холкуну пустой, мелкой и даже какой-то вызывающей. Он снова разозлился, но осадил сам себя. Не время!

— Илло, донеси по каравану, чтобы силы берегли. Ночами идти будем.

Пасмас отрешенно кивнул.

— Зачем я тебе... теперь? — спросил он. — Пасмасы предали тебя. Я такой же как они. Я ведь тоже могу предать. О, боги, как же стыдно! — Он зарылся лицом себе в колени.

— Ты говоришь глупые вещи, Илло. Ты не такой как они. Главное доказательство для меня — их ненависть к тебе.

— Заметил? — донеслось из-за коленей.

— Нельзя не заметить. Ненавидят тебя, потому что ты лучше их. Они знают это. Отчегс

же ты не признаешь.

— Страшно.

— Что же тут страшного?

— Одному остаться страшно, — поднял голову Илло. Он внимательно посмотрел на Быстросчета. — Не представишь ты себе это, но попробуй. Когда не при чем ты; когда не при ком. Один. — Он отвернулся. — С самого детства это со мной. Давно. А привыкнуть не могу. Желая я прибиться к чему-нибудь. Быть с кем-то. Не поймешь ты, Каум!

— Да, не пойму, но...

— У тебя есть семья. Род у тебя есть. Есть те, кто руку тебе протянет. Кому ты свой. Кому ты скажешь, нет, а он тебе не укажет, прочь иди. Не такой я. Разница в этом, Каум. И сегодня я ее наконец-то всю понял. — Пасмас сглотнул подкативший к горлу комок. — Сколько зим подход я к ним искал. Делал все, чтобы стать при них, как при своих. Приняли меня. Вроде бы... Но едва, нет, сказал им... указали мне, чужой ты, пошел прочь... Кому верить, Каум?! Кому?!

— Мне верь. Ирпору верь...

— Вы холкуны, Каум!

— Что же с того? Мы любим тебя как брата!

— Нет, не говори этого. Не верю... Не обессудь, не верю я... сам в это не верю... ты правду мне говоришь, я знаю, но я... Я!.. не могу поверить. Там, внутри не могу... — Он поднялся на ноги. — Я тоже уйду. Мне здесь больше делать нечего.

— Если ты уйдешь вот так, когда нет причины, кроме неверия в себя, то ты вдвойне предатель, — раздался голос из темноты и в круг света от рочиропса вошел Ирпор. Он очень изменился за эти два месяца. — Две большие луны назад я бы понял тебя. Сейчас, нет. — Холкун оправил кольчугу и сел. — Ты сам сегодня назвал их предателями. Но их предательство понятно: трусы они и берегут свои жизни. Твое предательство никогда не примут боги, потому как нет ему оправдания. Ты оставляешь нуждающихся в тебе не по велению сердца, не по велению живота своего, но потому что предал себя. Сам себя предателем считаешь и думаешь, что только поэтому не нужно здесь быть. Думаешь, себя предал, так и их обязательно предаю. Так думаешь? Коли так, то ты предал и себя, и нас.

— Да, — прошептал, подумав, Илло. Он безвольно опустился на землю.

— Когда же предать нас хотел? — спросил в упор Ирпор.

— Не хотел, — растерялся пасмас. — Не хотел я, — он с мольбой посмотрел на Каумпора. Тот кивнул ему и улыбнулся.

— Ты с нами теперь. Упокой душу. Дорога сделала нас одного рода-племени. Саарары ли, разбойники ли нападут на нас, будут резать всех без разбора. Тракт — вот теперь наша родина. Тракт — это теперь твой род. Вот оно твоё племя, — Ирпор указал на расположившийся вокруг них караван. — А мы братья тебе. Все. Навеки.

****

Всадник скакал низко пригнувшись к шее коня. Хлопья пены слетали с губ животного; глаза его были навывкате от натуги, а бока ходили ходуном.

Полузакрытые глаза всадника остекленело смотрели на убегающую мимо избитую колесами телег, копытами и ногами путников дорогу. Он отрывисто и кратко дышал. Все его силы ушли на то, чтобы вцепиться в гриву коня, зажать его бока своими ногами и не упасть.

Пространство вокруг казалось ему безбрежным; скачка бесконечной, а время заставшим. Неизвестно, о чем он думал, но по лицу его пробежали тени воспоминаний. Порой оно расцветало и румянилось — наверное, он вспоминал что-то из семейного или из детства; порой лицо словно бы покрывалось тенью.

Ветер доносил ему голоса и песни, которые он когда-либо слышал. Они звали его, ласкали его слух, бередили сердце. Но дорожка, одинокий след от слезы давно высох на его грязном от пыли лице. Больше не было сил плакать; не было сил ни на что.

Конь нес его вперед, выбиваясь из последних сил.

— Тпру-у-у!

Он даже не услышал голоса. Лишь заметил, как земля стала медленнее бежать прочь, а после и вовсе замерла, слегка раскачиваясь в стороны. Он увидел ноги грухха. Сильная рука впиалась в его шевелюру и грубо приподняла голову. Синий небосклон оказался сокрыт за широким, хотя и отощавшим лицом воина.

Губы обессилевшего всадника тронула улыбка.

— Погляди. Знакомая рожа, — сказала лицо воина.

— Да эт же те, которые отвалились от нас. У-у, трусы.

Всадник продолжал улыбаться.

— От кого улепетывает он?

— Не знаю. Но неспроста это. Скорее его к Тихому отвезем.

— Я здесь останусь доглядывать, а ты вези. Потом возвращайся.

— Верно речешь. Так и поступим.

Дальнейший путь проходил как в тумане.

— Мукомол, — донеслось словно бы издалека до сознания пасмаса. Он открыл глаза.

— Пить, — казалось ему, прокричал он.

— Чего он шипит?

— Пить вроде...

Ему дали напиться.

— Говори, чего возвратился к нам? — перед взором напившегося проявилось лицо Илло. Он спокойно смотрел на него. — Говорить-то можешь?

— Могу, — выдавил из себя Мукомол. — Погоня... за нами...

— Погоди. — Лицо Илло исчезло. Через некоторое время оно снова появилось вместе с лицом Каумпора. — Продолжай.

— Погоня...

— Кто? — спросил холкун.

Беглец вглядывался в знакомое лицо, словно бы не узнавая его. За несколько прошедших дней оно стало каким-то старым. Глубокие морщины прорезали его. Взгляд стал еще более тяжелым. На переносице пролегка еще более четкая складка.

— Кто? — повторил Каумпор требовательно.

— Саара... ры...

— Сколько?

— Ар... армия...

Стоявшие рядом с ним Быстрочет, Ирпор, Илло, Варогон и Цитторн переглянулись.

Никто не ожидал, что торговцы из Фийоларка смогут нанять целую конную армию саараров.

— Изничтожить... нас... вас...

— Ты же сказал, что не осият они? — Варогон повернулся к Каумпору.

Последний и сам был ошарашен. Неужели он такое дело затеял, что дабы его уничтожить конублы готовы приложить столькие силы.

— Нет... нет... — хрипел Мавуш Мукомол. — Нет...

— Чего он шипит?

— Говорит что-то. Что ты говоришь?

— Погоня... зачем... убили солдат?..

Все озадаченно переглянулись.

— Нет... нет... — Мукомол от напряжения аж попуцовел. — Не убили... не убили...

— Говори сразу или с силами соберись, — наклонился к его уху Илло, — ничего не пойдем.

— После...

— После скажешь?

— Нет... нет... — Проговорив это, Мавуш закатил глаза и потерял сознание.

Пришлось ждать вечера. Мукомол немного оклемался и смог членораздельно объяснить, что в трех днях пути назад некто вырезал целый отряд саарарской пограничной стражи. Среди убитых нападавших нашли какие-то вещи, которые указывали на караван.

— Не было битвы у нас тогда, чего ж ты говоришь?! — вскричал Илло. — Знаешь ведь! Тогда мы еще вместе шли!

— Знаю, — согласился Мавуш. Он выжидательно посмотрел на холкуна.

Уловив его взгляд, Каумпор неожиданно осознал, что Мукомол все прекрасно понимает, обо всем догадался. Понимает так же, как и сам Быстросчет. То же.

Многое не сходилось в произошедшем. Холкун точно знал возможности гильдий Фийоларка. Не способны они оплатить найм саарарской армии. Ни сейчас, ни в лучшие годы это было невозможно. Да, нанять разбойников. Нанять шайки саараров. Но не армию. Слишком дорого и слишком опасно даже для самих нанимателей.

Что же происходит? С кем сражались павшие саарары позади каравана? Кто их уничтожил и для чего? Было ли это совпадение или какая-то страшная задумка?

Холкун смутно чувствовал, что свершилось нечто настолько громадное по своим масштабам, что он пока не способен окинуть эту циклопичность даже своим внутренним взором. Сердце защемило. Внутренности стали дрожать. В нос пахнуло чем-то пустым, безбрежным. Это был запах смерти. От конницы каравану не уйти. Никак не уйти. Он это знал.

— Невозможно это, — поднялся Ирпор. — Когда такое свершилось, то нет нам пути домой более. — Ирпор неожиданно умолк. Его глаза расширились. Он внезапно сам до конца понял, что сказал. Пути домой нет. За их спинами три дня назад была проведена черта. Неведомо кем. Эта черта отделила их прежнюю жизнь от нынешней. Но какой, нынешней? — Мы не вернемся домой, братец? — Ирпор со страхом посмотрел в глаза Быстросчета страшась найти там ответ, который он и без того знал. Он вдруг превратился в маленького мальчика, который понял, что заблудился и не знает путь домой. Ирпор с надеждой посмотрел на брата. Тот сидел потупив глаза в землю и нахмурившись.

— Холведская гряда.

Два этих слова пролились на всех их слышавших, как ушах холодной воды на

раскаленную печь. Слушатели вздрогнули и каждый по-своему поежился.

— У меня в голове гремят барабаны войны, — произнес ни с того ни с сего Варогон. Он был растерян. Впервые за все время пути он выглядел потерянным.

Каждый из присутствующих по-своему понял произошедшее, но все они осознали, что оказались на острие событий, грозящих смести прежний мир. Их мир.

Ледяная битва

Тяжелые кучевые снежные облака беспорядочным потоком вливались в долину подле Меч-горы со стороны Великих вод. Они прижимались одно к другому своими мягкими боками, толкались и вызревали до туч — до тех пор, пока не наступало время им обрушиться густым снегопадом на подлежащие земли.

Облака были добродушными пушистыми и приветливыми. От них пахло свежестью и чем-то сладким. Они вели под руку своего лучшего друга — ветер. Вместе они резвились на просторах Великих вод, вместе пугали богобоязненных мореходов, напрыгивая на их корабли и закидывая их охапками воды и тумана. Но здесь, в долине при Меч-горе ветер менялся вместе с облаками. Он превращался в свирепый холодей — буран, вихрями увивавшийся за любым путником, которому несчастливо случилось оказаться в этот час на северной части Холведской гряды. Даже туман, извечный житель гор, и тот, разорванный в клочки свирепостью велиководских дружков, укрывался от их азарта по ущельям и трещинам в горах.

Ледяной замок возвышался поверх тяжелых снежно-сизых туч, заполонивших долины гряды. Стены из толстого льда возвышались над настом вечных снегов на высоту в тридцать локтей и были достаточно толсты, чтобы по ним прошли парадным строем с десятков пехотинцев.

Творец этого чуда Кин был быстро возведен жителями и гарнизоном Эсдоларка на пьедестал ненависти. На работах погибло около сотни строителей: замерзли насмерть, сорвались со склона и упали в пропасти, были съедены негтами, сошли с ума, повстречав топши.

Кин вернулся в Эсдоларк. Неведомо что притягивало его в эту крепость. Неведомо что держало его здесь. Много раз порывался он объявить об отъезде, но всякий раз какое-то смутное чувство похожее одновременно и на злость, и на надежду останавливало его. Оридонец понимал, что все, включая Пероша — бывшего голову крепости — ненавидели его. Ненавидели люто. Ненавидели так, как умеют ненавидеть те, кто смог свыкнуться с жизнью в тяжелых условиях. Их нелюбовь была бесхитростной, но зато сильной и однонаправленной. В глазах каждого из них оридонец видел мечту избавиться от него. Она горела в их зрачках, как нетленная надежда. Кин с улыбкой представлял иногда думы этих простых солдат. Его забавляло думать, что ненависть к нему согревает их души черным огнем.

Своим воинам он приказал быть настороже. Перед началом зимы до него дошло послание от Цура. Впервые за многие зимы оно было написано тайнописью. Лишь месяц спустя прибыл гонец с шифром. Он передал его под видом дарственной шкатулки.

Кин Хмурый заперся у себя в покоях и потратил ночь, чтобы расшифровать послание. Он так и не уснул в тот день, просидев его остаток на скамье перед столом с разбросанными табличками. Его тяжелый непонимающий взгляд буравил стену перед собой; невидяще скользил оридонец глазами по искусной вышивке гобелена, свисавшего с потолка до самого пола.

"Ты, кто читает это сейчас, знай, что Мы порешили так, а не иначе. То есть воля богов наших. Владия стала источником опасности. В ней зародилось и разрастается зло. Мы приказываем тебе убить всех. Земли, что под твоей пятой должны стать пустыней. Земли, которые станут пустыней, должен ты покинуть. Уведя тело да оставь глаза свои в них, ибо зло может быть не повержено. Выполняй"

Кин смотрел на гобелен, не замечая его сочных красок. Пред ним висел кусок материи искусно превращенный руками мастера в осанну жизни, хвалу ее величию и торжественности. Оридонец лучше всех понимал, какая задача поставлена перед ним. Приказ был невыполним.

Его больше всего волновало не странное повеление, но что за ним сокрыто. Навряд ли проклятый старый Цур, невзлюбивший его, Кина, за ум и расторопность, отпустил бы к нему такое послание без злого умысла. Этот приказ предназначен вовсе не ему. Это приказ для Цура.

Зачем же он переправил его Кину?

Этот вопрос больше всего волновал оридонца. Весь день и всю следующую ночь он не сомкнул глаз прежде, чем понял, что это не что иное, как крик о помощи. Цур не мог открыто попросить своего давнего злейшего врага, помощи мне, а потому неуклюже, насколько мог деликатно делал это. Поняв это, Кин усмехнулся и встал с постели. Он подошел к большому окну и открыл огромные ставни. В комнату ворвался холодный ветер.

Ночь стояла ясная. Внизу замерли снежные тучи. Мириады звезд блистали на небосклоне.

Время пришло. Пора покинуть Эсдоларк. Теперь в нем нет никакой необходимости.

****

Снежный наст с неохотой отдавал ветру снежинки, который сумели подняться на вершину перевала вместе с резвыми тучами, перемахнувшими через него. Ледяная крепость молчаливым белым титаном возвышалась над горой. Свет луны отражался от ее стен, делая строение горящим серебром. Это явление здесь в горах завораживало, делало крепость таинственной. Грирники первыми опустили перед ней на колени. Они поклонились ей, как своей прамати.

— Красота-а-а! — протянул Унки, слегка приподнимая голову над снежным покровом.

Он стоял у подножия горы, но в просветы между туч стены крепости были хорошо видны. Еще несколько десятков пар глаз вперились в ледяную твердыню.

— Ты заблудился? — рыкнул на приземистого дремса Гедагт.

— Нет, боор. Я сейчас найду. Нужно немного потерпеть. Он здесь, — отвечал тот.

Звякнула сталь. Гедагт обернулся и посмотрел на замерших на тропе позади него

воинов. Их было не больше сотни, но это были лучшие бойцы, которых он смог собрать в единый кулак.

— Божественное творение, — вздохнул Бохт. Он и его брат, а также все, кто был в отряде были замотаны в шкуры с головы до пят. Шкуры делали их похожими на комки, скрадывая олюдские формы. Из комком во все стороны торчали пики, топоры и двуручные длинные палицы.

— Нашел, боор. — Брезд стал рыться в снегу. — Помогите мне. Двое. Еще двое. Берис за эту выемку. Потянули.

Открылся узкий проход.

— Куда, ты говоришь, он нас выведет? — спросил Кломм.

— Вон туда, — дремс указал пальцем в сторону от замка на перевале. — Чуть ниже, но зато негты не будут донимать. Я нашел ее после прошлой зимы. Здесь случился малый оползень. Все, что под нашими ногами сдвинуто вон оттуда.

— Тихо! В путь, — прервал дремса Гедагт. — Боги Владии да пребудут с нами!

— Боги Владии, будьте с нами, — повторил Кломм и каждый, кто пропадал в черноте тоннеля.

Дремс хмыкнул согласно и первым скрылся в чреве горы. Пройдя десятка два шагов он полил водой рочиропс. Тот вспыхнул ярким желтым светом. Дремс вытащил из-за пояса кинжал с полой рукояткой, насадил ее на древко своего дорожного посоха и выставил получившуюся пику впереди себя.

Отряд стал медленно пробираться вперед, продвигаясь по узкому проходу. Особенно тяжело пришлось брездам. Их громадные туши в этом тоннеле оказались совершенно неповоротливыми.

Пару раз с границы света от кристалла срывалось нечто живое и с шипением скрывалось в какой-нибудь поперечной трещине. Дремс тут же принимал боевую стойку и тяжело дышал, переводя дух.

— Вперед, вперед иди, — толкал его сзади Кломм.

— А-а-а! — вскричал один из воинов и осел. В его горло вцепился длиннобрюхий паук, вылезший из щели в стене прохода. Ближайший товарищ резким ударом раздавил хищника, но раненный так больше и не поднялся. Его труп волочили за собой до самого выхода.

— Дошли, — облегченно выдохнул дремс и навалился плечом на камень у себя над головой. Он с трудом сдвинул его. В затхлость тоннеля пахло морозной свежестью. Прохлада ободрила воинов.

— Быстрее выходите, — торопили задние передних.

Один за другим олюди и брезды стали выбираться вон.

Громада крепости возвышалась слева от них. Ее стены начинались в полутора сотнях шагов выше по склону.

— Давай сигнал, — сказал Гедагт, когда все выбрались наружу.

— Давай! — крикнул в тоннель Унки.

— Можно! — донесся до него еще один крик из утробы тоннеля.

— Начина-а-й! — услышал он совсем уж далеко.

Несколько воинов оставшихся у входа, принялись бить длинным древками о снежный наст, призывая к себе всех негтов.

Отряд, меж тем, двинулся к крепостным стенам. Склон да и сама стена удачно прикрывали подход воинов, наложив на весь путь черную тень.

— Брат на эту сторону нет, — сказал Унки. — Тем лучше... Вытаскивай, Бохт.

Холкун вытащил из заплечного мешка несколько крюков.

— Не забросим отсюда. Высоко, — задрал голову вверх Бохт. — Я по стене пойду. Как зацеплю, дерну веревку.

— Я с тобой, — сказал Унки.

— Нет, я один.

— Пусть один идет, — сказал Гедагт. — Быстрее будет. Начинайте уже! — Было видно, что молодой брезд волновался.

Бохт подышал на пальцы, ухватился ими за деревянные ухватки у крюков и с силой вогнал крюк в ледяную стену.

— Подсоблю давай, — брат подставил ему спину, а потом и плечо.

Холкун стал медленно карабкаться наверх. Ветер на высоте оказался довольно сильным, поэтому его стало сбрасывать со стены. Несмотря на холод холкун пропотел так, словно побывал под палящими лучами солнца.

Через долгое время, измотанный он сделал последний рывок и оказался на вершине стены. Бохт потянулся на руках и хотел было перевалиться через стену, когда едва не уткнулся носом в шлем настенного стража. Холкун задохнулся от неожиданности и замер. На расстоянии ладони от него находилось лицо такого же холкуна как и он. Это был молодой воин, заснувший на посту. Он спал стоя.

Осторожно перебирая руками, Бохт переместился в сторону от него и перелез через стену. Он выбросил вниз веревку, но ее никто так и не дернул. Отсюда ее не ждали.

Вернувшись к стражу, Бохт с жалостью посмотрел на него, поднял нож, целясь в горло, замахнулся, но опустил нож и привалился к стене. Он тяжело дышал.

Пусть бы лучше напал на меня, думалось ему, тогда бы убил не задумываясь. Но бить его спящего не смогу. Разбудить? А ежели поднимет крик?

Спящий солдат резко вдохнул и быстро захрипел. Нож вошел в его горло очень быстро. Только этим и мог один холкун помочь другому.

Веревка была сброшена вниз и по ней тут же стали взбираться.

— Ты чего так долго? — спросил его Унки.

— Вот, — указал на убитого Бохт.

Унки нагнулся к нему и разочарованно выдохнул:

— И так мало нашего брата. На одного меньше стало.

Со стены были сброшены еще несколько веревок. Вскоре весь отряд оказался на стене.

— Стоило ли возводить такую-то твердыню, чтобы не охранять ее, — покачал головой Лоден. В том комке шкур, который он представлял, пасмаса можно было узнать только по голосу.

Брезды выдвинулись вперед, холкуны прикрывали их по бокам, а пасмасы шли следом, натянув луки и вскинув копья.

Путь им преградила башня, вход в которую был закрыт деревянным щитом, выполнявшим роль двери. За дверью слышались голоса и дружный хохот.

— ... холодно. А ему хоть бы что! Стойте здесь, говорят, передать велел. Намертво...

— Коли мы здесь при Холведе останемся, оно и будет намертво.

— Слышал сегодня от Омга, что нам припасы возит, будто оридонец треклятый восвояси улепетывает. Не понравилось ему у нас. Не для оридонского здоровья наше-то житье-бытье. — Раздались смешки.

— Слышал я будто ему послание доставили, вот он и сорвался с места. Не довольны им, вроде, в их Оридонии или как ее зовут они.

— Ордон...

— Нет, это главная твердыня ихняя, а земли как зовутся?

— Оридония...

— Вот и я говорю, что она...

— Спустимся прямо отсюда, — прошептал Гедагт брездам. — Много их там. Шум поднимут. Нам в самое сердце надо. С ними потом разберемся.

Снова были выброшены веревки и отряд совершил спуск.

Внутренний двор крепости представлял собой жалкое зрелище. Несколько покосившихся кибиток-домов, грязный хоздвор — вот и все, что обнаружили нападавшие.

— Не здесь сердце их, — пробормотал Гедагт.

— Боор, смотри туда, — Кломм указал топором на приземистую башенку, прилепленную к стене на другой стороне замка. Ее назначение было непонятным, хотя на первый взгляд она закрывала собой ворота твердыни.

По тому, сколько грязи было у ее дверей и окон можно было угадать, что она необычайно обитаема.

— Как войдем, мы с ближайшими схватимся, а вы бросайте свое оружие в дальних, дабы шуму поменьше было и возни, — обратился боор к Унки. Тот кивнул и передал его команду холкунам и пасмасам. — Дави их к стене, ребята, — обратился к своим брездам Гедагт. Лицо его порозовело от боевого ража.

— Стой, боор, — ухватил его за плечо Кломм. — Идут вон. Увидят нас. Прячься!

Отряд отошел в густую тень между строениями.

— Под той стороной стены пройти должны, — указал на тень от противоположной стены Лоден. С ним все согласились.

Они добрались до дверей приземистой башенки и разделились надвое, потому что двери было две.

Брезды вошли вальяжно, словно бы свои. Внутри было душно и пахло терпким потом, мочой, фекалиями и жаренной едой. Солдаты сидели вокруг очагов с рочиропсами и грелись. Первые несколько мгновений никто не обратил внимания на вошедших.

Гедагт улыбнулся их беспечности и расплющил голову первому попавшемуся воину. Вбежавшие следом холкуна и пасмасы закидали сидевших копьями и стрелами.

В соседней зале поднялся такой же шум. Послышался звон металла.

На Гедагта набросилось сразу три солдата. Он защитился от их ударов, выставив топор поперек, а после набежал на них и своим телом сбил с ног. Брезд слышал как хрустнула рука под весом его наваливающего тела. Один из воинов охнул и застонал. Боор вытащил нож из-за голенища и прирезал всех троих. На том дело в этой комнате было сделано.

В соседней враги оказались расторопнее. Им удалось даже убить двух пасмасов, но когда им в тыл ударили Гедагт и Кломм, строй воинов быстро рассыпался.

— Пощадите! — выкрикивали некоторые.

Но пощады не было.

— Тревога! Тревога-а-а! — заорали с крыши башенки.

Гедагт вздохнул. План был хорош, но почти невыполним.

Двери наверх оказались забаррикадированы.

— Оставь здесь пикинеров. Пусть выставят пики к дверям, чтобы не ударили в спину, —

сказал боор, проталкиваясь к выходу. Оттуда в помещение уже затаскивали двух раненных стрелами воинов. — Не выходить! Будем драться здесь!

Двор замка быстро заполнялся вражескими воинами. Они бежали со всех сторон и немислимо было представить, как вся эта орава уместилась в этом замке.

У дверей приземистой башни закипела схватка.

— Не держи вход. Пусть зайдут. Нам полегче будет, — советовал Кломм своим брездам.

— Окна гляди. Ставни ломают, — кричали с одной стороны.

— За дверями шум. Скоро отопрут. Сюда! — кричали с другой.

Единственным, кто бездеятельно стоял во всей этой суматохе был Лоден. Он оперся на пику-топор и с интересом наблюдал за происходящим.

В окна стали влетать копыя. Они поранили одного воина. Окна стали закрывать щитами. Холкуны-пикинеры отступали под натиском эсдоларкских войск — не новичками были их враги! — а после вперед выходили брезды. Хватало всего двоих, чтобы быстро зачистить пространство перед дверью.

Но эсдоларкцы быстро разгадали задумку и едва брезды в третий раз вышли вперед, их забросали копыями. Похожие на ежей трупы брездов снопами повалились к двери. Помещение сотряслось от рева Гедагта и Кломма, а также остальных брездов. Несколько из них, в нарушение приказа, выскочили во двор, но пали не успев даже никого убить.

— Двери! Они сзади нас! — разнеслось по комнате.

Двери с верхнего этажа и впрямь открылись и на лестницы перед ними хлынули войска. Холкуны приняли их на пики, но стали отступать.

Лоден только и ждал этого момента. Ухватившись за топорище, он подошел к леснице и что было сил ударил снизу вверх. Один из вражеских воинов завопил и повис на периле. Второй, заметив этот коварный удар, зарычал и спрыгнул вниз, но второй удар Лодена прибил его навеки к земле. В пасмаса полетели топорики и метательные ножи. Он быстро скрылся под лестницей.

— Пустите-ка меня, — в толпу пикинеров вошел Кломм. Он был весел. В руках своих он сжимал отнятые у врагов топоры. Первым же ударом обеих рук он уложил сразу троих солдат.

— Держите своего взад! — прокричал еще один брезд и закинул в свалку на лестнице труп убитого эсдоларкца.

Кломм продолжал пробиваться вперед. За ним, как за тараном двинулись пасмасы и холкуны. На второй лестнице происходило примерно то же самое.

Дойдя до двери на втором этаже, Кломм остановился и спрыгнул вниз, предоставив пикинерам самим входить в комнаты. Те остановились и ждали, пока через их головы в помещение залетали дротики и копыя. Только после этого вступили в схватку.

Унки и Бохт сражались у окна. Его расширили почти до величины двери.

— Копье! Руби! Назад! Берегись! — кричали они друг другу и мельтишили перед глазами лезущих в атаку врагов. Их удары, перемежавшиеся с выставлением щитов, не наносили противнику большого урона, но, главное, не давали врагам пробиться внутрь.

Гедагт и другие брезды перебежали от одной свалки к другой, чтобы не дать эсдоларкцам продавить оборону.

Внезапно одна из стен башни покрылась трещинами и просела.

Кломм, сражавшийся рядом с Унки и Бохтом, первым заметил это.

— Держите их. Еще немного держите их, холкуны, — крикнул он братьям, броясь в

сторону лестниц. Брезд скоро протолкался внутрь помещения на втором этаже.

Держа два топора пыром, он принялся с неистовой силой и быстрой наносить удары воинам твердыни, заставив их спрятаться за щитами.

— Дави их... — хрипел он. — Дави-и-и...

— Боор, — подскочил к Гедагту Лоден, — они стену рушить будут.

— Ага, — отмахнулся тот.

— Боор, стену башни. Уходить надо из-под сводов.

Только тут Гедагт понял его правильно.

— Разнеси мою команду всем, Лоден. Уходим наверх.

Лоден бросился прочь, передавая команду другим воинам.

Гедагт с брездами отступил на второй этаж. Бохт бросился за ними. И в этот момент над головами сражающихся раздался громкий хруст и стена первого и второго этажа башни ввалилась во внутрь, погребая под своими обломками воинов обеих сторон. Раздался всеобщий крик ужаса и все пространство поглотила снежная пыль и грохот.

— Унки-и! — закричал Бохт, бросаясь на лестницу, но тут же наткнулся на угол крупного куска потолка. — Унки-и-и! Бра-а-ат...

Битва перекинулась уже на третий этаж. Получив надежный тыл из свалившейся стены и провалившегося потолка, брезды успешно делали то, что они любили больше всего. Десятки трупов устилали полы ледяных комнат. Они лежали вповалку один на другом. У дверей и иных проемов убитые обеих сторон образовывали целые завалы, через которые было сложно перебираться.

Вдруг над крепостью разнеслось "дву-у-у-н". Труба неистово ревела, разнося свое слово далеко над обеими долинами гряды.

— Скоро помощь к ним придет! — говорил между ударами топора Лоден.

— Не уйдем. Не бросим, — прохрипел Кломм. Было видно, что он сильно устал.

Приземистая башенка была отвоевана у гарнизона и сражение происходило теперь на лестничных пролетах в стене.

— Врата стерегите! — раздался зычный голос Гедагта.

— Не знает усталости, — восхитился Кломм. Именно этой своей неутомимостью в бок и выделялся Гедагт среди остальных брездов. — Передышка нам нужна, боор! — крикнул он. — Сменять бы друг друга!

Гедагт оглянулся на его крик. Весь он был красным от крови. И на этом фоне глаза его горели недобрым огнем. Даже вид его пугал врагов. Нанеся еще несколько ударов, боор вдруг покинул битву.

— Чего говоришь-то? — подошел он к Кломму.

— Беречь силы надо. На помощь они позвали. Торопимся мы. Сменяться надо.

Несколько мгновений Гедагт что-то прикидывал и согласно кивнул головой:

— Проходы становятся узкими. Там и одного нашего хватит. Так и сделаем, как ты говоришь.

Отряд или то, что от него осталось, был разделен на четыре части. Две из них остались в резерве, а еще две были поставлены так, что одна нападала, а другая прикрывала тыл всего отряда.

— Врата бросить надобно, — подбежал к боору воин-холкун с большой седой бородой. — Не удержим все сразу, боор.

Гедагт насупил брови. Было видно, что ему почти физически больно отпускать

недобитых врагов, но он сказал:

— Бросай ворота, холкуны.

— От ворот... броса-ай! — заорал холкун, убегая.

Едва врата оказались отбиты, как большая часть гарнизона бросилась бежать вниз по склону. Около четырех сотен воинов бежали, утопая в глубоком снегу. Отступление товарищей произвело на оставшихся удручающее впечатление. Некоторые из них бросали оружие и сигали со стен вниз, разбиваясь вдребезги.

Замок постепенно погружался в тишину. Лишь в дальних его концах слышался еще звон оружия, да изредка кого-нибудь вышвыривали со стен.

— Кломм, — из темноты стенного коридора неожиданно появился Гедагт. — Тех, кто стоял без дела направо на разбор завалов башни. — Мы не оставим им никого из наших.

Кломм кивнул и бросился исполнять приказ. Более того, он приказал тут же приступить к изготовлению салазок, на которых можно будет перевозить раненных и убитых к тайному ходу.

— Держаться будем здесь, пока не перетащим всех, — обратился к воинам Гедагт.

— Твердыню будем рушить, боор, — спросили его со стороны пасмасов.

— Нет. Пусть стоит. Им ловушка, нам — подмога. Али не понравилось вам брать ее? — прищурился Гедагт.

— Поверженная твердь люба поболее бабы поверженной, — проговорил кто-то из воинов и все захохотали.

— Снесите припасы. Оружие все снесите. Шкуры берите. Пригодится все нам, — напутствовал их Гедагт. Его голос был весел. Однако Лоден, стоявший рядом с ним, вдруг, с удивлением отметил, что тело боора дрожит от усталости.

Бохт, меж тем, без устали молотил топором по кускам льда, которые погребли под собой его брата. Спасателей становилось все больше и больше.

Наконец, начали извлекать изуродованные раздавленные тела. Выживших не было.

— Унки, — шептал Бохт. По лицу его катились слезы. Он снял шкуры, чтобы они не мешали ему двигаться. — Унки!

Наконец боги даровали надежду: один из вытащенных оказался живым. Помытым, но живым.

— Гри-и-ирники-и-и-и! — закричали со стен. Острые глаза дремсов издали заметили приближение отрядов олюдоедов.

— Нас осталось пять десятков. Двадцать воинов разбирают завалы башни. Остальные поранены, но на стенах и у врат. — Кломм говорил спокойно, но всем и каждому было ясно, что долго удерживать крепость не удастся.

****

Мерный успокаивающий звук падающей с высоты воды, приглушенный словно бы молоком густого тумана доносился до его слуха. Пение птиц, их щебет — все это было сокрыто словно бы за тяжелым занавесом.

Людомар чувствовал необычайную легкость во всем теле. Оно казалось невесомым. Его

будто бы не существовало.

Сын Прыгуна слышал течение каждой струйки воды. Ее трения о каменистое замшелое дно. Не было почему-то того гула, какой стоит подле каждого водопада. Здесь вода словно бы низвергалась в никуда.

Было и не жарко, и не холодно. Было никак. Но очень уютно.

Он открыл глаза и увидел себя сидящим верхом на водопаде. Охотник посмотрел вниз, но не увидел ни своего тела, ни водопада под собой. Вода срывалась вниз, но ее потоки пропадали из вида и даже глазам людомара было неизвестно, где кончается свободный полет струй.

Сын Прыгуна поднял голову и осмотрелся. Бескрайнее глубоко бирюзово-голубое небо поглотило пространство перед ним. Лишь вода и небо. Только эти две стихии, коим ни что на земле не может противостоять. Где заканчивалось небо оставалось таким же неизвестным, как и то, куда ниспадали воды гулко-мягкого водопада.

Людомар сильно наклонил голову и увидел, что он является частью водопада; что ноги его — это две прозначные струи, сквозь которые видно зелено-серое каменистое дно, а тело его — сгусток воды, который приподнялся вместе с ним, дабы посмотреть на небеса.

Быть частью водопада было хорошо и безмятежно. Охотник вдруг ощутил себя могучей, но спокойной стихией. Он почувствовал, что тело его начинается где-то далеко в отрогах гор. Оно маленькое и очень холодное. Оно бежит по каменным склонам, весело и бесстрашно бросается вниз с отвесных обрывов. Оно поет одному ему понятную журчащую мелодию.

— Ты уже здесь, Маэрх. Я тебя ждал. Давно ждал.

Вопрос, возникший из ниоткуда в его мозге нисколько не испугал людомара. Он был естественен и даже ласков.

— Я пришел, как ты и велел мне, Донад, — отвечал он мысленно, не ощущая тяжести сознания.

— Поведай мне, как сейчас там, где я оставил и тебя, и себя.

Людомар обратил свой взор на небосклон. Там, прямо над ним кружились перистые облака. Они порхали, как порхает стая птах, видоизменяясь в множестве своем по одной ей известной причине. Неожиданно облака превратились в лицо беллера из Боорбрезда. Лицо было добрым и улыбалось.

Людомар с необычайной ясностью вспомнил каждую минуту прожитой жизни. Эти яркие воспоминания вереницей проходили перед ним. Он видел себя словно бы со стороны.

Охотник видел Чернолесье и себя, идущего по его кронам. Волосы развивались на ходу, а лицо было счастливо-упоенное. Радость поднялась в его душе и он почувствовал, как улыбнулся. То было прекрасное время.

— Так оно и было, — ответил на его мысли беллер. — Но ты хочешь спросить меня, отчего я забрал многие зимы из твоей жизни.

— Да. Я хотел спросить такое.

— Они были твоим сокровенным знанием, потому я не оставил их тебе. Силы, которые будешь принужден остановить ты, силы эти настолько мощны, что имя твое, мысли твои не должны принадлежать тебе. Ибо ежели увидели бы они тебя и мысли твои во взоре своем, постигла бы тебя участь страшнее которой нет участи. Я слышу тебя. Ты спрашиваешь, когда?

Я ошибся, решив, что время настало. Ты готов — это верно, но они не готовы. Все они.

Там, откуда ты сейчас пришел. Я не расскажу тебе больше ничего, потому что не время для такого. Но ты будешь при мне здесь, пока не будет на то божьего повеления. Тогда открою я глаза твои и вдохну слова в уста твои; тогда увидишь ты, чего не видел ранее; заговоришь о том, чего никто никогда не слышал. Тогда поднимешь ты топор против силы, которую не победить сейчас тебе.

Да, ты будешь ждать. Ждать, ибо это тоже есть благородное занятие. Слишком сильны еще те, кому ты должен указать путь. Ждать — это не бездействовать. Ждать — это знать, когда каждое движение твое придется в пору. Когда оно принесет победу!

Людомар закрыл глаза, но свет не померк. Он по-прежнему проникал к нему, и хотя свечение было ярким, не было ни рези в глазах, ни какого иного дурного ощущения.

— Поведай мне, что кинул я в ту зиму, — снова проникли в его мысли слова беллера.

Перед глазами людомара встала темная комната, увешанная многолетней паутиной и усыпанная пылью; звук далеких голосов и перестука; запах тлена и затхлости.

— Здесь я нашел покой, — выдохнул облегченно Донад. — Вот я лежу. Смотри. Вот мои кости. — И он указал на скелет, который охотник переступил, выходя из закутка. — Но... продолжай... я слушаю и я смотрю... — Беллер приблизил свое перистое облачное лицо к глазам людомара и заглянул в них. — В тебе та жизнь, какую проживу я после...

***

Значительно поредевший отряд возвращался от Меч-горы. Холкуны понуро брели, опустив голову. словно бы выражая их душевное состояние, поникли книзу острия пик.

Дико выла метель, засыпая отряд густым пушистым колючим покрывалом. Ветер бросал снежинки в глаза идущим и сглатывал их тяжелые вздохи.

Лоден шел в двух шагах от основной колонны и внимательно поглядывал по сторонам. Он проиграл столько битв, что проигрыш еще одной ничем не тронул его, ничем не задел.

На Бохта было больно смотреть. Казалось земля притянула его тяжелыми кандалами, накинув их не только на руки и ноги, но и на шею холкуна. Он так и не отпустил, не выкинул прочь нож, которым перерезал брату горло. Бохт нашел его. Бохт его вытащил, но Унки был сильно раздавлен. Его правой руки не было, а левая представляла собой куски разорванной плоти. В животе зияла большая рана, которую проделала ледяная сосуля, растворившаяся в теплоте его чрева.

Отряд Гедагта никого не унес с собой. Раненных пришлось добивать, а павших — оставить на съедение грирникам.

Олюдоеды не полезли на штурм, а сделали то, чего никто от них не ожидал. Они окружили замок и ждали, пока его защитники сами выйдут к ним.

Гедагта атаквали саарары, пришедшие из Эсдоларка. Большею частью это были воины, бежавшие прочь при первой схватке. Их бросили вперед и безучастно смотрели, как ряды их редуют под стрелами дремсов.

Твердыня не пробыла в руках боора и одного дня. Он разумно оставил ее, пробившись вниз по склону. Негты не тревожили отступавших, увшись трупами, коих в округе у крепости лежало не менее семи сотен.

Предгорье Меч-горы также не препятствовало проходу отряда, и хотя отступавшие позаботились об своей охране, но за все время пути на них никто не напал.

К началу третьего дня отряд дошел до долины Надежды.

Гедагт вошел в расщелину, скрывавшую собой врата убежища беглецов, обнялся с отцом, вышедшим ему на встречу, и в тяжких думах, сам не зная, почему, пошел к небольшой каморке, подле которой стояла стража.

Он вошел в нее, заняв своим телом почти все пространство, и уселся у богато обставленного ложа, на котором лежало тело людомара.

— Не открывал глаз? — спросил боор, когда по тени в двери догадался, что пришел отец.

— Нет, сын. — Глыбыр положил свою тяжелую ладонь на плечо молодого боора. — Всему свое время. Богам угодно было, чтобы вы спасли его. Лоден, Бохт, погодите, Гедагт здесь, — обратился он себе за спину.

— Мы придем позже, боор, — отвечали ему те. — Не поднимался ли Маэрх?

— Нет.

Грустные выдохи удалились прочь.

— Мне тяжело без него. Он вселил в меня надежду. Боги Владии вернулись к нам. Они снова здесь. Я думал, они помогут нам овладеть ледяной крепостью, а потом и Эсдоларком. Мы не сделали даже и первого... Отец, боги изменили нам?

Старый Глыбыр улыбнулся. В его улыбке не было ничего, что помогло бы облегчить душу Гедагта.

— Нам неведомы думы их, мой мальчик. Их дела навсегда покрыты тайной для нас. То, как они нас ведут — это только лишь их путь. Мы можем идти или нет.

— Я иду, отец. Я иду! Не вижу только, куда...

— Возможно, ты не туда пошел, куда указывали они.

— Укажи мне.

— Я не знаю, сын, сам не знаю. — Глыбыр потянул молодого боора к выходу. — Дурные вести принес мне гонец из Синих равнин. Не ропщи на богов, — строго предупредил он. — Не наше это дело, их судить!

Пасмас, донесший послание из одного из городов на равнинах, лежал в беспамятстве и умирал. Холвед играл с ним и заманил в ледяную ловушку. Его нечаянно нашли охотники, когда подумали, что это дичь, попавшая в ловушку.

— Пусть боги будут добры к нему в лугах Владыки. Пусть отойдут ему лучшие земли и воды, — Гедагт склонил голову. — И вестники наши, и мы...

— Молчи, — вдруг грубо окрикнул его отец. — Никогда род наш не будет склонять голову перед опасностью али перед тяжестью неподъемной. Умри, но не жалься богам!

Гедагт нахмурился. Трепка пошла ему на пользу.

— Сядь вон туда, — указал на один из тюков Глыбыр. — Гонец принес нам послание от холкунов. Передают они нам, что саарары армии по Прибрежью собирают и городам приказано отрядить им по несколько тысяч воинов. Армии собираются огромные. Куда метят оридонцы, то понять без труда можно. Поход будет в земли реотвийские.

— Они предали нас. Нэкз Оогода предал нас саарарам. Не понесу я ему эту весть, — Гедагт от возмущения вскочил на ноги. Его лицо пылало.

— Сын, — голос Глыбыра загремел под сводами зала, — боором быть — не только в битвы ходить. Разумным быть должно и холодным в мыслях своих. Не горячись. Оно ведь

нам на руку выходит.

— Не думаешь ли ты, отец, что реотвы драться смогут.

— Не знаю, смогут ли, но будут, потому как откупиться уже не получится. Не для того столь велики армии собираются, чтобы дань собирать, да грозить кому-то. Такими армиями крушат. В полную силу бьют.

— И к нам придут, или...

— Придут. Из Эсдоларка придут. Я знаю. Не трать слова на это. А потому мы уйдем из долины в Холмогорье. Род реотвов с дальних отрогов отдал нам замок свой. Далеко это отсюда, но в нашем положении...

— Отец, — в глазах Гедагта появились слезы, — мы принимаем дар уже и от реотвов. Сколько же еще даром подобных мы примем.

— Сколько потребуется. Не время и не место гордости твоей. — Тяжелый кулак Глыбыра опустил на стол и тот крикнул под ним. — Теперь иди и отдохни.

Гедагт словно пьяный вышел из залы. Невидяще, будто бы слепой добрался до своей пещеры и рухнул на гряду шкур, изгнав из них нескольких ящериц.

Кломм посмотрел на своего командира, вздохнул и обернулся к Лодену и Бохту.

— Вы все слышали, други. Не быть нам здесь по-весне. Не время печалиться. Боги требуют от нас непереносимое вынести, неподъемное поднять. На том наша Владия всегда стояла и стоять будет. Когда не мы, то некому!

Лоден кивнул и посмотрел на подавленного Бохта. Тот по-прежнему сжимал в правой руке окровавленный нож.

— Погрести его нужно, — сказал он, указывая глазами на нож. — На нем кровь Унки. Пусть за него ляжет здесь. Ему и поклонимся.

Бохт замотал головой, замотал нож в грязную тряпицу и сунул себе запазуху. Прodelав это, он тут же опустил наземь и отвернулся.

****

Путь в отроги Великих или Доувенских гор был тяжел. Еще тяжелее он был от того, что беглецы из долины Надежды проделывали его в зиму. Несмотря на то, что зимы в Холмогорье были мягче, чем на Холведской гряде, все же морозы были крепки. Поэтому даже воду приходилось рубить топорами.

Боги Владии пребывали со своими последними защитниками, ибо в пути с ними не приключилось ничего из ряда вон выходящего, и к началу весны они благополучно достигли отрогов.

Реотвы, встретившие их, были представителями тех старинных родов, которые напрочь отменяли мысль о проживании в городах. Их самым любимым местом для жизни были высокогорные равнины, которые тянулись здесь на десятки километров.

Замок, который был отдан Глыбыру, представлял собой полуразвалившуюся трехрусную пирамидку, состоявшую больше частью из тела небольшого холма, закованного в непрочную каменную кладку. Как фортификационное сооружение замок не представлял из себя никакого укрепления, однако прибывшие были довольны и этим.

— Едва зеленью опорошит поля эти, будем сеять и пахать. Строить будем, — сказал Глыбыр. За долгие годы лишений он научился радоваться малому.

Гедагт отправился с посланием к нэкзам реотвийских городов, а после прислал с Лоденом сообщение о том, что "не быть двум боорам в одной твердыне. Ты и правь!" Он поступил на службу к нэкзу города Рогода. Кломм и Бохт остались при нем.

Выслушав слова Лодена, Глыбыр спросил лишь одно: — Ты останешься со мной?

Пасмас утвердительно кивнул головой.

Когда весна опала на предгорья, пришельцы с Холведской гряды развили такую кипучую деятельность, что реотвы только диву давались. Постепенно на месте завалюхи появлялись очертания будущего замка.

Глыбыр смотрел в будущее. С трудом, но ему удалось наладить сообщение с Синими равнинами.

В конце весны саарары и оридонцы вторглись в Холмогорье с двух сторон: с моря и со стороны Меч-горы.

Старый боор перестал получать весточки от сына, которые ему передавал Кломм. Старик еще больше сторбился от неведения и стал больше времени проводить в комнате, где лежало тело людомара. Он о чем-то разговаривал с ним. Часть в голосе Глыбыра чувствовалось отчаяние, мольба и слезы.

А небо несло над этой суетой, с беспристрастностью великого бога оглядывая тлен, который постигал живых тварей, копошащихся под его бескрайними крылами. Владыка продолжал оглядывать свои земли, являя им желтое жаркое и серое холодное око.

Владия же погрузилась в ужас очередной войны.

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigolub.net